

Б. Б. ФИЛИМОНОВ

КОНЕЦ БЕЛОГО ПРИМОРЬЯ

Изд. Русского книжного дела в США
Victor Kamkin, Inc.

1971

Книга отпечатана в количестве 1 000 экземпляров

Адрес книжного магазина:
Victor Kamkin Inc.
12224 Parklawn Drive
Rockville, MD 20852 U.S.A.

Printed in Spain

Depósito legal: M. 28.607 - 1970

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Стр.

НА «МИРНОМ» ПОЛОЖЕНИИ. АПРЕЛЬ-АВГУСТ
1922 ГОДА

Глава I. ВОЙСКА ВРЕМЕННОГО ПРИАМУР-
СКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПОСЛЕ ХАБАРОВ-
СКОГО ПОХОДА

1. Общее положение. — 2. Правительство, Коман-
дование и армейская масса. — 3. Переформирова-
ния. — 4. Ассигновки. — 5. Намерения Командо-
вания 13-31

Глава II. МАЙСКИЙ «НЕДОВОРТ» 1922 ГОДА

1. «Заговор Правительства» и «семеновцев» про-
тив «каппелевцев». — 2. События 30-го мая во
Владивостоке. — 3. События в Никольске-Уссу-
рийском. — 4. Приглашение Генерала Дитерихса
и его приезд 32-50

Глава III. ЗЕМСКИЙ СОБОР

1. Состав Земского Собора. — 2. Политическое
настроение членов Собора. — 3. Политическое
настроение войск и флота. — 4. Избрание нового
главы Правительства и передача ему власти в
торжественном заседании Собора. — 5. Присяга
нового Правителя 51-63

Глава IV. ПРОГРАММА ПРАВИТЕЛЯ И
СТРУКТУРА НОВОЙ ВЛАСТИ

1. Речь Правителя на заседании 8-го августа. —
2. Указ № 1. — 3. Речь Правителя на заседании
9-го августа. — 4. Указ № 2. — 5. Закрытие Со-
бора 64-80

Глава V. БУДНИ АРМЕЙСКОЙ ЖИЗНИ

1. Поволжская бригада под Владимиро-Александровском и на Сучане. — 2. Уфимцы и Егеря на побережье Японского моря. — 3. Части 2-ой Сибирской бригады в Гродековском районе и Приханкайлье. — 4. Уральцы и самообхрана Янковского в районе Барабаш-Посъет. — 5. Бочкарев на Камчатке и Пепеляев в Охотске. — 6. Кое-что об Ижево-Воткинцах. — 7. Артиллерийские части и их жизнь. — 8. Несколько сохранившихся приказов о мелочах жизни и быта частей. — 9. Несколько цифр относительно постановки информации в частях. — 10. Оклады жалованья и получение его воинскими чинами	81-99
---	-------

Глава VI. В ОЖИДАНИИ НОВОГО ПОХОДА

1. Уход японцев из Приморья. — 2. Дезертирство и мобилизация. — 3. Новые переформирования в Армии	100-110
---	---------

ЧАСТЬ ВТОРАЯ**ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД. СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ
1922 ГОДА****Глава I. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ ОБРАЗ ДЕЙСТВИЯ ОБЕИХ СТОРОН И ПЕРВЫЕ ОПЕРАЦИИ БЕЛЫХ**

1. Приказ Земской Рати № 22. — 2. Общий план борьбы белых с красными. — 3. Амурская военная организация. — 4. Общий план борьбы красных с белыми. — 5. Очищение белыми Приханкайля от красных партотрядов. — 6. Уссурийская операция частей Земской Рати	113-138
--	---------

Глава II. СИБИРСКАЯ КАЗАЧЬЯ РАТЬ НА ПРИКРЫТИИ ОСНОВНОГО ПУТИ СООБЩЕНИЯ ЗЕМРАТИ И ЕЕ ПОХОД НА АНУЧИНО

1. Части Сибказрати. — 2. Сектор Сибказрати. — 3. Предполагаемое задание Сибказрати. — 4. Первый бой под Ивановкой 17-го сентября. —	
--	--

	Стр.
5. Анучинская операция. — 6. Итоги Анучинской операции	139-178
Глава III. НАЧАЛО КРАСНОГО НАСТУПЛЕНИЯ НА ЮЖНОЕ ПРИМОРЬЕ	
1. Операция под станицей Свягино Поволжской Рати. — 2. Второй бой под Ивановкой	179-191
Глава IV. БОЛЬШОЙ БОЙ 8-ГО И 9-ГО ОКТЯБРЯ ПО ВСЕМУ ФРОНТУ ОТ СПАССКА ДО ИВАНОВКИ	
1. Третий бой под Ивановкой. — 2. Атаки красных партизан на Ляличи, Монастырище и Черниговку. — 3. Двух-дневный бой под Спасском и его оставление	194-234
Глава V. СДЕРЖИВАНИЕ СИБИРСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ РАТЬЮ НАСТУПЛЕНИЯ КРАСНЫХ В ОКРУГЕ ПРОХОРЫ — МОНАСТЫРИЩЕ	
1. Предварительные распоряжения Генерала Смолина. — 2. Бой под Дмитровкой. — 3. Позиции под с. Черниговка и его оставление белыми. — 4. Полковник Мельников в Вадимовке. — 5. Отход частей из района с. Черниговки по линии железной дороги на юг и далее к с. Вознесенскому. — 6. События под Вадимовкой 12-го октября и отход Полковника Мельникова на с. Благодатный.	235-271
Глава VI. ПОДГОТОВКА БЕЛЫХ К РЕШИТЕЛЬНОМУ БОЮ	
1. Вопрос с пополнением частей Земрати. — 2. Обстановка в Приханкайском и Гродековском районах. — 3. Обстановка в Шкотовском и Тыловом районах. — 4. Поволжская группа в Никольск-Уссурийском. — 5. Положение на участке Сибказгруппы за 9-11-ое октября	272-287
Глава VII. БОЛЬШОЙ БОЙ ПОД МОНАСТЫРИЩЕМ И ХАЛКИДОНОМ 13-ГО И 14-ГО ОКТЯБРЯ	
1. План Воеводы. — 2. Движение частей Генералов Молчанова и Глебова на исходные позиции.	

3. Атака Монастырища частями Поволжской и Дальневосточной групп 13-го октября. — 4. Сибирская группа (Ген. Смолин) в Вознесенском. — 5. Весть от Полковника Мельникова. — 6. Приключение отряда Полковника Севостьянова. — 7. Положение на участке Генерала Молчанова в ночь с 13-го на 14-ое октября. — 8. Распоряжения Белого Командования на утро 14-го октября. 9. Занятие с боем села Лучки отрядом Полковника Мельникова и переход в наступление Сибирской группы (Ген. Смолин). — 10. Катастрофа под Монастырищем. — 11. Отход с боем частей Полковника Аргунова. — 12. Разгром отряда Полковника Мельникова. — 13. Положение под Ивановкой. — 14. Приказ Воеводы о выводе войск из боя	288-319
--	---------

Глава VIII. ОТХОД ЧЕТЫРЕХ РАТЕЙ ИЗ ПРИМОРЬЯ

1. Отход Сибказачьей и Поволжской групп за реку Суйфун. — 2. Переход Никольск-Уссурийского в руки красных. — 3. Отход Сибирской группы в Гродековский округ. — 4. Два приказа Воеводы от 17-го октября. — 5. Самовольный отход Генерала Глебова на Владивосток и обстановка в последнем. — 6. Переговоры Генерала Смолина с Генералом Чжан-Зун-Чаном. — 7. Приказ Генерала Толстого о контр-наступлении Сибирской группы и его результаты. — 8. Дальнейший отход Поволжской и Сибказачьей групп в Ново-Киевскую округу. — 9. Оставление Владивостока и переход частей Земрати русско-китайской границы у Хунчуна. — 10. Прибытие Дальневосточной казачьей группы в Гензан. — 11. Поход Войскового старшины Бологова. — 12. Еще несколько слов об Амурской Военной Организации.	320-367
Приложение: — Выдержки из книг, опубликованных в СССР, относящиеся к описываемым в этой книге событиям	369-371

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Черновик данной книги составлен был мною в течении 1929 — 1930 годов. В дальнейшем я предполагал значительно расширить первоначальный текст моих записок, путем включения в работу ряда показаний многочисленных участников событий, кои я намеревался со временем собрать, а так-же через добавление различных сведений из уже вышедших в свет работ и воспоминаний других авторов. В результате, по моему замыслу, должно было-бы получиться нечто вроде капитального труда по образцу моих книг о Хабаровском походе Белоповстанцев в зиму 1921 — 1922 годов. С тех пор прошло уже полных десять лет, но провести полностью в жизнь то, что мною намечалось, мне не удалось по недостатку времени и денежных средств.

Ныне я решил, не ожидая далее стечения благоприятных обстоятельств, кои, возможно, никогда и не пожалуют, выпустить в свет мою рукопись, в коей я сделал самые незначительные поправки, дополнения и изменения.

Прошу заранее простить меня за те погрешности, неточности и пропуски, кои несомненно окажутся в моей работе. Прошу строго не судить, но памятовать, что часть вины в этом ложится на тех лиц и те военные и культурные организации, кои не сочли нужным оказать мне свою помощь и содействие, дабы сохранить для будущего в более подробном и точном виде свои-же собственные дела и труды

своих друзей и соратников, прежде отошедших в лучший мир. Вместе с тем приношу глубокую благодарность тем лицам, кои помогли мне в моей работе по мере своих сил.

Б. Филимонов

15-ое Сентября 1940 года
город Ш а н х а й .

**
*

Настоящая книга Поручика Бориса Борисовича Филимонова является продолжением его двух книг «Белоповстанцы».

Книга охватывает положение и события имевшие место летом и осенью 1922 года в Приморской области.

Автор в свое время не успел издать книгу и трагически скончался на О. Тубабао. Спустя много лет, напечатанная на пишущей машинке, книга попала в мои руки. Будучи связан с Б. Б. Филимоновым пребыванием в 1-ом Артиллерийском Училище (1919 г.) и затем совместной службой в Гродековской группе войск и в Отдельной батарее 1-ой Отдельной Стрелковой Бригады (Глудкинской) в годы 1920 — 1922, я посчитал своим долгом постараться издать этот труд Б. Б. Филимонова и выпустить книгу к 50-летию нашего Исхода из России в Китай в ноябре 1922 года.

Издание этой книги взял на себя наш сослуживец по Глудкинской батарее Виктор Петрович Камкин, всегда имевший желание оставить след жертвенного служения Родине Белых частей.

Помогать изданию согласился Генерального Штаба Полковник А. Г. Ефимов, содействовавший в выпуске прежних изданий Б. Б. Филимонова.

Поручик Е. А. Леонтьев

Март 1970 года
Сан Франциско.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**НА «МИРНОМ» ПОЛОЖЕНИИ
АПРЕЛЬ — АВГУСТ 1922 ГОДА**

1. ВОЙСКА ВРЕМЕННОГО ПРИАМУРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПОСЛЕ ХАБАРОВСКОГО ПОХОДА

1. Общее положение. — 2. Правительство, Командование и армейская масса. — 3. Переформирования. — 4. Ассигновки. — 5. Намерения Командования.

К 1-му апреля 1922 года Хабаровский поход Войск Временного Приамурского Правительства был закончен. Так называемые «Белоповстанцы», после ряда побед и поражений, отошли в Южное Приморье и теперь расходились по своим старым квартирам, т. е. 3 стр. корпус вернулся во Владивосток и Раздольное, 2-й Сибирский стрелковый корпус стал гарнизонами в Никольск-Уссурийском, Спаске и нескольких иных населенных пунктах по обеим веткам что к северу от Никольска, части 1-го казачьего корпуса расположились, как и прежде в районах обоих стрелковых корпусов.

Пройдут года и национальные-белые русские исследователи будут именовать этот Хабаровский поход «славным», они будут утверждать, что он явился единственным оправданием существования остатков Белых Армий Адмирала Колчака после Красноярской катастрофы, так как без этого похода на север Белых войск, под начальством Генерал-майора Молчанова, вся история Белого Движения в Сибири, после означенной выше Красноярской трагедии, свелась бы к одной лишь пассивной обороне и отсиживанию под крылом интервентов. Белые исследователи будут доказывать,

что своим походом на Хабаровск и дальше, Генерал Молчанов и его «Белоповстанцы» доказали, мол, что «порох есть еще в пороховницах» и, что поддержки население активно Армию в ее движении на запад от Хабаровска, то, в связи со всеми осложнениями, кои имели красные в то время во всем своем тылу, неизвестно, мол, как сложилась-бы дальнейшая судьба России. Красные, советские деятели, со своей стороны, путем радио-передач, кино-агиток и газет широко разрекламируют не только по всему Союзу, но далеко за границей, своих славных героев, взявших Волочаевку — этот оплот «белобандитов», опиравшихся на японских «интервентов» и «самураев», а так-же на «гносного предателя революции» — Бронштейна-Троцкого, который, в действительности, в описываемую пору являлся главнейшим руководителем Красной Армии... Всего не перескажешь, но все это будет через много, много лет после весны 1922 года, весны одинаково тяжелой и безрадостной, как для белых, так равно и для красных. Народно-революционная Армия Дальневосточной Республики была обескровлена и голодала; антисемитизм буйно развивался в ее рядах; вместе с тем, получив под Спасском встряску от японцев, красные готовы были, при малейшем нажиме на них, драпануть далеко на север. К их счастью, нажимать на них было некому: положение недавних «белоповстанцев» было не лучше: в моральном отношении они тяжело переживали неудачу своего похода на север; в материальном-же отношении их положение находилось на грани полного отчаяния. Неладья Командования с Правительством грозили принять весьма резкие формы, а глухое, все разрастающееся, недовольство Правительством и Командованием грозило полным развалом последней действительной противобольшевитской силе.

Такова была в общих чертах обстановка в Южном Приморье на первые числа апреля 1922 года. Перейдем же теперь к подробностям.

* * *

До Хабаровского похода 1-ая стрелковая (так называемая «глудкинская») бригада квартировала в Спасске, «семеновские» части, образовавшие в течении похода 3-ю пластунскую бригаду, занимали Гродековский район, а коренная 2-ая Сибирская стрелковая бригада стояла гарнизоном в Никольск-Уссурийском. Теперь, после похода, 2-ая бригада вернулась в свои старые, достаточно хорошо уже оборудованные казармы, 3-я бригада была поставлена в Спасске, а 1-ая бригада сначала предназначалась для занятия трех селений (Тарасовка, Мещанка, Лубянка) примерно на середине расстояния между Спасском и Никольском, а затем получила своим окончательным местом расположения село Ново-Никольское, находящееся в десяти верстах от города Никольск-Уссурийского (по дороге на Полтавку). Квартирьеры 1-ой стрелковой бригады были направлены в село, квартиры разбиты, но в самую последнюю минуту последовала перемена и эта бригада была полностью помещена так-же в самом городе Никольск-Уссурийском. В то же время Поволжская бригада разместилась в самом Владивостоке, а Ижевско-Воткинская бригада — в Раздольном. Весь этот развод войск по пунктам своего окончательного назначения последовал в конце шестой недели Великого Поста (между 5-м и 10-м апреля нов. стиля).

За свое полугодовое (июнь — ноябрь 1921 г.) пребывание в Спасске, чины 1-ой стрелковой бригады сжились с местными жителями, а потому были несколько разочарованы переменной стоянки, тем паче, что большинство других частей оказывалось в своих старых казармах. Расположение в деревнях (Тарасовка, Мещанка, Лубянка) с одной стороны грозило неприятностями (партизаны), но с другой стороны позволяло так-же надеяться на сравнительное приволье расположения по частным квартирам. Подгородное село Ново-Никольское с пробольшевитским настроением его населения, совершенно не радовало белоповстанцев, а потому весть о расположении в самом городе, в полуразбитых

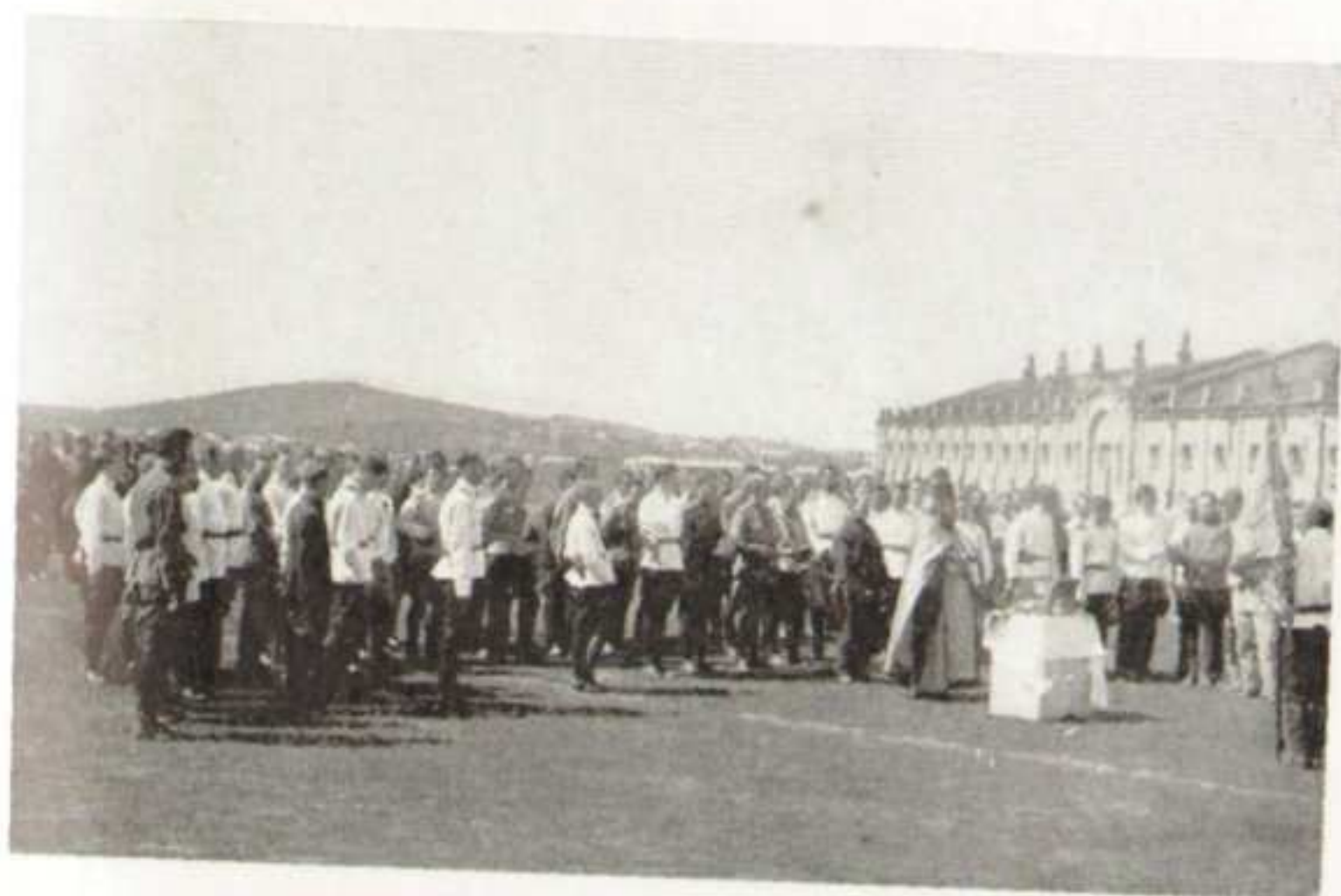
казармах, все-же была встречена с известной долей облегчения.

При своем прибытии на ст. Никольск-Уссурийский эшалоны 1-ой стрелковой бригады встретились с «Анненковцами»: дивизион Полковника Илларьева из Западного Китая, пройдя через Пекин, ехал теперь во Владивосток на службу к последнему Белому Правительству. На офицеров-белоповстанцев Анненковцы произвели очень хорошее впечатление: все они от командира до последнего рядового партизана (так они именовали себя) были здоровыми, крепкими физически людьми; молодеватый вид, подтянутые, с лихо заломленными фуражками и чубами из под них, они были так не похожи на мешковатых, разболтанных и часто малорослых «каппелевских вояк».

Последняя неделя перед святой Пасхой была потрачена на оборудование казарм и устройство в них. Это особенно касалось частей 1-й и 3-й бригад, попавших в разбитые и совершенно непригодные казармы. Пехотные полки 1-ой бригады были помещены в непосредственном соседстве с частями 2-ой Сибирской стрелковой бригады, но батарея 1-ой стр. бригады почему-то была помещена совершенно на отлете от всех остальных русских воинских частей, на другом конце города в военном городке, вместе с семьями своей и 3-ей бригад, среди расположения японских войск. Под батарею и семьи была отведена большая двух-этажная казарма, рассчитанная на батальон. Огромная ротная палата дощатыми перегородками, далеко не доходящими до потолка, делилась на ряд маленьких клеток — по одной на семью. Все, что говорилось или делалось было слышно в соседних клетушках. Наличие маленьких детей довершало гармонию: с раннего утра до поздней ночи в этом «тихом» обиталище стоял невыносимый гул. А между тем, чего было-бы проще, как дать семьям ряд тут-же рядом находящихся и пустующих офицерских флигелей или-же, наконец, деревянные, рассчитанные на одну роту, бараки. В этих бараках перегородки, отделяющие «клетки», доходили до са-

Праздник Уральского полка в Спаске

Праздник Уральского полка в Спаске

Парад Уральского полка в Спаске

Обед после парада

мого потолка, да и семей было бы меньше на одну палату, что дало бы людям более сносные условия существования. Всего этого почему-то не было сделано. Почему? — Ответить на сей вопрос не могу.

Перед самым праздником св. Пасхи части получили самые разнообразные гимнастерки, брюки, английские ботинки с обмотками, сапоги, немного нижнего белья и одеяла. Но все это было выдано в незначительном количестве и покрыть полностью нужду частей, а так-же привести внешний вид к единообразию, не позволяло.

16-го апреля, — первый день св. Пасхи, Глава Правительства — Спиридон Дионисович Меркулов, военный министр — Николай Дионисович Меркулов и командующий войсками — Генерал-лейтенант Вержбицкий произвели смотры гарнизонам Владивостока и Раздольного. На следующий день, т. е. на второй день св. Пасхи — 17-го апреля они прибыли в Никольск для производства смотра и парада гарнизону этого города. На парад были выведены только прилично одетые люди и, тем не менее, фронт выстроившихся покоем воинских частей на огромном плацу военного городка, был пестр. На правом фланге стала 1-ая стрелковая бригада затем 2-ая Сибирская стр. бригада и, наконец, на левом фланге — Забайкальцы — казаки. Части были без винтовок. В каждой из бригад имелось по одному оркестру музыки (духовой). После обхода фронта частями членами Правительства и Командующим, во время коего С. Д. Меркулов здоровался с войсками, а последние отвечали, именуя его «Вашим Высокопревосходительством», последовал молебен, а затем члены Правительства и Командующий войсками обратились с речами. Поздравляя с окончанием похода и праздником св. Пасхи, они благодарили войнов за службу Родине и обещали всяческих благ. Между тем настроение в рядах войсковых частей было далеко не в пользу Правительства и вот, когда, после речей, части были направлены церемониальным маршем, по-взводно мимо правителей, то многие в рядах не утруждали себя ответом на привет-

ствии, принимавших парад. Некоторые шли умышленно размахивая руками. Лучше всех отвечала и прошла 2-ая Сибирская стр. бригада, коренными частями которой в прошлом командовал сам Генерал Вержбицкий. 1-ая стрелковая бригада прошла и отвечала хуже, у Забайкальцев в подавляющем числе взводов ответ на приветствие выкрикивало обычно только несколько отдельных человек, а один из взводов так тот совсем не утрудил себя ответом правителей и прошел, размахивая руками, при гробовом молчании. Совершенно напрасно думать, что в этом «разнобое» повинна была малая выучка воинских чинов, нет тут следует подчеркнуть что на лицо была не плохая выучка, а демонстрация. Частушка ходила по рядам войск такого содержания:

«Полководцы, орлы
— все идейные,
у них лавочка,
у всех, — бакалейная»

и этот стих ясно говорит о настроении белых бойцов того времени.

Непочтение к членам Правительства и Командующему войсками, выраженное армейской толщей на параде 17-го апреля, явилось показателем начавшегося брожения в войсках. За труды, лишения и раны в только что окончившемся походе все чины бывшей «Белоповстанческой Армии» получили награду — по одной пачке сигарет, в красной обертке с белым зайчиком, изображенным на ней. Эта награда еще более озлобила людей и содействовала усилению брожения в частях. Конечно, при отсутствии курева, приятно выкурить и 20 сигареток, но все-же нельзя за поход благодарить «пачкой сигарет». Приближалось 1-ое мая, а с ним истекал шести-месячный контракт «добровольческой службы», установленный самим Приамурским Правительством и Командованием. Согласно контракта, желающие могли теперь уйти из войск на самом законном основании. Таких

нашлось много, слишком даже много, так много, что из-за выхода из рядов армии всех желающих, самое существование ее должно было быть поставлено под большой вопросительный знак.

«Торгашеское правительство не дает ни копейки, а само важивает деньги на галошах. Людей гоняют в декабре в шинелях и дождевиках, а в апрельскую распутицу — в валенках. Хорошо строить планы, сидя в кабинетах. Нам терять нечего — мы уйдем в полосу (отчуждения К. В. ж. д.) там работа найдется. Если же они хотят воевать, то пусть сами подставляют свою шкуру под пули». — Пусть такие рассуждения по своему существу будут слишком грубо-наивны, ложны, но важно то, что именно таково было настроение офицеров и солдат «Белоповстанческих» войск после возвращения из похода на Хабаровск. Рапорта и докладные записки о своем намерении 1-го мая распрощаться со своими военными семьями подавались пачками. В результате некоторые из частей должны были бы ликвидироваться чуть-ли не полностью.

Каково-же будет положение Белой власти, если вся ее реальная сила разойдется? Опирается на чужеземцев смешно и невозможно. Тогда следовательно придется самоликвидироваться и подарить край своему заклятому врагу — большевикам? Это тоже невозможно. Правительство и Командование приступили к борьбе с настроениями в войсках. Командиры корпусов собрали командиров частей, но последние могли лишь констатировать факт. Воздействовать на солдат через офицеров не представлялось возможным, так как офицеры наравне с солдатами, массами собирались покинуть ряды войск. 22-го апреля офицеры всех частей Никольск-Уссурийского гарнизона были вызваны в помещение офицерского собрания Омского стрелкового полка и Командир 2-го Сибирского стр. корпуса, Генерал-майор Смолин, обратился к ним с речью, в коей призывал их остаться в рядах Армии, указывая на приближающийся крах большевизма, просил воздействовать на солдат, говорил о

долге, роли офицера. После обеда в тот-же день 22-го апреля бригады Никольск-Уссурийского гарнизона были собраны в полном составе и Полковник Аргунов (Командир 2-ой Сибирской стр. бригады, в прошлом Начальник штаба Генерала Смолина) вновь обратился к офицерам и солдатам: «Нужно остаться. Коммунистическое правительство скоро рухнет. Приамурское Правительство обещает выплатить жалованье, дать обмундирование и все необходимое. Уходить нельзя, кто уйдет — тот изменник. Коммунисты рухнут. Армия поедет домой. Тот-же, кто уйдет, тот не будет принят обратно под знамена и останется тут, на чужбине. Армия его не примет назад, а как он один сможет добраться без денег домой? Уходите, если хотите, если у вас нет совести, но помните это» — таков был вкратце смысл его речи. Позднее, через несколько дней, Генерал-майор Бордзиловский (Начальник гарнизона города Спасска в 1921 г.) еще раз говорил с чинами 1-ой стрелковой бригады. Такие-же собрания происходили в прочих частях 2, 3 и 1 корпусов, но все речи старших начальников мало действовали на людей. Казаки-Оренбуржцы, обжившиеся за истекшую зиму среди своих сородичей — казаков-Уссурийцев, выселившихся лет 30 — 40 тому назад из Оренбургского казачьего войска и ныне представлявших достаточно распропагандированную красными массу, намеревались чуть ли не полностью махнуть в РСФСР. Число желающих уйти во всех частях не уменьшалось.

24-го апреля во Владивостоке Временное Приамурское Правительство издало приказ № 294. Вот его текст:

«Обстановка, как внешняя, так и внутренняя, за последние несколько дней после приказа Управляющего Военным Ведомством о праве желающих оставлять ряды Армии с 1-го мая, настолько изменилась, что Приамурское Правительство *вынуждено было пересмотреть этот вопрос и предписывает ныне, в силу изменившихся обстоятельств, требующих полного напряжения сил Армии для сохранения национальной Приамурской Государственности, совершенно*

ПРЕКРАТИТЬ ОСТАВЛЕНИЕ рядов армии впредь до того момента, когда к этому представится возможность.

Правительство полагает, что обстановка повидимому вынудит, даже объявить в недалеком будущем мобилизацию граждан и решило, что не остановится и перед этим шагом во имя спасения дела национального возрождения.

Правительство считает долгом, одновременно с этим, объявить Армии и о принимаемых Правительством героических мерах по устройению Армии — главным образом реорганизации снабжения, для улучшения жизни и быта Армии, для смягчения тяжелых материальных условий чинов ее, Правительство установит твердую шкалу хотя-бы скромного денежного довольствия, но ежемесячно аккуратно выплачиваемого.

Правительство твердо верит, что Армия, живущая национальным чувством глубокой любви к Родине, встретит этот приказ с полным удовлетворением».

Приказ этот был подписан Председателем Правительства С. Меркуловым и Управляющим Военно-Морским Ведомством Генерал-лейтенантом Вержбицким.

Широкой огласки приказ этот в Армии не получил, во всяком случае в некоторых частях зачитан он перед фронтом не был, а потому в этих частях создалось впечатление, что Правительство и Командование просто замолчало дело, утискав все рапорта и докладные записки о выходе из рядов войск что называется «под сукно». Без особых разъяснений и приказов вниз по инстанциям было сообщено, что увольнений не будет, ибо приказ о разрешении выхода был «кем-то» написан без соответствующего разрешения «кого-то», а потому почитается недействительным.

Привычка-ли повиноваться, или же действительно желавших уйти было меньше кричавших о сем, но так или иначе, а Армия не разошлась. Люди в частях поговорили, пошумели, побранили в свое удовольствие свое Правительство и Командование, но мало по-малу уgomонились и остались служить. Только единицы, твердо решившие бросить ряды

войск, ушли. Они были объявлены в приказах дезертирами, но этим дело только и ограничилось, так как их собственные командиры и сослуживцы отлично понимали их, не осуждали и не преследовали.

* * *

Для характеристики состояния белья, обуви, обмундирования и снаряжения чинов войск Временного Приамурского Правительства можно привести данные о Конно-Ординарческой команде Штаба III стрелкового корпуса. Однако при этом не следует забывать, что команда эта, как всегда находящаяся на глазах у Корпусного Командира и, вместе с тем, менее страдавшая от превратностей походно-боевой жизни и службы, находилась бесспорно в более лучших материальных условиях, нежели какая либо бывшая «семеновская» пехотная часть. Впрочем и коренные «каппелевские» части также мало чем выгадывали по сравнению с бывшими «семеновцами». (О состоянии обмундирования, снаряжения и вооружения войск перед Хабаровским походом смотри «Белоповстанцы» книга 1-ая глава VII, страницы 74-76).

На 16 солдат Конно-Ординарческой команды, согласно арматурного списка от 27-го мая 1922 года, приходилось: нательных рубах — 29, кальсон — 29, утиральников — 16, носовых платков — 21, портянок — 11 пар, сапог — 16 пар, летних шаровар — 28 пар, фуражек — 16, шинелей — 16, летних гимнастерок — 14, перчаток — 16 пар, ранцев — 11, котелков — 8, патронных сумок — 16, простыней — 32 штуки, мешков для матрасов — 16, наволочек — 32, одеял — 16, шпор — 15 пар, Совершенно отсутствуют: Суконные шаровары, мундиры, суконные гимнастерки, вещевые мешки, фляги и т. п. На этих же 16 солдат, согласно другого арматурного списка от 23-го мая того же 1922 г. приходится кроме того: ватных шаровар — 11, гимнастерок летних — 13, простынь — 8, наволочек — 3 и одеял — 4.

Прошло лето и 14-го сентября 1922 г. Начальник Конно-Ординарческой команды Штаба Поволжской группы (так был переименован III стр. корпус), подпоручик Кожевников, подает два рапорта своему прямому начальнику — Оберквартирмейстеру группы, который препровождает их к начальнику штаба группы с надписью «ходатайствую». Содержание этих рапортов, помеченных №№ 164 и 165 таково:

«Прошу Вашего ходатайства о выдаче вверенной мне команде шинелей — 4 штуки, сапог — 6 пар, фуражек — 5 штук, гимнастеров — 3 штуки, брюк — 3 пары, постельных принадлежностей — 4 комплекта».

«Прошу Вашего ходатайства об уплате мне семи рублей 10 копеек, израсходованных мною из собственных средств на покупку колец, кожи, пряжек разных и мерного ножа для заготовки узд вверенной мне команде».

На этих рапортах Начальник Штаба группы наложил следующие резолюции, весьма характерные для описываемого времени:

«Рад, что Поручик Кожевников настолько богат, что из собственных средств может производить расходы на казенные надобности. П. С.».

«Может быть Поручик Кожевников укажет склад, где хранятся шинели, сапоги и т. п. П. С.»

Резолюции эти можно понимать как хотите: в прямом и переносном смысле, но на лицо остается факт: 7 рублей 10 копеек в то время являлись огромной суммой, которую редко кто имел в своем кармане даже из командиров частей, не говоря уже о младшем офицере. Скудость складов так же была поразительная и, потому, достать шинель или пару белья порой было делом далеко нелегким.

* * *

После возвращения воинских частей из Хабаровского похода все казачьи части вошли в состав I казачьего корпуса (Генерал-майор Бородин) составив:

Оренбургскую казачью бригаду,
Сводную казачью бригаду (Енисейцы, Сибирцы и Уральцы) и
Забайкальскую казачью дивизию.

III стрелковый корпус состоял из двух стрелковых бригад:

Поволжской стрелковой (1-ый Волжский, 8-й Камский, 4-й Уфимский стр. полки, 1-й кавалерийский полк и 3-я отдельная Волжская батарея) и Ижевско-Воткинской стрелковой (Ижевский, Воткинский и 1-й Добровольческий стр. полки, Воткинский конный дивизион и Отдельная Добровольческая батарея).

Новоприбывший Анненковский «конный» дивизион (коней не имелось и в дальнейшем до самого конца существования Белой Армии, Анненковцы действовали как пехота, сохраняя, однако, наименование «конный») Полковника Иллариёва был включен в состав Поволжской стр. бригады отдельной боевой единицей, так-как бригада эта основательно потеряла в течении Хабаровского похода свой людской состав выбитыми, искалеченными и обмороженными. Волжский и Камский полки представляли собою не более, как батальоны и в совокупности уступали Уфимскому полку или дивизиону Анненковцев, взятых по отдельности. II Сибирский стр. корпус в момент прибытия из похода состоял из трех бригад, как о том уже говорилось в отрывке втором данной главы, но в целях приведения организации к большему однообразию, было решено сильно потрепанную в Хабаровском походе 3-ую Пластунскую бригаду свести в один полк и влить его в 1-ую стрелковую бригаду. 15-го мая был отдан приказ о сведении 1-ой и 3-ей бригад в одну — 1-ую стрелковую. Командиром бригады был назначен Генерал-майор Вишневецкий, его помощником — Генерал-майор Правохенский. В целях приведения к полному порядку вверен-

ные ему воинские части, Генерал Смолин пошел еще дальше и, нарушая обычаи и традиции Белых полков, присвоил всем своим шести стрелковым полкам №№ по порядку от № 1 до 6, так что его корпус получил такой вид:

1-ая стрелковая бригада (1-й Пластунский, 2-й Уральский и 3-ий Егерский полки, 1-й кавалерийский и 1-ая отдельная стр. батарея).

2-ая Сибирская стр. бригада (4-й Омский, 5-й Иркутский и 6-й Добровольческий полки, 2-й кавалерийский и 2-ая отдельная Воткинская батарея).

Излишек артиллерии, в каждом корпусе по две батареи, образовал корпусную артиллерию:

2-й артиллерийский дивизион (Полк. Смольянинов) в составе Иркутской и Добровольческой батарей, и

3-й артиллерийский дивизион (Полк. Бек-Мамедов) в составе 1-ой и 2-ой батарей.

При этом 2-й дивизион остался в распоряжении Ген. Смолина, а 3-й в распоряжении Ген. Молчанова. Организация батарей была одинакова — каждая батарея по 2 трех-дюймовых орудия (исключения составляли: Иркутская бат. — 3 орудия, Забайкальский каз. дивизион — 3 орудия и Сиб. каз. батарея — 1 орудие.), но численность людского и конского состава остались различными: в батареях Полк. Бек-Мамедова по 25 — 30 солдат и 7 офицеров, в 1-ой отдельной батарее Полковника Романовского около 25 офицеров и 80 солдат, во 2-й отдельной Воткинской батарее Полк. Алмазова при 10 — 12 офицерах свыше 100 солдат. Эта батарея была самой многочисленной из всех «белоповстанческих».

Так как офицерский состав в отношении своей теоретической подготовки заставлял желать много лучшего, то, с переходом частей на мирное положение, была разработана программа занятий с офицерами по теории, тактике и строю. Во всех каппелевских частях был излишек офицеров. Оставляя в частях необходимое количество офицеров, было решено всех слабых в познаниях откомандировать в

стрелковые школы. Таковые были образованы в каждом из корпусов. Однако откомандированные офицеры продолжали жить и довольствоваться при своих частях. Старшие же, лучшие и образованнейшие офицеры были так-же откомандированы от частей в школы на роль преподавателей. В первую очередь были откомандированы в школы офицеры, произведенные из солдат за боевые отличия, затем окончившие школы прапорщиков, а в дальнейшем предполагалось пропустить сквозь курсы и всех офицеров военного времени. Провести эту программу не удалось из-за последовавших вскоре событий, о коих разговор будет ниже. Все же школы принесли большую пользу, особенно в артиллерии.

* * *

За неимением времени на составление требовательных ведомостей на жалованье во время Хабаровского похода, таковые не посылались в Интенданство, но с возвращением войск «домой» перед Правительством предстала перспектива выплаты всей Армии жалованья более чем за полугодие так как, вернувшись из похода, воинские части составили свои требовательные ведомости и отправили их со своими представителями (в большинстве случаев Заведующие Хозяйственной частью) во Владивосток в Главное Интенданство. По проверке ведомостей, Интенданство должно было обменивать эти требовательные ведомости на ассигновки, по коим части могли и должны были получать деньги из казначейства.

Ассигновки делились на четыре категории: к 1-ой категории принадлежали ассигновки, покрывающие довольствие воинских частей, ко 2-ой категории — жалованье строевым частям, к 3-ей — жалованье тыловым частям и гражданским управлениям, к 4-ой различные отпуска уполномоченным правительства и т. п.

Гаситься ассигновки должны были в порядке номеров

категорий, т. е. в первую голову ассигновки 1-ой категории, потом 2-ой, 3-ей и, наконец, 4-ой. Такой план был принят и одобрен Ведомством финансов, во главе коего стоял некий г-н Дмитриев. Таким образом казначейству предстояло выплатить весьма крупные суммы, наличность же всегда была невелика. Она зависела, главным образом, от сбора таможенных налогов. Отсутствие запасных сумм понуждала Казначейство записывать в очередь поступающие ассигновки и в действительности их ожидало очень медленное погашение частями, ибо приход казначейства пропорционально распределялся между всеми зарегистрированными ассигновками. Месяца и месяца потребовались бы для покрытия этих ассигновок за время Хабаровского похода, а тем временем должны были набежать уже новые ассигновки. Получался как бы заколдованный круг. Такая переспектива не могла не волновать людей в воинских частях. Со времени оставления Забайкалья, т. е. с конца 1920 года воинские части не получали жалованья (летом 1921 г. один или два раза были выданы пособия). Люди склонны были считать, что злой умысел и нежелание Правителей платить является основой такого порядка. По рядам войск поползли слухи утверждающие причастность членов Правительства к «мошенничеству» — нежеланию платить бойцам и без того скромного жалованья.

Опасаясь-ли новых волнений в Армии или же преследуя не совсем чистые цели, но так или иначе, «Минфин» разрешил принимать налоги, поступающие в Казначейство, военными ассигновками. Эта мера, естественно повела к спекуляции. Желая во что бы то ни стало возможно скорее достать деньги, предприимчивые представители предприимчивых воинских частей с согласия своих командиров и заинтересованных в ассигновках лиц, вошли в сделку с соответственными лицами и стали продавать свои ассигновки им со скидкой. Сначала за учет ассигновок первой и второй групп брали по 4 — 5 %, а потом 8 %. Предложение росло с каждым днем, а спрос не увеличивался.

В конце мая 1922 г. ассигновки 1-ой и 2-ой категорий продавались по 82 копейки за 1 рубль, но развернувшиеся затем события во Владивостоке и Никольск-Уссурийском подорвали их рыночную стоимость. Морские стрелки заняли таможду. Все ее поступления они стали забирать на покрытие своих ассигновок, нисколько не считаясь с интересами других частей. Вслед затем 3-ий стрелковый артиллерийский дивизион (Полк. Бек-Мамедов) занял Государственный банк. Средства, имевшиеся здесь, пошли на покрытие ассигновок этого дивизиона и других частей 3 стр. корпуса. Оренбургские казаки заняли казначейство. Денег тут не оказалось и они туда ни откуда не поступали, поэтому Оренбурги ничего не получили.

Конкурируя друг с другом, части Никольск-Уссурийского, Спасского, Владимиро-Александровского, Раздолинского и других гарнизонов стали сбивать цену ассигновок. Спекулянты заключали с частями условия, но выполнять их они теперь уж не могли, ибо ассигновки в цене катастрофически падали. Теперь уже ассигновки 2-ой категории продавались по 65 копеек за рубль, но через несколько дней их ценность пала на 48 копеек. Представители частей выбивались из сил, но что они могли сделать? А тем временем младенчески неопытные в финансовых вопросах воинские чины считали своих представителей, а никого иного, повинными в крахе. Редко кто из представителей получал от своей части право продать ассигновку за наличные по рыночной цене, большинство представителей должно было ждать согласия своих сослуживцев и командиров на продажу по той или иной цене, но вся беда была в том, что когда такое согласие приходило, то рыночная цена стояла уже опять ниже, и несчастному представителю надлежало вновь запрашивать свою часть о согласии продать дешевле.

Таким порядком цены на ассигновки 1-ой и 2-ой категорий вскоре достигли 37 копеек за рубль, цена же на ассигновки 4-ой категории котировалась по 17 копеек за рубль. На этом уровне они и остановились.

С приездом Генерала Дитерихса, министр финансов Дмитриев был смещен, а в дальнейшем и арестован. (Это сообщение как будто противоречит дальнейшим данным). При его аресте у него было обнаружено ассигновок на сумму до 300,000 рублей, кои по его словам были переданы ему его приятелями на предмет проталкивания вперед. Была назначена следственная комиссия, коей и были переданы арестованные ассигновки. Тут началась новая беда: ассигновки подлежали регистрации и оставлению их при «деле» до окончания такового. Иными словами многие войсковые части лишались теперь на многие месяцы возможности получить даже самые гроши за свои ассигновки. Только немногим воинским частям удалось выудить свои ассигновки от следственных властей, благо те еще не были зарегистрированы, но большинству ничего не удалось уже сделать так-как их ассигновки были уже зарегистрированы. Следствие все еще тянулось, когда вновь пришлось идти в поход, на этот раз уж для обороны Южного Приморья. Так вот и закончилось это громкое дело с грошевым жалованьем столь необходимым ободраным бойцам за национальную Россию.

Между прочим, в этой операции ассигновками через посредство некого г-на Хоцкого, передававшего ассигновки Минфину, 1-ая отдельная батарея (Полк. Романовского) потеряла 8,000 рублей, 1-ый кавалерийский полк (Ген. Хрущев) до 20,000 рублей, а Никольск-Уссурийская милиция что-то около 73,000 рублей. Отметим, что ряд высокопоставленных персон, как то Генералы Федотьев, Артамонов, Трофимов были с Хоцким на «ты».

* * *

В заключение этой главы можно привести текст одной из записок, взятой из бумаг Генерала Смолина. На этой записке нет даты, но она бесспорно относится к данному времени и говорит о тех, предполагаемых мероприятиях,

кой высшее военное «каппелевское» командование наметило для проведения в жизнь. Бесспорно многое из этой записки послужило бы на пользу Армии, ее чинам и быть может даже населению края, но также несомненно, что, в известной своей части, она была направлена против членов Правительства, как отдельных личностей, так и всей его организации. Это неминуемо должно было вызвать столкновение Каппелевского Командования с Приамурским Правительством братьев Меркуловых, что в действительности и произошло на деле.

Вот текст этой записки:

«1. Реорганизовать в стрелковых частях армии при данной обстановке нечего и бесполезно. Хозяйственные аппараты частей трогать и водить нельзя, так как через них части самоснабжаются, не имея в достаточном количестве от казны самого насущного.

2. Признать принцип, что армия доминирующий факт, обеспечивающий даже фактом своего существования Приамурскую Государственность и национальное дело. Поэтому, применительно к нуждам армии и ее задачам, должен быть, с участием военного командования, реорганизован и сокращен гражданский аппарат.

3. Не должно быть политически через голову командного состава и дальнейшей дезорганизационной работы в частях (разные вольты правительства). Это прежде всего дескредитирует Правительство и его без того слабый авторитет.

4. Подчинить всех вооруженных людей Гражданской службы в инспекторском отношении военному командованию (милиция, сторожа и проч.) дабы прекратить сосредоточения в них дезертиров и преступного элемента.

5. Инвалидов и неспособных к службе поставить на гражданскую службу где можно, вместо них здоровых вернуть в строй или уволить.

6. Немедленное обеспечение армии неприкосновенным

фондом, на случай каких либо непредвидимых несчастий, дабы армия могла при помощи этого фонда выносить и продолжать борьбу, хотя-бы и в ином месте.

7. Непромедлительное улучшение питания людей и лошадей.

8. Выработать план укрепления власти в крае и очищения его от партотрядов. План борьбы с большевиками на Дальнем Востоке.

9. Армия должна остаться самодавлеющим организмом при данном ее устройстве впредь до создания в крае постоянной власти и прочного финансирования армии этой властью.

10. Учреждения комиссии из строевых начальников для пересмотра всего личного состава гражданского и военного аппарата.

11. Военному командованию отказаться от способов "тихой сапы" при проведении в жизнь задач армии по ее укреплению, устройению и борьбе за ее цели».

2. МАЙСКИЙ «НЕДОВОРОТ» 1922 ГОДА

1. «Заговор Правительства и "семеновцев" против "каппелевцев"». — 2. События 30-го мая во Владивостоке. — 3. События в Никольске-Уссурийском. — 4. Приглашение Генерала Дитерихса и его приезд.

Неудачный поход на север, финансовые затруднения и, как результат последних, скандал с ассигновками, — все это вызвало трения между членами Правительства и Командованием белой армией. В своих книгах В. Г. Болдырев («Директория, Колчак, Интервенты»), С. П. Руднев («При вечерних огнях») и генерал П. П. Петров («От Волги до Тихого Океана в рядах Белых») достаточно обстоятельно изложили причины и ход печальных событий, коих я буду касаться, поэтому, лишь поскольку они недоосвещены вышеназванными авторами и поскольку то касается ряда деталей армейской жизни того времени.

Назревание конфликта между Правительством и Командованием не составляло большой тайны и в рядах армии поговаривали, что Каппелевское Командование, яко-бы, собирается арестовать Правительство и взять власть всецело в свои руки. Приведенная в конце нашей первой главы записка из бумаг Генерала Смолина не отрицает «агрессивных» намерений командования (во всяком случае некоторых высших чинов его). Во всяком случае Правительство братьев Меркуловых, видимо усвоившее привычку неоплаты своих счетов, так еще недавно отказавшееся от своего собствен-

Венки, возложенные на могилу Полковника Глудкина во Владивостоке

ного приказа о шести-месячном сроке добровольческой службы, сделало теперь ряд назначений, вызвавших так называемый «недоворот».

Год тому назад, опираясь на «семеновские» воинские части, братья Меркуловы оказались у власти. Власть они по предварительному соглашению с «семеновцами» должны были взять в свои руки лишь на время для того, чтобы пригласить «варяга» — Атамана Семенова и передать ему верховную власть. Однако власть показалась братьям сладкой и так-как, противное Атаману, «каппелевское» Командование предложило свою поддержку в случае недопущения Атамана во Владивосток, то братья, недолго думая, отказались от своих обещаний «семеновцам» и, опираясь на «каппелецев» повели борьбу с первыми, если не огнем и мечем, то во всяком случае путем голодовки. Атаман и «семеновцы» должны были в конце концов сдаться, ноябрьский «недоворот» не удался и глава «семеновцев» (Ген.-лейт. Глебов) со своими помощниками (Полковниками Буйвидом и Глудкиным) оказались под арестом. Братья же Меркуловы и Каппелевское командование отравились под Хабаровск добывать там себе лавры... Теперь же положение в корне изменилось и, так как у Меркуловых своей собственной опоры не имелось, то в борьбе с «каппелевским» командованием они естественно могли опереться лишь на своих прежних друзей-покровителей, потом ставших побежденными противниками — «семеновцев». И вот, действительно, вчерашние враги стали снова друзьями и Генерал-лейт. Савельев и Глебов получили назначения на высшие командные посты. Их помощники — Полковники Глудкин и Буйвид также получили назначения — первый был назначен командиром 1-ой стрелковой бригады, а второй — командиром «Пластунской» бригады. Забайкальская казачья дивизия и Сибирская флотилия (Адмирал Старк) были на стороне Правительства. Братья предполагали что для начала этого достаточно, а в дальнейшем и еще кое-кто присоединится к ним.

Следует подчеркнуть, что все с самого начала носило какой то заговорщицкий характер. Старое командование оставалось на своих постах. Приказы о реформированиях и персональных переменх не были опубликованы. Между тем в карманах вышеуказанных четырех лиц «семеновской» ориентации (Ген. Савельев, Глебов, Полк. Глудкин, Буйвид) лежали приказы об их личных назначениях, подписанные правителями. Генерал Савельев разгуливал по Владивостоку хвастаясь, что он теперь — «Командарм». Полковники Глудкин и Буйвид выехали к местам расположения «их» частей. Напрасно Полковник Доможиров (быв. Начальник штаба 1-ой стрелковой бригады, а ныне Командир 2-го уральского стр. полка), находившийся во Владивостоке в служебной командировке, отговаривал своего бывшего соратника и друга — Полковника Глудкина от очевидной авантюры. Тот ничего не хотел и слышать.

Запутанность и двойственность положения была налицо. Скандал надвигался на последний клочек «Белой Русской Земли»...

* * *

В книге П. С. Парфенова (Алтайский) «Борьба за Дальний Восток» подоплека событий освещается так: «В марте 1922 г. от "левой" части Народного Собрания в Пекин для встречи и беседы с маршалом Жофром ездил Генерал Болдырев. Последнего французский маршал принял всего на пять минут. Зато Болдырев вдоволь наговорился с советником советского посольства В. Л. Вилинским-Сибиряковым и, по возвращении во Владивосток, прямолинейно доложил Народному Собранию о необходимости поисков "лечетного" договора с Чистой... К выводам генерала Народное Собрание полностью не присоединилось, но на собрании 14-го мая оно единогласно, при 12 воздержавшихся, приняло закон об Учредительном Собрании без всяких поправок в отношении к коммунистам. Выборы в Учредительное Со-

брание назначались на 1-ое июня текущего 1922 года и правительству предлагалось создать необходимые свободы, гарантии и прочее. Меркуловы увидели, что имеют против себя настоящий "заговор" и 29-го мая издали два указа, распустив Народное Собрание».

Приказ Правительства о роспуске Народного Собрания явился той последней каплей, что переполнила чашу: Члены Народного Собрания постановили не исполнять приказ Правительства. Президиум Собрания обратился за поддержкой к военному Командованию. Командование поддержало членов Народного Собрания, которое, впрочем, не пользовалось репутацией делового органа, но в данном случае для Каппелевского командования был важен предлог, а не сама сущность.

Командование потребовало от членов Правительства ухода в отставку, но последние, конечно, отказались и, опершись на Сибирскую флотилию, объявили Каппелевское Командование мятежниками. Генерал Глебов на Первой Речке стал собирать своих приверженцев и формировать из них Дальневосточную казачью группу.

Во главе «мятежников» во Владивостоке стоял Командир 3 стрелкового корпуса — Генерал-майор Молчанов. Его же начальник штаба, Полковник Ловцевич, не желая принимать участие в новой междуусобице, согласно просьбы был уволен в отставку 1-го июня (приказ по корпусу № 251), а его место занял бывший обер-квартирмейстер штаба, Полковник Генерального штаба Савчук. Сдача и прием должности были завершены в тот же день.

Таким вот образом положение во Владивостоке окончательно запуталось, тем более, что Президиум Народного Собрания и Каппелевское Командование стало призывать из Харбина «варягов» — Гондатти, а потом Дитерихса.

Но оставим на время Владивосток и обратимся к Никольск-Уссурийскому.

* * *

После своего переформирования, новая 1-ая стрелковая бригада квартировала в Никольск-Уссурийском (2-й Уральский, 3-ий Егерский полки и 1-ая Отдельная стр. батарея) и в Спасске (1-й Пластунский и 1-й кавалерийский полки). Генерал Вишневский пребывал в Спасске, а его помощник — Генерал Правохенский — в Никольске. Бывший Командир 1-й бригады, Полковник Александров, превратился теперь в Командира 3-го Егерского полка, т. е. пришел к своему исходному положению, кое занимал перед Хабаровским походом. Начальник штаба 1-й бригады — Полковник Доможиров, занимал теперь должность Командира 2-го Уральского полка, которым он командовал в Забайкалье, а потом в Приморье до апреля 1921 г. Полковник Гампер, командовавший Уральским полком после Полковника Доможирова превратился теперь в Помощника Командира 2-го Уральского полка. В Егерском полку такого понижения бывшему Командиру полка испытать не пришлось, так-как он (Полковник Зултан) погиб в самом конце Хабаровского похода, в селе Ново-Гордесвка.

Отметим так-же, что после переформирования части новой 1-ой стрелковой бригады были посещены Генералами Смолиным, Вишневским и Правохенским. Каждым в отдельности. Они производили поверхностный смотр частям и знакомились со старшими офицерами и командирами частей. На этом дело и ограничилось и никто из «знакомившихся» друг с другом и мыслить не мог, какая история разыграется через каких-нибудь несколько недель. А разыгралось вот что:

30-го мая, как ни в чем не бывало, Полковники Глудкин и Буйвид приехали по железной дороге в Никольск-Уссурийский. Полковник Глудкин направился в Уральский полк к своему большому приятелю, Полк. Гамперу, а Полковник Буйвид остановился у одних из своих знакомых. В карманах у обоих полковников лежали *приказы Правительства о назначении их Командирами несуществующими «1-ой стрелковой» и «Пластунской» бригад с непосредственным подчине-*

нием главе Правительства. Приказов о развертывании ныне существующей 1-ой стрелковой бригады в «1-ую» и «Пластунскую» не имелось, равно так же, как не имелось и приказа о выделении частей ныне существующей 1-ой бригады из состава 2-го Сибирского стр. корпуса. Отсутствие этих приказов несомненно ставило в ложное положение Командира 2-го корпуса, всех командиров частей теперешней 1-ой бригады, а так-же и обоих «вновь назначенных» комбригов.

Полковник Глудкин объехал части своей бывшей бригады. Он был весьма популярен и любим в Забайкалье и в Приморье до Хабаровского похода. Однако кутежи его в Спасске, в то время, как его бригада сражалась под Хабаровском, и сладкие слова в Покровке на Амуре, не подкрепленные на сей раз делами, до известной степени охладили его подчиненных и последние далеко не с детской доверчивостью слушали теперь мысли и планы своего бывшего командира. Егерями, которых Глудкин вывел с Тобола в Забайкалье, он был встречен тепло. Часть Уральцев, с Полковником Гампером во главе, встретила Полковника Глудкина пожалуй даже еще лучше, нежели Егеря, но в то же время, другая часть офицеров этого же полка отнеслась неодобрительно к глудкинским проектам, хотя открытых возражений все-же не было, так как дисциплина и этика не позволяли сего. По объезде обоих стрелковых полков, Глудкин отправился в батарею Полковника Романовского. Поздоровавшись с выстроенными во фронт, чинами батареи и побеседовав на общие темы с г. г. офицерами в их офицерском батарейном собрании (одна комната), Полковник Глудкин прошел к Полковнику Романовскому и там с ним беседовал некоторое время наедине. Затем он вышел и уехал к себе, т. е. на квартиру к Полковнику Гамперу.

После отъезда Полковника Глудкина, Полковник Романовский собрал своих офицеров в батарейном собрании и задал им вопрос, что они думают по поводу выделения батареи совместно с Егерями и Уральцами в состав новой 1-ой стр. бригады с командиром ее — Подполковником

Глудкиным? Единодушный ответ г. г. офицеров был таков, что этот вопрос подведомлен решению высшего командования, что с Егерями и Уральцами приятно вместе служить и работать, что касается Подполковника Глудкина, то до поздней осени 1921 г. лучшего командира бригада и желать не хотела и, надо надеяться, что и теперь Подполковник Глудкин окажется так-же хорошим начальником. Получив такой ответ, Полк. Романовский задал второй вопрос, а что думают г. г. офицеры по поводу самовольного выхода батареи из подчинения Генералу Смолину? На этот вопрос, после минутного молчания, г. г. офицеры батареи так-же единодушно ответили, что, хотя батарея и недолюбливает Генерала Смолина, но все-же о самовольном выходе из его подчинения разговора быть не может. «Уж пусть там Полковник Глудкин и Вы, г-н Полковник, как-нибудь уладите этот вопрос с Генералом Смолиным, а затем мы рады служить с Полковником Глудкиным». Полковник Романовский выслушал своих г. г. офицеров, а затем заявил: «Я рад, г. г. офицеры, что не ошибся в вас.» Оказывается Полковник Глудкин настаивал и склонял Полковника Романовского к выходу из подчинения Генералу Смолину, без разрешения и уведомления последнего на основании имеющегося у него приказа Главы Правительства, но Полковник Романовский сказал ему, что без согласия местного Начальника Гарнизона, Генерала Смолина, это невозможно. После событий у Уральцев и Егерей только поняли офицеры-батарейцы, что посещение Полковника Глудкина было неспроста. Глудкин настаивал перед Полковником Романовским на открытый разговор с г. г. офицерами, но последний уклонился от этого, указав на бесполезность подобного разговора.

Оказывается в обоих полках Глудкин беседовал с «верными» офицерами и солдатами. Временно командующий (за отъездом Полковника Доможирова во Владивосток) Уральским полком, Полковник Гампер — ярый личный враг Генерала Смолина еще с мирного времени, когда они служили в одном и том же Омском гарнизоне (Смолин в 44-м, а Гам-

пер в 43-м Сиб. стр. п. п.), сразу и полностью согласился с планом Глудкина. Практичный Командир Егерей, Полковник Александров, бесспорно постарался бы увильнуть от принятия весьма шаткого в своем основании плана Глудкина, но он должен был считаться с мнением и симпатиями своих подчиненных, часть коих обожала, в то время, как другие относились тепло к своему первому командиру. Поэтому Александров дал так-же свое согласие на переход полка в подчинение к Подполковнику Глудкину.

Все это разыгралось днем 31-го мая, но широкой огласке еще не предавалось, так что взаимоотношения Полковников Глудкина, Александрова, Гампера и Романовского со своим прямым начальством (Ген. Правохенский, Генерал Смолин) до утра следующего дня еще не были порваны прямым нарушением дисциплины и субординации. Конечно, Генерал Смолин в этот вечер знал, что в частях 1-ой стрелковой бригады идет какое-то «Шушуканье», но истинный смысл его возможно был еще неизвестен Комкору.

Между тем во Владивостоке события развивались своим чередом и, когда настало утро 1-го июня, то Генерал Смолин не нашел ничего лучшего, как собрать у себя всех командиров частей гарнизона и поставить их в известность о том, что по только-что им полученным сведениям, во Владивостоке далеко не все благополучно, там что-то происходит, что именно Генерал Смолин видимо не знал как следует сам (таково было мнение Полк. Романовского по возвращении с этого собрания). Между прочим Полковники Александров и Гампер не сочли нужным на это собрание явиться, причем Полковник Александров все-же политично сообщил, что он болен, Полковник же Гампер ничего не сообщил. Подполковника Глудкина на это собрание, конечно, никто не приглашал и он тоже отсутствовал. Отсутствие двух командиров полков не прошло незамеченным и, надо полагать, кому нужно было, тот своевременно намотал кое-что себе на ус.

В этот день, 1-го июня, 1-ая Отдельная батарея Полк. Ро-

мановского жила обычной, правда чуть-чуть напряженной жизнью, но в обоих полках жизнь кипела. Утром этого дня Подполковник Глудкин отдал приказ по своей «бригаде» о выделении из состава 2-го Сибирского стр. корпуса. Вместе с тем Подполковник Глудкин не утрудился ни лично явиться к Генералу Смолину, ни послать тому хотя бы копию приказа Главы Правительства и своего приказа по бригаде о вступлении своем в командование ею. Таким образом, генерал Смолин мог и должен был рассматривать в этот день оба полка, как подчиненные ему части. Глудкин, как лицо официальное, для него в этот день не существовал, это был личный гость Полковника Гампера.

Между тем, Полковник Глудкин изъятием подчинившихся ему полков из состава 2-го корпуса тем самым резал им возможность получать из Интенданства 2-го корпуса продукты для продовольствия людей и коней. Своего интенданства не имелось. Как думал справиться с этим вопросом сам Полковник Глудкин, остается тайной. Впрочем приходится сказать, что планы Петра Ефимовича (имя и отчество Глудкина) были весьма не ясны. В этот день частям приказано было выдавать только мясо, сохраняя рыбу. Оружие приказано было запрятать, и целый день люди таскали из дома в дом пулеметы, патроны и гранаты. Частям так-же было приказано быть готовыми к движению походным порядком. Куда? Об этом, видимо, сам Полковник Глудкин не знал хорошо. Он говорил своим «приближенным» о наличии у него каких-то общих директив «старика» (Генерал-майор Лебедев, бывший Начальник Штаба Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего) и о походе через Манчжурию хотя бы с сорока «Бессмертниками». Короче — сумбур был полный.

Небезинтересно то, что казармы обоих «глудкинских» полков находились в непосредственной близости с казармами 4-го Омского стр. и 2-го кавалерийского полков. Канцелярия же 2-го Уральского полка находилась прямо против Штаба 2 Сибирского стр. корпуса. Некоторые из близких

Глудкину офицеров спрашивали своего вновь объявившегося начальника о том, что и как считает он нужным поступить в случае возникновения открытого конфликта с частями 2 Сиб. корпуса, что должно было считать не только неисключенным, но даже вполне возможным.

Подполковник Глудкин и его окружение и думать о возможности конфликта не хотели. «Смолин не посмеет» — таков был лозунг. Следует так же отметить, что свое вступление в командование бригадой, Подполковник Глудкин и его личные друзья, отпраздновали банкетом, за коим, возможно, кое кем было выпито лишнее.

Наконец на землю спустилась ночь, ночь с 1-го на 2-ое июня, но не только усиленной охраны расположения полков, но даже ни одного вооруженного поста выставлено не было. Не имелось и дежурных частей, да к чему все это, если Смолин не посмеет?

Но Генерал-майор Смолин думал иначе. Он знал обо всем, что происходит в обоих полках 1-ой стрелковой бригады и решил одним ударом покончить с авантюрой. Приблизился рассвет 2-го июня. Густой туман заволакивал землю. Части 2-ой Сибирской стр. бригады и 2-ой кавалерийский полк, поднятые ночью, оцепили расположение обоих полков 1-ой стрелковой бригады. Еще не было 6 часов утра, как дневальные полков 1-ой бригады увидели быстро идущих на них вооруженных воинских чинов. Это были чины 2-ой Сибирской стр. бригады. Была поднята тревога, но было уже поздно: Генерал Смолин и Полковник Аргунов во главе своих чинов были уже у дверей первой казармы. Вбежав в казармы, чины 2 корпуса бросились к винтовкам. Последние находились в пирамидах под замком, как в мирное время, так что, если бы стрелки полков 1-ой бригады и захотели бы разобрать по рукам винтовки, то все равно из-за отсутствия достаточного времени не смогли бы этого сделать.

Генерал Смолин вошел в казарму. Разбуженные, не ожи-

данным шумом, люди лежа или сидя на койках, протирали глаза... — «Удивляюсь: Отчего не встают, когда входит Командир Корпуса? Встать» — воскликнул Смолин. Это было явным и элементарным нарушением устава внутренней службы, ибо люди отдыхали и сигнала к побудке дано еще не было, но тем не менее neodetye и полусонные стрелки 1-ой бригады выполнили команду и кто в чем был повскакали с кроватей и вытянулись перед Комкором.

Генерал Смолин обошел роты 2-го Уральского полка и приказал вызвать «помошника Командира полка» т. е. Полковника Гампера. Должности Командира полка за ним, согласно исчислениям Подполковника Глудкина, он признавать не собирался. Полковник Гампер, между тем, находился в помещении канцелярии полка. Некоторые участники этой печальной истории говорят, что на требование Генерала Смолина отдать ему полковое знамя, Полковник Гампер ответил, что знамя он может получить лишь переступив через его труп. Генерал Смолин приказал, якобы, бывшим при нем чинам 2-ой Сиб. стр. бригады все-же взять от Полковника Гампера знамя силой. Тогда Гампер выхватил револьвер, но последний дал осечку. В то же самое время Генерал Смолин приказал рядом стоящему пристрелить Полковника, что и было выполнено.

Так ли дело происходило или нет, но Полковник Гампер был мертв, а оба полка разоружены. Комкор тут-же приказал раскассировать Уральцев и Егерей по частям 2-ой Сибирской стр. бригады. Люди уже строились для разбивки, как пришла весть, что Подполковник Глудкин, запершийся в одной из комнат второго этажа и отказавшийся сдаться, убит брошенной в окно гранатой. Говорили и называли фамилию одного из офицеров 2-го кавалерийского полка, как «героя» этого дела. Арестованный же на своей квартире, Полковник Александров пытался застрелиться, но только легко ранил себя.

К 9 часам утра все было кончено. Офицеры и солдаты

2-го Уральского и 3-го Егерского полков были разбиты по полкам 2-ой Сибирской стрелковой бригады. Началась разбивка лошадей и раздел полкового имущества этих славных еще так недавно полков.

Позднее выяснилось, что в эту же ночь от 2-го Сибирского стр. артиллер. дивизиона был выслан конный отряд для разоружения и раскассирования 1-ой Отд. стрелковой батареи Полковника Романовского, той самой, что еще два дня тому назад наотрез отказала Подполковнику Глудкину нарушить законный порядок перехода части из подчинения одного лица к другому. Возможно, что твердость и законопослушность командира и чинов этой батареи были неизвестны Штабу 2 Сиб. стр. корпуса. Во всяком случае батарея мирно проспала и на следующее утро, утро 2-го июня, побудка была произведена в обычное время и ежедневные будни начались, когда в батарею прибежало несколько вырвавшихся от конвоя офицеров и солдат родных разоруженных полков. Только теперь узнали батарейцы 1-ой стрелковой бригады о судьбе своих полков. После этого прошло еще несколько дней прежде чем батарейцы Полковника Романовского узнали о попытке их разоружить и причине ее неудачи. Как читатель помнит, 1-ая Отд. батарея 1-ой стр. бригады по своем прибытии в Никольск оказалась расквартированной совсем на отлете от всех частей русского гарнизона и помещена среди японских воинских частей. Это-то обстоятельство и сыграло свою роль: когда конный отряд 2-го Сиб. стр. арт. дивизиона, при своем движении к месту расположения «глудкинской» батареи, выехал на японских часовых, то те остановили каппелевцев... Разъяснения последних не были приняты. — «Нашему командованию ницево неизвечно». Против такого аргумента делать было нечего и, «не солоно хлебавши», смолинские артиллеристы вернулись восвояси.

В эту же самую ночь на 2-ое июня третий отряд от частей 2-ой Сибирской стр. бригады направился в расположе-

ние «подозрительной» Забайкальской казачьей дивизии, размещавшейся в казармах рядом с частями 1-ой и 2-ой стр. бригад. Однако из похода этой третьей смолинской колонны ничего не вышло, так как она наткнулась на сильные караулы Забайкальцев перед расположением дивизии. В свое расположение Забайкальцы «смолинцев» не допустили и пригрозили открытием огня. На это Генерал Смолин согласия своего не давал и отряд 2-ой Сиб. стр. бригады ни с чем вернулся назад.

В последующие дни Забайкальцы продолжали выставлять усиленные караулы, а батарея Полковника Романовского, находясь в расположении японских войск, не нуждалась и в этом, так как японцы предложили ей свою охрану. Офицеры и солдаты бывших 2-го Уральского и 3-го Егерского полков в частях 2-ой Сиб. стр. бригады были разбиты таким образом, что они оказались единицами, вкрапленными в чужие им взводы. Кое кто из раскассированных чинов, не желая нести службу в «смолинских» частях, бежал к Забайкальцам и на бронепоезда. И тут и там их встречали радушно и тотчас-же зачисляли в состав своих частей. У Забайкальцев таким порядком собралось до 40 чинов. Несколько человек, как о том уже говорилось выше, прибежали и были зачислены на довольствие в батарею Полковника Романовского.

Характерно отметить: 6-ой Добровольческий полк через несколько дней после описанных событий, должен был двинуться по железной дороге на ст. Гродеково. Командир полка, опасаясь, что при следовании к станции железной дороги, многие из «грудкинцев» чего доброго разбегутся, приказал всех офицеров и солдат, полученных им от раскассированных полков, вести на станцию железной дороги под конвоем и таким порядком держать их до самого момента отхода эшалона. Все-же при посадке нескольким из арестованных удалось удрать.

Свой сильные караулы Забайкальцы держали до полного

умиротворения, которое последовало лишь после приезда Генерала Дитерихса и вступления его в фактическое командование войсками Приамурского Правительства.

* * *

Полковник Буйвид подлежал аресту и за ним отправилось несколько человек, но он во время был предупрежден и благополучно бежал и скрылся.

В Спасске тоже произошли события, но не такого порядка как в Никольске или во Владивостоке. Здесь не было пролито ни единой капли крови и дело ограничилось отдачей ряда противоречивых приказов несколькими персонами (Генерал Вешневский, Генерал Хрущев, Полковник Сазанкин) и выводом во избежание смятения умов, 1-го кавалерийского полка на несколько дней в близ лежащие деревни.

* * *

Кризис затянулся. Это уже не был «переворот», а только «недоворот», как окрестили его в Приморье участники и наблюдатели. Каппелевское командование и Меркуловское Правительство опираясь на верные им части, стояли друг против друга, не уступая своих позиций, но так-же ничего и не приобретая. Наличие в крае третьей стороны — японцев (красные в счет не шли) понуждало обе стороны к удержанию своих кулаков и борьба ограничивалась непристойным обливанием (и самообливанием) своего противника устной и письменной грязью. В книге П. С. Парфенова (Алтайский) приводятся целые выдержки из этой «литературы». Повторять их тут мы не будем, желающий может обратиться к той книге. Долго-ли бы так продолжалось — гадать трудно, но всех выручил Генерал Дитерихс.

Генерал-лейтенант Михаил Константинович Дитерихс, в

прошлом начальник оперативного отдела штаба Генерала Брусилова, затем начальник штаба Чехословацкого корпуса, а затем, осенью 1919 года, Главнокомандующий армиями Восточного фронта (т. е. всего Сибирского), покинувший этот пост из-за расхождения во взглядах с Верховным Правителем на целесообразность обороны Омска, в июле 1920 года уже раз приезжал во Владивосток, где вел от имени Атамана Семенова с правительством проф. Болдырева переговоры об образовании «Белого Буферного Государства». Из переговоров ничего не вышло и Дитерихс удалился в Харбин, где отойдя от политики, посвятил себя, совместно со своей супругой, заботам по воспитанию, вывезенных из Омска, девочек-сирот, а так-же работал над составлением книги «Смерть Царской Семьи в Екатеринбурге». Эта тишина и покой жизни была как-то разом нарушена летящими одна за другой телеграммами из Приморья и визитами ряда «сановных» персон. Гондатти, которому в первую голову было сделано предложение приехать во Владивосток и взять там дело в свои руки, умыл руки и отказался ехать. Генерал Дитерихс, после непродолжительной, но тяжелой внутренней борьбы, решил принять предложение и приехать во Владивосток.

Еще 1-го июня Генерал-лейтенант Вержбицкий отошел от активного руководства войсками «бунтовщиков», передав временно командование Командиру 3-го стрелкового корпуса, Генерал-майору Молчанову. (Начальник Штаба Командующего войсками, Генерал Пучков, получил отпуск. Оба они уходили, что бы не быть заподозренными в устройстве переворота в личных целях). На следующий уже день т. е. 2-го июня Генерал-лейтенант Дитерихс получил первую телеграмму от «бунтовщиков». Происходившие в это самое время междуусобия китайских политических партий (сторонники Чжан-Зо-Лина и сторонники У-Пей-Фу) на К. В. ж. д. не позволили генералу выехать сразу-же. Таким образом сообщение о согласии Генерала Дитерихса на приезд во Владивосток появилось лишь в газетах от 7-го июня.

На следующий день на ст. Никольск-Уссурийский Комкор 3, командиры частей и почетный караул от частей местного гарнизона встречали будущего воеводу. Генерал Дитерихс был бодр, но серьезен. Одет он был скромно, если не сказать даже бедно. В этот-же день Дитерихс прибыл и во Владивосток. Город и войска «бунтовщиков» встретили его восторженно, но видя, что обстановка весьма даже запутана, Генерал Дитерихс сначала решил было не вступать в управление краем (он был «избран» «бунтовщиками» на место Председателя нового Правительства), но после восторженной встречи в Народном Собрании, он все-же принял должность.

Японцы настаивали на прекращении междуусобицы, но, повидимому, они ни в чем разобраться не могли и не знали кому должно помогать.

9-го утром Генерал Дитерихс беседовал с Управляющими Ведомствами. На следующий день он добился самороспуска Народного Собрания, а 11-го, неожиданным образом, поймав Генерала Молчанова на слове о безоговорочном исполнении всякого его приказа, подчинился Правительству старого состава, т. е. братьям Меркуловым. Следует отметить, что еще 6-го июня Правительство братьев Меркуловых выпустило указ № 149 о созыве во Владивостоке Земского Собора. В этом указе говорилось, что ввиду обнаружившейся трудности Верховного Управления при существовании коллегиальной формы организаци Верховной Власти, необходимо найти способы к наибольшему объединению всех национальных сил, а равно вследствие желания Председателя Правительства С. Д. Меркулова сложить с себя высокие обязанности Верховного Управления и передать их, если население Приамурского Государственного Образования признает нужным, законным порядком на основе полной преемственности другим лицам. Выбор же лиц или лица, коем или коему могла быть преемственно передана Верховная власть Временным Приамурским Правительством старого состава должны быть произведены закрытым голосо-

нием. Земскому Собору предлагалось выявить народное желание о том, сохранять ли далее орган Верховной Власти в форме коллегиальной или же вручить ее одному лицу.

12-го июня пришел первый приказ Генерал-лейтенанта Дитерихса, в котором он сообщал о своем вступлении в командование войсками и флотом Вр. Приамурского Правительства. Начальником своего штаба он назначил Генерал-майора Петрова, который еще с 1-го июня принял ее от Генерала Пучкова. 14-го и 15-го июня Генерал Дитерихс объехал все гарнизоны Белого Приморья, посетил и бегло осмотрел все воинские части.

На этом, собственно говоря, «недovorот» и закончился. В дальнейшем была лишь его ликвидация. Но совершенно напрасно думать, что братья Меркуловы победили. Указ Временного Приамурского Правительства за № 149 оставался в силе. Генерал Петров в своей книге указывает, что по соглашению Генерала Дитерихса и братьев Меркуловых, свою кажущуюся победу члены старого состава Правительства приобрели ценою выполнения ряда условий, причем невыполнение одного из пунктов соглашения давало право Командующему войсками принять меры по своему усмотрению.

Генерал Дитерихс взял на себя тяжелую задачу. Ведь всякому и каждому со стороны было ясно видно, что обе враждующие группировки в части своих притязаний и требований имели основания, но с другой стороны обливание своего противника грязью в значительной своей мере не имело основы. Из-за нежелания умерить свои собственные аппетиты и поделиться кое чем с другой группировкой, руководители обеих групп несомненно топили общее дело. Взять твердо в руки руководителей обеих группировок, поставить каждого на свое собственное место, при отсутствии физической реальной силы, можно было только терпением, умелым обращением с людьми и редкой выдержкой. Эту трудную задачу, можно смело сказать, Генерал Дитерихс выполнил блестяще. Со времени его прибытия прошло только три

месяца и вот мы увидим Генералов Молчанова, Смолина, Глебова, Савельева и Полковника Буйвида плечо о плечо борющимися с наседающими на них красными. Этого не было ни в 1920 году в Забайкалье, ни в зиму 1921-22 годов в Приморье. Можно смело утверждать, что в этом была исключительно заслуга самого Михаила Константиновича Дитерихса, а не его чина и положения по службе.

В предыдущем отрывке мы ничего не сказали о судьбе тел покойных Подполковника Глудкина и Полковника Гампера. Будем кратки и скажем, что Генерал Смолин отнесся к делу слишком «по казенному», не пожелал считаться с прошлыми заслугами обоих. Тела убитых без всякого почтения и, по всем данным, без соблюдения надлежащих религиозных обрядов, были вывезены на простой телеге за город и там в поле кое-как зарыты. Теперь, по приезде Генерала Дитерихса, началось наведение порядка: Минфин Дмитриев был арестован (см. противоречивые данные ниже), делу по ассигновкам был дан ход. Генерал-лейтенант Глебов, при начальнике штаба генерального штаба Полковнике Дубинине, был назначен Командиром вновь формируемого 4 казачьего корпуса. По делу о смерти Полковников Глудкина и Гампера назначено следствие. Раскассированные Уральский и Егерский полки приказано вновь собрать, но собирать их Генерал Дитерихс политично приказал во Владивостоке и поручил это дело незамешанному совершенно в «авантюре» осторожному Полковнику Доможирову. Таким вот образом Генерал Дитерихс, можно сказать, убил двух зайцев, если даже не больше — «семеновцам» в Армии были даны «гражданские права», но вместе с тем эти же права удержали и «каппелевцы» — случай, как уже выше указывалось, необыкновенный в истории Белого Движения. Так, в умелых руках, Генерала Дитерихса, порядок стал медленно налаживаться.

За внутренним успокоением можно было подумать и о внешней опасности. 18-го июня в Никольск-Уссурийском гарнизоне пронесся слух о предстоящем походе частей в

целях очищения Приханкайля от красных патризанских отрядов.

21-го июня тела Полковников Глудкина и Гампера, после торжественной панихиды в местном Никольск-Уссурийском соборе, были отправлены под почетным конвоем чинов 1-ой стрелковой бригады со ст. Никольск-Уссурийский во Владивосток. Трагическая смерть павших сделала их весьма популярными. Во время богослужения собор был полон и толпы народа провожали тела до самой станции, находящейся за городом. Генерала Смолина и чинов 2-ой Сиб. стр. бригады ни в соборе, ни в процессии не было. Руководящую роль играли Забайкальские казаки, кроме того участвовала батарея Полковника Романовского и отдельные чины уральского и Егерского полков, находившиеся в Никольск-Уссурийском.

По прибытии тел покойных во Владивосток, 23-го июня в 18 часов последовал торжественный вынос тел в прекрасных гробах в кафедральный собор. На следующий день последовали пышные похороны. Здесь, как и в Никольске, Генерал Молчанов и «каппелевцы» вообще в соборе и в процессии отсутствовали. Генерал Дитерихс шел за гробом до самой могилы (а путь был далек: из центра города кругом через Гнилой Угол прошли на Чуркин, где на военном кладбище и погребли покойных). Военские части — Егеря, Уральцы, взвод батарейцев и многочисленные казаки шли под командой Генерала Глебова. Весь гражданский Владивосток также принимал участие тем более, что погода была поистине великолепная — яркая, солнечная, но и не слишком жаркая.

На этом мы и закончим главу о «недовороте».

3. ЗЕМСКИЙ СОБОР

1. Состав Земского Собора. — 2. Политическое настроение членов Собора. — 3. Политическое настроение войск и флота. — 4. Избрание нового главы Правительства и передача ему власти в торжественном заседании Собора. — 5. Присяга нового Правителя.

23-го июля 1922 года в городе Владивостоке открылись заседания Земского Собора. Председателем Собора был избран профессор Миролюбов, заместителями Атаман Бакшеев и Толлок. Секретарем Собора — Михаил Домрачев, а его помощниками — Руднев, Унтербергер и Уточкин. По своему составу Земский Собор, как и надо было ожидать, оказался весьма правым. Это происходило оттого, что члены его были делегированы различными правыми организациями и местной администрацией. Тот, кто серьезно изучал историю, тот отлично знает, какая разница существовала между английским парламентом и московскими земскими соборами. Последние никогда не гнались за «всеобщностью» представительства, наоборот это были безусловно органы административного управления и административной работы. Приамурский Земский Собор 1922 года был созван именно на этих старых московских, а не лондонских принципах. Поэтому совершенно естественно было отсутствие на нем не только коммунистов или крайне левых социалистов, но даже антибольшевики средних течений и те уклонились либо не пускались на Собор. В своей книге П. С. Парфенов (Ал-

тайский) приводит 9 категорий, от коих были делегированы члены Собора. Поскольку у только что приведенного автора в книге встречается ряд ошибок (напр. местом заседаний Собора он называет Никольск-Уссурийский) и он является советским автором, то к его данным следует подходить с некоторой осмотрительностью, допуская вольную или невольную возможность ошибки в нижеприведенных данных, кои я считаю все-же полезным привести, так как в других источниках об этом ничего не говорится. Земский Собор был созван на следующих основаниях. В него вошли:

1. Все члены Врем. Приамурского Правительства (прежнего состава), управляющие ведомствами и их заместители,
2. Все наличные епископы: Владивостокский, Камчатский, Харбинский и старообрядческий, а также по два члена от каждого епархиального собрания и старообрядческого совета,
3. Командующий войсками, командующий Сибирской морской флотилией, все атаманы казачьих войск и 15 членов от армии, назначенных командованием,
4. По одному члену от всех церковных приходов и всех старообрядческих общин,
5. Все волостные старшины или их заместители и атаманы казачьих станиц,
6. По одному от каждых десяти членов всех несоциалистических комитетов и беженских организаций,
7. Ректоры высших учебных заведений: Университета, педагогического института и т. д.,
8. Два представителя от мусульманского общества и
9. По три члена от каждого бюро Профсоюзов.

Таким образом было набрано 370 членов Земского Собора и после пышного парада, колокольного звона и православно - старообрядческо - мусульманского всенародного молебствия заседание открылось, как уже сказано выше 23-го июля.

Собственно говоря, как пишет Генерал Петров, надо было заниматься делом, т. е. избрать Верховную Власть, но публика еще не выговорилась, а потому немало времени было убито зря — потрачено на красноречие.

* * *

Дабы читатель яснее уяснил себе обстановку и настроение собравшихся, нелишне привести смысл и текст нескольких постановлений, тезисов и телеграмм. Вот они: Ко дню тезоименитства вдовствующей императрицы Марии Феодоровны на очередном заседании Земского Собора решено было послать ей телеграмму такого содержания:

«Временное Приамурское Правительство и Земский Собор, собравшийся во Владивостоке в числе до 300 представителей выборных из всех слоев населения русского Приамурского Края в с е п о д а н н е й ш е приносит Вашему Императорскому Величеству свои поздравления со днем Вашего тезоименитства и молит Бога о здравии Вашего Величества и Российского Царствующего Дома на спасение, счастье и могущество родного русского народа.

Председатель Врем. Приамурского Правит. Меркулов

Председатель Земского Собора Миролюбов

Секретарь Домрачев»

8-го августа пришел ответ на имя Председателя Приамурского Земского Собора:

«Сердечно благодарю Вас и Земский Собор за добрые пожелания. Мария».

Этот ответ был оглашен на заседании Собора 9-го августа. При чтении телеграммы члены Собора стояли, а после прочтения его раздавалось громкое всеобщее ура. Каких-либо демонстраций не было, так как противников монархии на Соборе не имелось. После этого, по предложению епископа Камчатского и Петропавловского Нестора, собравшиеся пропели «Многая лета» «Верховному вождю многострадальной

России, любимому Русским народом Тезоимениннику Великому Князю Николаю Николаевичу», а затем ему так-же послана поздравительная телеграмма.

Текст телеграмм и сцена в Земском Соборе мною дана потому, что для того времени были вещами необыкновенными. С начала революции и за все время Белого движения ни одно противобольшевицкое правительство, ни одно собрание народных представителей ни разу не высказывалось за признание дома Романовых «Царствующим». Февральская революция, отречение Великого Князя Михаила Александровича и законность Временного Правительства до настоящего времени в стане противобольшевиков полагались в основу угла. Общеприятным было мнение, что по освобождении страны от большевиков сам народ, в лице-ли Учредительного Собрания того или иного созыва, Национального Собрания или же, наконец, Земского Собора, разрешит вопрос о той или иной форме правления и установит новые законы. Все белые правительства, будь то областные, краевые или всероссийские, до Верховного Правителя Адмирала Колчака включительно, считая своей первой обязанностью борьбу с большевиками и коммунистами до победоносного конца, признавали себя подотчетными и ответственными в своих действиях будущему собранию всенародных представителей. Поэтому, когда Приамурский Земский Собор 1922 года признал низвергнутую революцией 1917 года династию «царствующей», то тем самым во всем Белом Движении была произведена революция. Во всяком случае это касается идеалогического подхода к данному вопросу. Практического значения, из-за незначительности территории Земского Края и развернувшихся вскоре событий внешнего порядка (так было во всяком случае для этого уголка России), из разбираемого решения данного вопроса не последовало.

На заседании Земского Собора 3-го августа были приняты три тезиса, кои я привожу согласно печатной листовки

того времени, выпущенной Комитетом Монархических Организаций Дальнего Востока. Вот они:

«1. Приамурский Земский Собор признает, что права на осуществление Верховной Власти в России принадлежат династии ДОМА РОМАНОВЫХ». 207 голосов высказались «за» и 23 — «против».

«2. В связи с этим, Земский Собор считает необходимым и соответствующим желание населения возглавление национальной Государственности Приамурья Верховным Правителем из членов династии ДОМА РОМАНОВЫХ, династией для сего указанным». 175 голосов высказались «за» и 55 голосов — «против».

«3. По сим соображениям, Земской Собор почитает необходимым доложить о вышеизложенном Ее Императорскому Величеству Государыне Императрице МАРИИ ФЕОДОРОВНЕ и Его Императорскому Высочеству Великому Князю НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ, высказывает свое пожелание, что-бы правительство вступило в переговоры с династией ДОМА РОМАНОВЫХ на предмет приглашения одного из членов династии на пост Верховного Правителя». 188 голосов высказались «за» и 47 — «против».

Так как Династия была далеко и возглавление Края Верховным Правителем при таких обстоятельствах должно было занять более или менее приличный срок, то, до прибытия Верховного Правителя, Собор должен был выбрать просто Правителя. Этот последний дал присягу с обещанием «дать ответ за все учиненное по долгу Правителя перед РУССКИМ ЦАРЕМ и Русской Землей».

* * *

Если настроение Земского Собора было выражено так ярко, то каково было настроение в войсковых частях войск Приамурского Правительства? До настоящего времени что-то в противобольшевицких полках не слышно было о «вер-

ноподданичестве». Там имелись «каппелевцы», «семеновцы», «смолинцы», «грудкинцы», но ни о «монархистах» или «республиканцах» слышно не было.

О духе войск Врем. Приамурского Правительства мною говорилось достаточно подробно в книге первой «Белопоповстанцы». Повторять о нем нет смысла. О политических же взглядах и настроениях мною было упущено не случайно. Быть может кому-либо это покажется странным, но среди бойцов вопрос никогда не поднимался и не ставился «за какую форму правления ее бойцы идут сражаться и умирать». Офицеры и солдаты противобольшевицких войск шли в бой за «честь и освобождение России против предателей и разбойников». Каждый из бойцов Белой Армии мог понимать и толковать эту формулу, как мог и хотел. Под одними и теми же знаменами стояли в огне за Россию и ярые «народники», социалисты до крайних монархистов, отрицавших целесообразность реформы освобождения крестьян, включительно. Правда постепенно лица с крайне левыми взглядами отошли или же их мировоззрение отклонилось несколько «вправо», но во всяком случае в рядах войск Врем. Приамурского Правительства имелось немало лиц со взглядами весьма близкими к взглядам «эс-эров». По своему-же социальному положению масса Армии, в том числе и значительная, большая часть офицерства, принадлежала к среде сельского населения и мещанства. Бесплодная болтовня в заседаниях Земского Собора мало трогала бойцов, коих более интересовали проблемы сегодняшнего (довольствие всех видов) и завтрашнего (новая схватка с красными) дней.

* * *

На пост Правителя Приамурского Земского Края была выдвинута кандидатура Н. Л. Гондатти. Генерал Дитерихс заявил, что он с армией ее поддерживает. Меркуловы-же и их сторонники, по словам книги Ген. Петрова (настроен

враждебно к Меркуловым), противились этой кандидатуре. В Харбин, к Гондатти были сделаны вызовы. Тот сначала пытается уклониться, а потом категорически отказывается. Тогда, 6-го августа, на пятом заседании Собора на пост Правителя почти единогласно избирается Генерал-лейтенант Михаил Константинович Дитерихс. Во время этого-же заседания из под стражи освобождается бывший Председатель «Нарсоба» Н. А. Андрушкевич.

8-го августа состоялась передача власти Временным Приамурским Правительством (С. Д. Меркулов и его товарищи) вновь избранному Земским Собором Правителю Приамурского Государственного Образования М. К. Дитерихсу.

В 4 часа 15 минут дня Председатель Правительства С. Д. Меркулов открыл шестое заседание Земского Собора просьбой помолиться. Затем он-же зачитал Указ Правительства № 191 о передаче власти. В этом указе, после краткого указания на причины созыва Собора, говорилось:

«Во исполнение воли Божьей, проявленной через лучших русских людей, собравшихся на Земском Соборе, Временным Приамурским Правительством ПОСТАНОВЛЕНО: Сложить с себя и передать Верховную Власть над Приамурским Государственным Образованием Генерал-лейтенанту Михаилу Константиновичу Дитерихсу на следующих основаниях:

А) Михаил Константинович Дитерихс является Главой и полным преемником власти, прав и обязанностей Вр. Приамурского Прав., руководствуясь в своей деятельности, как Верховная Власть, основными законами Российской Империи, применительно к условиям жизни и времени, следуя заповедям Божиим и исконным — историческим началам Русской Земли;

Б) Председатель и члены Временного Приамурского Правительства, возвращаются в первобытное состояние граждан Приамурского Государственного Образования;

В) Все, совершенные ими по званию и долгу Председателя и Членов Вр. Приамурского Правительства действия по

делам Государственного Управления, за все время бытности их в сих званиях, обсуждению и отрицательной оценке (критика), — не подлежат;

Г) Все секретные расходы, утвержденные актом Государственного Контролера, почитаются государственной тайной, и

Д) Все расходы Председателя и Членов Вр. Приамурского Прав. еще не утвержденные Государственным Контролером, но на кои имеются и будут представлены оправдательные документы, подлежат принятию за счет государственной казны с утверждением отчетов по секретным расходам в особом порядке, установленном Вр. Приамурским Прав. для таковых органов.

Председатель Правительства С. Меркулов.

	А. Макаревич
Члены Правительства	Андерсон
	Н. Меркулов

Скрепил Председатель Совета Управляющих Ведомствами Ст. Ефремов».

После прочтения Указа, С. Д. Меркулов обратился к Генералу Дитерихсу: «Прошу Правителя Приамурским Государственным Образованием занять место главы Правительства». Генерал Дитерихс делает собственноручную надпись на Указе и вслух ее оглашает: «На условиях указанных в сем Указе Верховную Власть принял. 8-го августа 1922 года. Правитель Приамурского Государственного Образования Ген.-лейтенант Михаил Дитерихс».

Крики «ура» и «браво» оглашают зал.

Когда крики приветствия смолкают, Председатель Собора, профессор Миролюбов просит Секретаря Собора огласить грамоту Земского Собора на имя Правителя Приамурского Государственного Образования. Ее текст таков:

«Грамота ЗЕМСКОГО СОБОРА Правителю Приамурского Края Ген-Лейт. Михаилу Константиновичу Дитерихсу.

Приамурский Земский Собор в заседании своем 6-го августа (24-го июля) 1922 года избрал Вас Правителем, возглавляющим, на правах Верховной Власти, Приамурское Государственное Образование.

Запечатлев и удостоверив сие настоящей грамотой, Приамурский Земский Собор, призывает Вас к восприятию власти и возглавлению русского национального движения, а равно и к водительству русскими ратными силами Дальнего Востока.

Призывая на Вас Благословение Божие, Русская Земля Дальнего Русского Края объединяется вокруг Вас, как своего Водителя и Вождя, с пламенным желанием вернуть русскому народу свободу и собрать воедино бредущих розно в смутную годину русских людей под высокую руку православного Царя.

Да восстановится святая Русь в ее прежнем величии и славе».

По зачтении этой грамоты, С. Д. Меркулов обращается со словом к новому Правителю: «Ваше Высокопревосходительство, Господин Правитель Приамурского Государственного Образования. Господь призвал на путь тяжелого, но великого дела возрождения нашей истерзанной и великой родины. На этом пути много легло жертв в этот революционный период. Много выстрадала наша много-страдальная родина. Она ждет своего избавителя, ждет его с востока. Всевышний Господь призвал Вас на это великое дело, которое полтора года тому назад было начато здесь Вашими единомышленниками по любви к родине. Дело это было трудное и Господь благословил его, доказательством чего является настоящий Земский Собор и то великое дело переломом революционной эпохи Русской истории, который совершается ныне здесь. Труден и тернист будет Ваш путь, но Вам, славный Герой и Вождь, опытный государственный деятель, известны тернии, по которым шла родина и в котором принимали Вы участие и личное, а главное — страдая за государство. Одно чувство должно охватить и обуревать

Вас, многоуважаемый Михаил Константинович, как и всех здесь присутствующих, а через них и все население русского Дальнего Востока. Это чувство — уверенность, что при объединении, основанном на любви к Родине, на любви и полном доверии к нашему избранному вождю, при единении основанном на жертвенности, Вы, глубокоуважаемый Михаил Константинович, преодолете все препятствия и доведете дело до восстановления нашей Великой Родины под сенью Монархии». Тут аплодисменты прерывают на минуту речь оратора, когда они затихли, С. Д. Меркулов продолжает: «Мужайтесь, наш доблестный вождь, мужайтесь, многоуважаемый Михаил Константинович, Господь Вам поможет. Помощь Господня никогда не оставит Вас, как не оставяла Вас до сих пор. Господь да благословит Вас». Шумные аплодисменты покрыли конец речи бывшего председателя правительства.

М. К. Дитерихс отвечает: — «Горячо признателен Вам, Спиридон Дионисьевич за высказанные Вами сердечные и искренние пожелания. Приемлю я власть уже в достаточной мере обеспеченную, имеющую под собой прочную, полуторогодовую почву работы всего правительства под Вашим руководством. В Вашем лице приветствую бывшую национальную власть Приамурскую и вместе с Вами — бывших сотрудников, членов Правительства». Крики «ура» и аплодисменты являются ответом всего зала на слова Правителя.

Теперь Председатель Собора профессор Миролюбов берет слово: — «Ваше Высокопревосходительство, доблестный вождь Михаил Константинович. От имени Земского Собора так единодушно избравшего Вас на пост Правителя Приамурского Государственного Образования, имею честь приветствовать Вас и пожелать в дальнейшей Вашей работе полного успеха. Ваше избрание есть избрание Провидения Божия. Это перст Божий, указующий пути деятельности не только отдельного человека, но и каждого народа. Труден, но и славен путь Вашего Правительства, труден потому, что Россия, как я уже говорил, находится на дне той пучины,

куда ввергли ее враги русского народа. Но я верю и вместе со мной верит Земский Собор, что Вы своею деятельностью постараетесь при помощи лучших русских людей, вызволить наш русский народ из этой самой пучины. Пять лет наша родина страдает под игом изуверов и фанатиков, под игом иноплеменников, не понимающих идеалов русского народа, под игом интернационалистов, повергших во прах наши русские идеалы. Русский народ, под влиянием демагогии, утомленный великой войной, не мог понять и в свое время не понял своих вождей. Пошел за людьми, кои прикинулись вождями. Это были волки в овечьей шкуре и только теперь, спустя пять лет, испытав на себе все последствия этого так-называемого земного рая, русский народ осознал и осознает с какого истинного пути сведен он извергами народа и та анархия, которая царит теперь там вдали от нас должна быть в корне уничтожена. Закон и порядок должны быть поставлены во главу угла, а не дикая революционная совесть, которая поставлена этими извергами во главу управления и царствия над народом. Мы думаем, верим и надеемся, что Вы именно тот вождь, который восстановит наш русский народ, поставит его на правильный национальный путь и Вы доведете его до того конца, когда русский народ возглавит единый Державный Хозяин Земли Русской, который возвратит России ее великодержавное значение. Труден и многострадален будет Ваш путь, но славен в конце. Да будет-же над Вами благословение Божие. Да здравствует доблестный вождь Михаил Константинович, да здравствует великий Русский Народ. Бог Вам на помощь». Речь была покрыта криками «ура» и аплодисментами.

Опять Генерал Дитерихс в краткой речи благодарит Собор за оказанное ему доверие. Затем проф. Миролюбов от лица Земского Собора приветствует и приносит благодарность членам бывшего Врем. Приамурского Правительства за прошлую деятельность. Опять выступает С. Д. Меркулов и в краткой речи благодарит Собор. Далее десять ораторов

от всех фракций и групп по очереди приветствуют нового Главу Государственности и благодарят прежнее Правительство. Аплодисменты и приветственные клики не один раз покрывают эти речи. Наконец объявляется перерыв.

* * *

Во время перерыва Правитель и члены Земского Собора во главе с крестным ходом проследовали в кафедральный собор и тут Правитель принял присягу: «Обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом перед Святым Его Евангелием и Животворящим Крестом Господнем в том, что принимаемое мною по воле и избранию Приамурского Земского Собора возглавление на правах Верховной Власти Приамурского Государственного Образования со званием Правителя, я приемлю и сим возлагаю на себя на время смуты и нестроения народного с единой мыслью о благе и пользе всего населения Приамурского Края и сохранения его, как достоинства Российской Державы. Отнюдь не ища и не преследуя никаких личных выгод, я обязуюсь свято выполнить пожелание Земского Собора, им высказанное и приложить по совести всю силу разума моего и самую жизнь мою на высокое и ответственное служение Родине нашей России, — блюдя законы ее и следуя ее историческим исконным заветам, возвещенным Земским Собором, памятуя, что я во всем том, что учиню по долгу Правителя, должен буду дать ответ перед Русским Царем и Русской Землей. В удостоверение сей моей клятвы, я перед алтарем Божиим и в присутствии Земского Собора, целую слова и Крест Спасителя моего. Аминь».

Присяга была принесена и процессия возвратилась назад в помещение Земского Собора, где возобновились речи приветствия: выступило еще 12 членов Собора. После небольшого перерыва слово берет Правитель Генерал Дитерихс. Его речь мы помещаем в следующей главе, так как она

является декларационной и открывает новую главу жизни Белого Приморья, работа же Земского Собора по существу была уже закончена, хотя он, после описываемого шестого заседания Земского Собора, собирался еще два раза (9-го и 10-го августа), но это уж была прелюдия самороспуска.

Внимательный читатель наверное заметил, что цифры общего числа членов этого Собора в моем очерке на разных страницах даются разные: По данным книги П. С. Парфенова (Алтайский) выходит так, что на Соборе было 370 членов. В тексте телеграммы Собора Императрице Марии Федоровне называется «до 300 членов», а данные голосования монархических тезисов на заседании 3-го августа дают только 230 голосов. Возможно, конечно, что на заседании 3-го августа присутствовали не все члены, таким образом разница в числе членов между телеграммой и голосовавшими объясняется. Объяснить разницу между цифрами Парфенова и телеграммой отказываюсь.

В заключение этой главы невольно хочется отметить, что столь быстрое умиротворение и укрощение страстей различных представителей и руководителей последнего национального русского оплота нужно отнести всецело в заслугу Михаила Константиновича Дитерихса, который среди пыла страстей нашел верный путь, по которому и вывел Белое Приморье к объединению.

4. ПРОГРАММА ПРАВИТЕЛЯ И СТРУКТУРА НОВОЙ ВЛАСТИ

1. Речь Правителя на заседании 8-го августа. — 2. Указ № 1. — 3. Речь Правителя на заседании 9-го августа. — 4. Указ № 2. — 5. Закрытие Собора.

М. К. Дитерихс был человеком весьма глубокорелигиозным. В 1919 году он уже мыслил борьбу с большевизмом как борьбу религии с безбожием и безверием. Будучи Главнокомандующим армиями Восточного фронта (конец лета и осень 1919 г.). Генерал Дитерихс приступил к формированию «дружин святого креста и полумесяца». Генерал Дитерихс надеялся, нет, больше того — верил, что Россию можно поднять на большевиков лишь во имя Церкви, Царя и Отечества. Его программа была нова, оригинальна и продумана. Она могла-б увлечь массы, если в них, конечно, еще теплился огонек веры и преданности к трем приведенным выше основам. И вот теперь, в 1922 году, когда Судьба поставила его во главе Белого Приморья, Генерал Дитерихс не колеблясь решил проводить свои принципы. Дабы не исказить этих принципов и планов нового вождя, лучше всего привести дословный текст его речей и основных указов.

Вернувшись из кафедрального собора, после короткого перерыва, Генерал Дитерихс взял слово:

— «Господа члены Земского Собора. Мне хочется преж-

де всего высказать вам то громадное духовное и моральное удовлетворение, которое я, как М. К. Дитерихс, получил сейчас при своем избрании от тех решений идеологического и принципиального характера, которые вынесены Собором. Как Правитель, я считаю своею обязанностью высказать заключение о том, что сделал в истории строительства русской Земли здешний Приамурский Земский Собор.

В несчастную ночь с 27-го на 28-ое февраля под влиянием дурмана Россия встала на революционный путь. С одной стороны возник революционным порядком временный Исполнительный Комитет из состава членов Государственной Думы, с другой стороны параллельно с ним и одновременно, также революционным порядком создавалась другая революционная организация верховной власти страны — Совет солдатских и рабочих депутатов Петроградского гарнизона. Две революционные силы одновременно выброшенные волной на поверхность страны, встретились, столкнулись и оказались во взаимной вражде одна с другой.

Если после этого временный Революционный Комитет Государственной Думы не смог удержать власти в своих руках, то также и этот Совет солдатских и рабочих депутатов, который создавался в ночь на 28-ое февраля, тоже не смог этой власти удержать и оба уступили через семь месяцев советским пришельцам из за-границы.

В чем, в этих событиях выразался удар, нанесенный идеологии русской государственности? Не только в том, что было намечено обоими сторонами — отречение Государя Императора, не только в этом.

Удар был гораздо сильнее, гораздо глубже и в течении 5 лет до созыва этого Собора мы этого удара еще не отразили.

Еще в 1880 году наш великий пророк и писатель Достоевский в своем письме к Грановскому писал: "Когда народ в стремлении своего государственного объединения теряет принципы религиозно-нравственные, он в сущности теряет способность и быть государством, так как у него остается

единственный принцип объединиться во имя спасения животных».

Утратив эти принципы религиозно-нравственных основ, мы пытались объединиться только для спасения наших животных. И скажу, что не только мы, но ныне и весь мир в своих попытках объединиться, в своих попытках прийти к какому либо решению в Гааге, Гене, Лондоне и т. д. стремится объединиться для спасения своих животных.

И вот, господа, заслуга Земского Собора, самая громадная, удовлетворившая меня в страшных размерах и дающая мне колоссальную веру в то, что это безусловно есть начало нашего возрождения сейчас, заключается в том, что начало нашей религиозной идеологии Земский Собор решил смело, открыто, во всеуслышание.

Эта идеология зиждется не только в том, что сейчас мы должны снова вернуться к идее России монархической. Этого мало.

Но Собор своими постановлениями еще подтвердил второй принцип идеологии этой. Первой нашей задачей стоит единственная, исключительная и определенная борьба с советской властью — свержение ее. Далее — это уже не мы. Далее это будущий Земский Собор. Это чрезвычайно важно, потому, что до сих пор, этот принцип не был чистым и постоянно возникавшие русские власти, кроме Приамурской, постоянно преследовали принцип Верховенства Всероссийского, так-как они ставили не только принцип борьбы с Советской властью, но и возглавление всей России. Это была странная ошибка.

И то, что Земский Собор отверг этот принцип, хотя-бы в той форме, что он отверг звание Верховного Правителя, он этим самым и подчеркнул нашу идею. Борьба сейчас должна быть не на жизнь, а на смерть с Советской Россией.

Мы можем нашу борьбу возглавлять династическим лицом, но все равно сейчас стоит перед нами одна задача — борьба с Советской властью, низвержение ее.

После этого мы можем сказать Господу Богу: "Ныне Ты нас отпускаеши. Будут работать другие".

Третий принцип — это идеология, установленная Земским Собором, говорит то, что теперешние призванные правители для этой борьбы, кем бы они ни были, даже хотя-бы из династии Романовых, не могут смотреть на себя в данную минуту, как на верховных Помазанников будущей России, ибо вопрос сей опять разрешается не нами. Династия Романовых могла быть Помазанниками, но для нас смертных нельзя и мечтать о том, что-бы принять на себя звание Правителей всей России.

Мы Правители борьбы с Советской властью и Правители тех Государственных объединений, которые для этого рождаются.

Когда я услышал эти три начала, я получил глубокое внутри себя моральное удовлетворение и ту колоссальную Веру, которая дает мне смелость сказать: "На этих трех принципах мы пойдем к успеху и успеха достигнем".

В истории будущей России работа теперешнего Земского Собора будет отмечена безусловно ярким светом, ибо она для людей, боровшихся до сих пор в течении пяти лет и жаждущих этой борьбы, дает тот фундамент, прочный фундамент, при котором надежды у нас безусловно воскресают.

Я безусловно и смело могу сказать, что на этих принципах пойдет и сильнейшее объединение наших вооруженных сил, на этих принципах пойдет и сильнейшее объединение народа здешней земли с народом Советской России, с народом, который остался таким-же, каковы и мы есть.

Теперь, господа члены Земского Собора, я обращаюсь к Вам уже только как правитель и к вам, как гражданам земли Приамурского государственного объединения.

Раньше, чем его читать, я должен сказать, что уверен в том, что Вы его примете с тем молчаливым, серьезным сосредоточением, которое нужно мне для того, чтобы не

упала во мне вера в дальнейшем служении той идее, которую Вы на меня возложили».

После этого Правитель зачитал содержание Указа № 1.

* * *

«Указ Правителя Приамурского Государственного Образования № 1.

8-ое августа 1922 года

Волею Приамурского Земского Собора сего 8-го августа 1922 года я принял Верховную Власть над Приамурским Государственным Образованием на твердых, незыбливых началах основных законов Российской Державы и руководствуясь исконными историческими заветами Российского Государства, Приамурскому Государственному Образованию вперед именоваться "Земским Приамурским Краем".

Тысячу лет росла, ширилась и крепла Великая Русь, осуществляя смысл своего Государственного единения в святом символе религиозно-нравственной идеологии народа: в Вере, Государе и Земле. И всегда, когда этот величественный завет нашей истории, освященный Христовой Верой твердо, верно и сознательно исповедывался всем народом земли Русской — Русь была могучей, сильной и единой в служении своему религиозному, историческому, мировому предназначению — быть Россией Христа.

Но бывали в нашем бытии года и великих соблазнов и искушений сойти с истинных национальных путей, отказавшись от того или другого из заветов исторического символа. Народ впадал в грех против Богом данной ему идеологии и тогда постигали землю Русскую великие смуты, разорения, моры и глады с пленениями, различными иноверцами и иноплеменниками. И только с искренним покаянием в отступничестве, с горячим порывом массы к возвращению снова на путь исторических, святых начал своего единения, в

дружном, тесном, беззаветном и самоотверженном служении своей Родине и только ей, народ обретал прощение греха и возвращал Святую Русь к прежним величию и славе. А вместе с возрождением земли, возрождалось и благоденствие и мир самого народа под скипетром его наследственно-преемственного Державного Вождя — Помазанника в значении коего для русской мифической идеологии тесно объединяются Верховная Власть от Бога с Богохранимым народом всея земли.

По грехам нашим против Помазанника Божия, мученически убиенного советской властью Императора Николая 2-го со всею Семьею, ужасная смута постигла народ Русский и Святая Русь подверглась величайшему разорению, расхищению, истязанию и рабству безбожных русских и иноплеменных воров и грабителей, руководимых изуверами из еврейского племени, отрекшихся от своей Иудейской веры.

Пять лет народ земли, разметанный гневом Божиим, несет наказание за свой грех, несет тяжелый, но заслуженный крест за безумное попрание святого исторического завета, за уклонение в своем символе от исповедания чистоты веры православной и от святыни Единой Державной власти от Бога.

Но милостив Творец к своей Святой Руси и молитвы кающего народа "всея земли" услышаны и приняты Им. Близится час прощения и освобождения. Мы уже "у дверей".

Здесь, на краю земли Русской, в Приамурье, вложил Господь в сердца и мысль всех людей, собравшихся на Земский Собор, единую мысль и единую веру: РОССИИ ВЕЛИКОЙ НЕ БЫТЬ БЕЗ ГОСУДАРЯ, не быть и без преемственно-наследственного Помазанника Божияго. И перед собравшимися здесь, в маленьком телом, но сильным верой и Национальным духом Приамурском объединении, последними людьми земли Русской стоит задача, долг и благой крест направить все служение свое к уготованию пути Ему — нашему будущему Боговидцу.

Скрепим, соединим в одну силу оставшиеся нам от исторического символа святые заветы Веру и Землю; отдадим им беззаветно свою жизнь и достояние; в горячей молитве, очищенных от земных слабостей, сердцах, вымолим милость Всемогущего Творца, освободим Святую Нашу Родину от хищных интернациональных лап зверя и уготовим поле будущему собору "всея земли". Он завершит наше служение Родине, и Господь, простив своему народу, увенчает родную землю своим избранником — Державным Помазанником.

Приняв на себя перед Святым Евангелием Христа и Его Животворящим Крестом сей благой и славный путь предначертанный мне Приамурским Земским Собором, творя с верою и упованием свой первый шаг в служении земли повелеваю:

Земскому Собору, созыва 23-го минувшего июля, выбрать из своей среды Земскую Думу людей земли Приморской на основании расчета при сем объявляемого.

Приамурская Земская Дума в единении и работе с Приамурским Церковным Собором, о созыве коего я обращаюсь вместе с сим к Владыке Мефодию, Архиепископу Харбинскому и Манчжурскому, создадут мне последующий шаг в служении Великой Родине по пути возложенному на меня Земским Собором.

С верой в милость к нам Бога, я поведу по этому пути Вас — людей земли Приамурского Края.

Вас-же людей зарубежной, советской, угнетенной земли Русской, кто верит в Бога и опознал уже истинное лицо и ложь Советской власти, коммунистов и их приспешников — воров, — зову к нам, зову с нами ко Христу. Мы бедны в земле, но с нами Бог.

Правитель Земского Приамурского Края
и Воевода Земской Рати

Генерал-лейтенант ДИТЕРИХС».

* * *

Огласив только-что приведенный Указ № 1, Правитель продолжал: — «В состав Земской Думы от Собора войдут на выборных началах 21 человек, другие 8 человек из состава Собора войдут по своему служебному положению, а 5 членов мною будут назначены по моему усмотрению, допуская назначения и не из состава Собора.

Духовенство выборам не подлежит, так-как оно примет участие в Церковном Соборе.

Военные, исключая военных казачьих войсковых правительств, так-же в Земской Думе участия принимать не будут.

Затем, поименно прошу не выбирать следующих лиц, так-как они войдут в Земскую Думу по своему служебному положению в будущей структуре власти, о коей объявлю завтра вечером, когда получу список выбранных Вами Членов Земской Думы: Владивостокский Городской Голова, Председатель Земской Областной Управы, Члены Земского Собора: В. П. Разумов, А. Ф. Кациенко, Н. Д. Меркулов, М. Я. Домрачев, Генерал Савицкий, Атаман Толстов и Бурдюков».

Согласно приложения к указу № 1, состав Земской Приамурской Думы был следующим:

А) По имущественному цензу:

1) от сельского населения	5 человек
2) » города Владивостока	2 »
3) » » Никольска	1 »
4) » Уссурийского казачества	3 человека
5) » приходов	3 »
6) » поселковых управлений	1 »
7) » торгово-промышленного класса ..	1 »

Б) По имущественному и деловому цензу:

8) от несоциалистических организаций Владивоскока	2 »
9) от несоциалистических организаций Никольска	1 »
10) от бюро профессиональных союзов.	1 »
11) » мусульманского общества	1 »

В) По служебному положению (из числа членов Земского Собора)	8	»
Г) По личному назначению Правительства (могут быть не из числа членов Земского Собора).	5	»
	<hr/>	
Итого	34	человека

* * *

В заседании Земского Собора 9-го августа, Правительство развил программу своих предначертаний: — «Господа члены Земского Собора: Вчера на основании тех решений идеологического характера, которые Земский Собор вынес за время своей работы, я издал Указ, кладущий в основу нашего Государственного объединения и затем нашей дальнейшей службы Родине, идеологические начала, сложившиеся в духе и форме этого Объединения.

Живя весь мыслью о движении на Запад, об освобождении России, я невольно прежде всего начинаю думать о том, с чем там встретимся на первых же шагах нашего появления. Вы все знаете тот ужас, тот гнет, который выдержали народные массы России. Гнету этому подвергались все слои, все классы, все партии. Вы столкнетесь с массой почти диких людей, угнетенных, так как единственный орган, одна организованность, которая в Советской России существует — это, для нас не приемлемая, коммунистическая. Все остальные находятся в состоянии стадной дезорганизованности, несцепленном. Нужно что-то такое элементарное, которое-бы быстро дало возможность соорудить народную массу и брать их в руки единоличной, конечно, Верховной власти. Это один принцип, заложенный в структуру Правительственной власти, которую я здесь устанавливаю.

До сих пор за время пятилетней гражданской борьбы все наши государственные объединения, где-бы они ни воз-

никали — в Сибири, на Дону, на Кавказе, на западе, на севере — они стремились выявить главным образом только объединение всероссийского масштаба и слишком мало обращали внимания на заложение под этой крышей, под этим верхом прочной базы и местного прочного управления. Между тем, если взять в данную минуту жизнь Приморского Государства и принять во внимание, что мы должны черпать из этого Приморья силы для движения вперед, то, естественно, что управление местное должно нам служить базой, которая позволит захватив известные финансово-экономические запасы, необходимые для России, двинуться отсюда вперед.

Если этой прочной базы не заложить, если не дать здесь Краю устроиться прочно, то при движении вперед будут проявляться опять такие-же грустные страницы, которые нам приходилось уже переживать, когда по созданию какой либо антибольшевистской организации, жизнь была мирной на фронте, но боевой у нас в тылу.

Все наши бывшие государственные объединения гибли из-за того, что тыл оставался совершенно неустроенным и совершенно с властью ничем не связанным.

Вот эти два основные принципа, которые я кладу в идею структуры моей власти. Вливаю я их в следующие практические формы.

Основание власти — база: Приморская область. В состав моего правительства войдет коллегиальный орган, состоящий из четырех моих помощников: Владивостокского городского головы, Председателя Областной Земской Управы, Атамана Уссурийского казачьего войска — под председательством помощника на правах министра внутренних дел, Генерала Бабушкина. Орган коллегиальный за исключением тех вопросов, которые относятся исключительно к компетенции министра внутренних дел.

Учитывая именно тот принцип, о котором я говорил и который ожидает нас в Советской России, а именно — раздробленность, разрозненность населения, на которое мы

должны опираться, — первой, важнейшей и главной задачей Земской Думы явится совместно с Церковным Собором разработать новые начала и новые принципы для организации простейших единиц масс населения с тем, чтобы приходя на новые места, имея здесь приготовленные совершенно принципы, было бы легко их на новых местах проводить в жизнь и закладывать новую базу для дальнейшего движения вперед.

Эта организация единиц, я считаю, будет от приходов. Разработка приходов во всех деталях и подробностях будет проведена в жизнь здесь в Приморье совместно с Церковным Собором и явится основой и главной работой Земской Думы.

На этой системе последует переизбрание Земской Управы и Городской Думы и этот опыт нам покажет целесообразность этой меры соответственно с чем я, как Верховный Правитель, произведу те или другие изменения.

Это будет основной задачей для Земской Думы. Но помимо этого я буду вносить на рассмотрение и решение, а быть может, и проведение в жизнь те положения, те вопросы, которые возникнут в общем уже всероссийском масштабе.

Я приведу пример. Сейчас здесь в Приморье громадный контингент людей, так называемых "живущих на пенсиях". При настоящем тяжелом финансовом положении удовлетворительное разрешение этого вопроса не представляется возможным. Этот вопрос не чисто местный, ибо большой контингент является элементом беженским, который покатится на запад.

Помимо этих вопросов, только-что мною указанных, у нас есть еще один контингент нашего населения всероссийского, чрезвычайно важный, в особенности при нашем продвижении на запад. Это — казачество.

Так как по своему быту и укладу, по своим условиям жизни, казачество имеет своеобразности, то я создам для казачества третий коллегиальный орган — управление ка-

зачьими войсками. Во главе этого органа будет стоять председатель мною назначенный, который будет носить звание — *моего помощника по казачьим вопросам*.

Вот те три основных коллегиальных управления, на которых опру я свою единоличную власть. В отдельности я оставляю в непосредственном своем ведении Государственный Контроль и Генеральное Прокурорство по причинам особого свойства, ибо для них в моем мозгу и сердце существуют и некоторые новые принципы. Новые они — теперь после революции, а по прежним временам вовсе не новые. Я ничего нового не ввожу, не создаю. Я создаю революцию той революции, которую мы переживаем.

Главы ведомств входят в состав Земской Думы, когда это по ходу работы Думы будет необходимо, но не обязательно. Рядом со мною, как равноправный совершенно орган власти, первоначально станет Церковный Собор».

По окончании этой речи Правителя, проиводятся выборы членов Земской Думы, после чего заседание объявляется закрытым.

* * *

Указ Правителя за № 2 дает имена явившимся сотрудниками и помощниками М. К. Дитерихса по его кратковременному управлению Краем, посему я думаю Указ сей явится не безинтересным:

«Указ Правителя Приамурского Земского Края № 2.

Завершив свою задачу по выбору Приамурской Верховной и созданию Приамурской Земской Думы, Земский Собор, созванный Указом Временного Приамурского Правительства за № 149, закрываю 10-го августа во всем согласно с Положением о сем Соборе.

Приамурской Земской Думе повелеваю приступить к своей работе по заложению в земле Приамурского Края основ в борьбе за освобождение нашей Великой Родине от советского ига и изгнания из пределов ее отвернувшихся от

Бога большевиков, воров, коммунистов, угнетателей и истязателей народов земли Русской.

Председательствование Приамурской Земской Думой возлагаю на Владимира Павловича РАЗУМОВА, коему быть Председателем Совета Внешних Земских Дел Приамурского Края.

Управление финансовыми и торгово-промышленными Ведомствами объединяю в единое финансово-промышленное ведомство, возлагая временное управление им на Николая Михайловича ДМИТРИЕВА.

Управление ведомством Иностраных Дел возлагаю на Николая Дионисовича МЕРКУЛОВА.

Управление ведомством Путей Сообщения возлагаю на Александра Феодоровича КАЦИЕНКО.

Эти три ведомства образуют Совет Внешних Земских Дел Приамурского Края. Управляющим ведомствами предоставляю права, обязанности и положение министров, предугазанные основными законами Российского Государства. Совету разработать Положение, условия и случай коллегиальности работы Ведомств, а равно сократить штаты управлений, применительно к местным условиям и финансовому состоянию Приамурского Края.

Для упрочения основания предстоящей мне работы по освобождению Родины от большевитской власти — учреждаю коллегиальный Приморский Поместный Совет в составе четырех моих помощников по местному управлению Приамурским Краем. Председательство в нем возлагаю на Василия Александровича БАБУШКИНА, коему вместе с сим вступить во временное управление Ведомством Внутренних Дел. Членами Совета назначаю: Владивостокского городского голову, Председателя Областной Земской Управы и Атамана Уссурийского казачьего войска с оставлением за ними их прямых, по выборности, обязанностей. Совету разработать Положение своего Управления, стремясь влить возможно полнее функции Ведомства Внутренних Дел и органы местного самоуправления, но совершенно исключая из работы

этих органов какой-либо политический их характер, кроме того, который заложен Указом № 1 в основание Приамурского Государственного Объединения.

В основание будущих выборов народных представительных органов, как государственного, так и местного значения, Земской Приамурской Думой, по моим указаниям будет разработан и проведен в жизнь принцип представительства от приходов и тех деловых организаций, кои существовали по нашим законам до 1904 года. С установлением этого начала выборности, я включу в состав Приамурского Поместного Совета и специальный Совет рабочих, мастеровых и мелких частных служащих для делового разрешения вопросов жизни, быта и продуктивности работы этих труженников земли Русской. После сего всякие иные советы, союзы и тому подобные организации, как продукты больных социалистических экспериментов революционного брожения российской массы, будут мною упразднены.

Следуя историческим заветам России, считаю необходимым теперь-же привлечь к содействию Верховному управлению Приамурским Краем казачье сословие для чего учреждаю коллегияльный орган Правления казачьих войск из атаманов и их заместителей всех казачьих войск Сибири. Председателем правления назначаю атамана Уральского каз. войска Генерал-лейтенанта Толстого со званием моего помощника по казачьим войскам.

Государственный контроль и ведомство юстиции, возглавляемое генерал-прокурором оставляю в моем непосредственном ведении с присвоением главам сих ведомств званий моих помощников.

Государственным контролером назначаю Николая Николаевича Бурдюкова с присвоением ему наименования Главного Земского Контролера, а генерал-прокурором назначаю Сергея Михайловича Кичина.

Орган управления делами правительства переименовываю в Канцелярию Правителя. Помощником начальника канцелярии назначаю Михаила Яковлевича Домрачевева, коему

временно вступить в исполнение должности начальника канцелярии.

Управляющие иностранным и путей сообщения ведомствами, Владивостокский городской голова, Председатель Областной Земской Управы, Атаман Уссурийского казачьего войска, Председатель Правления казачьих войск, Главный Земский контролер и Помощник Начальника Канцелярии Правительства по служебному положению являются членами Земской Думы.

Кроме членов Земской Думы, избранных Земских Собором и перечисленных в прилагаемом при сем списке, членами Земской Приамурской Думы назначаю: князя Алексея Алексеевича Крапотника, Григория Владимировича Подставина, Парфена Парфеновича Васильева, Леонида Дмитриевича Тяжелова и одного рабочего от Уссурийской железной дороги. Членом Думы от рабочих может быть избран такой рабочий, который работает на железной дороге не менее семи лет и имеет какой-нибудь имущественный ценз здесь в Приморье. Политически не могут быть избираемы рабочие, принадлежащие к коммунистической или различным социалистическим-интернациональным партиям. Выборы произвести соответственными рабочими организациями.

Партии коммунистов и социалистов-интернационалистов объявляю нелегальными и все лица, принадлежащие к сим партиям или разделяющие их идеи, подлежат вместе со своими семьями выселению в пределы Советской России и Дальневосточной Республики.

Для заведывания заготовками и снабжением всякого рода, выдачами довольствия вооруженных сил сухопутных войск учреждаю орган Главного Начальника Снабжения, подчиненный непосредственно мне. Главным Начальником Снабжения назначаю Генерал-лейтенанта Артемьева.

Все прочие правительственные органы Управления, существовавшие в структуре Временного Приамурского Правительства подлежат расформированию и упразднению, при

чем порядок расформирования и время установит Председатель Совета Земских Внешних Дел.

Управляющих правительственными органами бывшего Временного Приамурского Правительства Степана Ильича Ефремова, Владимира Степановича Колесникова, Николая Герасимовича Недлера, Федора Тарасовича Петрова и Николая Ивановича Сахарова освобождаю, согласно их прошений, от занимавшихся ими должностей.

Члена Приамурского Земского Собора Спиридона Дионисовича Меркулова назначаю моим политическим представителем в Вашингтоне.

Земский Собор, призвав к единению и дружной работе всех граждан Земского Приамурского Края, дает мне основание определить, что отказ от назначений на те или иные должности устанавливает для отказывающегося лица необходимость покинуть пределы Приамурского Края.

Заместителем моим по гражданскому управлению Приамурским Краем назначаю Председателя Земской Приморской Думы.

Правитель Земского Приамурского Края, М. К. Дитерихс».

* * *

На следующий день, т. е. 10 августа (четверг) в 11 часов утра в Кафедральном Соборе города Владивостока состоялось торжественное молебствие по случаю закрытия Земского Собора и избрания Новой Власти. После молебствия, в 2 часа дня на Морской улице в доме № 27 состоялось другое торжественное молебствие — магометан по тому же случаю закрытия Собора.

После молебствия в кафедральном соборе состоялся парад всем войскам Владивостокского гарнизона и флота, а также Военного Корниловского Училища и обоих (Омский и Хабаровский) Кадетских Корпусов, расположенных на Русском острове. Парадом командовал Командир 3-го Стрелко-

вого Корпуса Генерал-майор Молчанов. Военские части были без винтовок.

После мусульманского молебствия так-же состоялся парад, но меньшего размера: тут были выведены все свободные от нарядов магометане всех частей гарнизона г. Владивостока. Парадом командовал Командир 4-го Уфимского стр. полка Полковник Сидеманидзе. Оркестр же был выслан от штаба 3-го стр. корпуса.

На сем закончим нашу главу о Программе Правительства и структуре власти. Ряд интересных данных о работе Земской Думы, помещенной Правителем в Ник. — Уссурийске, читатель может найти в книге Ген. Петрова.

5. БУДНИ АРМЕЙСКОЙ ЖИЗНИ

1. Поволжская бригада под Владимиро-Александровском и на Сучане. — 2. Уфимцы и Егеря на Побережье Японского моря. — 3. Части 2-ой Сибирской бригады в Гродековском районе и Приханкайле. — 4. Уральцы и самообрана Янковского в районе Барабаш — Посьет. — 5. Бочкарев на Камчатке и Пепеляев в Охотске. — 6. Кое-что об Ижево-Воткинцах. — 7. Артиллерийские части и их жизнь. — 8. Несколько сохранившихся приказов о мелочах жизни и быта частей. — 9. Несколько цифр относительно постановки информации в частях. — 10. Оклады жалованья и получение его воинскими чинами.

Как уже читатель знает из предыдущего, запасов денежных сумм у Врем. Приамурского Правительства не имелось. Находившееся во Владивостоке при Колчаке золото, после февральского переворота 1920 года перешло в руки красных и было ими вывезено из Владивостока на запад. Таким образом основой прихода белой власти в Приморье в 1921 — 1922 г. г. являлись таможенные сборы на вывозимые товары и грузы, налоги на рыбные промыслы. Последние тянулись по всему побережью Приморской области, вывозимый-же за границу лес грузился главным образом в бухтах: Императорская гавань, Тетюхэ, в заливах святого Владимира и святой Ольги, а также в портах Посьета и Владимиро-Александровска. Немалый доход представлял собою и опий, культура которого официально была запрещена, но в эти годы безвластия огромные пространства Приморья за-

сеивались маком. Осенью контрабандисты проносили его в Китай (Манчжурия). Правительственные отряды, защищая население от нападений хунхузов (большинство корейцы, часть китайцев), в то-же время собирало с населения налоги. В случае-же нахождения у населения опия, он конфисковывался.

Летние месяцы 1922 года многие воинские части Белой Армии провели в мелких походах и операциях, имевших своею целью только что приведенные задачи защиты своего сельского населения от произвола хунхузских шаек, частично прикрывавшихся красным флагом, сбора налогов и борьбы с разного вида контрабандистами. Переходя к подробностям, в первую очередь коснемся Поволжской бригады, высланной в первых числах мая месяца из Владивостока во Владимиро-Александровское, находящееся на побережье Уссурийского залива.

* * *

С селом Владимиро-Александровским и его районом части Поволжской бригады познакомились еще поздней осенью 1921 года, когда они именно с этого района начали свое движение на Хабаровск. Тогда они прошли от берега моря через Владимиро-Александровское вверх по Сучанской долине до деревни Сергеевки. После их ухода, наблюдение над всем этим районом было поручено Оренбургской казачьей бригаде, базировавшейся не на Владимиро-Александровск и море, а на станцию Сучан и линию железной дороги. На постое у своих-же земляков — местных красных партизан или им сочувствующих, Оренбургская каз. бригада не проявила большой активности и вот теперь, с наступлением летних месяцев, в Сучанскую долину опять была двинута Поволжская бригада. Эта стрелковая бригада, без 4-го Уфимского стр. полка, но с только-что приданным ей Анненковским «конным» дивизионом, провела целое лето в районе Владимиро-Александровскаго, имея последнее, как свою основную базу, бригада то частями, то в полном наличном

своим составе гонялась с большим или меньшим успехом по сопкам за партизанами и собирала с населения налоги в казну Приамурского Правительства.

Общая численность частей Поволжской бригады, находившихся во Владимиро-Александровском и его районе, равнялась примерно 200 стрелкам, 200 конным и 2 орудиям. Согласно данным августа 1922 г. в бригаде, кроме Уфимцев, должно бы быть 600 стрелков, 230 конных и 2 орудия — 3-ая Волжская батарея. Бригадой опять командовал Генерал-майор Сахаров, принявший ее во Владивостоке от временно командовавшего ею Генерал-майор Ястребцева.

Село Владимиро-Александровское расположено, собственно говоря, не на самом берегу залива Америка, но в десяти верстах от него, на левом берегу реки Сучан. Военские части и команды, прибывавшие в район Владимиро-Александровского морем, высаживались обычно на пристани китайского поселка Ченьювай, но шаланды (китайские лодки) с продовольствием ходили обычно вверх по реке до самого села. В таких случаях, в целях обеспечения беспрепятственного прохода шаланд, по берегу реки почти сплошной линией выставлялись посты от гарнизона, долженствующие не допустить всегда возможного нападения партизан на шаланды и их захвата. Село Владимиро-Александровское было окружено линией проволочных заграждений. Окружающие же это село деревни — Голубовка, Екатериновка, Уноши оставались незанятыми белыми и в них, обычно, обретались патризаны (красные). Своими обстрелами патризаны частенько тревожили гарнизон Владимиро-Александровского, но все эти нападения они производили ночью. Поднимались тревоги, люди отрывались от сна, но серьезных действий за сим не следовало и через час — другой люди вновь распускались по квартирам. Такое удовольствие не особенно было приятно белым и, дабы положить конец этим ночным тревогам, начальник противобольшевистского гарнизона сделал объявление, согласно коего, в случае нового ночного нападения патризан на посты белого гарнизона в селе, Ге-

нерал Сахаров брал на себя право обстрела прилежащих деревень из орудий. Партизаны попробовали было повторять свои нападения, но так-как белые в таких случаях немедленно начинали выпускать свои снаряды по одной из перечисленных выше прилежащих деревень, то перестрелки стали смолкать очень быстро — после двух — трех снарядов, а в дальнейшем эти нападения красных и вовсе прекратились.

Офицерская рота 1-го Волжского полка не помещалась во Владимиро-Александровском, но была выдвинута и занимала жел. дор. станцию Сучанские каменноугольные копи. Навестить эту роту, снабдить ее новым запасом продовольствия, являлось делом одного стрелкового или конного полка Владимиро-Александровского гарнизона. Этот полк обычно сопровождало одно из орудий Волжской батареи. Красные партизаны каждый раз начинали в одном или другом пункте обстреливать отряд белых, но две — три шрапнели, пущенные наугад, всегда приводили красных к молчанию. Потерь при таких столкновениях у белых, да надо полагать и у красных, почти никогда не было, редко-редко когда оказывался один или два раненых в пехоте.

Один раз белый отряд ходил по тракту в сторону Звездочки. Партизаны уклонились от встречи и отряд, не сделав ни единого выстрела, вернулся назад. В начале августа была предпринята экспедиция в Ново-Литовск, где по сведениям белой контр-разведки сосредоточились значительные силы красных. Отметим, что население Ново-Литовска и прилежащих к нему деревень благоволило белым и относилось враждебно к красным. Оно даже просило белых о помощи и содействии им. Итак, получив только-что приведенное сообщение о партизанах, находящихся в Ново-Литовске, Штаб Поволжской бригады разработал план движения на Ново-Литовск двумя колоннами:

1) колонна пехоты при одном орудии из Владимиро-Александровского через Екатериновскую, Михайловку и Кирилловку должна была пройти в Ново-Литовск верхней — горной дорогой, а

2) колонна, состоявшая из конного полка при другом орудии, в Екатериновке должна была отделиться от пехотной колонны и через Голубовку, Американку и Лагонешт так-же должна была явиться в Ново-Литовск.

В 23 часа 30 минут была произведена побудка и отряд сразу-же двинулся в поход, так как в неожиданности крылся успех грядущей поимки красных партизан. Однако белым не повезло с самого начала: Командир 8-го Камского полка Полковник Сотников, часть офицеров и солдат оказались слишком «на-веселе». Тихая и незаметная для населения и возможных постов красных поимка сорвалась: Паром перевернулся, два солдата и пулеметы были утоплены. После этого с факелами в руках начали искать брод. Екатериновка и Голубовка были пройдены в ночной темноте. В первой из них, в одной из хат анненковцы обнаружили партизан и всех их перерубили. На улице этой деревни белые части захватили какие-то, показавшиеся подозрительными, подводы, но дабы не упустить красных из Ново-Литовска не стали с ними разбираться и продолжали свое движение. Конный полк, двигавшийся по южной дороге, пошел было по неправильному пути, но обнаружив это вернулся назад и вышел в конце концов к Лагонешту.

В Ново-Литовск первой прибыла пехотная колонна, она была там уже около 10 часов утра, заблудившаяся конная колонна, пришла туда лишь около двух часов дня. Красных, между тем, в Ново-Литовске не оказалось, они ушли на восток — братья Владимиро-Александровское. Можно представить настроение, охватившее белых начальников. Немного передохнув в Ново-Литовске, белые, теперь уже одной колонной, поспешно устремились по южной дороге назад, к своей почти-что не защищенной базе.

Красные стояли перед почти пустым Владимиро-Александровском, но атаки его почему то не начинали. С подходом белых, они сняли с него блокаду и отошли в сопки. Утром следующего дня части Поволжской бригады были уже у себя дома. Так, в конце концов, весьма благополучно

для белых закончилась их гонка за партизанами. Следует отметить, что только теперь, по возвращении во Владимиро-Александровское, белые узнали, что в первую ночь своего похода в деревнях Екатериновке и Голубовке они прошли через расположение сосредоточившихся уже здесь красных партизан, ранее бывших в Ново-Литовском. Этого они не обнаружили и даже не подозревали такой «милой» возможности, хотя, как уже говорилось выше, анненковцы перерубили партизан в одной из хат, а на улице были задержаны подозрительные подводы.

Такова вот сугубая действительность патризанской войны.

Во второй половине августа Поволжская бригада была снята с Владимиро-Александровского участка и переброшена в Никольск-Уссурийский, гарнизон которого и составила, ввиду ухода оттуда последних частей 2-ой Сибирской стр. бригады.

* * *

Охрана побережья Японского моря находилась в руках Армирала Старка — Командующего Сибирской флотилией. Вследствие незначительной численности отряда морских стрелков и невозможности для них держать в своих руках все побережье, Адмиралу Старку временно был передан в подчинение 4-ой Уфимский стрелковый полк, направленный для занятия и удержания уездного городка — Ольга. Позднее, уже после прибытия во Владивосток Генерала Дитерихса и восстановления расформированных полков бывшей 1-ой стр. бригады, Егерский полк так-же вошел в подчинение Адмиралу и был направлен на побережье в ряд экспедиций в бухты Торней, Пластун, Тетюхэ и далее на север до Императорской Гавани включительно. Экспедиционные отряды перевозились на параходах и катерах к месту своей высадки и по выполнении своей задачи таким-же порядком возвращались в свои основные базы. Больших передвиже-

ний вдоль берегов моря не производилось, по причине бесполезности подобных движений, так как населенные пункты были слишком редки, местность трудна для движения и противник сам там не блуждал. Как Уфимцы, так и Егеря в этих экспедициях имели ряд стычек и несколько боев с местными жителями — партизанами. Во время одного из таких боевых столкновений Егеря потеряли Капитана Штихлинка — хорошего боевого офицера.

* * *

В первых числах июня месяца 6-ой Добровольческий полк (2-ой Сиб. стр. бригады) был переброшен из Никольск-Уссурийского по железной дороге в Гродеково, гарнизон коего до этого времени составляла одна лишь Уссурийская казачья сотня.

19-го июля этот полк перешел походным порядком в Богуславку, а затем двинулся дальше к Камень-Рыболову, по прибытии в который простоял там примерно две недели. После этого, уже был август, полк через село Хороль прошел в Вознесенское, что в 12 верстах на север от Никольска.

За время этого похода полк имел несколько незначительных столкновений и перестрелок с красными патризианами и хунхузами. Самым большим боем этого полка был бой с хунхузами под казачьим поселком Фадеевский, в результате коего большой отряд хунхузов был разбит русским полком на голову.

2-ой Сибирский кавалерийский полк этим летом выдвигал часть своего состава из Никольска в Полтавку в целях точно такой-же борьбы с хунхузами, базировавшимися на Манчжурскую территорию, и красными патризианами.

Две роты 4-го Омского стр. полка были с самого начала выдвинуты в село Ивановка, где так-же имелся и японский гарнизон. Позднее, уже в августе, эти две роты были сменены Енисейским казачьим полком.

* * *

Осенью 1921 года контроль над Посыетским районом осуществлялся 8-м Камским полком. К северу от него, в бухте Седеми находилась прекрасно оборудованная заимка некоего Янковского, весьма состоятельного человека. Он, кажется, состоял в родственных отношениях с одним из членов Меркуловского Правительства, а потому без особых трудностей получил разрешение организовать собственный отряд для охраны своей заимки и прилежащего района. Осенью 1921 года, вслед за крахом Семеновского Гродекова, ряд ярых семеновцев перебрались к Янковскому на службу в его личный отряд. Жалованье им Янковский платил из собственного кармана. Большой любитель оригинальничать, Янковский выдумал для своего отряда оригинальную форму с фазаньими перьями на американского фасона шляпах с большими полями.

Отряд Янковского, видимо, не мог справиться с волной хунхузских отрядов, устремившихся в этот богатый район и летом 1922 года, в то самое время когда Егеря действовали под Императорской Гаванью, Уральский полк, войдя в распоряжение Генерала Артемьева, назначенного управляющим Владивостокского района, был отправлен в бухту Седеми. Отсюда Уральцы и Егеря походным порядком прошли на север в селение Барабаш, где и обосновались. Неся охрану района, они ходили в ряд экспедиций для борьбы с хунхузами. С началом военных действий в сентябре, Уральцы и Егеря вернулись во Владивосток, где на Светланке и в Морских казармах находились их тыловые базы.

* * *

Для контроля над русско-китайской границей весной 1922 года Врем. Приамурское Правительство приступило было к формированию бригады пограничной стражи. При Генерале Дитерихсе эта бригада была переименована в Пограничный полк и с началом военных действий была передана Ген. Смолину.

* * *

Для контроля богатых промыслов и приисков Камчатки и Охотского края, осенью 1921 года Приамурское Правительство отправило добровольческий отряд Есаула Бочкарева, отделаться от которого было радо. Это было, конечно, ошибкой, так как Бочкарев оказался распорядителем огромных натуральных богатств, зверскую эксплуатацию коих он производил до поры до времени, но не для пользы казны Белого Правительства, а для своей собственной и своих присных. Вся эта история с посылкой Есаула Бочкарева окончилась печально — сам есаул со своими друзьями и неправдой приобретенным богатством оказался в Шанхае, а Приамурское Правительство не получив от всего этого дела ни единой копейки, лишь «запачкало» свое имя. На место Бочкарева Дитерихс отправил Генерала Иванова-Мумжиева.

В Якутской области, после крушения власти Адмирала Колчака, образовалось Якутское Областное Управление во главе с якутом Ефимовым, которое повело борьбу с большевиками с помощью повстанческих отрядов, находившихся под командой Корнета Коробейникова. Их борьба с Советами, сначала удачная, стала затем складываться трагично для повстанцев и весной 1922 года представители Якутского Областного Управления прибыли во Владивосток и просили о помощи и поддержке. Меркуловы колебались и так до своей замены Правителем М. К. Дитерихсом, никого и ничего не послали в Якутию. Генерал Дитерихс взглянул на дело иначе и вскоре, прибывший из Харбина бывший кумир Белой Сибири — Ген.-лейтенант Пепеляев сформировал отряд, получивший наименование «Милиции Северной Области», как из добровольцев, вызвавшихся из рядов Приамурских войск (493 человека г. г. офицеров и солдат). 15-го августа 1922 года формирование этого отряда было закончено и в ночь с 29-го на 30-ое августа пароходы «Батарея» и «Защитник» покинули Владивосток и направились в порт Аян, что на побережье Охотского моря.

В своей обстоятельной книге — дневнике, Генерал Е. К.

Вишневский подробно описывает всю историю этого отряда, получившего окончательно наименование «Сибирской добровольческой дружины», вплоть до его гибели и полного рассеяния летом и осенью 1923 года. Поэтому каждому, кто интересуется самой последней страницей истории вооруженной борьбы белых с красными, развернувшейся в холодном, пустынном и диком краю Сибири, надлежит прочитать эту прекрасную книгу — «Аргонавты белой мечты».

* * *

Ижевско-Воткинская бригада участия в летних операциях 1922 года не принимала. Она несла гарнизонную службу. Сохранившаяся, нижеприводимая выписка из донесения дает численность этой бригады на неуказанное число июля месяца:

«Сообщаю для сведения численный состав бригады:

Штаб бригады, Раздольное ..	11 офицеров,	19 стрелков	
Бригадное интенданство	1	»	1
Ижевский стр. полк, Раздольное	73	»	411
Воткинский стр. полк Владивосток	74	»	233
Воткинский стр. полк Раздольное	4	»	30
Добровольческий стр. полк Раздольное	113	»	195
Воткинский кон. дивизион Раздольное	37	»	172
Ижев-Вотк.-Добр. батарея Раздольное	18	»	81
<hr/>			
Итого: в Раздольном	257 офицеров,	909 стрелков	
во Владивостоке ..	74	»	233

Старший адъютант Капитан Коновалов».

* * *

Артиллерия войск Временного Приамурского Правительства — 11 легких батарей во всех этих мелких летних походах участия не принимала за исключением 3-ей Отдельной Волжской стр. и Оренбургской каз. батарей. Отметим, кстати, что последняя батареей только числилась по бумаге, так как состояла из артиллеристов, в действительности-же, за отсутствием орудий, представляла собою конную сотню. О Волжской-же батарее мы говорили уже выше.

В главе первой говорилось о создании курсов для повторения и укрепления знаний г. г. офицеров разных родов оружия. Вот этими-то занятиями на курсах и несением гарнизонной службы, а так-же несением своих собственных внутри-дивизионных и внутри-батарейных нарядов, поглащалась вся деятельность и жизнь батарей в эти летние месяцы 1922 года.

Что касается внутреннего распорядка жизни и взаимоотношения чинов, то тут следует отметить, что в этих отношениях 3-ий отдельный дивизион представлял собою некоторое исключение из всех остальных артиллерийских частей. Многое зависело тут от личности его командира — Полковника Бек-Мамедова. Человек сильной воли, бесцеремонный, признававший лишь свое только собственное мнение, он не желал считаться с офицерами, но солдатам он старался угодить, равно как и высшему начальству у которого (Ген. Молчанов) Бек-Мамедов считался на хорошем счету. Он был кадровым офицером, выпуска, кажется, 1908 года из Михайловского арт. училища, но революция и гражданская война наложили на него свою печать, отрабатывая в нем тип «атамана». В эмиграции Бек-Мамедов «переименовался» в Иллариона Суворова, похитив таким образом имя и фамилию от двух знаменитых русских полководцев и отрекшись от имени своих отцов. Таков был вот командир 3-го отдельного дивизиона и, само собою понятно, какова была обстановка и «дух» в его двух малочисленных батареях, если только ко всему вышеуказанному добавить, что Бек-Мамедов развел в своем дивизионе «ябедничество»

и слежку за офицерами и солдатами, причем за первыми следили не только офицеры, но и солдаты. Сам-же Бек не гнушался даже того, что-б иной раз подслушать у двери или окна. В Забайкалье за эту «страсть» он даже раз поплатился: Один из г. г. офицеров, заметивший своего начальника, как-бы не в нарок выплеснул из своего стакана горячий чай за окно и окатил своего «Комдива». — «Капитан такой-то, как Вы смеете», воскликнул Бек-Мамедов. — «Виноват, г-н Полковник, я не знал, что Вы подслушиваете», был ответ. Что мог ответить «гроза-командир»? На сей раз ему пришлось «проглотить пилюлю». Для 3-го дивизиона характерно еще то, что в батареях этого дивизиона (и Волжской также) число офицеров не превышало штатную цифру «7». Все сверх-штатные Полковником Бек-Мамедовым были переведены, после Хабаровского похода, в отдельный офицерский взвод, в коем установлены «юнкерские» порядки.

В отличие от батарей 3-го дивизиона, все остальные батареи жили нормальной, дружной жизнью артиллерийских частей Старой Армии. Командиры этих девяти батарей старались поддерживать артиллерийские традиции доброго времени, что благодаря весьма приличному составу офицеров и солдат, оказывалось вполне возможным. Число офицеров на батарею колебалось от 12 до 20 человек, число солдат от 50 до 120 человек. Из всех этих 9 командиров батарей, один лишь Комбат Сибирской казачьей был пехотным офицером, шесть окончили артиллерийские училища, а командир Иркутской батареи был в прошлом артиллерийским подпрапорщиком, дослужившимся до Полковничьего чина. Эти обстоятельства делали то, что в Иркутской батарее были более грубые отношения и менее отдавали старым артиллерийским лоском. Все-же надо отдать справедливость Полковнику Сартыкову — он старался следовать за остальными, а не за Бек-Мамедовым. В заключение нужно несколько задержаться еще на 1-ой отдельной батарее. Она являлась единственной свернутой уже в 1922 г. (март месяц) из дивизиона. Вследствие этого в ее списках насчитывалось,

кроме командира батареи, еще два солидных штаб-офицера (выпуска из Михайловского арт. училища 1903 и 1904 г. г.). В противоположность батареям Бек-Мамедова в 1-ой отдельной батарее существовала полная свобода слова и мнения, чем, однако, г. г. офицеры не злоупотребляли. Командир этой батареи — Полковник Романовский (выпуска из Михайловского училища 1904 года) пользовался глубоким уважением и, я сказал-бы, даже любовью своих подчиненных. Его авторитет высоко стоял во всей «Белоповстанческой» армии, не говоря уже об артиллерийских частях.

* * *

Теперь мы приведем несколько сохранившихся приказов, рапортов и прочих документов, которые явятся как-бы фотографиями, иллюстрирующими данное мною описание жизни армии в Приморье.

«Приказ 3-ему стрелковому корпусу

Владивосток № 163 26-ое апреля 1922 г.

1. Сибирского казачьего войска Полковника СЫЧЕВА, состоявшего в Поволжской стрелковой бригаде и переведенного на службу Приказом моим от 13-го апреля № 143 в Сибирский казачий полк, бежавшего не сдав отчетности и по сие время не явившегося к месту назначения — исключить из списков как дезертира.

Справка: Рапорт Нач. Поволжской стр. бригады № 767 и сношение Командира Сибирского каз. полка от 23-го апр.

6. 1-го Кавалерийского полка младшего унтер-офицера РЯМОВА и ефрейтора Шестакова за появление в пьяном виде на улице города — арестовываю на 14 суток с содержанием на гарнизонной гауптвахте.

Справка: Рапорт Начальника Военно-Милицейского Отделения № 533

Генерал-майор МОЛЧАНОВ».

«Приказ 3-му стрелковому корпусу

Владивосток № 198 9-го мая 1922 г.

1. Сводно-Добровольческого стрелкового полка Поручик КУЗЬМИН Михаил, за отсутствие чести и достоинства офицерского звания, применительно к статье 46 Уст. дисциплин. Изд. 1919 г. — разжалывается в рядовые.

Основание: Приказ Временного Приамурского Правительства Армии и Флоту от 3-го марта с. г. № 37.

5. Музыкантов БАБИНА Ивана и КУЗНЕЦОВА Василия, выразивших желание поступить добровольцами — назначаю на службу в музыкантскую команду Штаба Корпуса.

6. Дочь старшего фейерверкера Нестроевой команды Штаба Корпуса ЯМИНА — Александру зачислить на $\frac{1}{2}$ семейного пайка с 1-го мая с. г.

Генерал-майор МОЛЧАНОВ».

«Начальник

Конно-ординарческой Команды

Штаба 3-го стр. корпуса

23-го мая 1922 года

№ 238

Владивосток.

Обер-Квартирмейстеру Штаба Корпуса
Рапорт

Вверенной мне команды фельдфебель Кислицын Петр вчера, 22-го сего мая, самовольно сменял бывшую его собственную лошадь на другую, взяв придачей 50 руб. золотом.

Доношу на распоряжение.

Подпоручик К...»

«Приказ 3-му стрелковому корпусу

Владивосток № 247 30-го мая 1922 года

1. 75 руб. иенами выписать в расход по денежным книгам штаба Корпуса из сумм на чрезвычайные экспедиционные

расходы и уплатить по счету за № 0107/47 за 3 ведра спирта для экспедиционного отряда Генерал-майора Сахарова.

2. 10 руб. иенами выписать в расход на чрезвычайные экспедиционные расходы и уплатить по счету от 29-го мая за № 1007 Уральскому Торгово-Техническому Товариществу за 1 алмаз для резки стекла.

3. 30 руб. иенами выписать в расход на чрезвычайные экспедиционные расходы и уплатить по счету за № 1915 И. КОРОТ за исполнение клише для обложки журнала "Воин".

4. 40 руб. 45 коп. иенами выписать в расход на чрезвычайные экспедиционные расходы и выдать Поручику Зинцову на постройку национальных флагов.

6. 2 рубля иенами выписать в расход из сумм, находящихся в моем распоряжении, и выдать Волжского стр. полка Поручику Постникову для уплаты 1-му Крепостному госпиталю за свечи для погребения убитого Поручика КРЕПКОГОРСКОГО.

Генерал-майор МОЛЧАНОВ».

«Командир
Отдельного Енисейского
казачьего полка
.....июля 1922 г.
№ 1579
бухта Улисс.

Начальнику Штаба Владивостокского гарнизона.

Высылать ежедневно в Штаб Гарнизона казака для связи не могу, так-как всего имею пять лошадей кованных. Остальные больны часоткой в тяжелой форме, все лечатся и к работе не годны.

Войсковой старшина БОЛОГОВ.

Вр. И. Д. Полкового адъютанта Подъесаул Х...»

В мае 1922 года в Ижевско-Воткинскую бригаду было сдано 5 двуколок обозных и 5 двуколок санитарных для бригады.

24-го мая 1922 г. приказано срочно сдать все теплые вещи, находящиеся на руках чинов 3-го стрелкового корпуса.

27-го июня 1922 г. 3-ий корпус получил 36,000 русских трехлинейных патронов из Штаба Комвойсками и флотом Правительства.

19-го августа 1922 г. Начальник Штаба Поволжской группы затребовал от Инспектора Артиллерии Группы 4 диска для пулемета Шоша, имеющегося в конно-ординарческой команде штаба. Требование вернулось назад с надписью: «дисков нет».

«Расписание дня Конно-ординарческой команды Штаба 3-го Корпуса.

подъем и утренняя уборка ..	6 до 7 час. утра
чай	7 час. 30 мин.
обед	12 » дня
водоной обеденный	12 » 30 мин.
ужин	6 » вечера
вечерняя уборка	8 » »

31-ое июля 1922 года».

* * *

11-го августа 1921 года Командир Сибирского казачьего полка обратился к Начальнику Осведомительного отдела Штаба 3-го стр. корпуса с просьбой об увеличении числа газет для полка. Он писал: «ежедневно командиром мною лицо по этому делу получает всего на полк: 1 — 2 экземпляра газеты, такое малое количество может удовлетворять

только небольшую команду, а не полк в котором состоит более 300 человек».

14-го августа 1921 года Полковнику Баеву (Начальник Штаба Иж-Воткин. бригады) на Сучан было отправлено 77 экземпляров газеты «Ижевский Юбилей» для распространения среди населения.

18-го июля 1922 г. Заведующий осведомительной частью Иж.-Вот. бригады, Подполковник Коновалов, подал рапорт Начальнику Штаба бригады такого содержания:

«Доношу, что газеты, присылаемые из Штаба 3-го корпуса, присылаются все в меньшем и меньшем количестве. Газеты раньше приходили экземпляров по 30 — 35, теперь поступают по 13 и меньше экземпляров. Считаю, что такое мизерное количество далеко не достаточно для информации частей Иж-Вот, бригады в Раздольном, прошу Вашего ходатайства о принятии мер к увеличению числа присылаемой литературы».

9-го августа 1922 года 2-ой Генерал-квартирмейстер Штаба Командующего войсками и флотом Временного Приамурского Правительства, Ген. Штаба Полковник П... разослал для сведения командиров частей ПИСЬМО ШТАБС-КАПИТАНА ЕФИМОВА и два возвания: «Братский призыв кап-пелевцам» и «Открытое письмо солдатам и офицером белоповстанческих Меркуловских отрядов» с просьбой разъяснить «всем чинам о тех способах воздействия и насилиях, которые применялись большевиками к попавшим к ним белоповстанцам для подписания подобного рода возваний».

24-го августа 1922 года в Штаб 3-го корпуса поступило для распространения 14,500 экземпляров (всего) — указы Правительства № 1 и 2, два обращения к населению и одно воззвание.

30-го августа 1922 года Указ № 25 разослан: Полковнику Аргунову — 600 экземпляров, Начальнику Никольск-Уссурийского уезда — 150 экземпляров, в Штаб 3-го корпуса — 100 экземпляров.

Осведомление — 9-го августа через Штаб 3-го корпуса прошло газет:

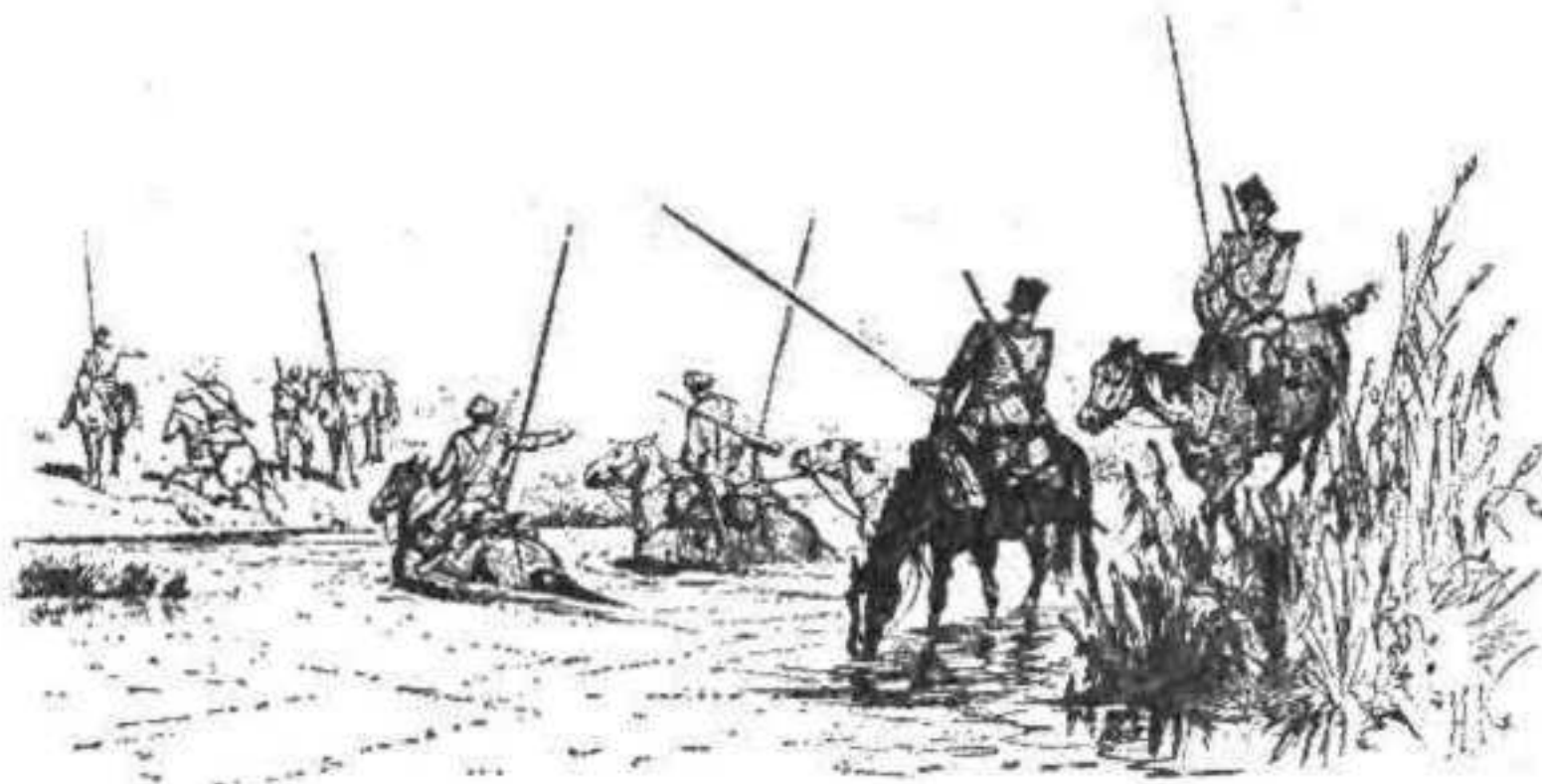
Русский Край № 377	100	экземпляров
Слово № 663	100	»
Русский Голос № 602	51	»
Владимо-Ниппо № 624	10	»
Вечерняя Газета № 361	199	»
Русская Армия № 158	210	»
Журнал «Воин»	199	»

инными словами на 4 персоны (Комкор, Наштаба, Обер-Кваркор, Дежурный штаб-офицер) приходилось — 27 газет, на контр-разведку — 5 газет, командам при штабе корпуса — 16 газет, двум персонам (Ген. Смирнову и Воздвиженскому) — 12 газет, Интенданство — 20 газет, Инженерный дивизион — 26 газет, Артиллерийский дивизион — 44 газеты, Воткинский полк — 79 газет, Уфимский полк — 103 газеты, Раздольное (база) — 250 газет, Сучанскому начгару — 17 газет, Владимиро-Александровку — 342 газеты, базу 1-го кавполка — 10 газет, база Камского полка — 6 газет, база Волжского полка — 3 газеты, Иманская сотня — 15 г.

* * *

Приказом Войскам и Флоту Времен. Приамурского Правительства от 18-го июля 1922 года за № 90 приказано войсковым частям представить Требовательные Ведомости на истребование единовременного пособия чинам армии и флота. Требовательные ведомости были составлены и 26-го июля чины Штаба 3-го стр. корпуса получили пособие. 38 офицеров и классных чиновников Штаба корпуса получили в общей сложности 302 рубля, офицеры и классные чины войсковой разведки Штаба 3-го корпуса — 103 рубля, а солдаты Штаба корпуса — 309 руб., итого всем чинам Штаба было выплачено 714 рублей иенами.

Жалованье за август месяц солдаты Штаба Поволжской Группы получили 26-го и 27-го сентября. 107 чинам таким образом, согласно Ведомости помеченной 30-го августа за № 5372 было выплачено 195.75 рублей иенами. При этом 11 подпрапорщиков получили по 3.00, 9 фельдфебелей — по 3.00, 36 стар. унтер-офиц. по 2.00, 24 млад. унт. офиц. — по 1.50, 3 ефрейтора — по 1.25 и 24 рядовых по 1.00 рублю иенами.

6. В ОЖИДАНИИ НОВОГО ПОХОДА

1. Уход японцев из Приморья. — 2. Дезертирство и мобилизация. — 3. Новые переформирования в Армии.

Приморский обыватель, белые и красные воины жили своими повседневными заботами и тревогами, совсем не думая о том, что судьба края уже решена сильными мира сего. П. С. Парфенов (Алтайский) указывает в своей книге, что «ликвидация всех крестьянских восстаний в Советской России и Сибири, новая экономическая политика (НЭП), разгром белой армии под Хабаровском, открытый захват японцами русской территории и другие причины побудили Американское Правительство к маю 1922 г. вновь переменить свою позицию в Дальневосточном вопросе и вновь поставить перед Токийским Правительством злополучный вопрос об эвакуации Приморской и Сахалинской областей. 21-го мая американский посол в Токио Бер передал японскому министру иностранных дел ноту, в конце которой было высказано определенное пожелание насчет "возможного определения срока эвакуации". Одновременно с этим по всей Японии пронеслась сильная волна недовольства сибирской политикой, организованная собственной японской буржуазией и рабочим классом. В связи с такими требованиями и событиями, Японское Правительство 10-го июня вновь уведомило Вашингтонское Правительство, что "сибирский вопрос будет пересмотрен" и приступило к его обсуж-

дению на созванной широкой конференции заинтересованных учреждений и официальных лиц. Эта конференция продолжалась больше недели, она была бурной и закончилась, с одной стороны отставкой военного министра и начальника генерального штаба, а с другой — решением теперь-же эвакуировать войска из Приморской области и начать новые переговоры с ДВР. 21-го июня Правительство оформило это решение и на другой день Мацудайра, новый директор русского департамента министерства иностранных дел, явился к Антонову и передал ему приглашение на новую русско-японскую конференцию. В тот-же день об эвакуации Приморья была извещена и Америка; однако она, выразив удовольствие этому факту, опять запросила Японцев, а как-же на счет Сахалина? Но из-за Сахалина японские империалисты решили дать серьезный бой».

9-го июля «из авторитетных источников» по Белому Приморью пронеслась весть о предстоящей в недалеком будущем эвакуации японских войск. Через несколько дней во всех пунктах, занятых японскими войсками, появились большие белые плакаты с объявлением Штаба Японских Императорских войск на русском и японском языках о решении Японского Императорского Правительства вывести все свои части из пределов Приморья. Эвакуация должна была производиться в четыре приема: 1) от ст. Уссури до разъезда Дубининского, 2) от ст. Пограничная до разъезда Барановского и Сучанской ветки от ее конца у Сучанских рудников до станции Шкотово, 3) от Разъезда Барановского и Шкотова до станции Угольной и 4) района к югу от ст. Угольная, иными словами района крепости Владивосток. П. С. Парфенов (Алтайский) в своей книге указывает 10-ое сентября, как первый день японской эвакуации, что однако не соответствует действительности, т. к. японская эвакуация началась 17-го августа.

Как видно из вышеприведенной выдержки из книги П. С. Парфенова (Алтайский) у японцев не имелось какого либо договора или соглашения с красными (ДВР или

РСФСР), а потому, казалось-бы, японцы вольны в своих решениях относительно передачи оставляемых ими территории и имущества либо белым, либо красным. Вопрос этот, столь важный для белых, не был разъяснен японскими властями. Кроме того, поскольку эвакуация четвертого участка должна была закончиться лишь около 25-го октября и поскольку наиболее ценное и важное в отношении обороны края имущество находилось в самом Владивостоке, поднимался вопрос: в случае передачи края и имущества местной, т. е. белой русской власти, выдадут-ли японцы белым огнеприпасы из складов Владивостока в периоды, предшествующие оставлению ими самого Владивостока, или нет? Сомнения не могло быть, что вслед за оставлением японцами первых районов, красные произведут покушение на их захват, не дожидаясь полного ухода интервентов с последнего клочка Приморской земли. В случае своевременного неполучения огнеприпасов белыми из Владивостокских складов, борьба войск Приамурского Края с красными должна была-бы быть обреченной на быструю и полную катастрофу. Но, даже в случае своевременного получения белыми этих запасов, приближающаяся борьба с наступающим противником должна все равно быть весьма тяжелой для белых. Спасти белых и дать им полную победу при таких обстоятельствах могло лишь одно чудо.

* * *

Правитель Края и Воевода Земской Рати М. К. Дитерихс был глубоковерующим человеком и он верил в чудо. На борьбу с коммунистами и большевиками он намеревался поднять русских людей древним лозунгом: «Вера, Царь и Отечество». Именитое купечество, торговый люд, мещанство и крестьянство призывались, по примеру 1612 года, к жертвенности. Правитель наметил ряд крестьянских съездов, на коих он намеревался зажечь боевым духом приморских

сельчан. Пополненная ратниками всенародного ополчения, Армия должна была усилиться настолько, что-б от обороны она могла-б перейти в наступление. Таким вот путем Правитель и Воевода наметил идти вперед. Какие-же поправки к этому плану давала действительность?

Мы не будем говорить здесь о жертвенности именитого купечества, торговых людей и мещан. Ее не было вовсе. Отсутствие денежных средств у Правителя Приамурского Края и слишком мизерный срок, предоставленный ему судьбой, лишали надежд, что искры красноречия Правителя, бросаемые в крестьянство, смогут возжечь неугасимый, могучий огонь служения Белой Идее среди местного крестьянства. Таким образом оставалась, казалось-бы, одна лишь Армия, переименованная ныне в «Земскую Рать». Но и с ней дела обстояли не так уж важно, а именно:

Не была еще объявлена поголовная мобилизация всего способного носить оружие городского населения, как в рядах белых войск выявилось иное движение — дезертирство. Правда, началось оно не после обнародования японцами своего решения уйти, а несколько раньше — в то время, как междуусобная склока «нарсобщи-ков» и «меркуловцев» готовилась, казалось, привести к кровавому столкновению «каппелевцев» и «семеновцев». В эти смутные дни ряд воинских чинов самовольно покинул ряды воинских частей. Известие о грядущем уходе японцев, опасения возможного предательства со стороны их на манер братьев — чехословаков и иных «доблестных» союзников, при безнадежности грядущей борьбы с красными с перспективой попасть при случае в какую-нибудь катастрофу вроде Новороссийской эвакуации, а в лучшем случае разоружение на китайской или японской границе и дальнейшие скитания за границей, чего доброго, беспомощного калеки — все это вместе взятое невольно заставляло призадуматься каждого из белых бойцов. Желание жить у многих начинало перевешивать чувство долга перед Родиной — Белой Идеей.

Еще ранее, в течении этих последних полутора лет, про-

веденных Армией в Приморье, не видя порядка в среде своих водителей и постепенно теряя к ним уважение, многие офицеры и солдаты стали все чаще и чаще поглядывать в сторону Полосы Отчуждения Китайской-Восточной железной дороги, где имелся такой обетованный мирный город, как Харбин. Правда, не все, кто осел в Харбине нашел там золотое дно, немало было и таких, кто побившись-побившись в чужом городе прибыл в Приморье снова служить под белыми знаменами. Были такие, но все-же процент дезертиров летом и осенью 1922 года так повысился в «белоповстанческих» частях, что о нем невольно приходится говорить. Никогда еще прежде, ни на Волге, на Урале, в Сибири, в Забайкалье или хотя-бы в том-же Приморье, перед Хабаровским походом, никогда еще не было частых и повсеместных случаев дезертирства испытанных, боевых и преданных Белому Делу воинов. Бегали, сдавались и переходили к красным лишь необстреленные или распропагандированные пополнения, но никогда не бегали добровольцы. Еще страннее оказывалось отношение к этим убегающим со стороны остающихся. Ни презрения, ни озлобления ко всем этим дезертирам со стороны остающихся под знаменами их бывших соратников не наблюдалось. Наоборот, нередко были случаи, когда остающиеся, недопускающие мысли самим дезертировать, сами-же способствовали и содействовали побегу дезертирующих своих сослуживцев. Дезертирство было во всех частях. Удирали с оружием, с конями. Бежали офицеры и солдаты. Сначала удирали, обычно, в поездах к станции Пограничная. Когда же по линии жел. дороги поставили ряд постов, то побежали по проселкам через Полтавку, Богуславку, Жариково. Дезертиров предавали суду, но это мало помогало.

Следует отметить, что злобу и ненависть к себе вызывали лишь те, кто бежал с чужими или лучшими конями, а так-же те, кто в последнюю минуту не брезговал залезть в катомку или вещевой мешок своего приятеля-сослуживца.

Отмечая это болезненное явление, мы принуждены так-

же отметить, что в рядах воинских частей имелись, конечно, и такие, кои говорили: «Если умели до сих пор есть кусок казенного хлеба, то и имей мужество за него и расплачиваться. Ходили при японцах в погонах и называли себя солью земли, так поддержи-же честь своих погон и что-б ни красный, ни житель, ни японец не вспомнил вас лихом и с презрением».

* * *

Деятельность красных, в виду всего происходящего, также усилилась. В некоторых участках городов Владивостока и Никольска белые бойцы избегали появляться по одиночке и без оружия.

5-го августа красные партизаны заняли деревню Красный Яр, что в нескольких верстах от Никольска. По слухам в деревне Раковка сосредоточились сильные части красных. На утренней заре красные обстреляли из орудия железнодорожную станцию Никольск-Уссурийский. Их батарея стояла на позиции где-то в районе деревни Глуховка. В Никольск-Уссурийском введено военное положение. Белые части этого гарнизона находятся в боевой готовности. Выступить и принять участие в деле им все-ж не пришлось, так как серьезного ничего красные не предприняли и при первом-же появлении японских пехотных цепей, красные партизаны поспешили отойти.

* * *

Выше говорилось уже, что армейский вопрос Генерал Дитерихс решил уравнением «каппелевцев» и «семеновцев», без передачи перевеса одной из этих групп, а так-же привлечением «пепеляевцев» из Полосы Отчуждения во главе с их бывшим командиром — Генералом Пепеляевым.

Войска Временного Приамурского Правительства, переименованные в «Приамурскую Земскую Рать» были разделены Генералом Дитерихсом на четыре «Рати» или «Группы», три из которых существовали ранее в виде 1-го казачьего, 2-го Сиб. стрелкового и 3-го стрелкового корпусов, а четвертая (Дальневосточная каз. рать или группа) была сформирована заново из некоторых частей 1 и 2 корпусов.

После переименования и переформирований, организация Приамурской Земской Рати приняла следующий вид:

Поволжская рать или группа, под командованием Генерала-майора Молчанова, при начальнике Штаба — Ген. Штаба Полковнике Савчуке, в составе трех полков или отрядов (Прикамского — бывшая Ижевско-Воткинская бригада, Приволжского — бывшая Поволжская бригада, Московского конного — сведенные в одну бригаду 1-й и 2-й кавалерийские полки 2 Сиб. стр. корпуса), Поволжской артиллерийской дружины (3-ий отдельный стрелк. артиллер. дивизион) и Поволжской инженерной дружины (3-ий отдельный инженерный дивизион).

Сибирская рать или группа, под командованием Генерал-майора Смолина при начальнике штаба, Ген. Штаба Полковнике Бодрове, в составе трех полков или отрядов (Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского — бывшие части 2-ой Сиб. стр. бригады и заново формируемого Пограничного), Сибирской артиллерийской дружины (бывший 2-ой Сибирский стр. артил. дивизион) и Сибирской инженерной дружины (быв. 2-ой Сиб. инжен. дивизион).

Сибирская казачья рать или группа, под командованием Генерал-майора Бородина, при начальнике Штаба, Ген. Штаба Полковнике Кононове и в составе двух полков или отрядов (Оренбургского — быв. Оренбургская каз. бригада и Сводного в составе Енисейских, Сибирских и Уральских казаков).

Дальневосточная рать или группа, под командованием Генерал-лейтенанта Глебова, при начальнике штаба, Ген. Штаба Полковнике Дубинине и в составе Забайкальской

каз. дивизии и трех отдельных дружин (Амурской, Иркутской и Пластунской).

В состав ратей или групп не вошли: Урало-Егерский полк или отряд (под командой Полковника Доможирова) и железно-дорожная бригада (под командованием Полковника Ростовцева) и партизанский отряд Ген-лейт. Савельева.

Отдельно поставим «Сибирскую добровольческую дружину», которая под командованием Генерал-лейтенанта Пепеляева предназначалась для отправки в Аян для действий в Якутской области.

* * *

Несколько слов следует сказать относительно 1-го Пластунского полка, которым до событий командовал Полковник Ктиторов и который располагался в Спасске. Этот полк, как то известно по моей первой книге «Белоповстанцы», состоял из людей четырех дивизионов: Манчжурского, Конвойного, Уссурийского и Камского конного. Чины двух последних дивизионов почти сплошь были «каппелевцами», перешедшими в Гродеково на службу Атамана Семенова. Чины двух первых дивизионов были почти сплошь «семеновцами». Генерал Дитерихс, вступив во власть, решил изъять «каппелевцев» из этого полка, а оставшихся, по сведению в дружину под командой Полковника Буйвида, передать Генерал-лейтенанту Глебову. Чины бывшего Камского конного дивизиона были сплошь мусульмане и они, распоряжением Воеводы, были целиком переданы в Уфимский стр. полк, превращенный ныне в дружину. Остальным чинам разгоняемого Пластунского полка было предложено на выбор: 1) перевод в Уфимскую дружину, 2) в части Сибирской стрелковой рати и 3) переход в подчинение Полковника Буйвида. Значительная часть пожелала служить под командой Буйвида и имя «Пластунов» было задержано за этими последними.

Теперь мы так-же скажем кое-что об Урало-Егерях. С чинами бывшей 1-ой стр. бригады имелся ряд затруднений, пожалуй еще больших, чем с «Пластунами». Эта, «каппелевская» по существу бригада, самовольно вышла в марте 1921 года из «рабочей» армии Генерала Молчанова и вошла в подчинение «семеновскому» Гродекову. Так-как, при начале Хабаровского похода в этой бригаде произошли известные события и она «не пожелала» принять участие в операциях «Смолинского» корпуса, то она оказалась при движении на Хабаровск, в подчинении Генерала Молчанова, но в дальнейшем она все-же была передана Генералу Смолину. Трагическая гибель Полковника Глудкина порвали теперь возможность нормальной связи этой бригады с частями Ген. Смолина. Егеря и Уральцы оказались стоящими особняком. Генерал Глебов, в силу какого-то «родства» или «симпатий» изъявлял притязания на вновь формируемые полки Егерей и Уральцев, но последним, с помощью Воеводы, удалось отбояриться от принадлежности к Дальневосточным казакам. После этого, одно время, были предположения о передаче Урало-Егерей в пограничную стражу, но в конце концов был создан отдельный Урало-Егерский Отряд, подведомленный Ведомству Внутренних Дел и подчиненный Генералу Артемьеву.

* * *

В заключение этой главы и первой части нашей книги, кратко перечислим некоторые события в жизни Белого Приморья до начала новой и на сей раз последней вооруженной борьбы с красными.

Приказом Правительства и Воеводы за № 4 от 23-го августа была объявлена долгожданная мобилизация офицеров. 26-го августа, в дополнение приказа № 4, был издан приказ № 16, согласно коего: 1) Генералы и Штаб-офицеры, изъявившие желание служить в рядах Земской Рати и имеющие

более 45 лет, назначаются нештатными генералами и штаб-офицерами поручений при Воеводе. Генералы, штаб и обер-офицеры моложе 45 лет немедленно откомандировываются в распоряжение Начальника Резерва — Генерал-лейтенанта Артемьева.

26-го августа Генерал Дитерихс со своим Полевым Штабом переехал из Владивостока в Никольск-Уссурийский, чтобы заняться ближе военными делами, ввиду предстоящей эвакуации японцами Спасска.

В Никольск была переведена и Земская Дума, все-же остальные учреждения остались во Владивостоке. «Ежедневная сутолока уменьшилась» — восклицает в своей книге Генерал Петров.

4-го сентября, наконец-то, открылась новая конференция РСФСР, ДВР и Японии, о месте созыва которой было столько спора. Она собралась в Чань-Чуне — будущей столице независимого Манчжуго, тогда совсем скромного, захолустного городка, замечательного лишь тем, что тут происходил стык японской Южно-Манчжурской и русской Восточно-Китайской железных дорог. От РСФСР выступил Иоффе, от ДВР — Янсон, от Японии — граф Мацудайра и Мапусима.

17-го августа, как уже говорилось выше, японцы начали очищать Спасский район и к 4-му сентября весь участок жел. дороги на север от разъезда Дубининского ими был уже очищен. Характерно отметить то, что по оставлении японцами самого Спасска, в оный незамедлил пожаловать сам Правитель и Воевода. По словам очевидцев, расстроганный, со слезами на глазах, Воевода припал к «освобожденной от интервентов русской земле», после чего тут-же произнес перед толпой встречавших его официальных лиц и народа, речь на эту тему. В тот-же день Воевода отдал приказ, в коем опять упоминалась его «радость» по поводу вступления ногой на «освобожденную от интервентов русскую землю». К сожалению у меня нет под рукой экземпляра этого приказа, дабы привести его полностью. Читая

строки этого приказа, многие чины Земской Рати недоумевали: «Да что он думает? Единственная опора — японцы, а он радуется, что они уходят». Такова была вера самого Правителя и Воеводы. «Вера горами двигает» — говорит Священное Писание. «Все есть продукт воображения» — заявлял полководец Бонапарт. Надвинувшиеся вплотную события готовились измерить силу веры и физической мощи Земской Рати.

— КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ —

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД
СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ 1922 ГОДА**

1. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ ОБРАЗ ДЕЙСТВИЙ ОБЕИХ СТОРОН И ПЕРВЫЕ ОПЕРАЦИИ БЕЛЫХ

1. Приказ Земской Рати № 22. — 2. Общий план борьбы с красными. — 3. Амурская военная организация. — 4. Общий план борьбы красных с белыми. — 5. Очищение белыми Приханкайля от красных партотрядов. — 6. Уссурийская операция частей Земской Рати.

С какого числа и какого месяца должно считать начало Последнего похода последних противобольшевицких войск того самого Белого Движения, которое в 1918 — 1919 годах, казалось, готово было стереть с лица земли Советскую власть? Из того, что известно из Первой части данной работы, мы видим, как незаметно, день за днем, усиливались во второй половине лета 1922 года столкновения красных партотрядов с правительственными отрядами белых, именовавшихся в этот период новым и вместе с тем древним именем «Земская Рать». Довольно затруднительно, поэтому, провести грань и сказать с глубокой внутренней уверенностью, что, мол, в этот, а ни какой иной день, начался этот последний поход — поход Земской Рати. Это тем более затруднительно, что столкновения белых с красными и красных с белыми никогда не прекращались, хотя порой и были редки и малы по количеству принимавших в них, с обеих сторон, силах и своим результатам. Все-же, если говорить о начале последнего похода, то нам кажется наиболее правильным считать его начало с 22-го августа —

времени отдачи Воеводой Земской Рати своего Приказа № 22. Этот приказ мы приводим здесь полностью и, мы надеемся, что читатель согласится с нами в рассматриваемом вопросе, так-как этот приказ № 22 явился своего рода декларацией противобольшевистских войск, своего рода манифестом, *объявляющим поход.*

«Приказ Земской Рати № 22

22-ое августа 1922 года

Крепость Владивосток

Сего числа я прибыл в район действий Земской Рати, дабы разделить с нею служение великому и святому делу освобождения народа русского от его поработителей.

Воины:

Настал час, когда Богу стало угодно поставить нас снова перед лицом изуверов советской власти. Японцы уходят и мы можем теперь с чистой совестью и горячей верой итти выполнять национальный долг перед нашей великой и Святой Родиной.

Нет и не может быть в наших сердцах вражды и мести к народу несчастной истерзанной советской России: он — наша плоть от плоти и кровь от крови. Мы боремся не с ним, мы не завоевываем его, мы не хотим усугублять ему зла и той ужасной доли, в которые его повергли наемные и кровожадные рабы Ленина и Бронштейна — этих сынов Лжи и антихристовых приспешников. Мы боремся за по-пранную большевиками веру Христову, за право крестьянина быть хозяином своей земли, за право рабочего быть хозяином своего труда, за право каждого гражданина быть хозяином своей семьи и своего достоинства, за право всего народа по его вере, по его совести самому избрать себе Верховного хозяина земли русской, как делали это наши деды, наши предки и вернуться к миру, покою благосостоянию народному, освященными горячей и глубокой верой, что едина всему воля на земле — это воля Всевышнего Творца.

Воины Земской Рати: Зовите к себе красноармейцев, зовите партизана, зовите каждого несчастного сына истерзанной земли русской, но гоните прочь комиссаров, воров, коммунистов и всякую нечисть, подвизающуюся в органах советской власти и вместе с нею угнетающих Русский народ. Никому, кто верит в Бога, не чините зла и не творите мести. Не обижайте населения, не трогайте чужого имущества, не грабьте, не буйствуйте и не пьянствуйте. Помните, что Вы прежде всего Христовы воины, сыны Христовой России и во имя Святой Родины имейте твердость спокойно умирать с непоколебимой верой, что нет больше любви к Родине: да кто душу свою положит за братьев своих.

Воевода Земской Рати

Генерал-лейтенант ДИТЕРИХС.

Начальник Штаба

Ген. Штаба Ген.-майор ПЕТРОВ».

Таким вот приказом — возванием открыл Правитель Приамурского Земского Края и Воевода Земской Рати, царский генерал генерального штаба, бывший гвардеец последний поход своих войск.

* * *

Из деклараций Земского Собора и самого новоизбранного Правителя, приведенных в Первой части работы, мы видели, что цели ставились перед последней Белой властью большие и, после всех поражений войск Адмирала Колчака, Генералов Деникина и Врангеля, после краха в Забайкалье и, наконец, неудачи в истекшую зиму с походом Генерала Молчанова за Хабаровск, руководящие белые круги продолжали ставить себе задачу наискорейшего изгнания заклятого красного врага из Белокаменной. Стоит-ли теперь, после всего этого, опять повторять, что Воевода Земской Рати, подписывая только-что приведенный приказ, верил и надеялся на поход своих войск от Ханки, Никольска и Су-

чана через горы, доли и реки к самому сердцу родной страны. Конечно те восемь тысяч бойцов, что стояли под ружьем в распоряжении Правителя и Воеводы в Южном Приморье, были более чем недостаточны для выполнения всей тяжелой миссии по освобождению необъятной России, но для начала было хорошо и то, что они имеются, а дальше... никто, как Бог. Вера в Бога. ожидание чуда давали нужные силы в работе Воеводы.

В своей книге, Генерал П. П. Петров — Начальник штаба Земской Рати в рассматриваемую операцию, излагает достаточно подробно на четырех страницах (211 — 214) те первые задачи, которые стояли перед Земской Ратью в ее борьбе с противником. Здесь мы приведем их самым кратким образом:

Хабаровская группа красных в том виде, в коем она находилась летом 1922 года, хотя и определялась своей численностью до 20,000 ртов (по сведениям белых), но в поле могла выставить не более 7,500 штыков и сабель и, по расчетам Штаба Земской Рати, была ей не страшна.

Большие неприятности ожидалось от незначительных по своей численности партизанских отрядов, хотя в боевом отношении они так-же ничего страшного не представляли. Партотряды мешали только гражданским властям.

«В общем», пишет Ген. Петров, «мы могли рассчитывать, что с этими всеми группами можем справиться, если они не получат свежих сил». Восстание в Забайкалье и подрывная работа Амурской военной организации должны были затормозить или даже совсем приостановить переброску из Забайкалья в Приморье двух пехотных и одной кавалерийской бригад, могущих, по расчетам Штаба Земской Рати, при благоприятных для красных условиях, оказаться в районе Спасска примерно в начале октября.

Все-же и с этими, Забайкальскими силами красных Штаб Земской Рати предполагал, при благоприятной обстановке, справиться, хотя-бы даже и с некоторым трудом в течении октября месяца.

Штаб Земской Рати учитывал, что вторая (октябрьская) задача будет труднее первой (сентябрьской). «Она требовала сосредоточения к половине октября всех наличных сил хотя-бы для охраны тыла и боевых припасов. Последнее было самым большим вопросом, так как наличные запасы боевых припасов, особенно ружейных патронов были ничтожными, а японцы не передавали запасов по прежнему. Впрочем, у них было много артиллерийских припасов, а ружейных патронов было мало. Патроны были самым неразрешимым вопросом». Так говорит Ген. П. П. Петров и к этому еще добавляет: «Выполнение второй задачи еще не значило выигрыша дела, так как несомненно привлекло-бы новую присылку войск в Приморье из Советской России, если не восстанет Забайкалье. Но тут начиналась область веры в чудо, веры в изменение обстановки к лучшему к половине октября»...

На этом, мы думаем, следует остановиться и более ничего не будем прибавлять. Предстоящий поход для противобольшевиков являлся своего рода какой-то безумной лотареей, в которой один шанс был против тысячи, нет — десятка тысяч, даже миллиона...

* * *

Мы имеем возможность привести некоторые данные о работе Амурской Военной Организации из первоисточников — Архива этой организации. К сожалению предлагаемая ниже выписка составлена не совсем ясно и в ней отсутствуют одни из важнейших и необходимейших данных — дат. Вот сама выписка:

«Мечта Приамурского Правительства победить большевиков небольшой, но доблестной Армией, без внутренней тыловой работы, конечно, как и должно было быть, оказалось только мечтой. Но как бы то ни было — борьба продолжалась и А. В. О. вновь приступила к развертыванию своей работы».

«Вновь были созданы отряды. Состав А. В. О. изменился. Черных, войдя в Брагино-Гамовскую группу, отошел от дел. Много помогавший А. В. О. казак Валентин М. Нижегородцев так-же изменил А. В. О. Вновь вошли в организацию: выдающийся офицер Амурского войска Есаул Миньков (сын члена Государственной Думы Н. Минькова), доблестные офицеры: Сотник Кучеренко, Капитан Киевский, Сотник Цветков и произведенные в прапорщики: П. Вертопрахов, К. Ланшаков и другие. Некоторые гражданские представители Амурской Области так-же приняли горячее участие в общей работе. На сторону А. В. О. перешел так-же и один из эскадронных командиров Красной армии».

«Дело, несмотря на слабую и не регулярную денежную поддержку, все-же постепенно развивалось. А. В. О. удалось завязать сношения с чинами канонерских лодок Красной Амурской Флотилии. Удалось даже договориться до порчи орудий на этих лодках в соответствующий момент. Но эта порча должна была быть произведенной за известную плату. Представители советских быстроходных и вооруженных катеров неоднократно приезжали для свидания и переговоров с руководителями А. В. О.

С развитием дела начались и активные действия А. В. О. Отряды ее в разных местах вновь перешли Амур. Командир красного эскадрона, перешедший на нашу сторону, внезапным ударом захватил небольшой склад оружия в станице Ушаковой. К сожалению с отрядом наиболее доблестного офицера — Есаула Рязанцева, произведенного в этот чин за отличия, случилось несчастье: перейдя границу, он встретил случайно двух чекистов: одного казака и одного еврея. Еврея он тут же повесил, а казака пожалел и этот казак, по фамилии Пакулов, оказался таким-же Иудой, каким считали еврея. Он не замедлил предупредить один из красных отрядов и вывел его в тыл Рязанцеву, отряд которого наполовину и был уничтожен, а сам Рязанцев ранен».

«В это время началась усиленная переброска красных войск по железной дороге из Забайкалья в Приморье.

А. В. О. надо было во что-бы то ни стало задержать хоть часть эшалонов. Конечно, слабые, плохо вооруженные отряды не могли многого сделать. Правительство братьев Меркуловых, несмотря на неоднократные требования, отпускало деньги только в обрез: на довольствие людей. Все-же в конце концов Правительство это поняло значение А. В. О. и уведомило Начальника ее о предстоящем крупном отпуске средств, но... подоспел собственный "переворот"... Пока во Владивостоке шла катавасия: выступление каппелевского командования против Меркуловых, междуусобная борьба и, наконец, появление Дитерихса — отпуск денег А. В. О. не производился».

«Однако, Начальник А. В. О. понимая все значение проходящих на восток красных эшалонов, решил сделать все, что было в его силах. Быстро разослав по областям посыльных, он приказал всем отрядам (Сотника Кучеренки, Капитана Киевского, Прапорщика Ланшакова и бывшего красного командира эскадрона) сосредоточиться к отряду Есаула Рязанцева и, поступив в его распоряжение, действовать против железной дороги. Отряды быстро сосредоточились к намеченному пункту и, чуть-ли не в день сосредоточения, на голову разбили крупной силы красный отряд, высланный для окончательного уничтожения отряда Рязанцева. Поняв всю серьезность создавшегося положения и наметившуюся угрозу железной дороге, красное командование решило остановить три, следовавших в Приморье, эшалона и произведя высадку войск направило их против отрядов А. В. О.».

«В это время Генерал Дитерихс послал Начальнику А. В. О. телеграмму: — "Задержать движение эшалонов — иначе вся ответственность на Вас" и получил в ответ резкую телеграмму от Генерала Сычева: — "Очевидно Вы умеете только угрожать, но поддержать во-время не умели. Что в наших силах — делаем. Остановили три эшалона". Генерал Дитерихс сейчас-же телеграфировал: "В Ваш адрес будет

переведено тридцать тысяч". Но события уже менялись с головокружительной быстротой».

О работе белой организации Генерала Шильникова в Забайкалье мы, к сожалению, никаких подробных данных привести здесь не можем, а потому ограничимся краткой выдержкой из книги Генерала П. П. Петрова.

«Выступление в Забайкалье было необходимо во что бы то ни стало и притом немедленно, чтобы затормозить переброски. В том направлении были даны указания, но препятствий для выступления оказалось больше, чем можно было ожидать».

Эти приведенные выше выдержки красноречиво говорят о работе белых в красном тылу — ее масштабе и ее практических результатах. Они достаточно ясно определяют и самый дальнейший ход борьбы: парирование Земской Ратью ударов, наносимых ей красными войсками.

Надежда на чудо в Забайкалье отпадала. Оставалась еще вторая надежда — надежда на чудо в Японии: переход власти в военные руки с принятием определенной, решительной политики в отношении РСФСР. А пока Воеводе и Штабу Земской Рати оставалось положиться лишь на свои восемь тысяч бойцов и их противопоставить волнам красного моря, готовящегося захлестнуть последний белый уголок Руси.

* * *

Красные не нуждались в чуде. В распоряжении товарища Уборевича, бывшего прапорщика Российской Императорской Армии, а ныне Командующего войсками ДВР, имелись достаточные силы для борьбы с последней горстью «контрреволюционеров». Обстановка, как внутренняя, так и внешняя, определенно складывалась в пользу Советской власти. Повсеместные восстания против Советской власти, потрясавшие всю страну в истекшую зиму 1921 — 1922 годов, окончились повсеместным разгромом восставших, будь то

тобольские или тамбовские крестьяне, финны-корелы, бело-повстанческие отряды каппелевцев Генерала Молчанова, или полу-дикие туркмены, или-же, наконец, бывшая краса и гордость революции — кронштадские матросы. Новая экономическая политика (НЭП), казалось, примиряет население с властью... При таких обстоятельствах поход товарища Уборевича к Владивостоку должен был скорее явиться триумфальным шествием, чем тяжелой, упорной борьбой с гадательными результатами. Если в истекшую зиму отряды Генерала Молчанова захлебнулись под Ином и, в конце концов, при самом незначительном давлении, походившим больше на следование, отошли в исходное положение, то что сможет сейчас сделать Земская Рать? Много недочетов, перебоев наблюдается в красных войсках, но в конце концов, их пожалуй меньше, чем в частях Земской Рати. К тому-же вопрос с огнеприпасами и пополнениями не вызывает ни малейших опасений.

4-го сентября в Чань-Чуне открывается русско-японская конференция, но задолго до ее начала японцы объявили уже о своем уходе из Приморья. Это разве не показатель?

Победа народно-революционных войск несомненна. Впрочем, к чему теперь это «буферное» название — «народно-революционная», гораздо проще и красивее — «рабоче-крестьянская красная армия». Не так-ли? Ведь вопрос о влинии ДВР в состав РСФСР давно уж решен в недрах партии, а в единой стране не может быть двух армий.

Гидра контр-революции будет раздавлена и красный Владивосток будет освобожден от приспешников международного империализма и капитализма.

В день первой годовщины Великой Октябрьской революции молодая красная армия подарила своему вождю «Ильичу» изменческий «контр-революционный» Ужевск, ко второй годовщине ту-же участь ожидал «белогвардейский колчаковский» Омск, к третьей — Чита и Крым, четвертая годовщина прошла без яркого подарка в тяжелой и неуверенной обстановке, готовящихся и частью уже разразивших-

ся, восстаний, теперь к пятой годовщине красная армия должна освободить последний клочек русской земли и преподнести партии, ее вождю и Наркому красный Владивосток.

Таковы вот, примерно, были настроения и мысли в руководящих кругах противников Земской Рати и как они разнились от гадательных предположений последних?

* * *

Состав и организация Земской Рати к 1-му сентября 1922 года, т. е. к началу военных операций, были таковы: Воевода Земской Рати — Генерал-лейтенант Дитерихс. Начальник Штаба Земской Рати — Ген. Штаба Ген.-майор Петров.

Поволжская Рать (или группа) — 2,030 штыков, 805 сабель и 8 орудий.

Командующий ратью — Генерал-майор Молчанов.

Начальник Штаба — Ген. Штаба Полковник Савчук.

Прикамский стрелковый полк (или отряд) — бывшая Ижевско-Воткинская бригада — 900 штыков, 110 сабель и 2 орудия.

Командир — Полковник Ефимов Ген. Штаба.

Ижевский батальон (или дружина) — Полк. Зуев 270 штыков. В Никольск-Уссурийске в дружину влито еще 140 дружинников, таким образом состав дружины достиг цифры 410 штыков.

Воткинский батальон (или дружина) — Полк. фон-Вах — 270 штыков.

В этой цифре 270 штыков включены так-же 72 юнкера Владивостокского Корниловского Военного Училища на Русском Острове, приданных этой дружине перед самым началом военных операций. Юнкера, под начальством своих офицеров, составляли отдельную роту.

Пермский батальон (или дружина) — бывший Сводно-Добровольческий полк — Полк. Черкес — 120 штыков.

Прикамский конный дивизион (или дружина) — бывший Воткинский конный дивизион. — Подполк. Дробинин — 110 сабель.

Прикамская артиллерийская дружина (батарея) — бывшая Ижевско - Воткинская - Добровольческая батарея. Подполковник Гайкович — 93 человека, 2 орудия 3-х дюйм.

Приволжский стрелковый полк (или отряд) — бывшая Поволжская стр. бригада — 830 штыков, 245 сабель и 2 орудия.

Командир — Генерал-майор Сахаров.

Волжский батальон (или дружина) — Полк. Белянушкин — 140 штыков и 22 сабли.

Камский батальон (или дружина) — Полк. Сотников (или Полк. Черносвитов?) — 216 штыков и 8 сабель.

Уфимский батальон (или дружина) — Полк. Сидамонидзе — 300 штыков и 7 конных.

Приволжский конный дивизион (или дружина) — Бывший 1-й кавалерийский полк — Полк. Березин — 120 штыков и 208 сабель.

Приволжская артил. дружина (или батарея) — бывшая 3-я Отдельная Волжская батарея — Подполк. Иличев — 51 человек и 2 орудия 3-х дюйм.

Московский конный полк (или отряд) — вновь сформированная кавалерийская бригада из нижепоименованных частей 2 и 3 стрелковых корпусов — 300 штыков и 450 сабель.

Командир — Генерал-майор Хрущев.

Московский конный дивизион (или дружина) — бывший 1-й кавалерийский полк 2-го Сиб. стрелкового корпуса — Полк. Быков — 192 сабли.

Петроградский конный дивизион (или дружина) — бывший 2-ой кавалерийский полк 2-го Сиб. стр. корпуса — Полк. Смирнов (?) — 20 штыков и 253 сабли.

Анненковский конный дивизион — Полк. Иларьев — 287 штыков. Отметим тут, что кроме этих 287 аненковцев, во

Владивостоке у Генерала Глебова находилось еще 35 анненковцев.

Поволжская артиллерийская дружина (дивизион) — бывший 3-ий Отдельный стр. артиллерийский дивизион — Полковник Бек-Мамедов — 4 орудия: 1-ая батарея — Капитан — 2 орудия 3-х дюймовых; 2-ая батарея — Подполк. Зеленой — 2 орудия 3-х дюймовых; парк — Подполк.

Партизанский отряд Генерал-лейтенанта Савельева, числился отдельной и совершенно самостоятельной частью, временно приданной Поволжской Рати. По своей малочисленности (всего полтора — два десятка пеших бойцов) не представлял и не мог представлять самостоятельной части, поэтому с началом военных действий он был придан Воткинской дружине, в состав которой через месяц, примерно, и был влит.

Урало-Егерский отряд (или полк) — 400 штыков.

Командир — Полковник Доможиров.

Отряд этот, сформированный во Владивостоке летом 1922 года из чинов незадолго перед тем расформированных 2-го Уральского и 3-го Егерского полков, состоял из двух батальонов (Уральского и Егерского) и не входил в состав какой-либо рати.

Сибирская рать (или группа) — 1450 штыков и сабель и 7 орудий.

Командующий ратью — Генерал-майор Смолин.

Начальник Штаба Ген. Штаба Полковник Бодров.

Западно-Сибирский стрелковый полк (или отряд) — бывший 4-й Омский стр. полк, но несколько переформированный.

Командир — Полковник Аргунов.

Омский батальон (или дружина).

Ишимский батальон (или дружина) — тоже часть Омского стр. полка.

Западно-Сибирская батарея (артил. дружина) — Полк. Алмазов — бывшая 2-ая Отдельная Воткинская батарея — 2 орудия.

Восточно-Сибирский стрелковый полк (или отряд) — 5-й Иркутский и 6-ой Добровольческий стр. полки бывшей 2-ой Сибирской стр. бригады, пополненные так-же чинами 1-го Пластунского полка, изъявившими желание служить в частях 2-го Сибирского корпуса и не пожелавшие отправляться к Генералу Глебову.

Командиром был назначен Генерал-майор Вешневский, но в виду ухода последнего с частью бойцов в Отряд Генерал-лейтенанта Пепеляева, Восточно-Сибирский стрелковый полк фактически оказался так-же под командой Полковника Аргунова.

Томский батальон (или дружина) — бывший 6-ой Добровольческий полк.

Красноярский батальон (или дружина) — бывший 5-й Иркутский стр. полк.

Пограничный стрелковый полк.

К сожалению дополнительных сведений о нем мы не можем дать никаких, кроме того, что было уже нами сказано о нем в Первой части данной работы, в главе 6.

Сибирская артиллерийская дружина (или дивизион) — бывший 2-ой Отдельный Сибирский стрелковый артиллерийский дивизион — 5 орудий.

Командир — Полковник Смольянинов.

Иркутская батарея — Полк. Сартыков — 3 орудия 3-х дюймовых.

Добровольческая батарея — Подполк. Бельский — 2 орудия 3-х дюймовых.

Дальне-Восточная рать (или группа) примерно до 1800 штыков и сабель и 3 ор.

Командующий ратью — Генерал-лейтенант Глебов.

Начальник Штаба — Ген. Штаба Полковник Дубинин.

Забайкальская казачья дивизия — 200 штыков, 1,100 сабель и 3 орудия.

Атамана Семенова казачья конная дружина — Полк. Бычков — 300 сабель.

1-я Забайкальская казачья конная дружина — Полк. Со-рокин — 450 сабель.

2-ая Забайкальская казачья конная дружина — Полк. Ваулин — 300 сабель.

Забайкальская пластунская дружина — Полк. Лобанов — 200 штыков.

Забайкальская артиллерийская казачья дружина — Полк. Новиков — 3 орудия. Нижеперечисленные три дружины в состав Забайкальской казачьей дивизии не входили, но подчинялись непосредственно Штабу группы (рати):

Амурская казачья дружина — 200 штыков.

Иркутская казачья дружина.

Пластунская дружина — Полковник Буйвид — эта дружина явилась как-бы «подстриженным» бывшим 1-м Пластунским полком, который в Хабаровский поход командовал Полк. Ктиторов.

Сибирская казачья рать (или группа) — 588 штыков, 545 сабель и 4 орудия, а всего 1,230 воинских чинов.

Командующий ратью — Генерал-майор Бородин.

Начальник Штаба Рати — Ген. Штаба Полковник Кононов.

Оренбургский отряд (или бригада) — 220 штыков, 450 сабель и 1 орудие.

Командир — Генерал-майор Наумов.

Конный полк — Полк. Зуев — 400 сабель.

Пластунский дивизион — Полк. Титов — 200 штыков.

Артиллерийская сотня — Подполк. (?) Плотников 20 штыков, 50 сабель и 1 орудие, полученное во время военных действий.

Сводный отряд (или бригада) — 365 чинов при 3 орудиях.

Командир — Генерал-майор Блохин.

Енисейская дружина — Войск. старшина Бологов — 70 штыков и 40 сабель.

Сибирская дружина — Войск. старшина Афанасьев — 80 штыков и 55 сабель.

Сибирская казачья батарея — Подполк. Яковлев — 54 чина и 1 орудие.

Восточно-Сибирский артиллерийский дивизион (артил. дружина) — Полковник Романовский — 64 чина и 2 орудия 3-хдюймовых. Отметим, что по первоначальному плану эта дружина (бывшая 1-я Отдельная стрелковая батарея 2-го Сибирского стрелкового корпуса) должна была войти в состав отряда (или полка) Генерал-майора Вешневского. 24-го августа квартирьеры от этой дружины выехали из Никольск-Уссурийского в Гродеково, но уже 30-го августа дружина эта была приказом по Земской Рати передана из Сибирской группы в Сибирскую казачью группу, в составе коей она и действовала в течении всего похода, сохранив однако свое официальное наименование «Восточно-Сибирской артиллерийской дружины».

Уральская казачья сотня — 100 штыков. Эта сотня в состав перечисленных выше двух отрядов не входила, но находилась в прямом подчинении Командующего группой (ратью).

Железно-дорожная бригада — Полк. Ростовцев. В состав той или иной рати не входила, находясь в непосредственном распоряжении Штаба Земской Рати.

Дивизион броневых поездов — 3 бронепоезда.

Железно-дорожный батальон.

* * *

О силах красных, принимавших участие в военных операциях против частей Земской Рати осенью 1922 года, мы не можем дать таких исчерпывающих данных, как то было только-что изложено в отношении белых войск. Нижеприводимые данные о красных частях базируются на разведовательные сводки Штаба Земской Рати, а потому в них возможны большие или меньшие погрешности.

Командующий армией — товарищ Уборевич.

Стрелковая бригада в составе не то трех, не то четырех стрелковых полков:

4-го Иннского стрелкового полка (3 батальона) от 800 до 900 штыков. В каждой роте по 3 — 5 пулеметов. В прошлом (в Хабаровский поход) это — 1-ая Читинская стрелковая бригада в составе двух полков: 1-го и 2-го Амурских полков, понесших большие потери убитыми, ранеными и замороженными. По окончании Хабаровского похода бригада эта была сведена в полк и, в воздаяние заслуг по обороне ст. Инн, наименован — Иннским.

5-й Волочаевский краснознаменный стрелковый полк (3 батальона) — в Хабаровский поход он отличился во взятии укрепленной белой позиции у села и станции Волочаевка, почему и наименован Волочаевским. Так-как Волочаевка явилась поворотным пунктом Хабаровского похода, то значение этого боя было сильно раздуто красными впоследствии, все-же наименование 5-го Амурского полка «краснознаменным» указывает на то, как высоко оценивали красные Волочаевский бой даже в конце этого самого Хабаровского похода.

6-ой Хабаровский стрелковый полк (3 батальона) — численность от 1,200 до 1,500 штыков. Этот полк так-же участвовал в Хабаровском походе под именем 6-го Амурского стр. полка.

По некоторым сведениям белой разведки в состав названной бригады входил какой-то 10-ый стрелковый полк, невыясненного числа батальонов. По другим сведениям присутствие такого полка отрицалось.

Кавалерийская бригада в составе тоже не то трех, не то четырех конных полков:

Троицко-Савский конный полк — 360 сабель. Этот полк принимал участие в Хабаровском походе, где заслужил себе хорошую боевую репутацию.

Кубанский казачий конный полк (3 сотни) — 180 сабель.

3-ий Забайкальский конный полк (5 сотен) — 350 — 400 сабель.

Кроме того разведывательные сводки упоминают так-же какой-то «Гусарский» полк в 4 эскадрона, численностью в 150 — 180 сабель.

Отряд Особого Назначения (Хабаровская Госполитохра-на) в состав вышеназванных бригад не входил. Действовал отдельно в Анучинском районе. Он состоял из 4 батальонов общей численностью до 1,200 штыков.

Этим исчерпывались регулярные силы красных, кои по воле Судьбы, принимали участие в военных действиях про-тив Земской Рати. Однако совершенно неправильно будет упустить из внимания еще ряд партизанских отрядов, кои, при всей своей численной незначительности, причиняли мно-го хлопот Белым властям и Командованию Земской Рати. Партизанские отряды мы перечислим по районам. Тут были партизаны, действовавшие в Спасском, Анучинском, Сучан-ском, Полтавском районах и в Приханкайле. Отряды, ос-тавшиеся на побережье Японского моря от Сучана к Ольге и дальше на север в расчет приниматься не должны, так-как никакой положительной работы не совершали для своих и никакого влияния на ход военных операций не оказали.

Поименно из партотрядов мы назовем: Партотряд тов. Борисова, действовавший в районе Белой Церкви. Другой отряд — Сологуба. Эти два отряда, объединившись, воз-росли постепенно от 50 до 100 штыков. В районе Спасска действовал отряд некого Орлова. Лучшим-же отрядом по боевым качествам в этом районе был отряд тов. Остапенко в 80 штыков и 15 коней. Отряды Анучинского района были объединены известным красным партизаном, бывшим Ус-сурийским казаком, — тов. Шевченко.

* * *

Перед тем, как приступить к описанию операций, мы должны, хотя-бы вкратце, указать на ту группировку сил Земской Рати, которая была проведена Штабом Генерала

Дитерихса перед началом кампании. Именно, силы Земской Рати были сосредоточены в следующих районах:

Поволжская группа Генерала Молчанова из Владивостока, Раздольного и Сучано-Владими́ро-Александровского районов была переброшена в Никольск-Уссурийский (Приволжский полк Генерала Сахарова) и Спасск (Прикамский полк Полковника Ефимова и Московский конный полк Генерала Хрущева).

Части Сибирской рати Генерала Смолина из района Никольск-Уссурийского по железной дороге были переброшены в Гродековский район, откуда они двинулись в Приханкайлье, имея задачей очищение последнего от красных партизандов. По окончании этой операции группа Генерала Смолина должна была подтянуться к рати Генерала Молчанова, которая к сему времени так-же должна была полностью подтянуться в район Спасска.

Прикрытие Никольск-Уссурийского (столица Земского Края и штаб-квартира Воеводы), железно-дорожного узла со стороны Анучина и прикрытие коммуникационной линии войск Генерала Молчанова возлагались на Сибирскую казачью рать Генерала Бородина, долженствовавшую к началу сентября месяца собраться в округе Ипполитовки — Манзовки.

Дальневосточная казачья рать Генерала Глебова должна была взять на себя охрану района Сучанской ветки, Шкотова и Раздольного, но так как главные силы этой группы (Забайкальская казачья дивизия Генерала Эпова) не могла оставить Никольск-Уссурийского ранее прибытия туда частей Приволжского полка, то временно охрана Шкотовского района была поделена между Урало-Егерями и Амурской казачьей дружиной.

По прибытии в Шкотовский район частей Забайкальской дивизии, Урало-Егеря были отведены во Владивосток, где предполагалось пополнение их со значительным развертыванием за счет призываемых ратников. Этот Урало-Егерский полк должен был составить основной резерв Воеводы, но

так-как мобилизация провалилась, то и предназначенной роли этот отряд в 400 человек сыграть не смог.

Означенная перегруппировка войск была совершена в течение трех последних недель августа месяца и первых дней сентября. Охрана Никольск-Уссурийского, по уходе из него Приволжского полка, была принята ополченцами, которые шли на пополнение слабой дружины Сибирской Рати Генерала Смолина и его-же Пограничного стрелкового полка.

Из подробностей этих перебросок можно указать:

19-го августа в Никольск-Уссурийском состоялся молебен, а потом парад Атаманского полка (дружины) в пешем строю перед отправкой его в Сучанский район.

4-го сентября Восточно-Сибирская артил. дружина из Никольск-Уссурийского в эшалоне была переброшена на ст. Ипполитовка. В это время в Никольске гарнизон занимали Волжане и Камцы.

Из записок одного Урало-Егеря мы узнаем следующее:

«С началом военных операций Уральцы и Егеря вернулись во Владивосток из Барабаша и побережья. Во Владивостоке отряд простоял недолго так-как был переброшен в Шкотово. Здесь-же находится и Амурский казачий дивизион, охраняющий линию железной дороги. Сидим в казармах за проволокой. По линии ходит наш бронепоезд от ст. Угольной до Шкотова и далее верст на 10 — 15. Сучанские-же рудники в руках красных партизан. Мелкие стычки. Потом Егеря направлены морем во Владивосток, мы же (Уральцы) походным порядком двигаемся на ст. Океанская. По дороге колонна обстрелена с сопки несколькими партизанами. Потерь нет».

* * *

Сведений относительно действий частей Сибирской рати Генерала Смолина в Гродековском районе и Приханкайле собрать не удалось. Поэтому приходится ограничиться лишь приведением Указа Правителя Земского Края от 29-го ав-

густа 1922 г. за № 25, отданным на станции Никольск-Уссурийский, где помещался в вагонах штаб Земской Рати.

«Приханкайский Край освобожден от советской коммунистической изуверской власти. Благодарю Бога, что при этом освобождении Края войсками Земской Рати не было пролито ни единой капли крови христианского народа, но зато представители советской власти, убегая из Края, сочли нужным зверски уничтожить арестованных ими Василия Трофимовича Чухно, крестьянина деревни Турий Рог, Степана Карпенко — крестьянина села Троицкого, Тимофея Аввакумовича Коротких — крестьянина деревни Черниговки и еще одного, личность которого не опознана. Убийство это совершено комиссаром Кузьминым и красноармейцами: Куриловым и Новоселовым из деревни Михайловки и Ситниковым из деревни Снегуровки. Из числа захваченных войсками по подозрению в сотрудничестве с коммунистами Феклу Безрукову, Маркиана Белокурова, Петра Безрукового, Максима Березюка, Антона Глухенький, Кирилла Годуну, Николая Коргот, Александра Горюнова, Степана Журавлева отпустить по домам под надзор соответственных сельских обществ. Гаврила Дмитриева, Василия Безсонова и Анну Урышеву, воспользовавшихся изуверской советской властью для проявления своих безнравственных натур, — выслать в пределы ДВР. Митрофана Сурженко и Поручика Георгия Курочич предать полевому суду, как дезертиров Томской дружины, Александре Леоновой предложить уговорить своего мужа отстать от уголовной работы партизана Лебедева и вернуться к своему мирному очагу. Высылку семейств крестьян Василия и Филиппа Березюковых и отца их Саввы Березюка, не сумевшего воспитать своих детей в духе христианской веры, утверждаю. Впредь до разработки Земской Думой закона о приходском управлении, для восстановления разрушенного коммунистами здорового, национально-народного самоуправления Приханкайским Краем и для установления связи населения Края со мной, повелеваю: 14-го наступающего сентября, в 11 часов утра, собрать в

селении Вознесенском Земский съезд представителей Приханкайского Края, под моим личным председательством. Съезд организовать начальнику Никольск-Уссурийского уезда при содействии Полковника Аргунова. Последнему, кроме того, назначить военного начальника Приханкайского района с местом пребывания в селе Хорольском. В административном отношении Военному начальнику района руководствоваться указаниями Начальника Никольск-Уссурийского уезда. Для участия в Земском съезде от каждого населенного пункта Приханкайского края населению избрать по одному достойному, уважаемому на местах представителю. Представители должны удовлетворять следующим условиям: 1) быть крепкими в вере во Всемогущего Бога, 2) иметь в населенном пункте, от которого избираются свое хозяйство, 3) иметь от роду не менее 25 лет и быть семейным, 4) не иметь за собой в прошлом уголовного преступления. Избранные представители должны быть снабжены письменными удостоверениями от сельских сходов. Каждому представителю на путевые расходы в Вознесенском будет выдано по пяти, (5) рублей. Съезд продолжится один день.

Правитель Земского Приамурского Края МИХАИЛ ДИТЕРИХС».

* * *

Окончание похода частей Сибирской рати Генерала Смолина по Приханкайлю совпало по времени с другим событием: окончанием японской эвакуации из первого района (участок железной дороги на север от разъезда Дубининского). Таким образом с 4-го сентября во всем этом районе (от Дубининского до ст. Уссури) белые и красные оказались непосредственно стоящими друг против друга.

4-го сентября на разъезде Дубининском находилось восемь эшалонов японских войск. Далее к северу, повторяем, не имелось более ни одного японского солдата. В виду этого, Белое командование начало первой своей операции считает с этого числа. Об этом Генерал П. П. Петров пишет

так: «Когда японцы стали уходить из Спасска, мы чувствовали уже, что первая задача будет выполнена успешно. Наши выдвинувшиеся части везде имели успех и красные, считавшие свою задачу мелкой, а каппелевцев бессильными, были жестоко побиты. В двух местах они пробовали организовать контр-удары, но безуспешно».

Красные, сосредоточившие к этому времени свои вооруженные силы в северной части бывшей так-называемой «нейтральной» полосы, простиравшейся от разъезда Краевского, на юге, до станции Иман, на севере и имевшей своей разграничительной серединой железно-дорожный мост через реку Уссури и станции того-же наименования, готовились теперь, с уходом японцев, распространиться к югу от только-что названной станции. Дабы воспрепятствовать им в этом деле, Штаб Земской Рати поставил Генералу Молчанову задачу овладения станцией Уссури и железно-дорожным мостом у нее. Владение этой переправой представляло собою значительное преимущество, так как, с одной стороны, затрудняло красным проникновение в Южно-Уссурийский район, а с другой стороны, представляло некоторые выгоды для движения на север, к Иману.

Задача овладения названными объектами была возложена на первого заместителя Командующего Поволжской Ратью — Генерального Штаба Генерал-лейтенанта Никитина, при начальнике штаба, Ген. Штаба Полковнике Ефимове 2-ом.

Для производства операции Генералу Никитину были переданы:

1) Прикамский стрелковый полк Полк. Ефимова 1	1,000 шт. 100 саб. 2 ор.
2) Московский конный полк. Ген. Хрущева	300 шт. 400 саб. —
3) 2-я батарея Поволжской ар- тил. дружины	— шт. — 2
Итого	1,300 шт. 500 саб. 4 ор.

Число штыков, показанное против Прикамского полка, нуждается в некоторых разъяснениях: Три пехотных дружины Прикамского полка в это время выставляли только до 700 штыков, так как юнкера Корниловского Училища еще не успели прибыть, но зато к отряду были временно приданы Уфимская пехотная дружина (Приволжского стрелкового полка) и Отдельная Иманская казачья сотня Войскового старшины Ширяева. Таким вот образом и получается 1,000 штыков в Прикамском стр. полку на эту операцию только.

Со стороны красных в этой операции принимали участие:

1) Троицко-Савский кавполк ..	— шт. 360 саб. — ор.
2) 6-ой Хабаровский стрелковый полк	1,200 — 1,600 шт.
3) Невыяснено какой части	3 ор.

Как то уже указывалось выше, в 6-ом полку на каждую из общего числа девяти рот, приходилось от 3 до 5 пулеметов.

4-й Иннский и 5-й Волочаевский полки, общей численностью от 2,500 до 3,000 штыков, при невыясненном количестве артиллерии находились севернее и участия в операции не принимали.

1-го сентября Петроградская конная дружина занимала разъезд Краевский и своими разъездами состояла в соприкосновении с разъездами Троицко-Савского п.

2-го сентября белые части, назначенные в операцию, грузятся на станции Евгенийевка (что у городка Спасска) в эшалоны.

4-го сентября Петроградская конная дружина, двигаясь впереди отряда Генерала Никитина, вытеснила части Троицко-Савского кавполка из Шмаковки. Главные силы отряда в это время занимают Комаровку.

На следующий день, 5-го сентября, отряд Генерала Никитина занимает село Успенку.

Этим временем красные части потеснили Петроградскую конную дружину у станции Шмаковка, а потому 6-го сентября Прикамский стрелковый полк был направлен сюда и после боя с Троицко-Савским кавполком занял станцию и село Шмаковку и продвинулся в сторону Монастырище.

7-го сентября наступающие части белых встречаются с красной пехотой. В довольно упорном бою под Тихменевом с красной стороны участвуют 1-й и 2-й батальоны 6-го Хабаровского стрелк. полка, а так-же эскадроны Троицко-Савского кавполка. К концу боя к красным подходит и 3-й батальон 6-го Хабаровского стр. полка, но изменить участь боя он не смог: в то время, как Ижевцы наступали с юга, Воткинцы решительным ударом с запада сбили правофланговые части красных и понудили всю их группу к отходу.

Развивая свое наступление, части Генерала Никитина к утру 8-го сентября подошли к станции Уссури. К этому времени красная пехота, кроме самой незначительной части, и вся красная артиллерия расположились по возвышенному правому берегу реки Уссури. Белые-же находились на низком, левом берегу реки, совершенно к тому-же открытом и ровном. Противников разделила, таким образом, река. Положение белых было незавидным. Обе белые батареи принуждены были стать на открытые позиции. Красные батареи не замедлили открыть по ним огонь и скоро белые батареи оказались под действительным артиллерийским огнем противника и понесли значительные потери. Этим временем цепи белой пехоты, которые красным были видны, как на ладони, принуждены были залечь на открытой равнине. Целый день продолжался артиллерийский бой, но каждому было уже ясно, что участь операции решена: белым не взять ни железно-дорожного моста, ни станции Уссури. Вечером была произведена неудачная попытка взорвать железно-дорожный мостик у разъезда Кауль. Из этого тоже ничего не вышло: подошел красный бронепоезд, порвал шнур и после этого шашки не могли взорваться. Белые отходили.

10-го сентября отряд Генерала Никитина продолжал свой

отход походным порядком, затем он погрузился в подвешенные эшалоны и 11-го сентября прибыл назад в Спасск.

Ввиду значительных потерь, понесенных белыми частями в этой неудачной Уссурийской операции и отсутствия достаточного числа свободных резервов, новой операции по овладению железно-дорожным мостом у станции Уссури произведено не было. Вторая половина сентября месяца в районе к северу от Спасска прошла лишь в отдельных стычках различных разведывательных партий и отрядов. Таким образом красные оказались хозяевами этой важной в стратегическом отношении Уссурийской переправы. План операции Штаба Земской Рати терпел существенную неудачу почти в своем самом начале. Лишь полная пассивность красных в течении продолжительного срока могла позволить белым, изготавившись вновь к новой Уссурийской операции, перейти в наступление на ст. Уссури и, в случае благоприятного завершения ее, перенести военные действия в северную часть нейтральной полосы и далее на территорию ДВР, т. е. туда, куда так быстро и легко девять месяцев тому назад перенес свои операции Генерал Молчанов.

Причиной неудачи Уссурийской операции Генерал П. П. Петров называет погоду. Он пишет в своей книге дословно так: «Однако нам не удалось захватить моста через реку Уссури, как было намечено, так как в последние дни операции пошли дожди и даже маленькия речки вздулись страшно. Для овладения-же мостом предполагалось перебросить часть конницы через реку в тыл». Нам-же представляется, что главнейшей причиной неудачи была не плохая погода, а органическая невозможность отряда Генерала Никитина побороть равные или даже превосходящие силы противника, заблаговременно подготовившегося к отражению наступления белых. Возможно так-же, что и сам Генерал Никитин, по тем или иным причинам, не проявил должной энергии и *верткости при ведении этой операции.*

В заключение мы отметим, что эта операция, которая согласно данным книги Генерала П. П. Петрова имела, ви-

димо, своею целью захват и удержание за собою железнодорожного моста через реку Уссури и станции того-же наименования, в восприятии ее участников — белых бойцов имела своей задачей одно лишь разрушение железнодорожного моста, а не его захват и удержание. Нам думается, что количество войск, двинутых на ст. Уссури, соответствовало скорее второму, а не первому положению. Отсутствие приказа — задания Генералу Никитину лишает нас возможности разрешить данный, я сказал-бы, весьма интересный, вопрос.

2. СИБИРСКАЯ КАЗАЧЬЯ РАТЬ НА ПРИКРЫТИИ ОСНОВНОГО ПУТИ СООБЩЕНИЯ ЗЕМРАТИ И ЕЕ ПОХОД НА АНУЧИНО

1. Части Сибказрати. — 2. Сектор Сибказрати. — 3. Предполагаемое задание Сибказрати. — 4. Первый бой под Ивановкой 17-го сентября. — 5. Анучинская операция. — 6. Итоги Анучинской операции.

В Главе 1 данной части мы уже назвали Командующего Сибказрати и перечислили все, входящие в ее состав, воинские части и их командиров. Сейчас мы считаем нужным дать некоторые дополнительные сведения, коснувшись состава и боевых качеств частей и личностей их начальников.

Сибказрать, по замыслу Воеводы, должна была, видимо, объединить в себе «каппелевские» казачьи части, т. е. те, что проделали в свое время Сибирский Ледяной Поход, в то время, как Дальневосточная казачья рать должна была включить в себя «семеновские» казачьи и стрелковые части. Вместе с тем Генерал Дитерихс не хотел допустить наличия в этих двух ратях частей одного и того-же казачьего войска. Поэтому казакам «семеновского» направления образа мыслей и симпатий, но так-сказать «каппелевского» происхождения предлагалось примириться со своими станичниками. Исключение из этого правила Воевода сделал одному лишь Генералу Глебову с небольшой группой близких ему чинов. Этот Генерал, Сибирский казак по происхождению и службе, был

поставлен во главе Дальневосточных казаков, так-как был только год тому назад Командующим «семеновской» Гродековской группой войск.

Итак Сибказрать должна была объединить казаков — «каппелевцев» т. е. Оренбуржцев, Сибиряков и Енисейцев, к которым были приданы «нейтральные — месопотамцы» — Уральцы и, наконец, к этой казачьей семье оказалась приписанной артиллерийская стрелковая «грудкинская» дружина, носившая, как то мы уже знаем из вышензложенного, наименование «Восточно-Сибирской артиллерийской дружины». У Оренбуржцев не было деления на группы, эта бригада, под начальством своего Командира — Ген.-майора Наумова, так и продолжала существовать, как она существовала до прибытия в Приморье Генерала Дитерихса. Перемена произошла лишь в наименованиях: раньше была бригада, теперь это стал полк. Раньше был Конный полк под командой Генерала Зуева, теперь это стала Конная дружина под командой того же Генерала Зуева. Раньше был Пластунский дивизион — теперь это пластунская дружина. Впрочем даже эти изменения последовали главным образом на бумаге и разговорном лексиконе старших начальников, в среде же рядовых бойцов и младших офицеров по инерции продолжали жить «бригада», «полк», «пластунский дивизион». Но, если дело было так просто у Оренбуржцев, то у Сибиряков и Енисейцев оно оказалось посложнее.

Читатель знает уже из наших книг о Хабаровском походе о том, что на какие отряды раскололись и без того небольшие войсковые части Сибиряков и Енисейцев. Не будем, поэтому, повторять здесь всего этого, а просто укажем, что Сибирцы и Енисейцы должны были создать две войсковых дружины под начальством Войсковых старшин Бологова (Енисейцы) и Афанасьева (Сибирцы). Все это было хорошо, но по личным мотивам некоторым, «ярим каппелевцам» неудобно, нелегко или невозможно было оказаться под командой того лица, от которого, скажем, они «дезертировали» годика полтора тому назад или около того. Впрочем в Свод-

ном отряде Генерала Блохина действительно получался «винигрет»: Сам Генерал Блохин был «каппелевцем», оба командира дружин (Енисейской и Сибирской) были «гродековцами», командир Сибирской казачьей батареи (Подполковник Яковлев) был тоже «каппелевцем» к тому-же он не был природным казаком, но обыкновенным пехотным офицером, служившим с некоторых пор в казачьей артиллерии. Бывшая-же правая рука Генерала Потанина Енисейского войска Сотник Вербицкий должен был вернуться в подчинение Войск. старшине Бологову, тому самому, от коего он так неудачно пытался увести весь дивизион. Это было невозможно, не только из-за личного самолюбия, но так-же и ради пользы службы. Выход был найден: Енисейцы и Сибирцы самые неприемлемые командирам своих войсковых дружин оказались в рядах Сибирской казачьей батареи, которая благодаря этому почти-что потеряла дух и вид артиллерийской части, но духовное единство в этой «артиллерийской» дружине было не меньшим, чем в «конных» войсковых дружинах.

Перевод Восточно-Сибирской артиллерийской дружины из Сибирской рати в Сибказрать был воспринят г. г. офицерами этой дружины с каким-то смешанным чувством известного облегчения и неопределенного беспокойства о благополучии совместной боевой жизни и службы с «казачками». Если Генерал Смолин и был многим не особенно приятен, как человек и начальник, то во всяком случае «Омцы» являлись надежными боевыми соратниками, на которых всегда можно будет положиться, а «казачки»? — Бог их ведает. Впрочем боевая и строевая репутация обоих командиров войсковых дружин Сводного отряда была известна «грудкинцам». Опасения возникали главным образом из-за Оренбуржцев, вера в которых была невелика. По своем-же прибытии в Сибказрать, Командир и все чины Восточно-Сибирской арт. дружины очень быстро убедились в самом благожелательном и корректном к ним отношении со стороны всех коренных чинов Сибказрати, начиная от Командующего ею и до послед-

него Оренбургского казака. После-же того, как дружина оказалась включенной в состав Сводного отряда и чины ее познакомились с бесстрашными удальцами Енисейцами и молодцами Сибирцами, то артиллеристы-«глудкинцы» вполне успокоились за грядущую судьбу своих орудий и не стали о чем либо больше жалеть.

Короче говоря Сибказрать представила собою достаточно дружную боевую семью, душой которой явился гарнизон села Ивановки — Енисейцы, Сибирцы и «глудкинцы»-артиллеристы. Лучшим-же боевым начальником являлся Войсковой старшина Бологов — командир Енисейцев, с которым читатель так-же может хорошо познакомиться по книгам о Хабаровском походе.

Командующий ратью — Генерал-майор Бородин был высоким, рослым, представительным мужчиной во цвете лет и сил, чрезвычайно спокойный, выдержанный, обладающий незаурядной личной храбростью и доблестью, благожелательный ко всем своим войскам и простой и доступный в обращении в отношении рядовых казаков, таких же рядовых солдат и господ обер-офицеров. Вобщем с ним чрезвычайно легко и приятно было служить.

Сибказрати был передан под охрану участок железной дороги от разъезда Дубининского до села Халкидон. По прямой линии это примерно будет верст 40. На запад от железной дороги растилается более или менее открытая равнина с рядом крупных населенных пунктов, соединенных многочисленными дорогами. На восток-же от нее идут, покрытые лесом, сопки. Селения тут встречаются редко, они малы и бедны. Дорог здесь тоже очень мало, собственно говоря только одна (тракт Никольск — Анучино) соединяет заселенные Никольск-Уссурийский район и Приханкайле с таким-же заселенным районом долины реки Даубихе. Несколько других дорог и троп соединяют лишь наиболее восточные селения, раскинутые по реке Лефе и ее притокам. Далее на восток они не идут, теряясь в лесистых и крутых сопках. Таким образом центр тяжести обороны этого уча-

етка лежал на южной его части — округе сел Осиновка — Ивановка — Тарасовка.

Штаб Сибказрати расположился на станции Ипполитовка. Тут-же находилась и Уральская казачья дружина. Сводно-казачий полк Генерала Блохина занял село Ивановку и деревню Лефинку (оба селения на тракте), а Оренбургский казачий полк Генерала Наумова — деревню Ляличи и село Монастырище. Восточно-Сибирская артиллерийская дружина Полковника Романовского, по своем прибытии в распоряжение Генерала Бородина, 4-го сентября расположилась первоначально в бывшем японском опорном пункте, что при станции Ипполитовка, но через неделю (11-го сентября) была направлена Генералом Бородиным в село Ивановка в распоряжение Генерала Блохина.

Относительно передачи Восточно-Сибирской артил. дружины из Сибирской рати в Сибказрать, можем сказать, что передача эта была вполне рациональна: в Сибирской стрелковой рати артиллерии было в избытке, в то время, как у казаков ее почти не имелось. В Сибирской казачьей рати, до прибытия в нее батареи Полковника Романовского, имелось всего одно орудие Сибирской казачьей батареи. При этом оно находилось в вагоне на ст. Ипполитовка, а сама батарея занимала сим временем опорный пункт в деревне Лефинка, иными словами в рати не имелось ни одного действующего орудия. Оренбургская артиллерийская сотня орудия в это время еще не имела, она получила его лишь в десятых числах октября месяца, по отходе главных сил на село Монастырище. Таким образом только в этот, самый последний период борьбы, Сибказрать имела 4 орудия, в то время как Поволжская рать имела 8, а Сибирская стрелковая — 7 орудий.

Вот несколько строк описания железно-дорожной Станции Ипполитовка — штаб-квартиры Сибказрати: — «Станция маленькая, за путями стоит водокачка, группа деревьев — шелестящих берез и ровное поле. Равнина тянется далеко на запад. На восток-же поднимаются горы. В этом направле-

нии, верстах в двух-трех, виднеются мазанки хохлацкого села Кремово. К нему от станции ведет проселок и телеграфные столбы стоят по сторонам ее. У самой станции, саженях в сорока, на небольшом холмике — опорный пункт. Два, параллельно стоящих деревянных барака, обложенных мешками с землей, как бы ушли в землю. Земляной вал, опять мешки и линия проволочных заграждений закрывают доступ к этим баракам. Узкая дорожка, скрипучие ворота и рогатки. Вдоль окопов настланы деревянные мостки, чтобы не утонуть в грязи весной. Внутри бараков — нары, маленькие окошки, деревянный настил, вместо пола. Доски скрипят и гнутся, когда ступаешь по ним, кое-где еще сохранились бумажки с японскими надписями. В этом опорном пункте была помещена Восточно-Сибирская арт. дружина со своими обоими орудиями».

В своей книге Генерал П. П. Петров говорит о «другой части первой задачи» — уничтожении Анучинской группы красных партизан. Генерал пишет, что после того, «как только красные будут прогнаны за реку Уссури, Генерал Молчанов из района Спасска направит на Анучино часть своей конницы с севера, а в это время казачья группа Генерала Бородина перейдет в наступление с юга». Начавшиеся дожди те самые, кои якобы сорвали Уссурийскую операцию Генерала Никитина, помешали выполнить задуманный план похода на Анучино. «Это было отложено и сыграло затем скверную роль в событиях октябрьских», — заканчивает Генерал Петров.

* * *

Ивановка и Лефинка, находясь на тракте Анучино — Никольск, имели важное значение, так-как прикрывали и Никольск и железную дорогу от ударов красных.

В селе Ивановка имелось два опорных пункта, созданных в свое время японцами, в деревне Лефинка — один опорный пункт.

В селе Ивановка помещались Енисейская и Сибирская дружины, а так-же штаб отряда (полка) с Генералом Блохиным во главе. В деревне Лефинка помещалась Сибирская каз. батарея без орудия.

С прибытием батареи Полковника Романовского, гарнизон Ивановки достиг общей своей численностью 314 человек при 2 орудиях. В это число 314 входили все чины гарнизона от начальника гарнизона до кашеваров и обозников включительно. По дружинам это число разбивалось так:

Сибирская каз. дружина	около 130	чинов
Енисейская каз. дружина	» 120	»
Восточно-Сибирская арт. дружина ..	» 64	»

Позднее в батарею из базы прибыло еще несколько человек и в первых числах октября общая численность чинов артил. дружины равнялась 77 чинам, из коих были штаб-офицеров — 1, обер-офицеров — 13, солдат — 63, при 39 конях.

По родам оружия гарнизон села Ивановки состоял из примерно 130 — 170 пехотинцев, 85 — 90 всадников, остальные были батарейцами, обслуживающими 2 орудия.

Через четыре дня после прибытия батареи Полковника Романовского в Ивановку, 15-го сентября была произведена смена квартир частей в связи с новым, видоизмененным планом обороны села, основанном на участии в обороне села 2-х орудий.

16-го, кажется, сентября Генерал Блохин оставил Ивановку, отправившись, если не ошибаюсь, во Владивосток в деловую командировку. Старшим по службе после него был Командир Вост.-Сиб. артил. дружины, Полковник Романовский, но так-как он был артиллеристом, да к тому-же только-что прибывшим в отряд и потому почти совсем незнакомым с г. г. офицерами обеих дружин и прилежащей местностью, то во временное исполнение обязанностей начальника гарнизона села Ивановки вступил старший из команди-

ров дружин — командир Енисейской каз. дружины, Войск. старшина Бологов.

Здесь мы еще раз отметим, что ближайшие к Ивановке белые части находились: в Лефинке, в Ляличах, а затем в Черниговке (конная Оренбургская дружина) и Уральцы на ст. Ипполитовка.

16-го сентября Подполковник Яковлев (начальник гарнизона Лефинки) выловил в окрестностях Лефинки 20 хунхузов. В этот-же день разведка, высланная из Ивановки в Николаевку, поймала в последней 13 человек красных.

Ночь с 16-го на 17-ое сентября была тихой, ясной. Осенний холодок давал себя чувствовать. В бездонном небе горели ярко звезды. В избе, занятой офицерами Вост.-Сиб. артил. дружины часов до 2 — 3 утра обычная компания играла в «пульку». Наконец-то они утомонились и улеглись спать. Бодрствует один дежурный офицер.

В 4 часа 17-го сентября в ночной темноте раздался лай собак на восточной окраине Ивановки. Собаки всполошились как-то все разом. Получалось впечатление, точно там были чужие люди. Лай скоро смолк. Малочисленность гарнизона 180 штыков, 99 сабель при 8 пулеметах 2 орудиях не позволяла белым занимать все большое село Ивановку и держать сторожевое охранение по всем ее окраинам: посты не выдвигались за проволоку. Причина собачьего лая поэтому так и не была выяснена. Скоро должно было светать и лай приписывался поэтому несколько преждевременному выезду крестьян в поле.

В 4 часа 45 минут дежурный офицер по батарее, вышедший из темной и душной избы на ее крыльцо, что-б вздохнуть свежим воздухом, неожиданно услышал какие-то два или три глухих переката человеческих криков в тут-же полнейшую тишину наступающего утра прорезал знакомый звук редких винтовочных выстрелов. Потом на минуту все смолкло... Глухие перекаты человеческих криков были криками «ура» красных бойцов, идущих в атаку на приступ

«волости» (волостное правление дом), стрельба же была открыта в районе общественного амбара.

Поднялась тревога. Казаки и солдаты быстро выходили по своим местам... В 5 часов 15 минут двух-орудийная красная батарея открыла огонь. Цепи красных партизан тем временем шли в атаку на «волость», занятую Енисейцами. Через дом священника они проникли на церковную площадь, но здесь, обстреливаемые артиллерийским огнем на картечь, принуждены были залечь. Наступление красных захлебнулось... Такая-же участь постигла и красных, наступавших по направлению на больницу. К 8 часам утра деятельность красных ослабела настолько, что оба орудия белых повели огонь исключительно по красной батарее. Утром, когда мрак еще не успел рассеяться, то с наблюдательного пункта белых — церковной колокольни, по вспышкам было приблизительно определено положение красной батареи.

Должно отметить, что при самом начале боя, телефонная связь Ивановского гарнизона с Лефинкой и Ипполитовкой оказалась прерванной. На все вызовы Ивановки, Ипполитовка молчала. Видимо партизаны, хорошо знавшие местность и своевременно ознакомившиеся с телефонными линиями белых, порвали провода. Таким образом Ивановка не была вполне уверена в том, что Штаб Сибказрати в достаточной мере осведомлен о начавшемся наступлении красных. Единственная надежда была на гарнизон Лефинки, который, слыша огонь под Ивановкой, мог и должен был-бы сообщить о сем на Ипполитовку.

После 8 часов, среди наступившей под Ивановкой тишины, ввиду прекратившейся здесь пушечной, ружейной и пулеметной стрельбы, чины Ивановского гарнизона слышали далекую трескатию винтовок и пулеметов под Лефинкой. С церковной колокольни были даже видны редкие, наступавшие на Лефинку цепи красных партизан.

И так, красные ведут наступление превосходными силами тут и там.

Вскоре после этого деятельность красных под Иванов-

кой, в центре т. е. между «волостью» и школой (тоже опорный пункт, занятый Сибирцами) оживилась. Комиссары, видимо, пристыдили своих стрелков-партизан и последние вновь попытались перейти в наступление, но обстреливаемые в упор из пулеметов, винтовок и обоих орудий, вновь залегли и, крича «ура» вели усиленную стрельбу, толка от которой конечно, никакого не было.

Около 10 часов утра, пристрелявшейся белой батареей было выведено из строя одно орудие красной батареи. Удачно разорвавшийся снаряд сбил понораму у орудия и убил сразу четырех номеров. Снаряды белых, рвущиеся на батарею, убитые и раненые — все это произвело панику у красных. Батарея замолчала и, воспользовавшись временной приостановкой огня белых, снялась и отъехала глубоко в тыл, где с новой позиции открыла мало действительный огонь одним орудием в 14 часов того-же дня.

Между тем красная пехота около 10 часов утра, потерпевшая вторую неудачу в центре, переносит свое внимание на левый фланг белых... Попытка охвата фланга не удалась. На поддержку редкой цепочки Енисейцев, были отправлены конные Сибирцы, а так-же первое орудие артиллерийской дружины повернуто для ведения огня по району кладбища.

В полдень начальник Ивановского гарнизона, Войсковой старшина Бологов решает сам перейти в наступление на красных, дабы выкинуть их из села и тем положить конец их операции. Согласно приказанию первыми переходят в наступление белые на правом своем фланге. Почти одновременно с ними в наступление переходят конные Енисейцы на левом фланге и успешно выбивают красных с кладбища. Наступление Сибирцев по главной улице, среди домов, было несколько затруднительным и казаки-Сибирцы принуждены были тут залечь. Все-же наступление продолжалось на других участках.

Вскоре после этого с церковной колокольни белый наблюдатель заметил конную колонну противника, шедшую по дороге из Ширяевки на поддержку частей под Ивановкой...

Тогда контр-наступление частей Ивановского гарнизона приостановилось. Силы становились слишком неравными. Оставалось лишь ждать и надеяться на помощь извне, но она не приходила и о ней ничего не было слышно.

Этим временем первое орудие Восточно-Сибирской артиллерийской дружины, переведенное на заднюю улицу, было оттянуто на 30 саженей назад. Это уж являлось скорее показателем оборонительных или даже отступательных, но никак не наступательных тенденций.

В 14 часов красная батарея вновь открывает огонь по Ивановке одним только орудием со своей новой, далекой позиции. Красная пехота одновременно с сим переходит в наступление на обоих флангах.

Второе орудие Восточно-Сибирской артилл. дружины, стоящее при перекрестке улиц, открывает огонь по Красному селу (западный выселок Ивановки за речешкой того-же наименования), где красные успешно ведут свое наступление.

В 15 часов первое орудие (Капитан Окорков) открывает огонь с задней улицы, ибо красные напирают на больницу, стараясь выйти к переправам из села Ивановки через реку Лефу. А в это время белые на правом фланге, оставив Красное Село, отошли за ручей Ивановка и заняли выгодную позицию по гребню над ручьем. Попытки красных перейти ручей не увенчались успехом, так-как Сибирцы не допустили их до этого.

На левом фланге такого резкого естественного рубежа не имелось, да и силы красных были здесь много значительнее: свой главный удар они, видимо, рассчитывали нанести белым именно в этом направлении. К 17 часам северная сопка на левом фланге белых оказалась в руках партизан. Конные Сибирцы тут принуждены были отойти. Тогда Войсковой старшина Бологов лично повел им на поддержку 35 конных енисейцев: надо ведь было как-то спасти положение.

Осенний день клонился к вечеру. Второе орудие Вост.-

Сибирской арт. Дружины (Капитан Стихин) этим временем давало свои последние очереди по Красному Селу... Помощи ни откуда не было. Сумерки быстро спускались на землю. Проволочные заграждения, как то уже указывалось выше, имелись только вокруг «волости» и школы. В ночной темноте красные свободно могли проникнуть сквозь одиночных белых стрелков. Да, именно между «одиночных» белых стрелков, потому что такое определение более подходило к действительности, нежели «редкая цепочка». Такова была действительность.

После короткого совещания с Полковником Романовским и Войсковым старшиной Афанасьевым, Войсковой старшина Бологов решил покинуть Ивановку. Такое решение должно признать, соответствовало положению, ибо, в то время, как пехота смогла бы, скрыться за проволокой опорных пунктов, оба орудия неминуемо должны были бы попасть в руки красных, так как устройство обоих опорных пунктов исключало всякую возможность втянуть орудия за проволоку.

К 19 часам оба орудия и обозы были оттянуты к мельнице, где и перешли в брод реку Лефинку (официальное наименование Лефа). Вслед за ними к броду стали отходить пехота и конница.

Вот два отрывка из дневника офицера: «...Темнело. Движения у противника не было заметно. Поэтому орудие молчало. Люди ждали: Что будет дальше?... Гнусаво загудел телефон. Командир батареи вызывал Капитана Окоркова "Сматываться, уходим из Ивановки". Меланхоличный "Бандура" улыбнулся и приказал осторожно и тихо выводить передок из двора. "Осторожнее, господа". Откатили на руках назад орудие, подвели передок. Опасались, что красные заметят, откроют огонь. Нет, все тихо... По косогору спускались вниз, к реке. Шумит вода на мельнице. В вечернем сумраке блестят струйки воды — отражается небо... Вот здесь брод. Левее него высокий мостик в одну доску шириной... Ниже по течению река заворачивает влево. Высокий берег,

поросший кустами, навис над рекой. Наши конные оставили какую то высоту левее больницы из-за давления красных, уж не эту ли?... Оба орудия уж спустились под горку, разведчики нащупали брод. Ну пора... Головное орудие пошло к реке. Запенилась вода под ногами коней, пошли большие круги. Не заметили бы красные переправы... По дощечке, один за другим переходили быстро люди. Второе орудие так-же перешло реку. Брод был глубок. Теперь шли повозки... На сопке, что повисла над рекой, раздался один, другой ружейные выстрелы. Не по нам ли? Нет, опять все тихо... Когда двинулись вперед без дороги, то все облегченно вздохнули, хотя опасность была все еще близко и серьезна. С каждым шагом Ивановка оставалась все дальше и дальше, но нависший берег реки с сопкой, покрытой кустарником, той самой, про которую говорили, что она занята красными, не удалялся, хотя было уже достаточно темно и колонна шла, стараясь производить как меньше шума, тем не менее, все же не было настолько темно, что бы, при случае, зоркий глаз с сопки не заметил бы движения подозрительной колонны...»

Отход колонны был намечен на заимку Дорошенки, расположенную среди гор. Было не вполне точно установлено, имеется ли за Струженкой дорога, проходима артиллерией. По карте судя там имелась тропа. Имеется тропа или нет ее, но другого пути отхода не было, ибо заимка Веденского еще днем была занята красными, а судьба Лефинки была неизвестна. Кто знает? Быть может пробившись у заимки Веденского, наткнешься на Лефинку, занятую красными? Если дороги от Струженки нет, то отход предполагали делать по сопкам в Кремово.

«...Стало совсем темно. Тихо, без шума шли люди среди полного мрака. Тускло мигали звездочки. Орудия шли по полю, без дороги. Высланные вперед конные искали дорогу. Она должна была быть где-то здесь, по близости. Уж не сбились ли? Как бы не угодить красным в лапы. На минуту

колонна остановилась, но вот впереди мелькнула фигура конного — это казак. Дорога найдена, она совсем близка... Молча шли люди. Были все утомлены. Каждый думал про себя свою думку. Идти теперь было легче — полевая дорога это не пашня, ноги не проваливаются в рыхлой земле. Прибавили ходу. Мелкой рысцой идут кони. Нет, нет, да и задрезжит оружие на редком ухабе. Откуда-то взялись облака, застлали бездонное небо. За ними скрылись звездочки. Редко, редко блеснет одна, другая... А облака спустились низко к земле и сомкнулись в плотные тучи... Не успела колонна отойти и двух верст от Ивановки, как стал накрапывать мелкий дождик. Вот впереди мелькнул заметный пригорок. Виднелись какие-то кустики на нем. Подковы коней ударились о камни, затарахтело оружие... Дождик усиливался. Колонна прибавила шаг... Не Ивановка и не партизаны заняли теперь первое место в умах белых бойцов, нет — тучи и дождь поглотили их главное внимание... А дождь все усиливается. Скоро он превратился в настоящий ливень. Сплошная пелена дождя плотной стеной охватила колонну. Дорога под ногами стала теперь едва заметной. Опасность сбиться с пути, потерять дорогу вновь выросла перед колонной...»

В 22 часа 17-го сентября колонна достигла, наконец, заимки. Вследствие усталости людей, а главное, вследствие опасности сбиться с пути в темноте и дожде, было решено временно остановиться с тем, что-бы завтра рано-рано утром продолжать движение дальше. Конные разъезды, оставленные в стороне Ивановки, доносили, что в селе все тихо и спокойно и преследования нет. Да и кто, после целого дня боя, глядя на такую погоду, пойдет преследовать?

Дождь лил до самого утра. На заимке имелась одна лишь хата, да и та была невелика. В нее набился всяк, кто только мог влезть. Люди спали стоя, вплотную тело к телу, так-что никто не мог даже при желании упасть. И то, это было лучше, чем мокнуть у фургонов, что выпало на долю неуспевших пробраться в хату. Дабы дать возможность каждо-

му хоть немного «отдохнуть» в хате, было приказано каждые два часа производить смену в хате.

К утру 18-го сентября дождь прекратился и тучи немного поразогнало. Промелькнуло в тумане даже солнышко и вместе с ним по займке быстро распространилась весть о том, что еще вчера, 17-го сентября, в 20 часов красные отошли от Ивановки, так как в результате всех трех своих наступлений (в 5 час. утра, в 10 час. утра и в 14 часов дня) красные не сбили противника и их командование, потеряв всякую надежду на успех, дожидалось только ночи, дабы унести своим партизанам по добру — по здорову ноги. Как выяснилось, всего красных было до 500 чел. при двух трех-дюймовых орудиях из коих одно, как мы уже говорили выше, было подбито в 10 часов утра Полковником Романовским и вышло из строя.

Стало известным так же и то, что выводя из Ивановки артиллерию, обозы, часть пехоты и конницу, Войсковой старшина все-же не бросил опорные пункты, но оставил в них по небольшой горсточке отважных молодцов следить за противником. Его предусмотрительность оказалась нелишней: когда белая колонна уже вытянулась за рекой, направляясь к сопкам, то в Ивановке раздалась ружейная и пулеметная трескотня. В белой колонне эта пальба была принята за новое наступление красных, в действительности же это был отход красных, старавшихся «на страх врагу» прикрыть его пальбой. Чинами, оставшимися в Ивановке, действительное положение было установлено уже к 22 часам, но вызывать ночью, в свирепый дождь отряд с займки было сочтено нелепым, так как ясно было, что, если красные ушли, то к утру назад не вернуться, а если они ушли для нового трюка, то тогда все равно Ивановку не спасешь ночным вызовом колонны.

В 7 часов утра 18-го сентября колонна Ивановского гарнизона выступала с займки Дорошенки назад в Ивановку. Разбитая за ночь дождем дорога была теперь вязка и тяже-

ла людям и коням, но настроение у белых бойцов было хорошее: «красные отступили, а мы победители».

В 10 часов 18-го сентября артиллерия и обозы Ивановского гарнизона вступили в «свое» село. Конные вернулись в него на пол-часа или час ранее артиллеристов и обозников. Части разошлись по своим старым квартирам. Был серый осенний день. Серые облака почти сплошь заволакивали небо, но время от времени солнечные лучи прорывались сквозь эту серую пелену и тогда они озаряли влажную землю. Тут и там стояли лужи от ночного дождя и все дороги превратились в настоящее месиво... Почти сразу же, после прибытия колонны с заимки Дорошенко, в Ивановку со стороны Ляличей подошли Оренбуржцы во главе с Командующим группой, Генералом Бородиным.

От Оренбургов чины Ивановского гарнизона узнали, что красные, поведя вчера наступление на Ивановку и Лефинку, не забыли и Ляличей. Они бросили туда отряд приличной силы, который и вступил в бой с гарнизоном Ляличей на утренней заре того же 17-го сентября. Попытка красных захватить Ляличи с находящимся там опорным пунктом белых, успеха не имела, они были отбиты. Однако партизаны из Ляличей не ушли, но залегли перед позицией белых, продержав Оренбургов на месте до самого вечера.

* * *

Генерал Бородин, по прибытии своем в Ивановку и ознакомившись на месте с создавшейся обстановкой, решил проучить красных и произвести налет на село Ширяевка, в которой, по сведениям крестьян, все еще находились большевики.

В 15 часов 18-го сентября части Сибказрати выступили из Ивановки в сторону Ширяевки. Наступление развивалось быстрым темпом. Восточно-Сибирская артиллер. дружина на рысях дважды меняла позицию. Лихим конным ударом бе-

дые опрокинули ничего не подозревавших красных. Только чистая случайность спасла красную батарею (одно орудие) от рук белых и она ускакала по тракту на Мещанку. Негреющее осеннее вечернее солнце бросало свои красно-желтые лучи на кустарники, дорогу и белые мазанки Ширяевки. Длинные тени бежали от всех предметов, попадающих в сферу этих косых солнечных лучей. Красные партизаны-пехотинцы в беспорядке выматывали из Ширяевки и бросались в разные стороны, бросая имущество, снаряжение, повозки и раненых. Белым досталась разнообразная добыча. Но сумерки уже спускались на землю. Генерал Бородин решил остановить свои части. Отданы распоряжения и, остановив преследование противника, части Сибказрати повернули назад в Ивановку.

19-го и 20-го сентября ничего сколько-нибудь значительного на участке Сибказрати не разыгралось. О красных ничего нового слышно не было и Ивановский гарнизон жил своею обычной жизнью.

21-го сентября Ивановский гарнизон был поднят еще в темноте и в 4 часа утра белые части уже выступали из Ивановки по дороге на Ширяевку. Войсковой старшина Бологов со своими конными ходил за Мещанку. Противника нет. Белая конница посетила Тарасовку и Лубянку. Красных не оказалось и там. Тогда, в 14 часов того же 21-го сентября белые части вернулись назад в Ивановку.

В последующие дни части Сибказрати занимали гарнизонами свои старые квартиры в Ивановке, Лефинке, Ляличах, Монастырище и на ст. Ипполитовке.

* * *

Крестьянским съездом в селе Вознесенском Воевода остался доволен. Он решил продолжать созыв таких съездов. Таким вот порядком следующий съезд был намечен в Анучине — для крестьян Анучинского района, но так как Анучи-

но находилось в красных руках, то предворительно следовало отобрать Анучино от красных. Задача отвоевания Анучина была поручена Сибказрати. Западно-Сибирский полк Полковника Аргунова должен был поддержать Сибказрать. Таким образом со стороны белых в предстоящей операции должны были принять участие следующие силы:

Сибказрать Генерал Бородин

Оренказотряд Ген. Наумов .. 200 шт. 400 саб. — ор.

Сводказотряд Ген. Блохин .. 150 » 100 » 3 »

Западно-Сибирский стр. полк Полк. Аргунов 800 шт. и саб. 2 ор. *

Предполагаемая операция не встретила одобрения со стороны главного ее исполнителя — Ген. Бородина, равно как и всех его ближайших помощников. То же самое можно сказать и относительно Полковника Аргунова. Поход на Анучино считался весьма рискованным и к тому же совершенно бесцельным. Однако войсковым начальникам пришлось все же подчиниться воле Воеводы и его Штаба.

Из вышеприведенных отрывков создается впечатление, что целью ставилось овладение неким географическим пунктом (Анучино), из книги же Генерала Петрова выходит так, что Штаб Земской Рати ставил задание по разгрому Анучинской группы красных партизан, а вовсе не овладением тем или иным географическим пунктом. Не приходится, конечно, и говорить о том, что постановка задачи вторым способом, т. е. постановка задания по разгрому живых сил про-

---

* Эта цифра взята весьма приблизительно. Очень возможно, что у Полк. Аргунова в этом походе было не более 500 человек, т. к. гарнизон от его отряда оставался в Приханкайле.

тивника, ведет к настоящему, действительному, а не кажущемуся успеху. Однако нам представляется, что, как бы не излагалась словами задача белым войскам рассматриваемой нами ныне Анучинской операции, по духу своему это могло быть и было заданием первого порядка, т. е. овладения географическим пунктом, создание впечатления кажущегося успеха и только. Действительный разгром Анучинской группы красных в конце сентября месяца 1922 года требовал участия с белой стороны больших сил, двинутых на Анучино или Анучинскую группу красных не с одной только стороны Ивановки и Черниговки, но так же со стороны Спасска и с Сучана. Вот почему в нашем изложении мы предпочли формулу «похода на Анучино», чем формулу «операции по разгрому Анучинской группы красных партизан».

На стр. 211 своей книги Генерал П. П. Петров пишет об Анучинской группе следующие: — «В этой группе было два батальона Хабаровских войск при 2 — 4 пушках и на нее базировались различные партизанские отряды; она в период наших перебросок войск несколько раз подрывала железную дорогу и поддерживала связь с Сучанской группой. Численность примерно до 1,000 человек».

Относительно этой выдержки мы даем ниже такие поправки и добавления, в коих допустим некоторые неточности:

С красной стороны имелись только партотряды под общим руководством товарища Шевченко.

Красных, во всяком случае, было не меньше, чем белых. После первого Ивановского боя у красных в строю из двух орудий осталось только одно (трех-дюймовое).

Передовые красные отряды стояли в деревнях Мещанке и Тарасовке. Это были отряды товарища Лебедева в 200 штыков и эскадрон Кима в 80 сабель.

Этим временем, т. е. в последние дни сентября месяца по долине реки Даубихе вверх поднимался к Анучину Отряд Особого назначения (Хабаровская Госполитохрана) силою в четыре батальона с общей численностью до 1,200 штыков

при большом количестве пулеметов. Этот отряд шел на усиление Анучинской группы и в Анучино должен был прибыть к 1-му октября. О движении этого отряда белым абсолютно ничего известно не было и все расчеты по проведению Анучинской операции были проделаны в полном неведении о существовании этого отряда.

Подготовка к походу на Анучино протекала у белых таким порядком: 25-го сентября в Ивановку пришли Оренбургцы. На следующий день ожидается «Комкор» т. е. Генерал Бородин со штабом группы. Он прибыл в Ивановку 26-го. Частям гарнизона на площади произведен смотр. Генерал Бородин обратился к войскам с речью, в которой он, между прочим, заявил: — «Большавики яшо шаперятся, но мы скоро их раздавим». Речь имела, надо полагать, своей целью поднятие духа войск перед грядущей операцией, но отдавая дань должному, дух Ивановского гарнизона был превосходен, дух Оренбургцев несколько уступал «Ивановцам». Выступление было назначено на 27-ое сентября. Сосредоточение в Ивановке крупных сил белых, надо полагать, не ускользнуло от красных.

Настало 27-ое сентября. Рано. Уже светло, но солнце еще не поднялось из-за гор. Прохладно. Трава еще покрыта росой. Уже почти высохшие лужи от проходивших несколько дней тому назад дождей, как то весело выглядят в это светлое утро. Утренний холодок бодрит тело. На задней улице Ивановки — движение. Конные и пешие командами и одиночками спешат к восточной околице села. Мелькают синие петлицы Оренбургов, смешиваясь с желтыми и красными петлицами гарнизона. Кони фыркают и ржут. Вот оба орудия Восточно-Сибирской артиллерийской дружины. Русские трех-дюймовки кажутся такими неповоротливыми и тяжелыми по сравнению с легкой «француженкой» Сибирской казачьей батареей, которая ради предстоящей операции покинула свой вагон на ст. Ипполитовка и присоединилась к людскому и конскому составу своей батарее... Вот солнце выглянуло из-за вершин далеких «Анучинских» гор и поли-

лись на землю его золотые лучи. Голубое небо обещает ясный, жаркий день. За околицей села Ивановки, на Анучинском тракте необычайное оживление: конные и пешие отряды, повозки частью уже выстроившиеся, частью еще только выходящие и торопливо пристраивающиеся. Мелькают разноцветные значки Оренбургов, Енисейцев, Сибирцев. Появляется «грудкинская» батарея, ее орудийные запряжки хорошо подобраны: рослые, высокие, сильные кони — в первом орудии; — вороные и темно-гнедые. Во втором — серые в яблоках... Части выстроились по правую сторону дороги: пластуны и конные Оренбуржцы, Енисейцы, Сибирцы и две батареи (всего 3 орудия). Сзади — немногочисленные повозки обоза. На рысях проходит Генерал Бородин, здороваясь с частями. За ним спешит штаб и конвой с пестрым значком... Отдаются команды и части вытягиваются в походную колонну. Генерал Блохин со своим Ивановским гарнизоном идет впереди, за ним идут Оренбуржцы и Сибирская казачья батарея. Солнце уже высоко. Оно часто закрывается пробегающими по небу облаками, гонимыми ветром на запад, а по земле так-же быстро бегут их тени и от этого и без того радостное и бодрое настроение повышается еще больше. Так начался Анучинский поход белых.

Отряд шел по большому Анучинскому тракту и Ширяевка, с ее живописно разбросанными по холмам белыми мезанками, осталась влево. Шоссе прямо, как стрела... Среди кустов и леса выросли вправо от шоссе немногочисленные дома Лубянки. Собачий лай встретил и проводил колонну... А дальше — гора Крестовая, сравнительно значительный подъем. Редкий лес и кусты обступают шоссе с обеих сторон. Неожиданно задержка, остановка. Что такое... Оказывается дорогу пересекает глубокая балка. Мост через нее, неремонтированный надо полагать уже с начала революции, давно успел подгнить и обрушиться. Местные крестьяне уже давно успели протоптать и проехать объезд этого разрушенного моста слева, т. е. с северной стороны. Зигзагами по круче спускается на дно балки проселок, что-б перейдя,

почти совсем высохший в эту пору ручей, вновь подниматься таким-же порядком вверх. Этот спуск и подъем явились первым препятствием на пути движения отряда. Отметим, что в то самое время, как артиллеристы осторожно сводили вниз по объезду своих коней, на другой стороне балки появилось две или три крестьянских подводы с бородачами, ехавшими куда-то на запад. Кто они такие? Мирные ли жители или разведчики партизаны? Кто знает. Белые бойцы перекинулись с ними несколькими фразами, начальство задало несколько вопросов относительно красных. Ответы крестьян, как и всегда, были расплывчаты и неопределенны: «Да, в Тарасовке и Мещанке ночевали красные, то были конные Кима, а сколько их — не знаем...»

Уже полдень. Едва разъехались «грудкинские» артиллеристы с крестьянами и слегка продвинулись вперед по шоссе, как снова задержка. Остановились. Стоим. В чем дело? Несколько ружейных редких выстрелов прорезали лесную тишину. Выстрелы были произведены где-то слева. Сквозь прогалины, кой-где растущихся деревьев, с шоссе, проходящем в этом месте высоко по горе, видна яркая зелень луга, за которым виден небольшой перелесок по холму, а там дальше намечаются очертания деревни Тарасовки. По лугу, во весь опор, скачут вперед несколько наших белых всадников. Видимо по ним-то и открыли свою пальбу красные, занимающие Мещанку и постоянный двор впереди нее. А погода все такая-же яркая и прекрасная, как было ранним утром, только сейчас солнце дает себя основательно чувствовать. Хочется пить... Стрельба прекратилась и через несколько минут колонна продолжала свое движение...

Гора Крестовая осталась позади. Миновав два каких-то ручейка (то были Тарасов ключ и речушка Поперечная), голова колонны приближалась к крутой, поросшей лесом горе, высящейся над речкой Сандуганом, слева от дороги. Впереди шли дозоры и разъезды Енисейцев и Сибиряков. Противник был под боком. Каждую минуту можно было нарваться на засаду. Белые продвигались с большой осторож-

ностью. Через каждые несколько десятков саженей колонна делала вынужденные остановки, выжидая дальнейшего продвижения вперед разведчиков. Первое орудие Восточно-Сибирской артиллерийской дружины шло таким образом почти в самой голове колонны...

Между тем красные, занимавшие еще утром Тарасовку и Мещанку, сосредоточились у последней, где горная гряда, нависшая над последней, давала ряд существенных преимуществ обороне этого входа в длинное Сандуганское дефиле.

В начале второго часа дня, быстрым и сильным ударом по единственной улице Мещанки, а так-же сверху по сопкам над Мещанкой, подпустив белые дозоры вплотную к входу в деревню, красные остановили и в первый момент даже смяли цепи Енисейцев и Сибирцев. Под частым ружейным и пулеметным огнем, белые пехотинцы, вышедшие на открытое место, бросились было назад, ища укрытия в кустах. В один момент промелькнула мимо «грудкинских» артиллеристов группа казаков. Первое орудие Восточно-Сибирской артиллерийской дружины оказалось таким образом впереди своих, так-как отхлынувшие казаки, рассыпавшись цепью, заняли позицию позади этого орудия. Всегда хладнокровный Капитан Окорков не растерялся и на этот раз. Быстро скинуто орудие с передка тут-же на дороге. (Все равно назад никуда не уйдешь: узкая дорога, канавы, кочки, речушка и ручьи). Пули красных роем жужжат, проносясь над головой, с боку артиллеристов, щелкаясь тут-же о землю, но чудом каким-то щадя орудийную прислугу. Еще момент и орудие бьет на картечь. Бумм, Бззя... Бумм... Быстро работает офицерская прислуга орудия, единственного офицерского орудия всей Земской Рати. Доблесть артиллеристов сразу приводит в себя и казаков. Они уже оправились. Еще мгновение, другое и цепи «Ивановского» гарнизона уже перешли в наступление на опешивших под орудийной картечью красных партизан. Чего, чего, а уж этого — пальбы в упор из орудия, они, конечно, никак не ожидали... Еще момент и красные отхлынули сами. Теперь уже не рой, но только редкие пули

залетают на позицию Первого «грудкинского» орудия... Вот Сибирская казачья дружина под командой Войскового старшины Афанасьева по сопкам стала подниматься для обхода красных слева. Справа-же от дороги — болотистая долина, открытая, ровная. На ней нечего делать ни белым, ни красным. Сама дорога — тракт вьется под самыми сопками. Бой продолжается. Красные оказывали упорное сопротивление. Не один раз пытались они перейти в контр-наступление, но каждый раз безрезультатно: казаки и огонь первого «грудкинского» орудия отдавляли их все дальше и дальше на восток.

Казачьи цепи продвигались вперед. Вместе с ними шло и первое «грудкинское». Второе орудие, находившееся в момент открытия боя за первым, вплотную к нему, из-за описанных условий местности участия в бою не приняло. Теперь оно несколько поотстало, дабы не подвергать коней и прислугу бесцельной опасности со стороны огня противника. Ко всему-же Первое орудие с успехом справлялось со своей задачей и ввод в дело остальных двух орудий почитался начальством излишним. Что такое, в конце концов, столкновение под Мещанкой? — Первый бой на пути движения к Анучину всей группы и только...

После пяти-часового боя белые заняли и удержали деревню Мещанку; бой этот обошелся им в 26 человек убитыми и ранеными в Енисейской и Сибирской казачьих дружинах. В Восточно-Сибирской артиллерийской дружине потерь не было — Бог хранил. Остальные части участия в этом бою не принимали.

Отряды товарищей Лебедева и Кима отошли в сторону Орловки.

Сумерки быстро спускались на землю. В полумраке приканчивали свой ужин и допивали из котелков чай утомленные белые бойцы в дер. Мещанке. Целая Сибказрять, т. е. тысяча с лишним человек, струдились на эту ночь с 27-го на 28-ое сентября в бедной домами Мещанке. Большинству, конечно, нечего было и думать о сне под кровлей, но об

этом мало кто и вздыхал: погода была хорошая, а потому не плохо было поспать и на свежем воздухе. Связки соломы и сено накиданы ворохами вдоль плетней. Они представляли собою мягкое и приятное ложе. Вповалку располагаются тут белые бойцы. От докучливых комаров, коих видимо будет тут вдоволь, офицеры и солдаты и казаки с головой укрываются своими собственными шинелями. Винтовка каждого разумеется тут-же рядом со своим хозяином. От Сандугана веет свежестью и сыростью. Белесоватые волны тумана поднимаются от воды. Громко стрекочат кузнецы. Какая-то болотная птичка стала перекликаться со своей приятельницей... Красноватый отблеск зарева поднимается из-за горы. Совсем это не к месту. Он разгорается все больше и больше. Но разгораясь вместе с тем начинает как-то тускнеть в силе своего огня. Еще несколько минут и месяц медленно выползает из-за горы и так-же медленно продолжает подниматься все выше и выше. Зарева пожара больше нет... Кузнецы стрекочат еще громче. А вот и комар совсем близко над ухом запел свою песню... Воздух полон влаги и месяц выглядит каким-то мутным, расплывчатым, неопределенным блином. Что-то на подобие облака появилось на небе. Быть может ночью опять будет дождь? Какая тихая, мирная картина и кто скажет, что еще три часа тому назад здесь шел упорный бой русских с русскими, белых с красными. А что будет завтра?... Мещанка спит и посты белых, выдвинутые на сопки, охраняют ее покой...

Ночью набежавшая тучка пролила свою влагу на Мещанку-и спящих вдоль ее плетней, изб и амбаров чинов Сибказрати. Некоторые проснулись, вскочили ожидая усиления дождя. Другие лишь крепче поджались под своими шинелями и, намереваясь вскочить лишь в случае сильного дождя, продолжали дремать или спать. Но тучка пролетела и дождик перестал. Усталые люди продолжали свой сон.

В 4 часа утра 28-го сентября был произведен подъем частей Сибказрати в Мещанке. Быстро умылись, напились чаю и выступили... Главными в этот день так-же шли Ени-

сейцы, Сибирцы и 1-ое орудие Восточно-Сибирской артил. Дружины...

Дорога от Мещанки в направлении на Анучино идет по узкой долине реки Сандугана. Высокие сопки, поросшие лесом, нависают слева т. е. с северной стороны дороги. Дорога — тракт местами очень прилична, представляя собою почти неспорченное шоссе, местами-же, особенно в низких местах, это — широкий проселок с мягким грунтом. Кусты, среди которых проходит тракт, местами вплотную надвигаются на него и представляют порой непроходимую чащу. Ветви кустов, сплетаясь друг с другом, образуют местами непроницаемый для солнечного света свод и в таких местах, даже среди ясного дня, господствуют полумрак и прохлада.

Не более двух верст отошла голова колонны от Мещанки. Первое, а за ним второе орудия Восточно-Сибирской артил. дружины втянулись в только-что описанную дебрь, как тишину этой глуши прорезал звук нескольких винтовочных выстрелов. Стреляли совсем близко, в нескольких шагах. Не успело лесное и горное эхо разнести эти звуки по окрестности, как раздалась короткая очередь пулемета. Потом опять характерный треск винтовок и снова пулеметная очередь... Колонна, остановившаяся при первом выстреле, продолжала стоять на месте. Вправо и влево высоченная в человеческий рост трава и тесно сплетающиеся ветви кустарника, сходящихся над головами. Никого и ничего не видно, лишь где-то близко потрескивают временами винтовки и пулемет. Самочувствие артиллеристов совсем неважное: в этой заросли они совсем беспомощны со своими пушками. Остается лишь одно: ждать... К счастью ждать пришлось недолго: через несколько минут стрельба отодвинулась вдаль. Затем совсем смолкла... Стоящие впереди тронулись, кони натянули построжки и, тихо лязгая, орудия пошли. Так началась боевая страда Сибказрати 28-го сентября.

Место, где встретили красные белых, было весьма выгодно для них: высокие, отвесные сопки в этом месте сов-

сем сжимают долину Сандугана, непроходимая дебрь лишила белых возможности как следует воспользоваться артиллерией. Но красные не ввели в этом месте своих главных сил, не попытались молниеносным ударом из кустов попытаться захватить белые орудия, они ограничились тем, что поставили тут свою головную заставу, которая своим огнем дала весть своим главным силам о начавшемся движении белых.

Занимая высоты, прячась в кустах и в лесу, красные успешно сдерживали быстроту движения белых. Последним приходилось выжимать «товарищей» охватами, обходами, занятием доминирующих высот. Это значило, что Енисейцам и Сибирцам то и дело приходилось лезть на кручу для того, чтобы затем катиться вниз и так до бесконечности. Несколько раз головное орудие белых снималось с передка и палило в заросли, из которых какая-то упорная горсть партизан не хотела уходить от огня и охватывающих движений казаков.

Так, ведя непрерывный бой, изматывая своих людей лаваньем по сопкам, Сибказрать продвинулась к 10 часам к деревне Малая Орловка, т. е. за пять часов проделала всего 12 верст.

Вот выписка из записок офицера Восточно-Сибирской артил. дружины: «...Головное орудие медленно поднималось по очередному косоугору, поросшему редким, местами горелым, сосновым лесом. Небольшой лесной пожар здесь, видимо, был года два-три тому назад. Старые кусты выгорели до тла, новая-же растительность лишь только начинала всходить. Большие, толстые и высокие сосны носили следы ожогов и кой-где валялись обгоревшие стволы великанов. Надо полагать, что этими то павшими великанами красные и воспользовались, когда белые при своем продвижении вперед в нескольких местах наталкивались на тела огромных деревьев, лежащих поперек дороги. Таким вот путем красные так-же пытались задержать продвижение белых и в этом они отчасти преуспели, хотя следует повторить, что только

отчасти, так-как стволы быстро убирались белыми бойцами с дороги и тем очищался путь артиллерии и обозу.

Перед Большой Орловкой, в которой они видимо провели предыдущую ночь, красные решили задержать белых более основательно. Ружейная и пулеметная стрельба гремела тут более сильно и жарко. Подаваться назад красные видимо были не особенно охочи и Полковник Романовский приказал вновь скинуть головное — первое орудие с передка. На рысях выскочило орудие на пригорок. Снялось с передка. Сквозь стволы горелого леса, в голубой дымке позднего осеннего утра, саженях в полуторастах впереди, поднимается гряда сопки, дорога поднимается вверх и тут, вверху над долиной неясно вычерчиваются полускрытые кустами и лесом заборы, саран и избы незначительного, но растянутого великорусского селения. Это — Большая Орловка... Со свистом и визгом, мимо работающих номеров и несколько отведенной поодаль упряжки, летят пули. А под горкой, в нескольких десятках саженей от первого орудия, стоит второе «грудкинское» орудие, а за ним непосредственно — повозки батарейного обоза. Все вместе, все в куче. Да как-же иначе в этой глуши? — «Буммм», гремит пушечный выстрел, оглашая долину Сандугана и, отражаясь в горах, насется эхом дальше и выше... Гремят второй, третий выстрелы... С визгом рвется над окраиной деревни шрапнель. Полковник Романовский и Капитан Суханов в бинокли наблюдают за результатами стрельбы. А этим временем неутомимые Сибирцы и Енисейцы сопками идут в обход красных, занимающих и не желающих оставлять Большую Орловку. Красные их пока что еще не заметили. Они спокойно и уверенно ведут бой с залегшей впереди белого орудия казачьей целью. Но вот стрельба красных сразу как-то вдруг стала какой-то нервной, беспорядочной. Слышно как пулемет и винтовки красных стреляют совсем в другую сторону. А вместе с тем, откуда-то сверху стрекотал наш, белый пулемет... Еще минута, другая. Теперь уже ясно — красные откатываются. Видно, как по склону сопки отбегают красные стрел-

ки. Полковник Романовский переносит огонь дальше и орудие теперь начинает бить по дальней части деревни... Минуту спустя белое орудие на рысях двинулось вперед. Перед самым въездом в деревню оно опять остановилось и, вновь снявшись с передка, прямой наводкой стало бить шрапнелью по отходящим красным цепям.

Большая Орловка занята белыми. Принимая во внимание некоторую усталость Енисейцев и Сибирцев, вымотавшихся на лазаньи по сопкам, а так-же свежесть, еще не бывших в бою, Оренбурцев, Генерал Бородин приказал заменить в первой линии части Сводно-казачьего полка частями Оренбургского полка. Сибирская каз. батарея, однако, в голову выдвинута не была, но место первого орудия заняло второе орудие (Капитан Стихин) той-же Восточно-Сибирской артилл. дружины. Смены эти были произведены в деревне Большая Орловка.

Не задерживаясь в Большой Орловке, белые двигались дальше. В версте или, самое большее, в полуторах от Большой Орловки сопки и с ними речка Сандуган начинают круто заворачивать влево. В этом самом месте у шоссе имеется несколько домиков — Малая Орловка. Пройдя эту, в шесть дворов деревеньку, Анучинский тракт пересекает Сандуган, окончательно переходя с его правого берега на левый. Тракт следует далее в общем направлении на восток и на его пути поднимается значительная горная гряда — гора Брюхановка, получившая, видимо, свое наименование по причине своей крутизны: на нее, мол, лезть и с нее спускаться приходится не иначе, как на брюхе. Действительно западный спуск (т. е. в долину реки Сандугана) весьма крут и малоудобен для движения повозок. От восточной окраины Малой Орловки до подножья горы Брюхановки будет примерно с одну версту, а до ее гребня — не более двух.

И так около 10 часов 28-го сентября орудия и повозки колонны Сибказрати, двигаясь за цепями Оренбурцев, втянулись в Малую Орловку. При этом оба орудия Восточно-Сиб. артилл. дружины, идущие непосредственно одно за дру-

гим в самой голове колонны, оказались уже перед самым мостиком через речушку Сандуган. Небезинтересно отметить и то, что в самой Малой Орловке дорога, сообразно зигзагу гор, делает небольшой крюк влево: сначала она почти под прямым углом сворачивает влево, а затем, уже после перехода через Сандуган, идет некоторое время по его левому берегу, что-бы, наконец, опять свернуть вправо и начать подниматься на Брюхановку.

После неудачной попытки задержать белых перед Большой Орловкой, красные отходят, не оказывая сопротивления. Медленно течет по дороге колонна к своей цели. Иногда происходит задержка, остановка: Оренказы щупают впереди лежащую местность и пока они не заняли очередной рубеж, орудия не вылезают, что-б случайно не зарваться... Орловка почти уже пройдена, но вот впереди защелкали винтовки и затрещали короткие очереди пулеметов. Значит опять красные остановились. Надо их выкуривать. По приказу Полковника Романовского, командир 2-го орудия снялся с передка, поставив свое орудие на полузакрытую позицию у водяной мельницы. В двух — трех десятках саженей за ним на дороге остановилось, подтянувшееся первое орудие, а там дальше повозки... Бумм — орудие Капитана Стихина дало свой первый привет врагу. Бумм... и оно повторило. Оно било по кустам, занятым красными партизанами. Оно как бы говорило: «Пора вам выкатываться, товарищи. Вы видите — у нас есть пушки. Уходите лучше». Винтовки потрескивали, стучал пулемет. Все было, вобщем, как полагается и вдруг... откуда-то спереди, со стороны противника раздалось такое-же, ответное — Бумм... Красное орудие, расположенное где-то наверху, за гребнем Брюхановки, послало белым свой привет. Вся деревня Малая Орловка, с высокой горы была видна как на ладони. Заблаговременно красные успели, конечно, пристреляться. Они до сих пор умышленно выжидали и вот теперь, когда Сибказрать сгрудилась в деревушке, красные артиллеристы открыли меткий комбинированный огонь по колонне противника.

Такая встреча была неожиданна для белых. Позиции никакой, наблюдательного пункта тоже нет. Куда стрелять? Где красная батарея?... Пыль и сизый туман бездымного пороха поднимались у 2-го «грудкинского» орудия. Одна вспышка сменялась другой... Красные били по белой батарее. Их первая граната разорвалась где-то впереди и сравнительно далеко влево от «грудкинских» орудий. Комья черной, грязной земли, какие-то ветки и листья высоко взметнулись вверх. Второй разрыв был ближе в обоих отношениях к белым орудиям. Прекрасно, ясно видно, как подкошенными пали две березки... Новый, далекий, глухой выстрел вражеского орудия. Слышен свист снаряда. Он летит прямо на нас, на дорогу, на 1-ое «грудкинское»... Поручик Филимонов, держа в руках повод коня Капитана Окоркова, отошедшего куда-то в сторону, сидел на лафете своего орудия. Ездовые, слезши с коней, держали их в поводу. Другие офицеры и солдаты стояли или сидели, примостившись на жердях забора паскотины... Бззям... В нескольких шагах, под ногами одного коня среднего уноса 1-го «грудкинского» орудия разорвалась граната. Дым взрыва, пение разлетающихся в стороны кусков железа. Один момент все были в полном оцепенении. В следующий — рванули кони. С дикой, неукротимой силой бросились они влево, поворачивая в то же время назад. Еще мгновение и треск ломающегося дышла... Неудержимо кони рвутся вперед. Ездовые, конечно, давно потеряли поводья. Поручик Филимонов и конь Капитана Окоркова зажаты и сдавлены между лафетом и передком орудия. Но офицеры и солдаты бросаются к коням. Они остановлены... А красное орудие все шлет и шлет по Малой Орловке свои гранаты и шрапнели. Этот частый огонь красного орудия не только приводит в замешательство Оренбургских казаков, но даже понуждает их к поспешному отходу, чуть ли не к бегству... Ясный, чуть-чуть теплый осенний день. Синее, прозрачное небо с редкими, белыми облачками на нем, желтая листва деревьев, белые облачка шрапнелей, рвущихся среди них и черные взрывы гранат, вздымающих высоко рых-

лую, влажную землю огородов и пашни... Едва были остановлены орудийные кони, как Капитан Решетников уже, вырвав могучими руками толстую, крепкую жердь из забора паскотины, мастерил из нее новое дышло.

Орудие Капитана Стихина ведет частый ответный огонь, руководимое Полковником Романовским и Капитаном Сухановым, забравшимися уже на ближайшую сопку. Но Оренбургцы отступают: волна этих молодчиков быстрой и, вообще, нестройной волной прокатилась назад мимо обоих орудий Восточно-Сибирской артил. дружины. Штабс-Капитан Решетников и еще кое-кто из офицеров-артиллеристов крикнули было оренбургцам, что-бы они остановились и помогли бы поднять перевернутый конями передок, но куда там: пехоте и конные Оренбургцы спешили в тыл. По дороге молча и быстро шел какой-то Оренбургский офицер в защитном дождевике без погон. Решетников крикнул было ему, чтобы он приказал своим казакам остановиться и помочь артиллеристам, но офицер продолжал молча идти, тогда горячий Штабс-Капитан Решетников обругал офицера-оренбургца, назвав его трусом и покрыв «матом». Слышали ли то офицер в дождевике или нет — неизвестно, но другой артиллерист — Штабс-Капитан Покровский зашикал на Решетникова: «Что Вы, Дмитрий Иванович, это ведь Генерал Зуев» — «Тем хуже для него», была короткая и такая-же горячая как и вся предыдущая речь Шт.-Кап. Решетникова... Гранаты ухали, пела шрапнель, орудие Капитана Стихина продолжало ответный огонь, матавшие Оренказы давно скрылись из глаз «глудкинцев», красные не появлялись. Первое орудие было приведено в порядок. Только что описанным взрывом гранаты из строя было выведено три орудийных коня: 2 — были убиты, а третий ранен. Этот разрыв вражеской гранаты надо считать чрезвычайно удачным для белых, так как упала граната всего на пять-шесть шагов дальше, она попала-бы под передок и взрывом ее был-бы он разнесен в щепы, а вместе с тем последовал-бы неминуемый взрыв всех, находящихся в передке гранат и шра-

пнелей. Тогда-бы, конечно, вряд-ли кто из находившихся поблизости офицеров и солдат глудкинцев остался бы в живых, не говоря уж о всей упряжке. Но Бог хранил «глудкинцев»...

Обозы белых выматали из Малой Орловки и, отойдя за выступ горной цепи, вытянулись по дороге на Большую Орловку. Первое орудие Восточно-Сиб. артил. дружины было так-же туда отведено, после того, как новое дышло было сделано. Второе орудие продолжало оставаться на своей позиции и вести борьбу с противником. В нескольких десятках саженей впереди него неподвижно лежала цепь Оренбургских пластунов. Оказывается назад, мимо «глудкинских» пушек проматали не все Оренказы, а только одна их часть — конные и штабные, которым действительно в создавшейся обстановке делать было нечего на «этом пятчке».

Небольшая площадь Малой Орловки продолжала оставаться под частым огнем красного орудия. Второе орудие «глудкинцев» не менее энергично обстреливало высоты Брюхановки, но о результатах огня судить трудно, так как склоны сопки покрыты густым лесом. Во всяком случае огонь Второго орудия подбадривал своих (Оренб. казаков) и охлаждал противника (партизан). Позднее в частях Сибказрати говорили, что Оренбургцы-пластуны к вечеру продвинулись яко-бы к самой подошве Брюхановки и чуть-ли не начали взбираться на ее склоны. Было-ли это так или нет, но во всяком случае Оренказы оказались значительно слабее Енисейцев и Сибирцев. В частях Сибказрати были так-же разговоры и о том, что Оренбургцы не имеют желания продвигаться вперед. Между тем орудие Сибирской казачьей батареи, заняв позицию на предельной дистанции, открыло «по карте» надо полагать совершенно безрезультатный огонь по сопкам и дороге на дер. Известка. Так строго судя Сиб. каз. батареею, должно оговориться, что подходящих позиций для полевой артиллерии в этой горно-лесистой дыре действительно не имелось. Таким образом огонь белых ору-

дий должен был играть роль лишь морального воздействия на свои и неприятельские войска. Отметим так-же и то, что Первое орудие «глудкинцев», будучи отведенным за Малую Орловку, стало на позицию впереди Сибирского каз. орудия и произвело несколько очередей, но затем замолчало, так-как Кап. Окорков счел совершенно излишним производить бесполезную трату снарядов. Во всяком случае красным было показано, что в белой колонне имеется по крайней мере три орудия, а то быть может и более.

Целый день продолжался бой Второго орудия и красного, несколько раз единичные доблестные Оренбуржцы пытались поднять своих станичников в решительное наступление на противника, но попытки эти успехом не увенчались. Таким образом за вторую половину дня пехота обеих сторон держала себя вобщем весьма пассивно. Что-б, все-же у читателя не сложилось очень отрицательного мнения об Оренбургских казаках, следует подчернуть опять, что вобщем все чины Сибказрати, начиная от Командующего и кончая последним рядовым и обозником, были против этого безрассудного движения на Анучино и, возможно, наличие у красных орудия было воспринято очень многими за подходящий повод к уклонению от ведения дальнейшего продвижения в горы.

В то время, как Сибказрать проделала марш от Ивановки до Малой Орловки и тут застряла, Полковник Аргунов со своим отрядом проследовал из Черниговки до дер. Калиновки, занял последнюю, но дальше, вследствие сопротивления красных и полного отсутствия дорог и троп не мог продвинуться, тем более, что имел при себе два орудия Западно-Сибирской артилл. дружины (бывшая Воткинская батарея Полк. Алмазова). О своем положении он донес Генералу Бородину. Что мог последний на это ответить? Ему было очевидным, что и в отряде Полковника Аргунова не очень-то охочи до залезания с полевыми трех-дюймовками в малодоступные сопки. К ночи в обстановке ничего не изменилось и Генерал Бородин отдал своим частям приказ заночевать:

1. В малой Орловке — Штаб группы, Оренбургский каз. полк и Второе орудие В. С. артил. дружины с Полковником Романовским и Капитаном Сухановым во главе.

2. В Большой Орловке — Генерал Блохин со своим Сводно-казачьим полком, Первым орудием В. С. артил. дружины (Капитан Окорков) и Сиб. каз. батареей Подполковника Яковлева.

Чины обоих полков были обрадованы этим известием и быстро разошлись по назначенным им местам. Между тем откуда-то взялись облака. Они затянули небо и около 20 часов 30 мин. заморосил дождичек, вскоре превратившийся в настоящий дождь. Он продолжался всю ночь с 28-го на 29-ое сентября. Конечно, никаких боевых столкновений в эту ночь не последовало. Красные, надо полагать, отошли на ночь в Известку.

Наступил серый рассвет 29-го сентября. Ветер гнал низкие, серые тучи. Порой на землю падали редкие капли дождя. Белые, занимающие Большую Орловку, обнаружили каких-то всадников, разъезжающих по склонам сопок, находящихся по другую сторону реки Сандугана против Большой Орловки. Всадники старались держаться возможно скрытнее. Они несомненно наблюдали за Большой Орловкой. По определению некоторых из белых бойцов, тут была не разведка красных, а целая колонна,двигающаяся в целях глубокого обхода белых. Белые орудия, поставленные на позицию еще с вечера, — одно на большой улице, другое — в огороде, открыли теперь огонь по маячущим красным всадникам. Огонь, видимо, был действительным, так как красные поспешили смотаться.

Между тем, Генерал Бородин, видя всю шаткость положения его группы в горах и опасаясь потерять орудия и обозы, в случае дальнейшего углубления в горы, направил в Штаб Земской Рати донесение, в котором он с одной стороны указывал на движение, по данным местных жителей, с Сучана большой обходной группы красных партизан, а с другой стороны высказал свою просьбу об отводе его груп-

пы к Мещанке, ввиду невыполнимости поставленного ранее Сибказрати задания. Ответа на это донесение Генерала Бородин не приходило и в 9 часов утра 29-го сентября все три орудия стали на новые позиции среди кустов и перелесков южнее западного конца Малой Орловки. Обе дружины (Восточно-Сибирская и Сибирская казачья) повели пристрелку Брюхановских высот и других предполагаемых целей. Погода к этому времени опять прояснилась и с голубого неба, покрытого многочисленными бегущими белыми облаками, осеннее солнце бросало на землю свои негреющие лучи. Так продолжалось до полудня.

Перед полуднем «грудкинские» артиллеристы увидели как конные Оренбургцы стали отходить колоннами в тыл, за артиллерийские позиции. Между тем Вост. Сиб. артил. дружина никаких распоряжений еще не получила, а потому отход Оренбургских казаков был воспринят с некоторым неприятным чувством: «как бы они не бросили нас». Оказывается, что Генерал Бородин отдал частям соответствующий приказ. Через минуту на батарею так-же прибыл конный ординарец с приказом об отходе. Быстро, с чувством полного удовлетворения, снялись орудия с позиции и одно за другим двинулись к дороге. В эту самую минуту белые услышали далекую артиллерийскую стрельбу. Глухая канонада доносилась откуда-то из тыла красных. По частям белых прошла весть, что это Генерал Глебов наступает с Сучана. Однако директивы Штаба Земской Рати такого движения Генерала Глебова не предусматривали и, приостановившимся было на дороге частям Сибказрати, Генерал Бородин подтвердил свой только-что отданный приказ об отходе. Канонада в тылу красных продолжалась, по своему характеру она походила на действительный обстрел артиллерией передвигающихся целей, а не на пристрелку тех или иных неподвижных точек. Истинный смысл этой стрельбы красных так и остался неизвестным и невыясненным белыми Сибказ. группы. Быть может это была уловка красных, дабы поглубже затянуть белых в горы, но так-же возможно, что красные

приняли подходивший с севера свой собственный Отряд Особого Назначения за новую обходную колонну белых и впопыхах открыли по нему огонь.

Не испытывая ни малейшего давления со стороны красных и даже не преследуемая ими, Сибказрать быстро двигалась от Орловки назад по долине реки Сандугана к Мещанке и далее к Ивановке.

Один из офицеров В. С. артил. дружины, уезжавший в служебную командировку в Никольск-Уссурийский, вернулся назад в Ивановку в отсутствие частей, ушедших на Анучино. Он рассказывал потом своим сослуживцам, что в Ивановке, в отсутствие гарнизона, царила мертвая тишина и жуткая тревога: ведь в двух опорных пунктах осталось сидеть всего лишь несколько человек. Что они могут сделать, если в Ивановку придут красные?...

...Короткая остановка. Потом снова движение... Луна была уже высоко и ее яркий голубой свет заливал спящие, пустынные улицы Ивановки, когда в 22 часа 29-го сентября части Сибказраты вступали в это село, по окончании похода на Анучино.

* * *

Подводя итоги только что описанной Анучинской операции Сибказраты, должно сказать в первую очередь, что в течение всей операции стрелки обеих сторон проявили весьма значительную инертность. Весь этот поход обошелся Сибказраты в 35 человек ранеными и в 6 человек убитыми. При этом особенно пострадала доблестная Енисейская казачья дружина, на кою, из вышеуказанного числа в 40 человек выбывших из строя, пришлось 26 человек. Потери были и у Сибирцев. Таким образом Оренбургцы, приостановившие свое наступление в 10 час. 28-го сент. и с тех пор топтавшиеся на месте до самого приказа об отходе, потеряли 6 человек, что и должно быть воспринято, как показатель их весьма значительной вялости. Невольно напрашивается

мысль, что будь в 10 часов в первой линии не Оренбургцы, а те-же утомленные и потрепанные Енисейцы и Сибирцы. Брюхановка к вечеру того же дня несомненно оказалась бы в руках белых. С другой стороны этот успех операции все-же не решил-бы. Возвращаясь опять к потерям частей, следует указать на расстройство орудийной упряжки первого орудия. Окончательно из строя этого орудия выбыло 4 коня двое убитыми и двое ранеными. В свое время отмечалось, что орудийные кони этой дружины были прекрасные, сильные и красивые, без особого труда бравшие любой подъем. Теперь в первой запряжке на ряду с орудийными конями появились строевые, верховые кони.

Касаясь организации этого наступления в горы, хочется отметить в первую голову перегруженность отряда ненужной в горах полевой артиллерией. Вместо трех, вполне достаточно было-бы и одного орудия на то количество пехоты, которое в действительности приняло участие в походе. Если на ровном месте полевое орудие и может в той или иной мере возместить недостаток пехотинцев, то в горах картина получается иная: орудие никак не может в любом месте по любому уклону лезть вверх или скатываться вниз, но будучи привязанным к дороге или тропе притягивает к себе некоторое число пехотинцев для прикрытия от всяких случайностей. Конницы тоже, пожалуй, было, по сравнению с пехотой, больше, чем следует. Все это будучи вместе взятым невольно рисовало печальные перспективы возможной потери орудий, коней и обоза без какой-либо пользы для дела. Поэтому надо полностью оправдать решение Генерала Бородина о прекращении дальнейшего залезания в горы и отдачу им приказа об отходе. В своей книге Генерал П. П. Петров высказывает совсем противоположную мысль — он жалеет о неудаче движения Генерала Бородина на Анучино, считая, что захват последнего открывал какие-то возможности Земрати и во всяком случае «это была крупная прореха, так как Анучинский район висел над Никольском и жел. дорогой Спасск — Никольск». Далее Генерал Петров

говорит, что нахождение группы красных в районе Ивановка — Анучино имело большое значение для предстоящей операции главных сил Земрати, «так-как с одной стороны ею была связана часть наших сил, а с другой она имела возможность помогать наступающим с севера постоянной угрозой нашему тылу войск и разрушением жел. дороги, прекращением связи». На наш взгляд — взгляд большинства чинов Сибказрати, все доводы Генерала Петрова, даже и те, что по своей логичности как будто-бы заслуживают полного внимания, грешат одним, но увы — самым основным: *своею полнейшей отвлеченностью. Действительно, возьми и удержи за собой Сибказрать Анучино. Разве это гарантировало бы «неприкосновенность» жел. дороги Никольск — Спасск? Таким образом, выдвинув Сибказрать в Анучинский район, Штаб Земрати должен был-бы «кого-то» поставить на ее место в Кремово, Ляличи и Монастырище. Но кого? Резервов у Штаба Земрати не имелось. Так кто же охранял бы тогда линию жел. дороги от отдельных, небольших партий красных подрывников, которые всегда бы проникнули к своей цели. Нахождение Сибказрати в Анучинском районе было бы для них не тормазом, а наоборот — облегчающим началом, так как отсутствие свободных сил у Штаба Земрати привело бы в таком случае к созданию «импровизации» охраны этого участка железной дороги. Ведь не остановило же красных подрывников в только-что минувшую зиму 1921-22 г. г. выдвижение Белоповстанцев к Волочаевке и Ину? Но, если в зиму 1921-22 г., когда фронт находился за сотни верст под Хабаровском, красные не могли воспрепятствовать проникновению в их тыл отряда Полковника Карлова, то какие нерушимые данные имелись у Штаба Земрати за то, что осенью 1922 г. Сибказрать, занимая Анучино, сможет гарантировать недопуск какой-либо значительной колонны красных регулярных или партизанских сил, буде большевикам то придет в голову? Увы, Штаб Земрати осенью 1922 года витал в области каких-то фантазий, а через восемь лет после событий, бывший начальник этого са-*

мого штаба в своей книге эти фантазии пытается задрапировать логикой рассуждений, пригодных при решении и разборе задачи отдельной армии нормального состава. Вот в этом-то и кроется загвоздка.

Неудача движения на Анучино поставила крест над вопросом об организации крестьянского съезда в нем. Впрочем времена подходили теперь уж другие: через несколько дней после «прогулки» на Анучино, регулярные красные силы двинулись в общее наступление на Южно-Уссурийский Край.

3. НАЧАЛО КРАСНОГО НАСТУПЛЕНИЯ НА ЮЖНОЕ ПРИМОРЬЕ

1. Операция под станцией Свиягино Поволжской рати. —
2. Второй бой под Ивановкой.

После неудачного наступления на ст. Уссури, главные силы Поволжской рати сосредоточились опять в Спасске, выбросив вперед Московский конный полк. Бронепоезда помогали Московскому полку, маневрируя по железной дороге в целях ее охраны, а так-же выдвигаясь вперед в самую голову.

К 1-му октября положение охраняющих белых частей было таково: Разъезд Краевский и близ лежащий поселок Ново-Руссановский занимался Анненковской дружиной Московского полка и Пермской стрелковой дружиной Прикамского стр. полка. Конные дружины Московского конного полка (Московская и Петроградская) занимали деревню Комаровку.

Время сохранило Сведения о наличном и боевом составе Поволжской Группы по состоянию на 1-ое октября 1922 года и ниже мы приводим полностью содержание этого документа. Эти документальные данные весьма интересны так как дают все необходимые цифровые данные белой стороны на предстоящую операцию. Наиболее интересными, пожалуй, будут цифры снарядов и патронов. Приходится только сожалеть, что не имеется сведений о количестве расстрелянных снарядов и патронов в том или ином бою.

.СВЕДЕНИЯ

о наличном и боевом составе частей Поволжской Группы по состоянию к
1 — 10 — 1922 года

Наименование частей	Наличный состав		Боевой состав		Орудий	Пуле- метов	Снарядов	Патрон.
	Офиц.	Солдат	Офиц.	Солд.				
ПРИВОЛЖСКИЙ ПОЛК								
Штаб полка	15	28	13	22	—	—	—	26,580
Волж. пеш. друж.	61	187	47	150	—	6	—	17,530
Камск. пеш. друж.	56	196	47	169	—	3	—	21,430
Уфим. пеш. друж.	38	283	28	248	—	6	—	35,695
Волж. кон. друж.	38	255	30	201	—	5	—	20,570
Волж. арт. друж.	6	42	4	29	2	—	204	1,105
Итого	214	991	169	819	2	20	204	122,910

ПРИКАМСКИЙ ПОЛК

Штаб полка	13	23	5	4	—	—	—	300
Ижев. пеш. друж.	48	286	38	232	—	5	—	25,300
Вотк. пеш. друж.	46	186	33	155	—	2	—	32,800
Перм. пеш. друж.	43	135	38	115	—	4	—	21,202
Прикам. кон. друж.	29	116	24	96	—	6	—	20,800
Прикам. арт. друж.	14	56	10	38	2	1	81	4,300
Итого	193	802	148	640	2	18	81	104,702

МОСКОВСКИЙ ПОЛК

Штаб полка	6	10	5	6	—	—	—	600
Москов. кон. друж.	31	166	17	111	—	2	—	17,725
Петрогр. кон. друж.	50	198	35	139	—	6	—	32,615
Анненк. кон. друж.	43	188	33	176	1	1	208	19,500
Итого	130	562	90	432	1	9	208	70,441

ПОВОЛЖСКАЯ

АРТИЛЛ. ДРУЖИНА	22	98	20	82	4	—	95	2,313
ИНЖЕН. ДРУЖИНА	19	90	10	68	—	—	—	—
ИМАНСКАЯ КОННАЯ ДРУЖИНА	10	24	9	22	—	1	—	12,370
..... *	10	23	10	23	—	—	—	1,000
..... **	10	14	10	14	—	—	—	690
ШТАБ ГРУППЫ	39	116	30	39	—	—	—	2,890
ВСЕГО В ГРУППЕ ..	647	2,720	496	2,139	9	48	588	317,316

2-го Октября 1922 г.
№ 0184/оп
Никольск-Уссурийский

П. п. Обер-Квартирмейстер Штаба Поволжской Группы,
Генерального Штаба Полковник Семенов.
Верно: Старший Адъютант по оперативной части Штабс-
Капитан Вяткин.

* и ** В той ведомости, из которой была произведена выемка приводимых данных, против этих двух граф не было помещено наименований частей. Надо полагать, что одна из этих граф принадлежит ПАРТИЗАНСКОМУ ОТРЯДУ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА САВЕЛЬЕВА, но которая — мы затрудняемся указать.

По получении сведений о том, что красные уже готовы к наступлению, конные дружины Московского полка получили задание занять линию Шмаковка — Успенка. Во исполнение полученного приказа Московская конная дружина двинулась на Шмаковку, а Петроградская конная дружина — на Ольховку, где встретилась с двумя ротами красных. После боевого столкновения с Петроградской конной дружиной, красные стали отходить частично на Степановку и частично на Успенку. Петроградская конная дружина красных не преследовала, но сама так-же отошла. Московская конная дружина встретила сильное сопротивление противника у Шмаковки. Вследствие этого сопротивления она не смогла выполнить поставленной ей задачи и также отошла. В результате обе конные дружины Московского полка опять оказались сосредоточенными в Камаровке.

Между тем, вслед за белыми, на Комаровку двигаются со стороны Успенки три роты красных. Под их давлением белая конница покидает Комаровку и, совместно с головным бронепоездом, отходит на разъезд Краевский. Красные охватывают расположение белых у разъезда Краевского. Тогда белая конница пробивается через цепи противника, захватывая при этом до 40 человек пленными. Однако последние, пользуясь обстановкой, вскоре разбегаются. В этом деле 3-го октября принимала участие также пехота: Анненковцы и Пермская дружина.

У Духовского белая конница занимает позицию и немного задерживает развитие красного наступления. Затем она отходит за ст. Свягино на присоединение с главными силами Поволжской рати, кои 4-го октября были погружены в эшалоны на ст. Евгеньевка (что при городке Спасск) и затем были переброшены к разъезду Дроздову по железной дороге.

5-го октября, по занятии разъезда Дроздова, белые повели наступление на ст. Свягино, около которого к вечеру установилось соприкосновение головных частей главных сил обеих сторон. Вечер 5-го октября прошел в усиленной раз-

ведке. Следующий день обещал первое серьезное столкновение противников в эту кампанию.

В этом бою под Свягином со стороны белых приняло участие до 1,600 штыков и около 650 сабель при 8 орудиях.

Со стороны красных в бою под Свягином приняли участие обе бригады — стрелковая и кавалерийская. Как уже говорилось выше, каждая из красных бригад состояла не то из трех, не то из четырех полков. Артиллерии у красных в этом бою было немного, во всяком случае не более 5 орудий. Так как наличие четвертых полков в красных бригадах не является вполне доказанным, то, при подсчете общей численности сил красных принимавших участие в этом бою, мы будем исходить из минимального расчета бригад в три полка, но и это дает нам от 3,500 до 4,000 шт. и до 1,000 сабель при 5 орудиях.

С наступлением рассвета 6-го октября начался бой. Белое командование наметило занятие господствующих высот, с коих предполагалось повести контр-наступление на красных. Однако, среди густого, предрассветного тумана, белые части задержались. Приволжский стрелковый полк, долженствовавший охватить справа красных, опоздал занять назначенную ему исходную позицию. Обе батареи Поволжской артиллерийской дружины так-же опоздали выйти на предназначенную им позицию. Таким образом красные предупредили белых на участке Приволжского полка и сами обосновались на господствующих высотах. В дальнейшем красные развивают наступление и теснят белых. На фронте красных белые заметили четыре действующих трех-дюймовых орудия, кои ведут слабый и редкий огонь. Пехота красных, при поддержке огня пятого орудия, пытается произвести охват правого фланга расположения белых, но, вобщем, движение это весьма неопределенно и слабо. Белесоватая мгла, что так часто бывает осенью в Приморье, держится почти целый день, чем, конечно, немало затрудняет производство операций обеим сторонам. Как-бы то ни было, но к вечеру 6-го октября части Поволжской группы оттесняют противника

и все белые части занимают позиции, кои были назначены, согласно приказа, исходными, но кои по отмеченной выше причине белым не удалось занять на утренней заре 6-го октября.

Наступила ночь и, казалось, что с рассветом 7-го октября бой под Свягином возгорится с новой силой, но этого не произошло: ночью частям Поволжской группы было приказано сняться с позиций и, отойдя несколько в тыл, погрузиться в эшалоны для обратной переброски в Спасск. Приказ этот был благополучно выполнен и утром 7-го октября красные не обнаружили перед собой противника.

Прекращение боя белыми и их отвод от Свягина были произведены главным образом из-за острого недостатка в патронах. Этот постоянный недостаток патронов у белых является одним из главных факторов описываемого похода. Японцы не передали из имеющихся во Владивостоке на складах запасов нужного количества ружейных патронов. Для пополнения небольшого запаса патронов Земской Раги, во Владивостоке было приступлено к организации специального патронного завода, но естественно налаживание всего этого аппарата требовало времени, а его-то и не имелось.

В течение Свягинского боя наблюдалось, что белые, ввиду недостатка в ружейных патронах, центр тяжести борьбы возложили на артиллерию, которая, собственно говоря и вела весь бой. У красных наоборот — артиллерия была слаба и вяла, но в глаза бросалась хорошая выучка красной пехоты.

В течение боя 6-го октября наибольшие потери со стороны белых понес Прикамский стрелковый полк. Особенно пострадали юнкера Корниловского Военного училища, кои были приданы Воткинской стрелковой дружине и кои, под командой своих курсовых офицеров, наступая во весь рост, нарвались на скрывавшуюся в высокой траве густую цепь красной пехоты с несколькими пулеметами.

Неудачная Уссурийская операция Генерала Никитина, а затем все неблагоприятно сложившиеся обстоятельства

Свиягинского боя, безусловно вредно подействовали на психику частей Земской Рати и охладили их порыв в дальнейших боях. Вместе с тем в среде местного населения укреплялась мысль в слабости белых и невозможности для них противостоят наступающим красным.

* * *

В то время, как к северу от Спасска, на главном участке театра военных действий, разыгрывались только-что описанные военные действия, на участке Сибирской казачьей группы так-же не обошлось без серьезного столкновения: содействуя наступлению своих главных сил из района ст. Уссури Успенка к Свиягину и далее к Спасску, Анучинская группа красных повела удар по Ивановке, поставив себе целью овладение этим селом и выход на железно-дорожную линию Никольск — Спасск. Дело происходило так:

В ночь на 4-ое октября отряд красных партизан силою в 800 — 900 человек при 2 орудиях незаметно подошел к Ивановке и занял восточную окраину ее. На этот раз сторожевые посты белых заметили во время какое-то подозрительное движение в районе кладбища и по направлению к больнице. Было доложено по начальству и, наученные опытом 17-го сентября, белые не стали выжидать, когда «выезжающие раньше времени на поле крестьяне» превратятся в наступающих партизан.

В 4 часа 30 минут утра 4-го октября был произведен подъем Ивановского гарнизона. Одевались тихо, без огня. Бесшумно и незаметно расходились по назначенным позициям. Во главе Ивановского гарнизона на этот раз стоял сам Командир Сводно-казачьего отряда — Генерал-майор Блохин. Первое орудие Полковник Романовский направил на нижнюю улицу, второе-же (Капитан Стихин) поставил на заранее приготовленную позицию у дома волостного правления.

«Буммм... Среди еще неисчезнувшего мрака, ярким пламенем вспыхнул огонь первого выстрела второго «грудкинского» орудия, обдавая своим красным отблеском само орудие и его прислугу. Буммм... и с новой вспышкой огня, новая туча пыли и сухих листьев поднялась, закружилась в воздухе и, медленно колыхаясь, стала опускаться на землю. Мрак редел и с каждой секундой росли лучи пока еще невидимого солнца.

Так, через каких-нибудь четверть часа после подъема, второе орудие Вост.-Сибир. артил. дружины открыло бой. Оно било по огородам, что находились за домом священника. И только теперь, видя, что они обнаружены белыми, красные партизаны с криками «ура» бросились вперед. Ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь заставил их залечь в огородах не выходя на церковную площадь.

В то время, как только-что описанная сцена разыгрывалась в самом центре села и обороны белых, главные силы красных партизан, с криками «ура», ведя ружейный огонь, заняли больницу, которая до этого момента охранялась всего лишь несколькими енисейцами, не имеющими даже пулемета. По занятии больницы, партизаны стали спускаться в неглубокую и застроенную ложину, по переходе которой, они оказались бы в тылу обоих опорных белых пунктов. Обозы, стоявшие у мельницы (водяной), оказались бы отрезанными от боевой части. Однако, огонь первого (офицерского) орудия «грудкинцев» и подоспевшее «подкрепление» с пулеметом не допустили красных до спуска в ложину. Красные здесь так-же остановились, залегли и открыли малодействительный огонь.

Наступление красных таким образом захлебнулось. Захват Ивановки с налета не удался и теперь предстояла борьба на выдержку. Кто устоит в ней? Если в организации и выучке партизан и имелись дефекты, то положение белого гарнизона было так-же не особенно блестящим: численная слабость чуть ли не в три раза по сравнению с противником, ограниченность огнеприпасов, совсем слабая надежда на вы-

ручку извне. Вместе с тем нельзя же надеяться на повторение красными элементарных ошибок, наделанных ими 17-го сентября.

В Ивановке, почти сразу-же за церковью по направлению к реке Лефинке, начинается скат. Разница в уровне у церкви и у мельницы получается весьма значительной. Однако красные артиллеристы этого обстоятельства не учитывали и при своем обстреле центра села и его задов ставили нормальную трубку, как, если бы церковь и мельница находились на одном уровне. Конечно, такой огонь не мог быть действительным, так как «нормальные» разрывы при этих данных превращались в безнадежно «высокие». Таким вот образом, после неудачных двух своих пехотных атак, красные занялись бесцельной и безрезультатной тратой своих снарядов при производстве своего мнимого обстрела расположения белых.

Красная пехота (партизаны) этим временем несколько оттянулась назад, предоставив дело своей артиллерии. Интенсивный обстрел «пяточка», занятого белыми, то ослабевая, то усиливаясь, продолжался до 10 часов 4-го октября. Второе орудие «грудкинцев», руководимое Полковником Романовским, находившимся на колокольне, нащупывало позицию красной батареи. Первое орудие Капитана Окоркова, ввиду активности красных партизан в Красном Селе, перенесло огонь по последнему. Красная пехота, видимо, намеревалась теперь произвести удар по правому флангу белых.

В 10 часов 4-го октября красная батарея, пристрелявшаяся по церковной колокольне села Ивановки, служившей единственным хорошим наблюдательным пунктом для руководства артиллерийским огнем при дальнем обстреле, подожгла последнюю. Загорелась колокольня, а затем и сама церковь. Некоторые из ивановских жителей крестьян и казаки бросились было тушить пожар, но церковь находилась почти на самой первой линии белой обороны и цепи красных партизан находились в самой непосредственной близости от нее. Церковная площадь являлась таким образом как-бы «ничьей землей», а потому люди, пытавшиеся было

предотвратить общий пожар церкви немедленно оказались под самым действительным ружейным и пулеметным огнем партизан. Нужно все-же отметить ту беззаветную доблесть ивановских мужиков и баб, с которой они и выделенные им для помощи казаки и солдаты таскали воду для тушения пожара. Это приходилось им делать под сильным, действительным огнем партизан. Некоторые из них (крестьян), а так-же казаки и солдаты были при этом ранены, но, Слава Богу, никто не был убит. Пожар разрастался, огонь бежал все дальше и дальше. Видя, что спасти церковь нет никакой возможности, крестьяне и солдаты стали спасать церковное имущество, вынося иконы, утварь. Полковник же Романовский, пока было возможно, руководил огнем с начавшей уже гореть колоколни. Но вот пламя охватило всю церковь. Тогда огонь со стороны партизан и белых смолк. Среди мертвой тишины прекрасного, теплого осеннего дня, раздавался лишь один треск горящего дерева, да всхлипывания и причитывания деревенских женщин...

Церковь догорела и снова по всему фронту затрещали винтовки, пулеметы и загрели оружейные выстрелы. Теперь положение белых значительно ухудшилось: не стало наблюдательного пункта и настроение чинов белого гарнизона, естественно, упало.

Около 11 часов утра красное орудие развило интенсивный огонь. Белые ожидают нового наступления партизан. Последние пошли было вперед в Красном Селе, против Школы и Волостного Правления, но встретив отпор со стороны белых на всех этих участках, остановились. Эти попытки красных перейти в наступление не были одновременны и не произвели на защитников Ивановки впечатления атаки. К 12 часам дня эти потуги красной пехоты закончились и вместе с тем смолк огонь красной батареи — партизаны обедали.

Приблизительно в 13 часов начался новый обстрел из артиллерии расположения белых. Этот обстрел не был таким интенсивным, как обстрел с 11 до 12 часов. Видимо

красные поджидали подкрепления и свою новую атаку Ивановки они, повидимому, назначили на более поздний час. Между тем нервы защитников Ивановки натягивались все больше и больше. Телефонный провод, как то было и в первый бой 17-го сентября, оказался перерезанным еще до начала боя. Поддержка не приходила, а чины небольшого Ивановского гарнизона, вообще, чувствовали себя погано, ибо красные весьма свободно могли-бы проникнуть между отдельными бойцами во внутрь белого плацдарма. До последней минуты они были достаточно пассивны, но никаких данных не могло иметься у белых бойцов за то, что в следующую минуту красные не ринутся вперед на слабо защищенные крылья белого расположения.

В 13 часов 30 минут из Лефинки, в обход заимки Введенского, в Ивановку прорвалась связь, которая сообщила Генералу Блохину о том, что отряд Оренбург. казаков движется на выручку блокированному гарнизону Ивановки. — «Так это или нет? Одно обещание и подбадривание или же действительно казаки идут?», такие мысли засверлили головы оживившихся белых защитников Ивановки.

Но вот, в 14 часов со стороны Лефинки раздался огонь Сибирского казачьего орудия, которое, как оказалось, было по приказу Генерала Бородина снято с платформы на ст. Ипполитовка и только-что доставлено в Лефинку. Как приятны показались Ивановским защитникам эти далекие и сухие выстрелы «француженки»... Немного погодя со стороны Лядичей показались конные цепи Оренбуржцев. Они быстро двигались вперед, широко охватывая расположение красных... Из Ивановки было видно, как бросили сначала свои пехотные цепи красные к Лефинке, но появление конных Оренбуржцев, видимо, окончательно спутало планы красных. Совсем как-то неожиданно и нервно красное орудие оборвало свой огонь. Красная пехота быстро откатывалась...

В 15 часов 30 минут все того-же 4-го октября гарнизон Ивановки был уже совершенно освобожден от блокады и

перешел в наступление. Белые преследовали красных до Ширяевки.

На ночь (с 4-го на 5-ое октября) части Ивановского гарнизона и Оренб. казаки вновь собрались в Ивановке. Партизаны-же удрали куда-то за Лубянку, к Мещанке и Тарасовке. Так вторичной победой белых закончилась новая попытка товарища Шевченко овладеть Ивановкой. Енисейцы, Сибирцы и «Глудкинцы»-артиллеристы вновь оказались героями дня.

СХЕМА К БОЯМ В ИВАНОВКЕ 17-ГО СЕНТЯБРЯ, 4-ГО И 8-ГО ОКТЯБРЯ 1922 ГОДА

(Схема взята из рукописи «ИВАНОВСКОЕ СИДЕНИЕ» Поручика Восточно-Сибирской артиллерийской дружины Бориса Борисовича ФИЛИМОНОВА)

СЕЛО ИВАНОВКА И ЕГО БЛИЖАЙШИЕ ОКРЕСТНОСТИ

Обозначения:

1. — Северная сопка.
2. — Больница, являвшаяся опорным пунктом белых.
3. — Кладбище.
4. — Общественный амбар.
5. — Дом волостного правления, являвшийся одним из двух главных опорных пунктов; занимался Енисейцами.
6. — Дом священника, в нем жил Войск. старшина Бологов.
7. — Школа, превращенная в опорный пункт, занятый Сибирцами.
8. — Дом телеграфной конторы.
9. — Изба, являвшаяся первой квартирой Генерала Блохина (сент.).
10. — Дом, являвшийся второй квартирой Генерала Блохина (октябрь).
11. — Северный тыловой опорный пункт.
12. — Тыловой опорный пункт у мельницы.
13. — Вторые квартиры батарей (бой 17-го сентября и 4-го октября).
14. — Квартира батарей во время всех трех боев.
15. — Третьи квартиры батарей (бой 8-го октября).
16. — Амбар, у него первая позиция 1-го орудия в бою 17-го сент.
17. — Вторая позиция 1-го орудия в бою 17-го сентября.
18. — Первое положение обоза Вост. Сиб. артил. дружины в бою 17-го сент.
19. — Второе положение обоза Вост. Сиб. артил. дружины в бою 17-го сент.
20. — Две позиции 2-го орудия в бою 17-го сентября.
21. — Главная позиция 1-го орудия в бою 8-го октября.
22. — Позиция 2-го орудия в боях 4-го и 8-го октября.
23. — Позиция, на кою выезжало 1-ое орудие 8-го октября при отбитии атаки в 11 часов.
24. — Сторожка церковного сторожа, рядом с которой находились входные ворота в церковный двор.
25. — Один из красных пулеметов в бою 8-го октября.

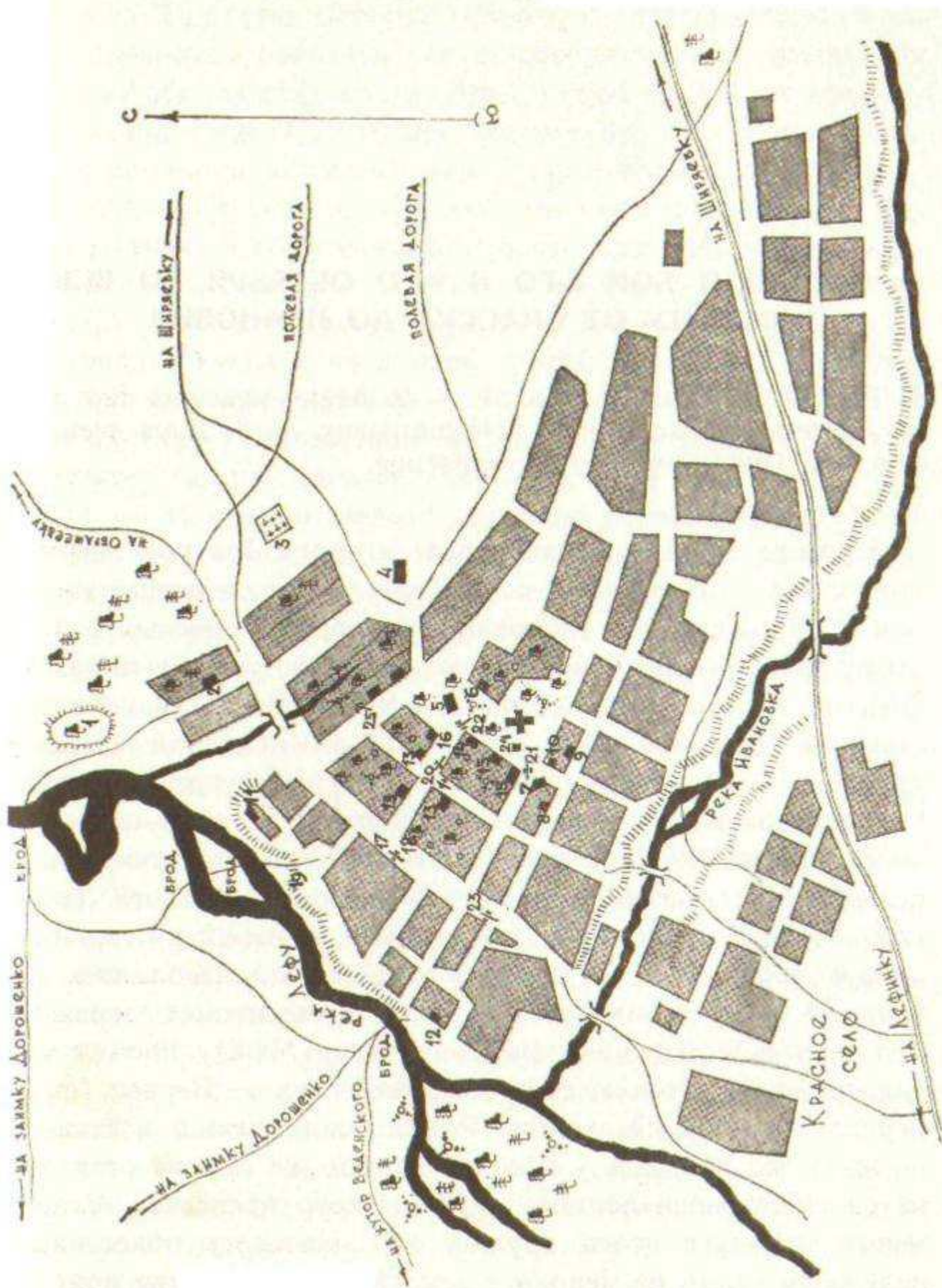
Примечания:

18. — На этом же месте в бою 4-го октября стояло 1-ое орудие.

10. — Во дворе этого дома во время боя помещались кони Сибирцев.

Первые квартиры батарей, находившиеся на Большой улице, не показаны. Они занимались батареями с 11-го по 16-ое сентября.

Во время боя 17-го сентября, кроме заграждений колючей проволоки, окружавших опорные пункты, имелась лишь одна — наружная линия проволочных заграждений, оставшаяся белым в наследство от японцев.

4. БОЛЬШОЙ БОЙ 8-ГО И 9-ГО ОКТЯБРЯ ПО ВСЕМУ ФРОНТУ ОТ СПАССКА ДО ИВАНОВКИ

1. Третий бой под Ивановкой. — 2. Атаки красных партизан на Ляличи, Монастырище и Черниговку. — 3. Двух-дневный бой под Спасском и его оставление.

Прошло только два дня после второго боя под Ивановкой, как 6-го октября белые получили определенные сведения о нахождении в Ширяевке регулярных красных сил. К этому времени Оренбургские казаки успели уже опять разойтись по местам своих стоянок и в Ивановке гарнизон составляли те-же 300 чинов Енисейской и Сибирской казачьих дружин при 2 орудиях Восточно-Сибирской арт. дружины. Незначительный гарнизон почти целиком еженощно разгонялся по постам. При первом подозрительном движении в незанятой части села, моментально следовала тревога. Тогда гарнизон часами лежал за проволокой, готовый к открытию огня в любую минуту. Днем-же усиленно производились работы по проложению третьей линии проволочных заграждений, рытью добавочных окопов и т. д. Между прочим артиллерийская оборона села была изменена — Первое (офицерское) орудие Полковник Романовский решил поставить на входе на площадь у Школы. Второе же орудие осталось на своей прежней позиции у Волостного правления. Стараниями прислуги этого орудия, оно оказалось обнесенным надежным валом из мешков с землей для прикрытия прислуги от ружейных и пулеметных пуль. Кроме того был вырыт

блиндаж для укрытия прислуги на случай артиллерийского обстрела. Прислуга Первого орудия — офицеры, как обычно, поленились работать так старательно и аккуратно, как то было произведено солдатами Второго орудия по приказу Командира орудия, поэтому Первое орудие не оказалось столь прочно прикрытым, как Второе. Офицеры ограничились одним окопом, да несколькими мешками с землей. Отметим так-же и то, что после второго боя в Ивановке почти все жители ее выехали из села, обосновавшись временно по займам. «Удовольствия» двух боев насытили их по горло и попадать лично в катавасию третий раз у них, очевидно, не было никакого желания.

Известие о появлении «регулярки» в Ширяевке было встречено чинами Ивановского гарнизона без особой радости. — «Серьезно, видимо, красные решили приняться за нас», говорили между собой белые бойцы, «два раза устояли, устоим-ли в третий раз?»

6-го октября, после обеда, когда солнце стало уже клониться к горизонту, ударяя своими косыми лучами в глаза красным, занимающим Ширяевку, которая для белых находилась теперь в наилучшем освещении, конные сотни Ивановского гарнизона двинулись в разведку на Ширяевку. Восточно-Сиб. артил. дружина так-же выехала с обеими своими орудиями за Общественный амбар по дороге к кладбищу. Тут оба орудия стали в кустах на позицию и затем по карте, с дистанции в 5 верст, открыли огонь по Ширяевке. Красные опять стали было выматывать из деревни, но на этот раз в несравненно большем числе и лучшем порядке, чем то было 18-го сентября. Конная разведка пощупала малость противника, но далеко не уходила и к сумеркам Ивановский гарнизон был опять у себя на месте.

7-ое октября прошло в несколько напряженном настроении от ожидания: «придут или нет? Будет бой или нет?» За смутно тревожным днем, наступила еще более напряженно-тревожная ночь.

* * *

Как уже указано выше, в предыдущей главе, Поволжская группа Генерала Молчанова после боя под Свягином была переброшена в ночь с 6-го на 7-ое октября в Спасск. Здесь в Спасске, 7-го октября утром происходит разбивка участков обороны, как для пехоты, так и для артиллерии. Прикамский стрелковый полк получил для обороны военный городок, находящийся на правом фланге белых. Анненковская дружина помещена на центральном, железно-дорожном участке. Приволжский полк занял левый фланг белого расположения, т. е. разбросанное село Спасское.

Красные, не обнаружив утром 7-го октября против себя противника не стали даром терять времени и немедленно двинулись вперед. Им были заняты в этот день станция Свягино, селения Васильевка, Белая Церковь. Конные дружины Московского полка, ввиду этого продвижения противника, отходят на Кронштатскую, а затем дальше на Константиновку. Красная конница напирает и 3-ий Забайкальский конный полк красных выбивает белых из Константиновки и понуждает их к дальнейшему отходу через Бусевку и Славянку в Красный Кут. Следуя за белыми, красные занимают Бусевку и Зеленки.

Утром 8-го октября разведка красных замечается белыми против Спасска. Разведка постепенно усиливается.

* * *

Дав краткое освещение обстановки на участках Сибирской казачьей и Поволжской групп, должно так-же сказать хоть несколько слов о том среднем участке, который связывал оба указанные в одно целое. Это будет район ст. Мучная — разъезд Кноринг. На восток от него тянулось бездорожное, горно-лесистое пространство. На западе-же находилась болотистая долина нижнего течения реки Лефинки или Лефы, как то она значилась официально. Таким образом этот участок являлся весьма пассивным. Охрана его входила в ведение Командующего Сибирской стрелковой ратью, вы-

делившего сюда первоначально отряд самой незначительной численности, так-как главные силы Сибирской стр. рати были заняты в то время очищением от красных Приханкайля. Позднее, в двадцатых числах сентября, сюда в Черниговку перешел Западно-Сибирский отряд Полковника Аргунова. В дальнейшем же, согласно директивы Воеводы Земской Рати, вся Сибирская стр. рать, за исключением Пограничной дружины (не полка-ли? В рукописи Генерала Смолина указано «дружина»), должна была сосредоточиться к 8-му октября в районе ст. Мучная — село Черниговка.

В течение 8-го октября части Сибирской стр. группы сосредотачивались в Черниговском районе и к вечеру этого дня расположились в:

- д. Меркушевка . . . . 1) Томская пешая дружина без офицерской роты, оставшейся в с. Григорьевском.
- 2) Конная разведка Иркутской пешей дружины.
- д. Дмитровка . . . . 1) Иркутская пешая дружина без конной разведки.
- 2) Одно орудие.
- д. Вадимовка . . . . Конная застава Омской пешей дружины.
- с. Черниговка . . . . 1) Штаб Западно-Сибирского отряда (полка).
- 2) Омская пешая дружина без отряда Полковника Резанова, оставшегося в Камень-Рыболове.
- 3) Сибирская артиллерийская дружина.
- 4) Сибирская Инженерная дружина.

В пути, на ст. Иппо-

- литовка . . . . . 1) Штаб группы.
- 2) Рота Красноярской пешей дружины.

* * *

В 4 часа утра 8-го октября в Ивановке один из казаков-енисейцев вышел по какой-то своей надобности из избы на двор. За забором этого двора проходила последняя наружная линия проволочных заграждений. В ночной тишине казаку почудился какой-то шопот за забором. Он замер на месте и, прислушавшись, услышал тихий разговор двух человек. Говорили по корейски. Дело было ясное: красные уже пожаловали в Ивановку. Не окликая разговаривающих, казак незаметно для них удалился и сразу же рапортовал по начальству.

В 4 часа 15 минут произведена побудка людей гарнизона. — «Красные в деревне». Молча, бесшумно и поспешно выходили люди из темных хат и быстро расходились по своим постам. Заамуниченные лошади, с 17-го сентября их еженощно заамуничивали, насторожились. Первое орудие, стоявшее в упряжке на площади у хаты, на пол-пути между Школой и Волостным Правлением, тихонько позвякивая, прошло на свою позицию у Школы. Орудие снялось с передка. Коней отвели за дом...

Второе орудие стояло на своей оборудованной позиции. Енисейцы занимали участок от Волостного Правления до Больницы включительно. Сибирцы — участок от Школы к Большой улице и дальше вдоль реки Ивановки... Ночной мрак был в полной своей силе, бледная луна тихо плыла по небу, волны густого, белесоватого тумана плотно окутывали землю, в десяти шагах ничего не было видно. Красные не наступали, а белый гарнизон лежал на своих позициях будучи готовым каждую минуту открыть огонь. Жутко тянулись минуты. Стало светать. Луна бледнела. Туман, казалось, начал таять. Сырость, между тем, пронизывала до костей. Напряженные и без того нервы, натянулись еще более. Все готово к бою, а противник молчит... Стало уже почти совсем светло, волны белесоватого тумана таяли и тогда, ровно в 5 часов утра 8-го октября раздался первый из пяти орудийных выстрелов красной батареи. Эти пять выстрелов были сигналом для красной пехоты к атаке. Пять выстре-

лов — вероятно по числу концов красной советской звезды. Орудие смолкло, оно, как белые выяснили потом, ушло сразу после этих пяти выстрелов из под Ивановки к Ляличам, в распоряжение товарища Шевченко.

Итак последние сомнения рассеялись: красные в Ивановке. Они дали уже свой утренний привет — эти пять выстрелов. И сразу за этими выстрелами Енисейцы, занимающие «Волость» увидели красную пехоту. Ровные, густые, сомкнутые ряды хорошо обмундированной пехоты, с винтовками на ремне, как стена разом поднялись из травы у Общественного Амбара и ровным, спокойным шагом, соблюдая равнение и дистанции, точно на смотре, двинулись вперед. А впереди этих стройных рядов прекрасной пехоты, каждый на своем месте, шли красные командиры. Они шли на «Волость», а «Волость» молчала. Войсковой старшина Бологов дал строгий приказ ни в коем случае не открывать огня ранее его сигнала. Красные шли вперед, они видимо, думали подавить белых этим видом мощной лавины, молча и неудержимо, катящейся вперед. Действительно, картина была чарующе-жуткая и будь защитниками «Волости» не старые, испытанные и доблестные воины — казаки-енисейцы, а какиенибудь недавно призванные землеробы или подгородние, то наверное они бросили бы «Волость» и побежали. А если бы даже не бросили, а только бы открыли беспорядочную винтовочную трескотню то вряд-ли бы спасли дело. Но в данном случае встретились две равно прекрасные воинские части: прекрасно обученная красная пехота — курсанты и закаленные воины и меткие таежные охотники казаки-енисейцы.

Первая волна красной пехоты, а всего их было три, плотную подошла к рогаткам. — «Проволока», закричал красный командир, повернувшись к своим, «товарищи вперед» и с этими словами, он готов был уже прыгнуть через проволоку, но Войсковой старшина Бологов взял его на мушку. Мгновение. Раздался первый ружейный выстрел с белой стороны. Красный командир упал, но красная пехота уже

подошла вплотную к проволоке, она уже начала рвать... Еще минута, другая и красная лавина, сметая все на своем пути, вольется во внутрь белого плацдарма... Однако этого не произошло. Вслед за выстрелом Войскового старшины Бологова, разом залпом грянули винтовки горсти енисейцев — защитников «Волости». В то же время затрещал пулемет. Его поддержал другой из укрытого и незамеченного красными гнезда. Красные оказались под перекрестным огнем. Еще мгновение и грянул первый выстрел Второго орудия, оно било на картечь. За первым последовал второй, третий... Можете ли вы себе представить, что тут случилось? Каша, сплошная каша. — «Товарищи вперед, ура». Кричали красные командиры. Их крик был подхвачен красными бойцами. Одиночные люди уже перепрыгнули через первую линию рогаток, но что они могли сделать? За первой, тянулись вторая и третья линия проволоки, размеренные залпы следовали один за другим, пулеметы стрекотали, трех-дюймовка гвоздила на картечь... Первая цепь красных была сметена почти начисто. Подошедшие вторая и третья столпились у проволоки, сгрудились, смешались... Раненые и убитые грудями валялись на землю. Еще мгновение, другое и... красная волна отхлынула назад. Она отскочила к Общественному Амбару, там остановилась, залегла. Снова раздались крики «ура», затрещали винтовки красных бойцов. Пули роем полетели в стан белых, но все это было уже не то: красное наступление захлебнулось и огонь красных, отскочивших и залегших в траве, как бы свидетельствовал об их собственной беспомощности.

Одновременно с атакой «Волости», красные атаковали Сибирцев у Школы и Енисейцев у Больницы. Они так-же захватили Красное Село. Атаки эти носили тот-же характер, что и атака «Волости», но по эффектности своей они уступали, по времени-же они были более продолжительны. Что-же касается результатов, то все они были одинаковы, т. е. красные нигде не смогли прорвать белых линий и ворваться во внутрь белого плацдарма. Меньшая эффектность атаки по

Большой улице на Школу или атаки Больницы проистекала от отсутствия в самой непосредственной близости от проводочных заграждений белого орудия: Первое орудие стояло в несравненно большем удалении от Большой улицы, чем Второе от места главной атаки красных на «Волость». У Больницы-же совсем не имелось белого орудия и тут белых поддерживало все то-же Второе орудие, перенесшее свой огонь на подступы к Больнице, после того, как под «Волостью» наступление красных закончилось крахом.

По времени своего начала, атаки на Больницу и вдоль Большой улицы последовали на одну, две, самое большее три минуты позднее начала атаки «Волости». Сибирцы также стреляли залпами, но, пожалуй, в них не было такой выдержки, как в залпах руководимых Войсковым старшиной Бологовым.

Связь телефонная с Ипполитовкой между тем продолжала нормально работать. Это было странно, так как в первые два боя партизаны регулярно рвали нужные провода. Теперь-же, как то выяснилось позднее, красные порвали другие, ненужные провода, а нужный провод остался в целости и до конца боя связь Ивановки с Ипполитовкой не прекращалась. Конечно, о начале боя, поэтому, Генерал Блохин сразу-же доложил Генералу Бородину и просил выручки. Генерал Бородин обещал немедленно дать приказ Оренбургским казакам об их выдвижении к Ивановке на выручку вновь обложенного и атакованного гарнизона.

В своей Оперативной Сводке за № 1653/оп к 12 часам 8-го октября, Генерал-квартирмейстер Земской Рати, Генерального Штаба Полковник Озолин об Ивановке сообщает следующее:

«Анучинский район: В 4 часа 8-го октября красные невыясненной численности со стороны д. Луганки (По ошибке указана "Луганка", следует понимать "Лубьянка"), повели наступление на д. Ивановку и заняли восточные окраины ее. Бой продолжается. Около 6 часов противник, силою в 60 штыков при двух пулеметах, повел наступление на де-

ревню Лефинка, занимаемую Сибартдуж, и занял окраины. В 8 час. 30 мин. красные со стороны дер. Ображеевки повели наступление на дер. Ляличи и вытеснили из нее сотню Оренказдружины. Отошедшей сотне, подкрепленной пластунами, приказано вновь занять дер. Ляличи».

Эта сводка рисует нам картину несравненно более серьезной обстановки для белых, чем то было под Ивановкой в боях 17-го сентября и 4-го октября. Действительно, насколько то позднее установили белые, красные в сей раз двинули против Ивановки свой регулярный и отборный Отряд Особого Назначения четырех-батальонного состава с общей численностью до 1,200 штыков, который лишь в самых последних числах сентября месяца прибыл в Анучинский район, пройдясь по долине реки Даубихе. У белых говорили потом, что по своем прибытии в Анучино, между Командиром, комиссаром и их ближайшими помощниками этого отряда с одной стороны и товарищем Шевченко и помощниками последнего, с другой стороны, произошел довольно неприятный для последнего разговор. Начальство «регулярки» с известным пренебрежением отнеслось к боевым качествам и способностям партизан и их знаменитого начальника. — «Ивановки взять не можете, такого пустяка? На что-же вы, после этого, годитесь?» смеялись старшинки «регулярки». Шевченко был уязвлен таким гнусным к себе отношением и потому 4-го октября второй раз, своими собственными партизанскими силами, без какой-бы то ни было помощи регулярки, попытался овладеть Ивановкой и... с треском провалился. — «Ну, теперь мы тебе покажем, как надо воевать», смеялись старшинки «регулярки» и повели 8-го октября против всех частей и опорных пунктов Сибирской казачьей группы наступление. Под Ивановку они бросили свои образцовые четыре батальона, а партотряды направили на Ляличи, Монастырище и Черниговку. В успехе мощного удара своей прекрасно вымуштрованной пехоты, снабженной к тому же весьма значительным числом пулеметов, красные не сомневались. Надо полагать поэтому-то они не

воспользовались партизанским орудием и отправили его с партотрядом самого тов. Шевченко на Ляличи.

К Ляличам Шевченко подошел в тот самый момент, когда там было получено известие об окружении Ивановки и приказ Генерала Бородина идти на выручку Ивановки. Согласно данных Оперативной сводки только-что приведенной выше, Оренб. казаки бежали из Ляличей и последние были заняты партизанами, но по сведениям чинов Ивановского гарнизона, беседовавших позднее с казаками, Ляличи хотя и были оставлены Оренбургской конной сотней, но все-же в опорном пункте засело несколько казаков-оренбуржцев, кои и отсиделись в нем до того момента, когда Шевченко согласно приказания свыше, отошел в ночь с 8-го на 9-ое октября из Ляличей в сопки.

Оренбургский пластунский дивизион в Монастырице был на рассвете 8-го октября окружен партизанами и, вследствие своей малочисленности и недостатка в огнеприпасах, принужден был отсиживаться за проволокой до отхода красных, кои так-же, разумеется не могли, да собственно говоря, видимо, и не собирались штурмом овладевать этим опорным пунктом.

Под Черниговкой у Западно-Сибирского отряда Полковника Аргунова так-же имелись столкновения с партизанами в этот день, но ни в обеих Оперативных Сводках Генкварземрати от 12 часов 8-го октября за № 1653 и от 12 часов 9-го окт. за № 1666/оп и ни в докладе Генерала Смолина Воеводе о действиях частей его группы с 8-го по 18-ое октября ни полслова не говорится о подобных столкновениях белых с красными 8-го и 9-го октября в районе Черниговки.

На Лефинку, как то указывалось уже выше, наступал небольшой отряд красных. Равный им по численности, но недейтельный гарнизона Лефинки засел за проволоку и там отсиживался. Были-ли тут красные партизаны или же рота «регулярки» — белые не выяснили.

На станцию Ипполитовку красные нападения не произве-

ли. Надо полагать, что красные намеревались двинуть на нее часть своих сил по взятии Ивановки. Как мы знаем из предыдущаго, на ст. Ипполитовка помещался Штаб Сибирской казачьей группы, а так-же Уральская казачья дружина и Оренбургская казачья артиллерийская сотня. Части Сибирской стр. рати в эшалолах проходили ст. Ипполитовку в ночь с 7-го на 8-ое октября и днем 8-го октября. Это были: Сибирская артиллерийская дружина, которая убыла со ст. Ипполитовки на ст. Мучная в 6 часов 8-го октября т. е. через два часа после обнаружения красных в Ивановке. Штаб Сибирской стр. группы (Ген. Смолин), Сибирская инженерная и рота Красноярской дружины пребывали на ст. Ипполитовка днем 8-го октября, но к вечеру этого-же 8-го октября Штаб Генерала Смолина и инженерная дружина оказались уже в Черниговке и только одна рота Красноярской дружины (Полковник Ктиторов) оставались на ст. Ипполитовка, войдя во временное подчинение Генералу Бородину.

* * *

Ивановка ждала поддержки, помощи, но ни поддержки, ни помощи не прибывало. — «Два раза (17.IX и 4.X) отбились, сейчас пришел третий раз — отсидимся-ли?» — такая мысль назойливо сверлила головы защитников Ивановки.

Красные вели бешенные атаки на центральную часть позиции белых — ее два опорных пункта: Школу и «Волость». Здесь оба орудия белых били исключительно на картечь. Красная пехота подходила к орудиям на сорок шагов. Первые атаки оказались отбитыми. Гарнизон ждал помощи, рассчитывая и отсчитывая по минутам время возможного и должного прибытия конных Оренбургских дивизионов из Ляличей. Время подхода пришло и прошло, а помощи все еще не было. Наконец Ипполитовка сообщила, что Ляличи тоже окружены и казаки в них так-же сидят за проволокой. Оперативные сводки Генкварземрати Полковника Озолина

№ 1663/оп и 1666/оп, а так-же оперативная сводка Сибка-
зачьей № 02129/оп дают довольно таки определенные дан-
ные за то, что Ляличи были оставлены Оренбургскими ка-
заками; тогда приходится признать, что, в целях наиболь-
шего сохранения духа защитников Ивановки, Генерал Бо-
родин, отказывая Ивановке в обещанной помощи, «смягчил»
описание положения под Ляличами, сказав, что «Оренбург-
цы сами сидят в Ляличах за проволокой», когда они в дей-
ствительности (судя по вышеуказанным трем оперативным
сводкам) бежали из Ляличей.

Это сообщение Генерала Бородинна из Ипполитовки Ге-
нералу Блохину в Ивановку последовало в 11 часов 8-го ок-
тября в то самое время, как 3-ий батальон красных повел
атаку Ивановского плацдарма со стороны Красного Села и
дороги из Ивановки на Лефинку т. е. по Большой улице.
5-ая и 6-ая роты красных, всего до 120 штыков, не только
полностью заняв Красное Село, вышли на дорогу Иванов-
ка — Лефинка, но перейдя частично реченку Ивановку и
пройдя рогатки, уже стали подниматься вверх по косоугору.
Против этой массы красных имелось лишь пять сибирцев и
один пулемет. Сбив эту горсточку белых бойцов, красные
прямой дорогой вышли бы в тыл опорным пунктам белых.
Более серьезного положения представить было трудно. Крас-
ные находились у ключа своей победы. Тогда, как един-
ственное спасение, Полковник Романовский по приказанию
или просьбе (определить точно градацию этого «приказа-
ния» не так-то легко) Генерала Блохина приказал Первому
орудию Капитана Окоркова сняться со своей позиции у
Школы и как можно скорее выйти навстречу атакующему
село противнику. Приказание было тотчас-же исполнено: на
рысях проскочило орудие по нескольким переулкам и встав
на открытую позицию на одном из перекрестков Большой
улицы, в упор стало расстреливать на картечь густые цепи
красных... Такой встречи красные не ожидали. Их стрелки
смуглись, дрогнули и стали поспешно отступать. Порядок
в этих двух ротах нарушился полностью. Позднее белые ус-

тановили, что эта неудачная атака 5-ой и 6-ой рот красных стоила жизни их обоим Комрот: один из них застрелился, а другой удавился на собственном поясе на одном из дворов Красного Села. Позднее белые слышали от пленных и от местных крестьян, что у чинов Отряда Особого назначения, именуемого в оперативной сводке Генкварземрати «3-им Читинским стр. полком», атаковавших Ивановку, создалось впечатление, что у белых в Ивановке не два, а гораздо больше орудий, ибо, где только они не пробовали наступать, везде их белые орудия встречали картечью.

Между тем, положение белых в Ивановке было весьма затруднительным, особенно из-за недостатка ружейных патронов. Они были, прямо на вес золота. Еще две-три атаки и красные смогут забрать Ивановку и ее гарнизон голыми руками. Тяжесть обороны, поэтому ложилась на артиллерию, и полевые трех-дюймовки превратились в своего рода большие пулеметы, либо траншейные орудия. Впрочем применение полевых трех-дюймовок в бою в том виде, в каком они применялись в трех Ивановских боях, является безусловно весьма редким в истории полевой артиллерии в Великую войну 1914 — 1918 и Гражданскую 1917 — 1923 г. г.

Возвращаясь к описанию третьего Ивановского боя, должно указать, что не успело еще Первое орудие Капитана Окоркова довершить разгром 3-го батальона красных, как его работа понадобилась опять в центре, где красная пехота зашевелилась и пошла в новую атаку на Школу и «Волость». В дальнейшем красные продолжали долбить все тот же центр, видимо не подозревая того, что зады белой Ивановки были значительно слабее защищены и что их 5-ая и 6-ая роты, вобщем, были на верном пути к победе. Зады белой Ивановки были защищены или точнее заграждены редкой цепочкой проволочных заграждений, наспех поставленных после Второй Ивановки (т. е. 4-го октября) и во многих местах еще не были закончены. В районе же опорных пунктов, как то уже указывалось ранее, имелось три линии проволочных заграждений, хорошие окопы и укрытия.

До настоящего времени красные действовали тремя из четырех батальонов, но неудача всех атак понудила красное командование ввести в дело последний — четвертый батальон и в 14 часов 8-го октября последовала новая атака в центре. Красные опять шли, главным образом, на «Волость». Эта атака сопровождалась так-же оживлением деятельности красных на обоих флангах. Но напрасно красные бросили новый батальон по тому-же старому пути, ибо его ждала участь его предшественников. Эта атака красных была так-же успешно отбита белыми — главным образом огнем артиллерии и ручными гранатами. Ружейной и пулеметной стрельбы было очень и очень немного, так-как казаки, согласно старого наказа, расходовали малочисленные патроны весьма экономно.

После атаки красных в 14 часов, дух гарнизона Ивановки стал падать. До этой атаки гарнизон поджидал появления Оренб. казаков, он верил в их скорое прибытие. Теперь-же, ввиду повторных обещаний Ипполитовки, кои в жизнь, однако, не претворялись, надежды на это прибытие подкреплений у гарнизона исчезли. Некоторые чины гарнизона, до его начальника включительно, заподозрили, что связь с Ипполитовкой мнима и, что о своих бедах и нуждах они в действительности сообщают Штабу противника. Между тем Ипполитовка сообщила, что на станцию уже прибыл какой-то совершенно неизвестный в Земской Рати «1-ый пехотный полк», который, яко-бы, уже успел даже выступить с Ипполитовки на выручку Ивановки. Это сообщение окончательно смутило старших начальников Ивановского гарнизона. — «Да и впрямь мы имеем дело не с Ипполитовкой, а с "товарищами". 1-го пехотного полка у нас не существовало и не существует». Случай делал однако возможным произвести проверку этого обстоятельства и вот каким порядком: — в Ивановке, в Восточно-Сибирской артил. дружине служил однокашник и приятель личного адъютанта Генерала Бородина. Поручик из Ивановки вызвал Сотника с Ипполитовки. Приятели поговорили между собой. Сомнений

быть не могло: Ивановка имела действительную связь со Штабом группы в Ипполитовке. Оставался открытым вопрос о каком-то странном «1-ом пехотном полке» и еще о том, не подслушивают-ли все разговоры красные, быть может умышленно оставившие провод в целости на этот бой?

В 17 часов красные произвели новую атаку позиций белых в центре. В этот раз они шли главным образом против Сибирцев. У казаков оставалось по два — пять патронов (не обойм, а именно патронов). Выпускать их, естественно, подлежало лишь в самых экстренных и верных случаях. Поэтому винтовки стреляли очень редко, пулеметы тоже не строчили, а сделав пять — семь выстрелов в решительную минуту, замолкали. Беспреданно зато ухали ручные гранаты, производившие неизмеримо много шума и оказывавшие потому большое моральное действие на красных. Все же белые понемногу начинали сдвигаться.

Солнце быстро катилось на запад. Поддержки все еще не было. Перестрелка под Лефинкой давным давно замолкла и, хотя Ипполитовка и уверяла, что Лефинка в руках Сиб. каз. арт. дружины, чины Ивановского гарнизона брали это сообщение под большое сомнение. Но что говорить о Лефинке... Вот поведут красные еще одну атаку, так все тогда и будет кончено: ведь нечем стрелять...

Стало смеркаться. Защитники Ивановки опасались, что в темноте красные пойдут с тыла, с линии реки Лефинки, которая совсем не была защищена, если не считать некоторых намеков на будущие рогатки. Так или иначе, но шансов на благополучный конец у защитников Ивановки уже не было. Все как-то смирились со своею участью и желали, что-б развязка была-бы поскорее.

Ночь обещала быть темной. Месяц должен был взойти только около 1 часа ночи. Это означало, что красные в своем распоряжении будут иметь четыре часа непроглядной темноты. Сколько раз за эти часы они смогут проникнуть на белый плацдарм, прорезав проволоку заграждений и лег-

ко проскользнув сквозь редкие пачки казаков и обозных батарейцев, так-же выставленных в боевую цепь.

Мрак опустился на землю и вместе с ним пришла тишина. Жуткая, немая тишина. Красные и белые застыли на своих местах. Все обратилось в слух. Нервы натянулись до крайности. Томительные минуты и часы ползли. Белые жадно вникали в мертвую темноту и ничего не слышали: движения красных не было слышно; они провалились точно в воду.

В двадцать два часа тридцать минут в центре ухнула граната. Одна, вторая, третья. Затрещал пулемет. Грянул выстрел Второго белого орудия... Воздух огласился криками красных бойцов: «ура»... «ура»...

Оба белых орудия работали без перерыва, посылая один снаряд за другим. Пулеметы то начинали строчить, то разом обрывались: жаль последних патронов. Ружейной трескотни почти не было, ибо у казаков осталось по одному, редко у кого по два — три патрона. Без перерыва ухали ручные гранаты... При вспышках орудий, ясно видны были перебегающие впереди красноармейцы...

Первое орудие Капитана Окоркова стояло на совершенно открытом, ровном месте. Вправо от него, шагах в пяти — восьми тянулось поле проволочного заграждения перед Школой — опорным пунктом Сибирцев. Влево и уступом назад от орудия подымалась изба, во дворе которой стоял в упряжке передок. Впереди орудия, шагах в 20 — 25 одиноко торчал остов деревянных ворот в еще так недавно существовавший церковный двор. От него теперь ничего не осталось, кроме каменного фундамента сгоревшей церкви. Церковная сторожка и ограда были так-же снесены прочь. От них не осталось ничего. Этот остов церковных ворот находился против Первого орудия белых и выпускаемые им гранаты и шрапнели в значительном своем числе должны были пролетать в непосредственной близости от него. На перекладине этого остова висела икона Богоматери. Ее как-то упустили или позабыли снять белые стрелки перед началом боя. Теперь, при каждой новой вспышке очеред-

ного выстрела, орудийная прислуга на несколько мгновений могла наблюдать среди полного разрушения этот остов церковных ворот с образом Богоматери на нем. Можно сказать — палили в Богоматерь. Это было неприятно, но что было делать? Красноармейцы перебежали по направлению к церковному Фундаменту. Они там, видимо, наметили место своего сосредоточения...

Бой горел... Ухали гранаты. Гремело Второе орудие Капитана Стихина. Красноармейцы собирались под прикрытием церковного фундамента. Они уже прошли все линии проволочных заграждений на этом участке. Между ними и Первым орудием теперь было только 80 шагов совершенно открытого пространства. Один патрон за другим, выпускало Первое орудие... Вдруг оно остановилось: — «Довольно, буде» — сказал Капитан Окорков. Орудие замолчало. В передке осталось всего лишь две гранаты, те две гранаты, что предназначены были для взрыва орудия, дабы не сдать его в целости противнику. А бой идет... Ухают ручные гранаты. Палит Второе орудие... — «Выводи передок. Тише... Подавай его сюда... На руках откатывай орудие». Первое орудие откатали за угол избы. Вот и передок. Кони нервничают, не хотят стоять на месте. А над головой хор пуль поет, свистит и мяукает. Кажется, что их даже видно, как светящими искрами они быстро пролетают вперед. Орудие надето на передок. Кони взяли и ускоряя шаг, понесли его от площади вглубь белого плацдарма... А бой все идет. Ухает Второе орудие...

У какой-то хаты, в тихом переулке, остановилось орудие. Утомленные люди кучкой сбились на завалинке. — «Что теперь будет? Что творится сейчас там — на площади?»... Второе орудие ухнуло еще раз, два. Оно ухало теперь реже. Ухнуло еще раз и... замолчало. Что-то не стало слышно и ручных гранат... — «Что-же там происходит? Неужели пришел конец "белой" Ивановке?»... В полголоса обмениваются фразами бойцы... Вдруг из темноты выросла фигура. Это свой — батареец. Он пришел «оттуда» — от Второго ору-

дия. — «Красные отбиты» — была его весть... Вздых облегчения вырвался из груди, но снова назойливая мысль зашверлила в мозгу: «Надолго-ли? Ведь у защитников Ивановки теперь нет ни ружейных, ни пулеметных, ни оружейных патронов. Ручных гранат тоже почти ничего, наверно, не осталось»...

Фантастична правда о «Третьей Ивановке»: В эту ночную атаку красные стрелки дрогнули в тот самый момент, когда у Первого орудия осталось всего две гранаты, а у Второго — одиннадцать. Красные не выдержали этого сосредоточенного, бешанного огня на небольшом участке площади. Красная волна остановилась, ее захлестнуло и потянуло назад. Дух красных бойцов пал. Продержись-же они еще несколько минут, то замолчали-бы белые сами по себе... Нельзя не отдать мужеству и доблести Войсковым старшинам Болотову и Афанасьеву, Полковнику Романовскому и Генералу Блохину, всем казакам-енисейцам и сибирцам и артиллеристам-«грудкинцам». Но неменьшую доблесть проявили и красные командиры и стрелки. Красные командиры везде шли впереди своих цепей и, подавая пример, первыми висли мертвыми на проволоке. Красные стрелки героически дрались и твердость казаков была необыкновенной, когда они вплотную к проволоке подпускали густые цепи противника, чтобы его закидывать потом гранатами. А что можно сказать про работу обоих орудий в их необыкновенной роли?...

Наступила опять тишина... Уходить из Ивановки гарнизону было некуда. Исполитовка-же по телефону все продолжала обещать свою помощь и просила держаться... Усталые, издерганные люди полу-дремали... Вот край небосклона стал быстро светлеть тем холодным, голубым светом, кои предвещает не утренний рассвет, а появление ночного светила. Наконец показалась луна...

Еще в час ночи (1 час 9-го октября), в брод, в окруженную Ивановку пробрался лихой Хорунжий Сибирской казачьей батареей Перфильев и доставил осажденному гарнизону небольшую партию патронов. Он сообщил, что значи-

тельная партия патронов для Ивановки прибыла в Лефинку еще под вечер, но, вследствие того что в течение целого дня на хуторе Веденского стояла одна рота красных от 3-го батальона Отряда Особого Назначения, то направить в Ивановку целый транспорт Подполковник Яковлев не решился, но с наступлением темноты отправил его, Хорунжего Перфильева, с частью ружейных патронов. Хорунжий Перфильев обошел хутор Веденского с севера и благополучно добрался до Ивановки.

Прибытие Хорунжего Перфильева и с ним партии патронов, хотя и совсем небольшой, сразу и весьма значительно приободрили Ивановских защитников.

Около 1 часа 30 минут 9-го октября в Ивановке красные снова зашевелились. Имея уже на руках «Перфильевские» патроны, казаки смогли, хотя и редко, но все-же отвечать противнику. Перестрелка вскоре смолкла. Красные перестали шевелиться...

В 3 часа 9-го октября в Ивановку прибыл из Лефинки транспорт огнеприпасов: тут были и орудийные снаряды и винтовочные патроны. Защитники Ивановки ожили окончательно: — «Хотите, товарищи, наступать? Пожалуйста»... Это приглашение оказалось излишним: Около 4 часов 9-го октября белые разведчики установили, что Ивановка свободна от красных... Так вот почему заимка Веденского оказалась свободной — красные, оказывается, очистили совершенно Ивановку и это они проделали в 1 час 30 минут 9-го октября и их «шевеление» тогда было, оказывается, не попыткой новой атаки, а только демонстрацией, прикрывающей собственный отход.

Осторожно, все дальше и дальше от своих линий, продвигались вперед разведчики белых. Противника не было. Лишь кой-где валялись неубранные трупы и среди них лежали отдельные, позабытые своими, раненые.

Так окончилась «Третья Ивановка».

В своей оперативной сводке к 12 часам 9-го октября,

Генкварземрати, Полк. Озолин об Ивановке говорит следующее:

«Монастырищенский район: В 14 часов 30 минут 8-го октября дивизион Оренбурказдружины повел наступление на дер. Ляличи, занятую отрядом противника в 60 пеших и 50 конных при 2 пулеметах. Противник, не приняв боя, отошел на Ображеевку.

Анучинский район: В течение дня 8-го октября красные 3-го Читинского полка пять раз атаковали село Ивановку, но каждый раз отбрасывались нашими частями с большими потерями для противника. После шестой неудачной атаки, произведенной в 24 часа 8-го октября, противник, понеся за день громадные потери убитыми и ранеными, отошел на дер. Ширяевку. Только у проволочных заграждений нами подобрано 30 трупов». (№ 1666 оп.).

Оперативная сводка Оберкваргруппы Сибказачьей к 9 часам 9-го октября за № 02129/оп, подписанная Генштаба Полковником Смирновым, говорит следующее: «Приморье»
Ивановский район: В 21 и 24 часа 3-ий Читинский полк повторил упорные атаки на укрепленный пункт села Ивановки, при чем красным удалось прорвать первый ряд проволоки, выйти на площадь перед школой. Нашим огнем с большими для них потерями, красные оба раза были отброшены и в 2 часа 9-го октября отошли на Ширяевку. Потери красных огромны. По сведениям жителей достигают 300 человек, так на участке только одного нашего взвода подобрано 30 убитых и 10 раненых, где красные не могли их подобрать; потери их выясняются. Наши потери убито: 1 офицер и 1 казак; ранено: 1 офицер и 4 казака. С рассветом из Ивановки выслана усиленная разведка в район Ширяевка — Лубянка. В районе деревни Лефинка красные после одной неудачной атаки на Сибартдружину с темнотой отошли на Николаевку. На участке группы спокойно. Подробности боя будут сообщены дополнительно.

Потери красных в этом бою 8-го октября под Ивановкой действительно были грандиозны, а потери белых — мизер-

ны. Красные потеряли под Ивановкой в этот день почти весь свой «комсостав», действительно подававший пример доблести своим подчиненным. Помощник начальника отряда с перебитой ногой, в числе других брошенных красными раненых, был подобран белыми в огороде. Это был молодой парень, в прошлом юнкер Военно-учебной инструкторской Школы на Русском Острове, известной под именем «Школы Нокса». Он был выдан своими красноармейцами, когда белые предложили пленным выдать коммунистов и ком. состав. Относительно числа пленных и подобранных трупов дневники двух участников этого боя — Поручика Филимонова и Прапорщика Носкова (одной и той-же Восточно-Сиб. артиллерийской дружины) дают разные цифры: Поручик Филимонов пишет: «более 200 раненых и убитых было увезено красными на крестьянских подводах, 56 трупов красных бойцов было подобрано белыми на проволоке и в непосредственной близости от нее; помощник начальника отряда и 36 раненых бойцов были подобраны белыми в огородах». Прапорщик Носков кратко указывает, что в «Третью Ивановку» белыми было подобрано 32 трупа и взято в плен 9 человек тяжело-раненых. Мы склонны считать что цифры Поручика Филимонова ближе к истине, цифры-же Прапорщика Носкова либо относятся к одному участку «Волости», на котором он сам находился, либо указывают первоначальное число обнаруженных белыми пленных и трупов, к которым позднее прибавилось еще некоторое количество, забытых в огородах и в строениях. Относительно потерь белых можно добавить лишь то, что число 7 убитых и раненых белых защитников не расходятся с данными дневников обоих вышеназванных офицеров. При этом из числа 6 были казаками енисейцами и сибирцами и только один — артиллерист «грудкинец». Это был тяжело-раненый номер Второго орудия Капитана Стихина — младший фейерверкер ДУБРОВИН... На следующий день, будучи уже эвакуированным на ст. Ипполитовку, он там скончался. Этот тяжело-раненый и

затем скончавшийся солдат был единственной потерей за весь «Последний поход» из числа людского состава Восточно-Сибирской артиллерийской дружины.

* * *

При описании боя указывалось, что против Первого орудия Капитана Окоркова находился остов ворот церковной ограды с образом Богоматери. Когда бой кончился, то чины Ивановского гарнизона, осматривая место вчерашнего боя, обратили свое внимание на такое, я сказал-бы все-же странное обстоятельство: оба столба и перекладина остова вышеуказанных ворот были изрешетены пулями, сбоин и пулевых отверстий была тьма, но сам образ не пострадал ни чуточку, даже стекло, покрывающее образ было в целости. Случай, скажут неверующие. Чудо, скажут мистики. После «Третьей Ивановки» этот образ был снят с остова ворот и передан хозяйке ближайшей избы, той самой у которой стояло в бою Первое орудие.

Относительно подробностей окончившегося боя можно еще добавить, что утром 9-го октября чины Ивановского гарнизона обнаружили у самого церковного фундамента несколько трупов красноармейцев. При них имелось несколько неиспользованных ручных гранат. Возможно, что это были гранатчики, посланные вперед для того, чтобы закидать гранатами орудие. В таком случае еще раз можно повторить, что белым страшно повезло. — «Рублевую свечку надо поставить Святому Сергию Радонежскому», говорили некоторые из белых бойцов, — «ведь 8-ое октября — это Его день».

* * *

Под Спасском события 8-го октября развивались так: к 10 часам утра разведка красных усилилась настолько, что белые ввели в дело свою артиллерию. Оперативная сводка

Генкварземрати к 12 часам 8-го октября за № 1653/оп о Спасском районе говорит следующее:

«К рассвету 8-го октября части Поволжской группы заняли оборонительные позиции по линии: высота к северо-западу от Спасска — северная и восточная окраина Спасска — высоты в одной версте к западу от Дубовского и Красный Кут. Передовые конные части и бронепоезд располагаются в одной версте южнее Хвалынки».

Красные, не производя сильного давления на фронт частей Поволжской группы, в течение всего дня 8-го октября продолжают усиливать свои разведывательные части и бой потому не смолкает.

Под вечер Начальник Штаба Поволжской группы Полковник Савчук посылает на ст. Мучная, в Штаб Сибирской стр. группы телеграмму такого содержания:

«Сегодня около 18 часов была замечена колонна красных около 500 пеших и 250 конных, двигавшихся из Славянки на юг, предположительно на Вишневку. № 50». Телеграмма из Штаба Поволжской Группы на имя Начальника Штаба Земской Рати рисует следующую картину:

«Срочно "Кама". К 22 часам положение следующее: С наступлением сумерек противник ведет усиленную разведку по всему фронту при сильном ружейном, пулеметном и артиллерийском огне. Правый фланг дороги на месте, хотя одно время красные прорвали середину этого участка, но теперь положение восстановлено. На левом фланге Уфимцы оставили "Кольцевой окоп" на северной окраине Спасска и сейчас левый боевой участок осадили на линию японского редута, оставив одну треть Спасска. Бронепоезда один впереди станции и моста, другой курсирует между Евгеньевкой и мостом у Цементного завода. Артиллерийская стрельба продолжается. Ген. майор Молчанов 8.X № 0199/оп».

Вслед за этой телеграммой из Штаба Поволжской группы в Никольск-Уссурийске на имя Генерал-Квартирмейстера Штаба Земской Рати последовала такая телеграмма:

«Продолжение ориентировки № 0199/оп "Кама". На край-

нем правом фланге противник сосредоточивший в районе Славянки всю Дальне-Восточную Кав. бригаду в течение всего дня несколькими эскадронами теснил нашу Волжскую кон. дружину из Дубовского и к вечеру вынудил Волжан отойти к западу от этой деревни. С наступлением темноты контр-ударом отряда Полковника Смирнова (Московская и Петроградская дружины) с юга и Волжская конная дружина с запада вновь заняли Дубовское, причем два эскадрона красных совершенно разбиты; а вся остальная конница противника, по показаниям пленных, поспешно отошла в направлении на Калиновку. Подробности этого удачного боя смотри телеграмму ДР № 201/оп. Ведется короткое преследование. № 0200/оп. Оберкваргруппы Полковник Семенов».

Третья телеграмма из Штаба Поволжской группы 014 ВН на имя Начальника Штаба Земской Рати все от того-же 8-го октября гласит:

«При контр-атаке Полковник Смирнов вышел в тыл красных, нарвался на два эскадрона красных, разбил их, взял пленных, три пулемета, много винтовок, лошадей, седел и погнал красных на Калиновку. Беглым опросом пленных установлено нахождение в Дубовской всей Дальне-Восточной кавбригады, которая должна делать глубокий обход 8-го, для чего полевые орудия были сменены на горные и тяжелые пулеметы заменены легкими. Предполагая обход этот будет на Вишневку-Меркушевку или в крайнем случае на Прохоры, о последнем пункте просить не смею, но прошу не допускать их в район Дмитровка. 22 часа № 0201/оп Генерал-майор Молчанов».

Из рассказов участников этого дела выходит так, что один из уничтоженных Полковником Смирновым красных эскадронов принадлежал красному Забайкальскому конному полку, а другой был красного Гусарского полка.

Оперативная сводка Генкварземрати к 12 часам 9-го октября за № 1666/оп резюмирует сообщения Штаба Поволжской группы так:

«№ 198/ш **Спасский район:** Вечером 8-го октября про-

тивник по всему фронту ведет усиленную разведку при поддержке сильного пулеметного и артиллерийского огня; на правом фланге (до железной дороги) наступательные попытки противника парализованы. Левый фланг белых оттянут на четверть версты назад».

* * *

Как ни странно, по книга Генерала П. П. Петрова дает очень мало необходимых данных для серьезного разбора операции. О бое под Спасском он пишет так:

«Операция Генерала Молчанова в районе ст. Свягино 4-го — 6-го октября успеха не имела, хотя противник еще не ввел в дело новых частей. После безуспешного слабого удара, он перешел к выжидательному образу действий, но и выжидательный бой не дал ожидаемого результата, наоборот настроение начало падать, так как в этом бою понесли большие потери юнкера военного училища, попавшие под пулеметный огонь при переходе в наступление. В бою обнаружено присутствие Читинских частей, но еще не всех, о которых имелись сведения. После этого Генерал Молчанов решил использовать для боя укрепления самого Спасска, которые были построены еще японцами и перейти в наступление, как только красные ввяжутся в бой за Спасск. 7-ое октября прошло в подготовке к бою за Спасский район. 8-ое и 9-ое октября прошли в горячих боях за Спасск и красные понесли большие потери, но предполагавшийся Генералом Молчановым переход в наступление не был осуществлен; выяснилась угроза правому флангу Генерала Молчанова и он решил отойти на юг».

В нашем распоряжении нет документальных данных, указывающих на то, что Генерал Молчанов просил-бы у Воеводы разрешения на отвод своих войск из Спасского района или данных за то, что подобный отвод войск Генерал Молчанов произвел-бы по собственному почину. Наоборот, ни-

жеприводимая директива Воеводы Земской Рати от 8-го октября за № 1661/оп свидетельствует, пожалуй, скорее за то, что отвод Поволжской группы от Спасска на юг был совершен по почину либо самого Воеводы, либо его ближайших помощников по его собственному штабу. Во всяком случае в 0 часов 20 минут 9-го октября из Походного Штаба Земской Рати «360» была отправлена всем старшим начальникам телеграмма такого содержания:

«Комгруппам: Поволжской, Сибирской, Сибказачьей, Двказачьей, Влд. через Капитана Келлера Начальнику тыла, Начвосо, Начрезерва Земрати и по месту нахождения Начбригу Желдорожной.

Приморье № 191/ш

Во исполнение намеченного плана борьбы приказываю:

1) Поволжской группе оставив на фронте: Спасск — Красный Кут всю конницу, часть артиллерии и броневики, — оттянуть пехоту на ночь с 9-го на 10-ое окт. в район Ляличи — Никольск. Конница поступает временно в подчинение Генерала Смолина и задерживает наступление противника, заставляя его разворачиваться. В районе Ляличи — Никольск пехота освободит подвижной состав, который направить в Галенки.

2) Сибирской группе с конницей Поволжской группы упорно задерживать продвижение красных в районе Прохоры — Вадимовка — Меркушевка.

Тыловая зона группы — между озерами Ханка и линией Монастырище — Вознесенское — Василье-Егоровский — Сергиевский. Подвижной состав отправить в Хорватово.

3) Дальневосточной казачьей группе без Амурской и Иркутской каз. дружин 10-го октября начать переброску сил в г. Никольск-Уссурийский.

4) Охране дороги от Никольска до Угольной оставаться до особого приказания.

5) Начальнику тыла охранять Амурский полуостров. Все

части, равно и милиция, находящиеся на полуострове подчиняться начальнику тыла.

6) Сибирской казачьей группе продолжать выполнение ранее поставленной задачи, по обеспечению направления на Анучино.

7) По получении донести.

8-го октября 1922 г.

Воевода Земрати ДИТЕРИХС. № 1661/оп».

Не приходится говорить о том, что этот приказ Воеводы предрешал участь боя в Спасском районе 9-го октября. Когда точно этот приказ был получен Генералом Молчановым у нас данных нет, но Генерал Смолин на ст. Мучной получил этот приказ в 5 часов 9-го октября. На этом мы закончим описание событий под Спасском 8-го октября, оставляя открытым вопрос о том, Воевода-ли или Генерал Молчанов своей волей предрешил прекращение боя под Спасском на укрепленной линии и отвод частей Поволжской группы на юг.

* * *

Уже 8-го октября, при описании операций на главном, железно-дорожном направлении Никольск-Спасск, начинают упоминаться части Сибирской рати или группы Генерал-майора Смолина. При описании событий 9-го октября, мы должны уделить им еще больше места и внимания. С 10-го же октября, в течение нескольких дней, главная роль будет принадлежать именно им. В этих операциях, однако, приняли участие не все части Сибирской группы, которую так-же в отличие от «Сибирской казачьей» неофициально именовали «Сибирской стрелковой группой». Некоторые части Сибирской группы остались для прикрытия тылового Приханкайского и Гродековского районов. Сейчас мы приводим сведения о частях Сибирской группы, взятых из доклада Генерала Смолина Воеводе.

В операциях против большевиков в период с 8-го по 18-ое октября принимали участие следующие части Сибирской группы, боевой состав которых указан приблизительно, за утерей документальных данных:

	Офицеров	Солдат
	-----	-----
1. Западно-Сибирский Отряд.		
а) Омская пешая дружина	130	300
б) Томская пешая дружина	62	250
в) Западно-Сиб. артил. дружина	17	108
2. Восточно-Сибирский Отряд.		
а) Иркутская пешая дружина	55	200
б) Красноярская пешая дружина	48	90
3. Сибирская артиллерийская дружина.		
а) Иркутская батарея		
б) Добровольческая батарея	48	130
4. Сибирская инженерная дружина	15	40
Итого	-----	-----
	375	1,118

* * *

С рассветом 9-го октября бой под Спасском возобновился. Красные ведут наступление по всему фронту. Ввиду острого недостатка винтовочных патронов у белых тяжесть обороны ложится на артиллерию и бронепоезда. Со стороны красных в деле принимают участие кроме полевых трех-дюймовок еще две 42-сантиметровые гаубицы.

Оперативная сводка Сибирской группы за № 146 ВН к 9 часам 9-го октября, подписанная Полковником Наркевичем кратка и гласит: «Без перемен». К этому мы добавим,

что Штаб Сибирской группы выгрузился из эшалона на ст. Мучная, что у села Черниговка, около 9 часов этого-же 9-го октября. Штаб группы в это время еще не знает кем заняты Ляличи — частями Генерала Бородина или же красными. Капитан Гребнев из Штаба Земской Рати говорит, что «вчера были сведения о занятии Ляличей дивизионом Оренб. каз. полка, который должен был после этого через Ображеевку выйти на Ивановку. Новых сведений пока нет. Штаб Сибирской группы знает, что вечером 8-го октября Генерал Бородин выслал из Ипполитовки к Ляличам Полковника Ктиторова, но об этом Штаб Земской Рати утром 9-го окт. еще ничего не знает. Между тем Штаб Сибказачьей группы к 5 часам 9-го октября составил оперативную сводку, в которой Полковник Смирнов пишет: «Рота Ктиторова, высланная на Ляличи, не обнаружила противника и в 2 часа 9-го октября возвратилась на Ипполитовку».

Из дальнейшего разговора Полковника Наркевича с Капитаном Гребневым выясняется, что Штаб Земской Рати поддерживает связь с Генералом Молчановым по Юзу, а когда по нему нельзя, то переходит на Морзе. В 9 часов 9-го октября единственный провод, по которому можно было дать Штаб Поволжской группы, был неисправен. В заключение своего разговора с Капитаном Гребневым, Полковник Наркевич просит дать ориентировку о Генерале Молчанове. Штаб Земской Рати обещает, поясняя, что всю ночь работали, а сейчас только-что проснулись.

* * *

В 8 часов 9-го октября, согласно распоряжения Генерала Смолина, Командир Сибирской артиллерийской дружины выслал из Черниговки в район Дмитровки, в распоряжение Полковника Аргунова, 2-ую Добровольческую батарею своего дивизиона.

В 9 часов 30 минут 9-го октября, находясь в селе Чер-

ниговка, Генерал Смолин отдает оперативный приказ № 3851/оп частям своей группы такого содержания:

«Начальнику Западно-Сибирского Отряда, Полковнику Аргунову,
Командиру Омской пешей дружины, Полковнику Мельникову,
Командиру Сибартдружины, Полковнику Смольянинову.
Копии: Комгруппы Поволжской, Генералу Бородину и Наштаземрати.

1. Противник в ночь с 8-го на 9-ое октября повел наступление на укрепленную позицию в районе Спасск — Красный Кут. Доблестными частями Поволжской группы к 22 часам 8-го сего октября все атаки противника были отбиты. В районе деревни Красный Кут захвачены пленные, лошади с седлами и 3 пулемета. Конница противника отброшена в дер. Калиновка.

2. Поволжской группе приказано в ночь с 9-го на 10-ое октября отвести пехоту в район Ляличи — Никольск. Конница Поволжской группы, часть артиллерии и броневики поступают в мое распоряжение, имея задачей сдерживать наступление противника, заставляя его развертываться.

3. Сибказачьей группе приказано продолжать выполнение ранее поставленной задачи по обеспечению направления на Анучино.

4. Вверенной мне группе с приданной конницей и артиллерией Поволжской группы и бронепоездами приказано упорно задерживать продвижение красных в районе Прохоры — Вадимовка — Меркушевка.

5. Во исполнение сего приказываю:

а) Полковнику Аргунову (Иркутская и Томская пеш. дружины, Воткинская артил. дружина — одно орудие и Добр. артил. дружина — два орудия) упорно оборонять район Меркушевка — Дмитровка. Обратить особое внима-

ние на оборону деревни Дмитровка, куда ведут пути отхода конницы Поволжской группы из района Красный Кут — Прохоры.

б) Полковнику Мельникову (Омская пешая дружина и Иркутская артил. дружина — два орудия), оставаясь в дер. Черниговка, выслать для занятия дер. Вадимовка конный эскадрон, имея от него конную заставу в дер. Алтыновка. Вести разведку по долине реки Медведица и в направлении на дер. Лунза.

в) Полковнику Смольянинову, выделив Иркутскую и Добровольческую артил. дружины, как указано в п. п. а) и б), самому с управлением быть при Омской пешей дружине.

г) Коннице Поволжской группы и броневикам будут даны дополнительные задачи по установлению с ними связи и выяснении места их расположения.

д) Штаб группы — село Черниговка (в районе станция Мучная) и

е) Полковникам Аргунову и Мельникову связаться со мною телефоном.

6. Тыловая зона вверенной мне группы: между озером Ханка, с одной стороны и линией Монастырище — Вознесенская — Василье-Егоровский — Сергиевский, с другой.

7. Заместители: Полковники Аргунов и Бодров.

8. О получении сего донести. № 3851/оп.

Генерал Смолин

Начальник Штаба Генштаба Полковник Бодров».

* * *

Между тем под Спасском продолжался бой. Вскоре к Генералу Молчанову поступили донесения о том, что красная кавбригада от Красного Кута направляется, видимо, к Прохорам, намереваясь обойти фланг белого расположения и проникнуть в их тыл. Не имея в своем расположении свободных

частей, Генерал Молчанов принужден обратиться за помощью к соседу. Он направляет Генералу Смолину телеграмму такого содержания:

«Мучная. Генералу Смолину. Копия Наштаземрати НКЛ из Штаба Поволжской группы.

Противник наступает от Красного Кута на Прохоры. Так как иначе у меня не будет тыла, полагаю необходимым Вам выдвинуть что-либо на Кюринг — Прохоры. По всему фронту бой и снять ничего не могу.

Генерал Молчанов 9-ое октября № 118».

Точное время отправки этой телеграммы из Штаба Поволжской неизвестно, но во всяком случае отправлена она была ранее 9 часов 20 минут, так-как именно этим временем помечена телеграмма Генерала Молчанова самому Воеводе Земской Рати, помеченная № 120. Вот ее содержание:

«Из походного Поволжской Воеводе Земрати. Копия Генералу Смолину.

Во исполнение Вашей директивы № 1661/оп я не решаюсь оставлять в распоряжении Генерала Хрущева артиллерию, так как конница так измотана, что рискую потерять пушки, лошади буквально не идут, люди спят в цепи даже при наступлении».

Как и что произошло; сказать теперь, по истечении такого большого периода времени со времени событий, невозможно, но, видимо, Генерал Смолин получил телеграмму Ген. Молчанова за № 118 с большим запозданием от Полковника Озолина за № 1664/оп, помеченной 10 часами 9-го октября. В этой телеграмме Полковник Озолин пишет следующее:

«Из Походного Штаба Земрати. Вне очереди. Полковнику Бодрову. Копия Генералу Молчанову.

№ 196/ш Опасаемся за правый фланг расположения Генерала Молчанова. Вам необходимо вести усиленную разведку в направлении на дер. Вишневка, с тем, что-бы активными действиями не дать красным действовать в тыл и во фланг частям Ген. Молчанова».

Во всяком случае в ответ на телеграмму Генерала Молчанова за № 118, Ген. Смолин отправил ему телеграмму ровно в 11 часов того-же 9-го октября такого содержания:

«Ваш 118 получил только в 11 часов. Немедленно посылаю распоряжение Полковнику Аргунову выдвинуть Иркутскую дружину с одним орудием из Дмитровки на Прохоры. № 3853/оп. Ген. Смолин».

После этого Генерал Смолин отдал соответствующее приказание Полковнику Аргунову, помеченное следующим № — 3854/оп и 11 часами 30 минутами 9-го октября. Об этом приказании и всех соответствующих распоряжениях мы будем говорить ниже отдельно.

* * *

Положение в Спасске и Черниговке в своей очередной оперативной сводке к 12 часам 9-го октября, на основании поступивших утром этого дня донесений Генералов Молчанова и Смолина, Генкварземрати, Полковник Озолин, рисовал так: «Утром 9-го октября противник по всему фронту Поволжской группы перешел в наступление, бросив конные части со стороны Красного Кута на Прохоры. Бой продолжается. Сибгруппы к вечеру 8-го октября сосредоточились: Томская дружина с разъездами Иркутской дружины — в дер. Меркушевка, Иркутская дружина с одним орудием в с. Дмитровка; Омская дружина, Сибартдружина, Сибинждружина, Штаотряда Зап-Сибирского и Штагруппы в с. Черниговка. Из Гарнизона Черниговка выслана застава в дер. Вадимовка».

* * *

По получении телеграммы № 118 от Генерала Молчанова и № 1664 от Полковника Озолина, Генерал Смолин отдал следующие распоряжения:

«Полковнику Аргунову. Копии Генералу Молчанову и

Наштаземрати, Полковнику Ростовцеву и Генералу Бородину.

9-ое октября № 3852/оп село Черниговка Карта 2 версты в дюйме.

Противник наступает от Красного Кута на Прохоры, о чем Генерал Молчанов сообщил сегодня в 9 часов через Штаб рати. Мною получено в 11 часов. Генерал Молчанов просит выдвинуть что-либо на Кнорринг — Прохоры, так как иначе он лишится тыла. По всему фронту он ведет бой и ничего не может снять. ПРИКАЗЫВАЮ Вам немедленно:

1. Оставив в Меркушевке конное наблюдение, оттянуть Томскую дружину на Дмитровку.

2. Иркутскую дружину выдвинуть спешно на Прохоры, занять последнюю и войти в связь с Генералом Молчановым.

3. Указанное выполнить не дожидаясь подхода Томской дружины.

4. Полковнику Мельникову мною приказано с остатками Омской дружины немедленно выдвинуться на Дмитровку.

5. Кнорринг занимается бронепоездом № 02 и ротой вспомогательного поезда.

6. Придайте Иркутской дружине одно орудие.

7. О получении и исполнении донести».

Кроме этого приказа, Генерал Смолин направил Полковнику Аргунову дополнительную записку, помеченную № 3854/оп и 11 часами 30 минут того-же 9-го октября. Копии направлены Генералу Молчанову и Наштаземрати. Содержание таково:

«Штаб Земрати опасается за правый фланг и тыл Генерала Молчанова, полагая возможным движение противника со стороны дер. Вишневка. В силу этого Вам надлежит установить особо бдительное наблюдение за дер. Вишневкой».

Во исполнение оперативного приказа № 3852, Иркутская дружина с одним орудием в 14 часов 9-го октября выступила из Дмитровки на Прохоры. Одновременно с сим Томская пешая дружина с двумя орудиями Добровольческой батареи из Меркушевки двинулась в Дмитровку, куда пере-

шел так-же и штаб Западно-Сибирского отряда. В 15 часов Полковник Мельников известил Генерала Смолина полевой запиской за № 122 о том, что он «с дружиной выступает в указанном направлении». Команда конных разведчиков Омской пешей дружины заняла Вадимовку, выставив конную заставу в Алтыновку.

В селе Черниговка остались: Штаб группы, Сибирская инженерная дружина, Сиб. артиллерийская дружина (Управление и Иркутская батарея — 2 орудия). В 19 час. 9-го октября сюда-же прибыли: 1) отряд Полковника Рязанова (Омской пешей дружины) и офицерская рота Томской пешей дружины.

* * *

Подписав директиву № 1661/оп, Воевода росчерком своего пера поставил крест над обороной заранее укрепленной японцами позиции у гор. Спасска, той самой, на которой 1-го апреля этого-же 1922 года японцы, так основательно, всыпали красным. Отказавшись от борьбы с противником на позициях у Спасска, Воевода решил вывести части Поволжской группы из начавшегося уже боя, отвести их в тыл, а от неминуемых ударов противника до поры до времени прикрыться Сибирской группой Генерала Смолина, коей поручалось «упорно задерживать продвижение красных в районе Прохоры — Вадимовка — Меркушевка». Что можно сказать про подобный способ ведения военной и при том решающей операции? Искусство полководца, как то мы знаем из прописных истин, заключается в том, что-б в решительный час на решающем участке фронта произвести по противнику удар превосходными силами. Исходя из того, что на укрепленной позиции у Спасска подобных превосходных сил Штаб Земской Рати не собрал к 8-му октября, можно заключить, что оборона Спасских позиций и ведение на них решающего боя белое командование не ставило себе. Конечно, полководец в праве выбирать (если ему это позволяет

противник) для решительного боя со врагом ту или иную позицию. Поэтому у нас не должно быть предвзятого мнения относительно выгодности Спасской позиции. Однако мы не можем воспринять без огромного изумления тот печальный для судьбы Земской Рати факт, что район, который так упорно оборонять должна была Сибирская группа Генерала Смолина, совершенно не подходил для этой цели и не только не был своевременно подготовлен к этой цели, но даже просто разведан. И все это при весьма значительном количестве всяких штатных, сверх-штатных и просто безработных офицеров Генерального Штаба, населявших Штабы и находившихся при частях Земрати. Нижеприводимые два документа достаточно ярко обрисовывают топографические условия округа, в которой Воевода предназначал своим частям «упорное задерживание продвижения противника». Вот эти документы, из которых Воевода и его Штаб через 18 — 20 часов после отправки своей директивы № 1661/оп наконец-то ознакомились с местными условиями.

По своем прибытии в округу Дмитровка — Меркушевка и ознакомлением с ней, Полковник Аргунов сообщил Командующему Сибирской группой своей полевой запиской от 9-го октября за № 1064/оп следующее:

«Дмитровка расположена на холмистой местности, деревня растянута больше чем на 4 версты. К северу и западу версты на 4 местность открытая, местами лишь имеется мелкий кустарник, далее идет гряда сопок к Меркушевке, которая отсюда видна. Даже в сторону Медведицы обзора нет никакого. Частый кустарник подходит вплотную к огородам. Восточную и северную окраины деревни огибает в полверсте речка, берега которой заросли кустарником, общая площадь шириною от $\frac{1}{2}$ до 1 версты, что составляет настолько удобный подступ, каковой почти совершенно лишает возможности оборонять ее. Обстрелы имеются до ста шагов и свыше версты. Вся деревня в садах, местами по улице также кустарник».

«Иркутдружину выдвигаю с одним орудием на дер. Про-

хоры. В Меркушевке оставляю конную сотню Томдружины, самую-же дружину и орудия переведу в Дмитровку, где буду находиться сам. Иркутдружина сейчас выступила».

В 18 часов 40 минут из села Черниговка, из Штаба Сиб-группы была отправлена телеграмма Генквару Земрати следующего содержания:

«Деревня Меркушевка расположена в лесистой местности и совершенно не пригодна для обороны, так как опушка леса подходит вплотную к огородам.

«Деревня Дмитровка расположена на холмистой местности и растянута более чем на 4 версты. К северу и западу местность открытая, но местами имеется кустарник, служащий хорошим подступом. Верстах в 2 — 3 к северу от деревни тянется гряда сопок, с которых открывается вид на Дмитровку и Алтыновку. Южнее в сторону р. Медведицы обзора нет никакого, так как местность покрыта крупным кустарником. Восточную и северную окраины дер. Дмитровка огибает речка, берега которой покрыты кустарником шириною от $\frac{1}{2}$ до 1 версты, что составляет удобный подступ к Дмитровке, и лишает возможности оборонять ее. Обстрел имеется для ружейного огня всего лишь до 100 шагов. Вся деревня в садах и местами по улице тянутся кусты. Следовательно рассчитывать на внутреннюю оборону деревни совершенно не приходится, о чем и доношу.

№ 3860/оп Полковник Бодров».

* * *

Под Спасском Командующий Поволжской группой, Генерал-майор Молчанов, получив директиву Воеводы № 1661/оп, отдал 9-го октября в 9 часов утра приказ своей группе за № 0202/оп такого содержания:

«Генералу Сахарову, Генералу Хрущеву, Полковнику Ефимову, Полковнику Бек-Мамедову, Полковнику Ростовцеву.

Копии: Наштаземрати, Генералу Смолину, Генералу Бородину.

Во исполнение директивы Воеводы № 1661/оп приказываю:

1. Генералу Хрущеву с частями ему подчиненными к 20 часам сего числа занять высоты к северу от р. Кулешевка по обе стороны от желдороги, поступив с этого времени в подчинение к Генералу Смолину, который находится в Мучной и сдерживает противника. Головной бронепоезд после 24 часов поступает в распоряжение Генерала Хрущева.

2. Генералу Сахарову и Полковнику Ефимову в 18 часов 30 минут начать тихо оттягивать части через Вознесенский на раз. Кноринг, где частям подготовиться и следовать: Генералу Сахарову в Ляличи — Кремово, Полковнику Ефимову в Никольск. Из Кноринга первым грузиться Полковнику Ефимову; для прикрытия броневика Полковнику Ефимову оставить в распоряжении Полковника Ростовцева две конных разведки до 22 часов.

3. Полковнику Ростовцеву в 22 часа взорвать мост и сооружения на станции, броневнику отойти к мосту и поступить в распоряжение Генерала Хрущева; другой броневик в сумерки отвести на перегон Прохоры — Кноринг, имея разведку в Прохорах. В дальнейшем приказания получать от Генерала Смолина. На разъезде Кноринг подать к вечеру 4 состава.

4. Генералу Тирбах в 20 часов выступить по желдороге и перейти в Кноринг, где погрузиться вместе с Полковником Ефимовым.

5. Войсковому старшине Ширяеву с утра 10-го перейти на Мучную, где погрузиться в один из поездов и следовать в Никольск.

6. Штаб с частями Полковника Ефимова».

Этот приказ, посланный вне очереди, широким массам бойцов Поволжской рати стал известен лишь примерно ча-

сов в 18, т. е. перед самым началом выполнения поставленного задания, а потому никакого влияния на боевую упругость частей в течение всего дня 9-го октября не оказал.

В одном из предыдущих отрывков мы говорили о том, что красная кавбригада из Красного Кута двинулась по направлению к Прохорам и Генерал Молчанов обратился к Генералу Смолину за поддержкой. Мы так же уже знаем, что в 14 часов этого-же дня Иркутская пешая дружина (всего около 250 бойцов) с одним орудием Воткинской батареи (Западно-Сибирская артил. дружина) выступила из Дмитровки на Прохоры. Ей однако не суждено было принять какого либо участия в деле с красной конницей под Прохорами, так-как еще в 12 часов Генерал Молчанов, не дождавшись ответа от Генерала Смолина, бросил против красной конницы конные дружины Генерала Хрущева, которые и оттеснили противника от Прохоров. В последних, после этого, Генерал Хрущев оставил Иманскую сотню Войскового старшины Ширяева. И вот, когда Иркутская дружина прибыла к Прохорам, то там находились казаки Ширяева. Командир Иркутской дружины нашел, что вследствие этого пребывание его отряда в Прохорах излишне и, примерно, часов около 19 вернулся со своим отрядом назад в дер. Дмитровку.

С наступлением темноты, т. е. примерно около 18 — 19, части Поволжской группы стали постепенно отходить, выполняя директиву Генерала Молчанова за № 0202. Части Прикамского стр. полка грузятся в эшалоны на разъезде Кноринг. Остальные части походным порядком отходят к Дмитровке. С кавалерией-же произошла такая неувязка: цепь, довольно значительной высоты, сопка, поросших лесом и кустарником, подымающаяся сразу-же за Прохорами, была непригодна для действия конницы, а потому в 20 часов 35 минут Генерал Молчанов своей полевой запиской за № 124 отдал Генералу Хрущеву следующее приказание:

«Ввиду невозможности действовать кавалерии в районе разъезда Кноринга, приказываю Вам выступить в дер. Дми-

тровка, где поступить в распоряжение Ген. Смолина. Разъезд Кноринг. № 124 9.X. Ген. Молчанов».

Быструю сдачу укрепленных позиций под Спасском чины Поволжской группы объяснили недостатком ружейных патронов главным образом, маневру же красной конницы придавали гораздо меньше значения.

* * *

Оперативная сводка Штаба Сибирской группы к 20 часам 9-го октября составленная Оберкваргруппы Полковником Наркевичем гласит:

«В 14 часов 9-го октября Иркутдружи́на о одним орудием выступила из Дмитровки на Прохоры. Около того-же времени Томдружи́на (без конной разведки) оттянута в Дмитровку. В 15 часов из Черниговки на Дмитровку выступила Омская дружина.

Расположение частей Сибирской группы в районе Черниговки к 20 часам 9-го октября:

1. Меркушевка .. Конная разведка Томской пешей дружины.
2. Дмитровка ... а) Томская пешая дружина (без конной разведки).
б) Омская пешая дружина (без конной разведки) и без Камень-Рыбаловского отряда.
в) Сибартдружи́на (Добровольческая батарея — 2 орудия).
г) Штаб Западно-Сибирского отряда (Полк. Аргунов).
3. Алтыновка ... Конная застава от конной разведки Омской пеш. дружины.
4. Вадимовка ... Конная разведка Омской пешей дружины (без конной заставы, что в Алтыновке).

5. Черниговка .. а) Сибирская инженерная дружина.
б) Сибартдружина (Иркутская батарея и Управление-2ор.).
в) Штаб группы.
6. Донесения о прибытии Иркутдружины с орудием в Прохоры не поступало.

Из Гродековского и железно-дорожного районов сведений не поступало».

Такова вот была обстановка при принятии Генералом Смолиным головного участка от Генерала Молчанова.

5. СДЕРЖИВАНИЕ СИБИРСКОЙ СРЕЛКОВОЙ РАТЬЮ НАСТУПЛЕНИЯ КРАСНЫХ В ОКРУГЕ ПРОХОРЫ — МО- НАСТЫРИЩЕ

1. Предварительные распоряжения Генерала Смолина. —
2. Бой Под Дмитровкой. —
3. Позииии под с. Черниговка и его оставление белыми. —
4. Полковник Мельников в Вадимовке. —
5. Отход частей группы из района с. Черниговки по линии железной дороги на юг и далее к с. Вознесенскому. —
6. События под Вадимовкой 12-го октября и отход Полковника Мельникова на с. Благодатный.

И так, согласно директивы Воеводы Земской Рати от 8-го октября за № 1661/оп, в ночь с 9-го на 10-ое число того-же месяца Генерал-майор Смолин должен был принять на себя и подчиненные ему воинские части задачу сдерживания продвижения противника в районе Прохоры — Вадимовка — Меркушевка.

Расположение частей Сибирской группы в районе Черниговки к 20 часам 9-го окт. нами только-что было дано в заключительной части предыдущей главы, поэтому не будем повторяться, а прямо перейдем к рассмотрению мероприятий Генерала Смолина в эту ночь.

Во исполнение задачи, поставленной Сибирской группе, Генерал Смолин, находясь в с. Черниговка, в 23 часа 15 минут все того-же 9-го октября отдал приказ такого содержания:

«Полковнику Аргунову, Генерал-майору Хрущеву, Полковнику Смольянинову, Полк. Ростовцеву.

1. Части Поволжской группы во исполнение директивы Воеводы Земрати № 1661/оп оставили Спасское и производят погрузку на разъезде Кноринг. Конные части Генерала Хрущева, прикрывая отход, заняли высоты к северовостоку от реки Кушелевка по обе стороны желдороги. На фронте Сибказгруппы спокойно.

2. Приказываю:

а) Генерал-майору Хрущеву к утру 10-го оттянуть свои части на линию гора Острая — отметка 103 — Прохоры, которую удерживать, ведя разведку на Краснокуты и по направлению корейских фанз, что восточнее горы Каменная — отметка 143. Генералу Хрущеву подчиняю один броневик (поезд).

б) Полковнику Аргунову (Омская, Томская и Иркутская пешие дружины и Сибартдружина — 2 орудия) удерживать занимаемый район Меркушевка — Дмитровка, ведя разведку в направлении Вишневка — Евсеевка и имея наблюдение конными заставами в Вадимовке и Алтыновке.

в) Подполковнику Ктиторову (рота Красноярской пешей дружины и Сибартдружина — 2 орудия) оставаться в Черниговке выслав разведку по долине р. Медведица к востоку от д. Черниговка и в направлении дер. Лунза.

г) Полковнику Ростовцеву выделить один бронепоезд в распоряжение Генерала Хрущева, другой оставить на разъезде Кноринг для наблюдения за железнодорожным участком Прохоры — Кноринг.

3. Генералу Хрущеву и Полковнику Ростовцеву поддерживать со мною связь по железнодорожному проводу, а Полковнику Аргунову — полевым телефоном из Дмитровки.

4. Полковнику Ростовцеву при отходе головного бронепоезда взрывать мосты и разрушать полотно желдороги.

5. Врачу группы вытребовать санитарную летучку на ст. Мучная куда и присылать раненых.

6. Всем начальникам иметь в виду, что упорная задержка противника даст возможность отведенным в тыл частям пополниться и укрепиться.

7. Я со штабом в Черниговке (в районе станции).
8. Заместители: Генмайор Хрущев и Полковник Аргунов.
Генмайор Смолин
Начштаба Полковник Бодров».

Как мы видим из этого приказа, Генералу Смолину в 23 часа 15 минут, видимо, еще ничего не было известно о дополнительном распоряжении Генерала Молчанова данном Генералу Хрущеву (полевая записка за № 124 от 20 часов 35 минут, о коей мы уже говорили в предпоследнем отрывке IV главы), между тем через какой-нибудь час по отдаче Генералом Смолиным своего основного приказа, Генерал Хрущев со своими частями около 24 часов прибыл совсем неожиданно для Полковника Аргунова и Генерала Смолина в Дмитровку. Вследствие этого, непредусмотренного последним приказом, отхода Генерала Хрущева, Генерал Смолин был поставлен перед необходимостью поставить новые задания войскам. Между тем из Штаба Земрати Генерал Смолин в 23 часа 50 минут все того-же 9-го октября получил ориентировку за № 486 следующего содержания:

«Части противника судя по донесениям Штаба Поволжской группы сильно измотаны, лошади Дальне-Восточной Кавбригады в районе Прохоры еле плелись. Анучинское направление сосредоточением Поволжской бригады в районе Ляличи — Никус (Никольск-Уссурийский) упрочивается. Вам при содействии бронепоездов, конницы и артиллерии Генерала Молчанова надлежит возможно дольше задерживать противника на линии Дмитровка — Алтыновка — Вадимовка или у Черниговки с непременным прочным занятием Вадимовки. Кроме того, для руководства на будущее время, когда части Генерала Молчанова пополнятся и отдохнут, сообщаю: моя идея в конечном результате, Вы должны будете занять постепенно фронт Вадимовка — Вознесенское, фланговое по отношению к направлению движения противника на Владивосток. При таком положении важны три обстоятельства: 1) прочно держать Вадимовку, 2) тщательная разведка движения противника и надежная оборона

переправ через Лефу и 3) связь со мною. Для связи, пока не установится телеграф назад, держите кавалерию у Вознесенского и через нее связь с левым флангом Молчанова. В дальнейшем готовьтесь к наступлению.

Генерал-лейтенант Дитерихс».

Около 1 часа ночи 10-го октября Генерал Молчанов проехал на юг через ст. Мучная.

Около этого-же времени, по получении соответствующего донесения от Генерала Хрущева, Генералу Смолину стало известно, что часть артиллерии Поволжской группы, которая должна была остаться для усиления конных частей Генерала Хрущева, не была оставлена Генералом Молчановым.

В 2 часа ночи 10-го октября в селе Черниговка Генерал Смолин отдал приказ войскам своей группы (рати) следующего содержания:

«Полковнику Аргунову, Генмайору Хрущеву, Полковнику Ростовцеву.

Вследствие сосредоточения конницы Генмайора Хрущева в Дмитровке и изменившейся обстановки, в дополнение приказа моего от 9-го сего октября за № 3864/оп приказываю:

1. Полковнику Аргунову а) объединить действия конницы Генмайора Хрущева и своей пехоты и упорно оборонять район Меркушевка — Дмитровка, б) к 6 часам 10-го сего октября выдвинуть из Дмитровки в Меркушевку одну конную дружину, которой совместно с конными разведчиками Томской и Иркутской дружин, занимающими уже Меркушевку, вести тщательную разведку на Евсеевку и Вишневку и в случае наступления противника, упорно его сдерживать, в) вести из Дмитровки разведку на Прохоры — Кноринг.

2. Генмайору Хрущеву с получением сего поступить в подчинение Генштаба Полковнику Аргунову.

3. Полковнику Ростовцеву по оставлении нашими частями разъезда Кноринг испортить железнодорожный путь и все сооружения и отвести головной бронепоезд к казарме, что в 6 — 7 верстах южнее разъезда Кноринг. Второй бронепоезд

выдвинуть на линию Алтыновки — Дмитровки. Полковнику Ростовцеву своими бронепоездами задерживать продвижение противника по линии железнодороги и оказать содействие Полковнику Аргунову при обороне района Дмитровки.

4. В остальном руководствоваться приказом моим № 3864/оп.

5. О получении донести.

Ком. Сиб. группы Генмайор Смолин
Нач. штаба Ген. штаба Полк. Бодров».

На основании данного приказа Генерала Смолина, Полковник Аргунов в 3 часа 45 минут того-же 10 октября отдал приказ вверенным ему частям следующего содержания:

«10-ое октября 1922 года 3 часа 45 минут дер. Дмитровка.

Ген. Хрущеву, Командирам Омской, Томской, Иркутской пешим, Воткинской и Добровольческим артиллерийским дружинам.

1. Согласно приказания Комгруппы Сибирской, я вступил в руководство частями сосредоточенными в поселке Дмитровка с задачей упорно оборонять район Меркушевка — Дмитровка.

2. Во исполнение сего: а) восточную часть Дмитровки оборонять Томдружине, западную часть — Омдружине, в) Генералу Хрущеву одной конной дружиной к 6 часам 10-го октября занять Меркушевку и т. д., с) от частей в Дмитровке вести разведку на Кноринг и Прохоры, д) с началом боя всю конницу, находящуюся в Дмитровке сосредоточить на южной стороне восточного края деревни выжидая удобного момента для атаки красных.

3. С началом боя Полк. Атавину с Иркутдружиной сосредоточиться за серединой деревни западнее артиллерии.

4. Я со штабом на наблюдательном пункте — приходской церкви.

5. Заместители: Ген.-майор Хрущев и Полк. Урняж.

6. О получении сего донести.

7. Головной бронепоезд у казармы в 6 — 7 верстах юж-

нее разъезда Кноринг, второй на линии Алтыновка — Дмитровка. Омдружине держать связь с бронепоездом.

Полковник Аргунов

Вридначштаба Подполк. Волков».

В то время, как писались эти приказы, части Приволжского полка, именуемые подчас по старой привычке «Поволжской бригадой», все еще находились где-то к северу от Дмитровки на походе от Воскресенки через Прохоры на Дмитровку, куда они прибыли в 7 часов утра того-же 10-го октября. После небольшого привала в Дмитровке, Генерал Сахаров выступил через с. Черниговка на ст. Мучная для погрузки и переброски на юг. Время выбытия Генерала Сахарова с частями из Дмитровки Генералом Смолиным в его пространном докладе Воеводе упоминается без точного указания времени, в одном из донесений Подполковника Волкова указывается 8 часов, как время прибытия Генерала Сахарова в Дмитровку и 8 час. 30 минут как время выбытия его из нее. Одна из кратких телеграмм, сохранившихся в Архиве Ген. Смолина, говорит о том, что еще «в 9 часов 10-го октября Ген. Сахаров находится со своей бригадой в Дмитровке вместе с Ген. Хрущевым и Полк. Аргуновым». Но все эти мелкие расхождения в различных сохранившихся документах роли не играют.

В 3 часа 30 минут Генерал Смолин получил из Штаба Земрати директиву Воеводы от 9-го октября за № 1675/оп — план всей операции, которая нами уже приводилась выше в начале этой главы.

В 4 часа утра 10-го октября из Ипполитовки на ст. Мучная прибыл эшалон — рота Красноярской пешей дружины под командой Подполковника Ктиторова и расположилась, согласно приказанию, в с. Черниговка.

В 7 часов 20 минут, находясь на ст. Мучная, Генерал Смолин отдал Полковнику Аргунову распоряжение следующего содержания:

«Во исполнение сего приказываю Вам срочно вернуть Ом-

скую дружину в Черниговку, откуда она в полном составе и с двумя орудиями будет мною направлена для прочного занятия Вадимовки. С остальными частями предполагаю в случае невозможности удержания Дмитровки — Алтыновки, оказав сопротивление противнику у деревни Черниговка, отойти на Халкидон — Лучки и занять последние пехотой, конницу направить в Вознесенское».

Как мы уже знаем из предыдущего, еще 9-го октября в 19 часов в с. Черниговку прибыли из Камень-Рыболова отряд Омской дружины Полк. Резанова и чины отряда Сибирской флотилии Поручика Микоша, а из Григорьевки — офицерская рота Томской дружины. В ночь на 10-ое октября отряд катеров Поручика Микоша выбыл по железной дороге эшаломом со ст. Мучная на Никольск, Полковник-же Резанов в 9 часов 15 минут 10-го октября получил предписание из Штаба группы следующего содержания:

«Комгруппы приказал: с получением сего выслать разведку в Вадимовку с задачей обследовать переправы (мосты, броды, гати и т. п.) в районе Вадимовка у самой деревни. Составить схему переправ и представить ее сегодня-же Комгруппы. Имейте в виду, что сегодня Вам предстоит выступить из Вадимовки, где будет сосредоточена вся Омдружина.

Оберкваргруппы Полковник Наркевич».

Таким образом, во исполнение директивы Воеводы за № 1675/оп Омская пешая дружина с двумя орудиями Иркутской батареи под командой Полковника Мельникова была двинута утром 10-го октября из Дмитровки через Черниговку, где к ней присоединился отряд Полк. Резанова, на дер. Вадимовка, куда и пробыла в 18 часов того-же дня.

В дер. Алтыновка, на место конной заставы Омской дружины (120 саб.) была поставлена Прикамская конная дружина.

* * *

К утру 10-го октября, по отдаче всех вышеприведенных распоряжений, расположение частей Генерала Смолина было таковым:

1. в дер. Меркушевка .....
  - а) Волжская конная дружина.
  - б) Конная разведка Томской пеш. дружины.
  - в) Конная разведка Иркутской пеш. дружины.
2. в дер. Дмитровка .....
  - а) Томская пешая дружина.
  - б) Иркутская пешая дружина.
  - в) Воткинская арт. дружина, 1 орудие.
  - г) Добровольческая арт. дружина, 2 орудия.
  - д) Московская конная дружина.
  - е) Петроградская конная дружина.
  - ж) Штаб Западно-Сибирского отряда.
3. в дер. Алтыновка ..... Прикамская конная дружина.
4. в движении на дер. Вадимовка .....
  - а) Омская пешая дружина.
  - б) Иркутская арт. дружина, 2 орудия.
5. у железнодорожной казармы, что в 6 верстах к югу от разъезда Кноринг, 1 бронеп.
6. на жел. дороге, на линии д. д. Дмитровка — Алтыновка... один бронепоезд.
7. в селе Черниговке .....
  - а) Сибирская инженерная дружина.
  - б) Рота Красноярской пешей дружины.
  - в) Офицерская рота Томской пеш. дружины (?)
  - г) Штаб Сибгруппы.

Красные по занятиям Спасска между тем не дремали: уже около 5 часов утра и затем вторично, около 8 часов все того-же 10-го октября разъезды красной конницы появились перед заставой белых, расположенной на высоте 53, что

в 3 верстах к северу от дер. Дмитровка, по дороге на Прохоры. В 9 часов Врид Наштаба Подполк. Волков, находясь в дер. Дмитровка, направил полевую записку Ген. Хрущеву, с копией Наштагруппы Сибирской, такого содержания:

«Разведка красных подходила к нашей заставе по дороге от дер. Прохоры. Начотряда приказал вверенным Вам конным частям отогнать красных и занять сопку 53 и выслать разведку на деревню Прохоры. Дер. Алтыновку занять одной конной дружиной для совместного удержания этой деревни вместе с бронепоездом».

В 9 часов 30 минут в трех верстах к северу от Дмитровки появились цепи красного кав. полка, силою примерно около 300 — 400 сабель при 1 орудии. Они подошли к высоте 53, но будучи обстреляны белыми в 10 часов 10 минут стали отходить в лощину, что в двух верстах к северу от отметки на «53».

В 10 часов утра, для поддержки белой пехоты со ст. Мучная на линию деревень Дмитровка — Алтыновка выдвинулся (второй) бронепоезд.

Развитие начавшегося боя под Дмитровкой видно из следующих донесений Начальника Штаба Сибгруппы Полковника Бодрова и Вр. исп. долж. Нач. Штаба Зап.-Сиб. отряда Подполковника Волкова, а так-же переговоров по прямому проводу между Полковником Наркевичем (Оберкваргруппы Сибирской) и Полковником Бафталовским (Штаб Зем. рати), которые мы приводим полностью:

«10-ое октября 1922 года 13 часов 30 минут. В штаб Зем. рати.

Противник начал разворачиваться на хребтах к северу от Дмитровки и повел наступление на высоту 53 и западнее. Пока насчитано до 500 человек пехоты и около 200 коней с 2 орудиями. Идет артиллерийская перестрелка. Омдружина около полудня прибыла из Дмитровки в Черниговку и с 2 орудиями Иркутбатареи выступила в Вадимовку. Алтыновка была занята Прикамской, а не Московской конной

дружиной, как было ошибочно донесено. Генерал Сахаров в 14 часов убыл на юг со ст. Мучная.

Полковник Бодров».

В 14 часов 30 минут на южной опушке леса, что на полудороге Прохоры — Дмитровка показалась красная пехота силою, примерно, около 10-12 рот. Она спускается в ту-же долину, в которой находится красная конница пытавшаяся в 9 час. 30 минут утра наступать на высоту 53.

В 15 часов цепи красной пехоты показали на юго-западном склоне высоты 53. Батареи белых (3 орудия) открыли по ним огонь. Красная пехота скрылась, за югозападный хребет высоты 53.

Одновременно с этим белые заметили колонну красной конницы, силою от 400 до 500 сабель, направляющуюся падью, что севернее высоты 53, в восточном направлении — на дер. Меркушевку или-же в обход правого фланга расположения белых у Дмитровки.

Донесение Подполковника Волкова от 15 часов 10-го октября в Штаб группы гласит:

«Пехота красных, силою полк, развертывается в верстах в 2½ севернее Дмитровки. При пехоте имеется конница, она разбросана на широком фронте. Резервы пехоты группируются в лощине к западному скату высоты 53. Бригада кавалерийская (предположительно Кубанская) продвигается от высоты 53 на дер. Меркушевка в обход нашего правого фланга. Приблизительно через час она перехватит дорогу Меркушевка — Дмитровка».

В 15 часов 30 минут красные открыли сильный артиллерийский огонь по расположению Штаба Западно-Сибирского отряда и позициям белых батарей в Дмитровке. Этот огонь красных вынудил белую артиллерию переменить свою позицию.

В 16 часов за первой конной колонной красных последовала вторая, численностью примерно в 600 — 700 сабель. Кроме того около полка пехоты (красной) прошло по дороге из Прохоров и скрылось за высотой 53. В 16 часов

10 минут Полковник Бодров из Черниговки направил в Штаб Земрати короткую телеграмму: «В 16 часов противник против Дмитровки ввел в бой еще один полк пехоты и 4 орудия. Бой продолжается».

Общую численность красных и своих (белых) сил к этому часу Генерал Смолин в своем докладе Воеводе определяет:

«Общая численность красных была приблизительно не более 3,000 — 3,500 и не менее 2,000 — 2,500 человек и 1,000 сабель с большим количеством пулеметов при 3 — 4 орудиях.

Боевой состав подчиненных мне частей с приданной конницей, за исключением Омской пешей дружины, выделенной на Вадимовку, не превышал 1,700 — 1,750 штыков и сабель при 4 орудиях.

В 17 часов 30 минут красные повели энергичное наступление на дер. Дмитровку, двигаясь на нее с высоты 53 и с востока, по дороге от Меркушевки. На этом, последнем участке наступала спешенная конница. На левом-же фланге, т. е. между дер. Дмитровкой и линией жел. дороги, красные, сдерживаемые огнем артиллерии белых и бронепоездов, особой активности не проявляли.

Бой продолжался до ночи.

С наступлением темноты, благодаря крайне выгодной для наступающей стороны местности, о чем говорилось уже выше в предыдущей главе, красной коннице удалось выйти в тыл Томской пешей дружине, занимавшей восточную окраину Дмитровки и вынудить ее к отходу.

В 19 часов 20 минут Полковник Бодров из Черниговки обратился в Дмитровку к Полковнику Аргунову по проводу:

«Прошу Вас хотя-бы на словах ориентировать Комгруппы. Из Алтыновки конную дружину Комгруппы приказал оттянуть к Черниговке. Приказание это уже передано. Сведений из Меркушевки не имеется».

В 20 часов в разговоре по прямому проводу с Полков-

ником Бафталовским (Штаб Земрати), Полковник Наркевич, на поставленный ему вопрос о положении на фронте, ответил: «Полковник Аргунов вел бой до самых сумерек. С наступлением темноты телефонная связь с ним порвалась. Высланный к нему разъезд еще не вернулся. Предполагаю, что Полковник Аргунов скоро будет в Черниговке. Вы понимаете?»

Действительно, около 20 — 21 часа все того-же 10-го октября Полковник Аргунов очистил дер. Дмитровку и стал отходить на Черниговку.

Так закончился этот первый бой частей Сибирской стрелковой группы с регулярными частями красных в осеннюю кампанию 1922 года.

(В бою под Дмитровкой части Западно-Сибирского отряда понесли следующие потери: В Иркутской пешей дружине — 3 раненых, в Томской пешей дружине — 10 убитых и 1 раненый, так-же оставлена одна двуколка с телефонным имуществом, так-как лошадь была убита. Генерал Смолин в своем докладе Воеводе дает иные цифры: «Наши потери за 10-ое октября: 11 раненых, 4 убитых, подбито одно орудие. Потери противника значительны и у него так-же подбито орудие». Сводка Зап.-Сиб. отряда отмечает, что «в течение боя ощущался большой недостаток снарядов, пополнение их будучи затребовано с утра, пришло в темноте, при конце боя»).

* * *

С оставлением Дмитровки и сосредоточением частей Генерала Смолина в районе села Черниговки, положение последних не только не улучшилось, но, пожалуй, даже ухудшилось, так как новые обстоятельства усложнили их положение: в ближнем тылу Сибирской стрелковой группы село Монастырище оказалось занятым красным партизанским отрядом. Таким образом группа Генерала Смолина оказалась между двух огней: с севера надвигаются крупные ре-

гулярные силы красных, в тылу, на путях отхода, важным стратегическим пунктом владеет противник. Сохранившаяся запись разговора по прямому проводу между вышеупомянутыми Полк. Бафталовским и Полк. Наркевичем дает такие штрихи:

Полковник Бафталовский в 21 час 35 минут 10-го октября по прямому проводу сообщает Полковнику Наркевичу что «на Монастырище наступает небольшой отряд красных численностью до 300 человек. Меры к его ликвидации принимаются, дабы обеспечить тыл Сибрати» (Группа Ген. Смолина).

Полковник Наркевич на это возражает: «По нашим сведениям Монастырище уже занято противником при трех пулеметах. По непроверенным сведениям занят, яко-бы и Халкидон, что естественно внушает беспокойство Комгруппы. На Манзовку послан один бронепоезд, который прибудет туда около 23 часов. Для проверки сведений относительно Халкидона туда будет выслан Полковник Ктиторов со своей частью на поезде. Полковник Аргунов сейчас прибывает в Черниговку. Начал он свой отход (движение) около 21 часа. Его отряд с приданными частями Генерала Хрущева (за исключением гарнизона Меркушевки) уже почти сосредоточился в Черниговке».

Полковник Бафталовский заканчивает разговор, сообщая: «Генерал Бородин предполагает перебросить на Манзовку кое-что из частей и, видимо, даже прибудет что-нибудь от Сахарова. Бородину приказано принять самые решительные меры. Сахаров находится целиком в Кремово».

Донесение Полковника Ростовцева Комгруппы Сибирской, помеченное 22 часами 35 минутами 10-го октября, дает дополнительные данные о положении у Халкидона:

«Пост на 174 версте доносит, что в последние полчаса в селе Халкидоне заметно движение, горит много огней в домах. Перед приходом бронепоезда, патруль выслан на пост, на 169 версте обнаружил провод идущий от линии к селу Халкидону. Провод быстро утащили в кусты. Патруль

(два человека) в виду малочисленности никого задержать не мог».

В 21 час 30 минут в село Черниговка из Алтыновки прибыла, согласно приказания Комгруппы, Прикамская конная дружина.

Части Полковника Аргунова из Дмитровки окончательно сосредоточились под Черниговкой около 23 часов.

Отряд, занимавший Меркушевку в 23 часа 30 минут, согласно полученного из Штаба группы приказания и не испытывая на себе какого либо давления противника, спокойно покинул деревню и будучи отрезанным от Дмитровки начал отходить на юг, тропой в долину реки Медведицы, а оттуда в Черниговку, куда прибыл только в 3 часа утра 11-го октября.

Обстановка в Черниговском районе в последние часы 10-го октября была весьма неясной и напряженной, об этом достаточно ярко свидетельствуют сохранившиеся донесения. Именно:

Полковник Бафталовский, разговаривая по прямому проводу со Штабс-Капитаном Поповским (Штаб Сибгруппы) старается успокоить: «Монастырище в наших руках. Паротряд Березюка занимает только восточные окраины деревни. Оренбургскому полку приказано выбить их. Пожалуйста не беспокойтесь за свой тыл, а смотрите только вперед».

В 23 часа 15 минут Командир Прикамской конной дружины Полковник Дробинин доносит Генералу Смолину: «Доносу, что согласно Вашего личного указания восточная опушка деревни мною занята. В деревню Лунза ведут три дороги, пересекающиеся в двух верстах от Черниговки. Дорога отворачивает от дер. Дмитровка всего в полуторах верстах. Пеших застав Красноярской дружины до сих пор обнаружить не могу. По дороге на Халкидон держу лишь пост. Нахожусь в самом конце деревни. Связи ни с кем не держу».

Старший адъютант Штаба Железно-Дорожной бригады Капитан Яковлев в 23 часа 35 минут того-же 10-го октября

доносит Наштагруппы Сибирской: «В 23 часа 10 мин. между первым и вторым мостами (перегон Мучная — Манзовка) было слышно четыре взрыва. С этого момента прекратилась связь по всем проводам. Высланный с поста № 1 усиленный дозор на юг еще не вернулся».

В такой обстановке Генерал Смолин, находясь в Черниговке, отдал в 23 часа 8 минут 10-го октября приказ следующего содержания:

«1. Полковнику Аргунову по сосредоточении всего отряда в Черниговке 11-го октября удерживать эту деревню, имея конницу на своем правом фланге.

2. Полковнику Мельникову продолжать упорно удерживать Вадимовку.

3. Подполковнику Новикову (инженер группы) в ночь с 10-го на 11-ое испортить все мосты на реке Медведице в районе Черниговка.

4. Подполковнику Ктиторову (рота Красноярской пешей дружины) оставаться в моем резерве на ст. Мучная.

5. Полковнику Ростовцеву содействовать своими бронепоездами отряду Полковника Аргунова при обороне Черниговки, выдвинув бронепоезд к мосту через реку Черниговка к северо-западу от деревни Черниговка.

6. Я буду находиться на ст. Мучная.

7. Заместители: Полковник Аргунов, Генерал Хрущев.

8. О получении донести».

Ночь прошла сравнительно спокойно.

Выше мы уже упоминали об отходе и прибытии в Черниговку гарнизона дер. Меркушевки. Нам следует тут все же отметить, что Начальник этого отряда по своем прибытии в Черниговку, видимо, не донес о своем прибытии в Штаб группы, в то же самое время о сем упустил так же донести и Генерал Хрущев. Таким образом до утра 11-го октября Штаб группы оставался в полном неведении относительно судьбы Меркушевского гарнизона. Поэтому в 7 часов 11-го октября Полковник Бодров направил запрос Генералу Хрущеву о судьбе этого отряда. Он писал: «Прошу

сообщить прибыла-ли Волжская дружина из Меркушевки. В утвердительном случае — когда, в отрицательном — какие о ней имеются сведения». На сей запрос в 8 час. 15 мин. последовал ответ такого содержания: «Волжская конная дружина следует через Алебастровый завод, в 3 часа сего дня прибыла в Черниговку. По донесению Командира дружины дер. Евсеека занята сильным пехотным и конным отрядом красных. Волжская конная дружина занимала Меркушевку до 23 часов 30 минут 10-го октября. Разъезды дружины, высылаемые в Дмитровку, обстреливались частями 6-го Хабаровского полка. Из Меркушевки дружина отошла без давления со стороны противника. Красные патрули все время маячили вокруг Меркушевки. Через 15 минут дружина выступает для следования в резерв согласно оперативного приказа отряда».

К 9 часам 11-го октября расположение частей группы Генерала Смолина было следующим:

1. на горе Крестовая, что в 2 верстах к северу от Черниговки... заслон под командой Ген. Штаба Полковника Смирнова в составе:
  - а) Иркутской пешей дружины.
  - б) Петроградской конной дружины.
2. в селе Черниговка .....
  - в) ... (?) батареи, 1 орудие.
  - а) Московская конная дружина.
  - б) Прикамская конная дружина.
  - в) Поволжская конная дружина.
  - г) рота Красноярской пешей дружины.
  - д) Штаб Западно-Сибирского отряда.
  - с) Управление Сибир. артил. дружины.
  - ж) Штаб Сибгруппы.
3. позиция на высотах в верстах южнее села Черниговки:
  - а) Томская пешая дружина.
  - б) Воткинская артил. дружина, 1 орудие.
  - в) Добровольческая батарея, 2 орудия.

4. Станция Мучная ..... один бронепоезд.
5. Разъезд Манзовка ..... другой бронепоезд.
6. у дер. Вадимовка ..... а) Омская пешая дружина (включая Отряд Полк. Резанова, прибывший из Камень-Рыболова).
б) Иркутская батарея, 2 орудия.
7. по долине реки Медведица и в направлении на дер. Луна за высланы разъезды от Волжской конной дружины.

В дополнение к только-что приведенному расположению частей, дабы полнее и точнее уяснить обстановку при которой должен был завязаться будущий бой у села Черниговка, мы приводим следующий приказ (№ 1072/оп) по Западно-Сибирскому отряду от того-же 11-го октября:

«Генералу Хрущеву, Командирам дружин Томской, Иркутской, Западно-артиллерийской и Добровольческой-артиллерийской.

1. Немедленно занять боевой участок по тракту Черниговка — Халкидон в двух верстах от Черниговки на перевале: 1) Томской дружине с батареей Полковника Шестоперова (Добровольческая) и одним орудием Западно-артиллерийской Воткинской дружины. 2) Артиллерия под общим командованием Полковника Шестоперова.

2. Генералу Хрущеву — кавалерии продолжать занимать дер. Черниговку; в случае отхода Полковника Смирнова, пропустить его через дер. Черниговку, уничтожить оставшиеся два моста на реке Черниговка и затем с двумя дружинами обеспечить правый фланг Полковника Урняж; остальные две дружины отвести в резерв и поставить в верстах двух позади отряда Полковника Урняж на тракте. Генералу Хрущеву теперь-же поставить у оставшихся двух

мостов сильные заставы, сменив, находящиеся там части Томской дружины.

Полковник Аргунов

Врид Начштаба Подполковник Волков».

Таким образом, как мы видим из приказа № 1072/оп и группировки частей, Ген. Смолин был вынужден, в виду крайне невыгодных условий местности у дер. Черниговка, перенести линию обороны версты на две к югу от этого села.

Примерно в 11 часов этого-же дня по прямому проводу между Полк. Наркевичем (Штаб Сибгруппы) и Полк. Курковским (военный инженер в Штабе Рати) призошел разговор следующего содержания:

Полковник Наркевич начинает разговор: «Не имеем связи с Вами чуть не тринадцать часов. Сейчас принимаем на Ипполитовке по диспатчеру дополнение к директиве Воеводы № 1675/оп. Отчего до сего времени не налажена у Вас связь с нами?»

Полковник Курковский на это отвечает: «Связь не налажена ввиду того, что по испытанию провода оказались неисправны. Выехала партия инженера Нилова для исправления и сейчас высылаем механика Солита. Как же мы будем держать связь с Вами? Все оперативные распоряжения будем передавать до исправления проводов по железно-дорожному проводу, по которому сейчас говорим (по второму)».

В 11 часов 30 минут Генерал Смолин получил приказание Воеводы от 10-го октября за № 1675/оп о высылке 150 конных для занятия дер. Лучки и т. д. Вскоре после этого, примерно около 12 часов дня, Генерал Смолин получил два донесения (№ 127 от 10-го октября и № 130 от 11-го октября) Полковника Мельникова из Вадимовки, о том, что там все спокойно. В 13 часов Генерал Смолин отправил из Черниговки Полковнику Мельникову полную ориентировку.

Полное содержание только-что упомянутых бумаг было таково:

1. Дополнение к директиве Воеводы за № 1675/оп:
«Из похштаземрати 10-го октября № 1680/оп.
Генералу Смолину. Копия генералу Бородину.

В дополнение к № 1675/оп. Для решительного наступательного боя с целью разбить наступающие части противника и отбросить их за Спасск, Воевода Земской Рати решил главные силы армии сосредоточить на линии Ивановка — Ображеевка — Ляличи — Вознесенское. Сосредоточение предполагается к 13-му октября. Чтобы обеспечить сосредоточение, Вам надлежит упорно задерживать продвижение противника у дер. Черниговка и только в случае полной невозможности отходить к дер. Монастырище, задерживая противника и на всех промежуточных, между Черниговкой и Монастырищем, позициях. От Монастырища на Вознесенское — Ваш путь должен лежать через Ляличи. В случае прохождения Вами линии: Халкидон — Лунза, выделить отряд конницы в 150 сабель для прочного занятия Лучков в целях обеспечения этим направлением на Вознесенку и поддержания связи с отрядом в Вадимовке. Деревня Вадимовка должна прочно удерживаться.

Генмайор Петров».

2. Донесения Полковника Мельникова:

«10-ое октября 1922 года. Из Вадимовки. Наштагруппы Сибирской.

В 18 часов с дружиной и батареей в дер. Вадимовку прибыл. На первом восточном мосту через Лефу выставлена застава — 40 пеших при пулемете со взводом конницы, которая держит связь с Алтыновкой.

№ 0127.

Полковник Мельников».

«11-ое октября 4 часа 1922 года из Вадимовки Наштагруппы Сибирской.

Прилагаемый пакет с донесением № 0127 был направлен в Штаб группы прямым путем, но доставлен быть не мог ввиду встречи на пути Вадимовка — Черниговка 8 всадников, открывших стрельбу при приближении наших конных.

Сейчас отдал распоряжение об уничтожении моста через восточный рукав Лефу. Результаты разведки бродов на реке Лефу таковы: как к северу, так и к югу от Вадимовки переправы имеются — труднопроходимые броды. Глубина их $1\frac{1}{4}$ сажени — $1\frac{1}{2}$ аршина. Дно довольно вязкое, но лошадь не тонет. При наличии хороших проводников из местных жителей переправа для конницы по этим бродам с большим трудом, но возможна. Местные жители упорно отказываются давать какие-либо сведения о переправах через Лефу. Прошу сообщить об обстановке на других участках.

Полковник Мельников».

3. Ориентировка, посланная Генералом Смолиным Полковнику Мельникову.

«12 часов 11-го октября 1922 года.

Будка, что в 6 верстах к югу от ст. Мучной.

В 21 час 10-го октября, после упорного боя в деревне Дмитровка, части отряда Полковника Аргунова сосредоточились в дер. Черниговка, очистив дер. Меркушевка, Дмитровка и Алтыновка.

В настоящее время я занимаю позицию в 2 верстах к югу от дер. Черниговка, имея свои передовые части на северной окраине дер. Черниговка, так-как оборонять деревню в силу условий местности не выгодно. Противник пока особой активности не проявлял.

Следующий рубеж, на котором я предполагаю задержать движение противника на юг, на линии дер. Халкидон.

Мне приказано упорно задерживать противника на всех рубежах между дер. Черниговка и дер. Монастырище, дабы дать возможность нашим главным силам сосредоточиться на линии Ивановка — Ображеевка — Ляличи — Вознесенское, что предполагается закончить 13-го октября. От Монастырища на Вознесенское я пойду через Ляличи. Когда я буду проходить линию Лунза — Халкидон, мне приказано выделить конный отряд в 150 сабель для прочного занятия дер. Лучки в целях обеспечения этим направления на Вознесен-

ку и для установления связи с Вами, что я и исполню. С этим отрядом (в Лучках) приказываю Вам установить теснейшую связь. Вадимовку приказано прочно удерживать.

Ваше следующее донесение пришлите мне завтра через Халкидон.

№ 3379/оп.

Генерал-майор Смолин

Начштаба Генштаба Полковник Бодров».

* * *

Тем временем на фронте Сибирской группы, под натиском противника, заслон Полковника Смирнова отошел с Крестовой горы в Черниговку и тут, будучи пропущенным Генералом Хрущевым, не задержался, но отошел на главную позицию. Одновременно с сим, в 12 часов 11-го октября Штаб группы с Сибирской инженерной дружиной и ротой Красноярской пешей дружины перешел на железно-дорожную будку, что в углу от ст. Мучная (с этой-то будки и была отправлена Генералом Смолиным ориентировка Полковнику Мельникову, о которой мы уже говорили выше). Генерал Хрущев после этого уничтожил оба оставшиеся моста через реку Черниговку, а затем выведя свои дружины из села, расположил две конные дружины за правым флангом позиции главных сил группы, а две другие отвел в резерв, к Штабу группы. Иркутская пешая дружина с одним орудием присоединилась к Томской дружине с двумя орудиями, уже находившейся на главной позиции. Штаб Полковника Аргунова (Западно-Сибирского отряда) расположился в районе высоты 144. Красные следовали за частями Полковника Смирнова. Скоро они оказались перед самой Черниговкой, а затем, по занятии ее перенесли свою деятельность на оба фланга белых.

В 17 часов 30 минут 11-го октября разъезд белых обнаружил движение колонны красной конницы по долине, что

идет от Черниговки на Монастырище мимо высоты 286. Одновременно с этим белый бронепоезд заметил движение второй колонны красной конницы с артиллерией от ст. Мучная на Халкидон. Колонна эта двигалась между железной дорогой и рекой Лефу. В дополнение и развитие этих строк приводим ниже содержание двух сохранившихся документов:

«11-го октября 1922 года.

Штаб-ротмистр Жилуков, Начальник разъезда Волжской конной дружины.

Генералу Смолину.

Доношу, что пройдя по дороге 6 — 7 верст, я обнаружил кавалерию красных силою до 20 — 30 коней, которые двигались без дороги по сопкам к желдороге. Я с разъездом, отскочив версты полторы — две, заметил в другом месте наблюдателей на сопке, которые вскоре спустились так же по направлению к железной дороге.

Штаб-ротмистр Жилуков».

«11-го октября 1922 года 21 час 15 минут.

Железно-дорожная будка, что восточнее Халкидона.

Воеводе Земрати.

Сегодня до 19 часов сдерживал противника в двух верстах южнее села Черниговки.

К 18 часам было обнаружено движение колонны конницы по сопкам в падь реки Люзанка. Офицерский разъезд донес, что восточнее этой долины от прииска Монастырского на Монастырище по сопкам наблюдалось им движение конницы невыясненной силы. К тому же времени бронепоездом было замечено движение конной колонны с артиллерией от ст. Мучная на Халкидон между железной дорогой и рекой Лефу. Указанная обстановка в связи с занятием противником Монастырища и возможностью усиления его конницей из Черниговки вызвала у меня серьезное опасение за свой тыл.

Посему мною приказано частям группы, выставив сторожевое охранение с бронепоездом по левому берегу реки Люзанки, главными силами занять позиции по высотам, что

северо-восточнее окраины деревни Халкидон. Кроме того, у перекрестка жел. дороги с трактом Халкидон — Монастырище мною выдвинута одна конная дружина, которая ведет разведку на Монастырище и в направлении на дер. Лунза. Главная переправа через реку Лефу находится западнее Халкидона примерно в 8 верстах.

За истекший день противник не проявлял особой активности на фронте расположения группы. Перенес свою деятельность главным образом на фланги.

Я со штабом нахожусь на железно-дорожной будке, что восточнее Халкидона.

№ 3880/оп.

Генерал-майор Смолин».

В своем докладе Воеводе Генерал Смолин приводит, кроме уже упомянутых данных, еще и такие (цитирую дословно):

«До 19 часов противник под прикрытием сильного артиллерийского и пулеметного огня вел наступление на нашу позицию, но был с большими потерями отбит и залег в полу-версте от нашей позиции. На участке команды пеших разведчиков и полуроты 1-ой Томской пешей дружины красные оставили более 30 трупов и раненых (смотри № 01088/оп)». (Это донесение в бумагах Ген. Смолина, к сожалению, не сохранилось).

Перечисляя основания для отвода частей группы с «главной позиции, что в двух верстах к югу от села Черниговки», Генерал Смолин ссылается так-же и на полную измотанность конницы Генерала Хрущева. Он пишет: «... Конница Генерала Хрущева была настолько измотана, что к боевым действиям была мало пригодна и крайне нуждалась в отдыхе. Поэтому с наступлением темноты, частям группы, не вводя их в ночной бой на горной местности, я приказал несколько отойти и занять позицию по высотам к северо-востоку от Халкидона, выставив сторожевое охранение с бронепоездом по левому берегу реки Люзанка, что и было выполнено к 1 часу 12-го октября. У перекрестка железной дороги с трактом

Халкидон — Монастырище была расположена конная дружина с задачей вести разведку на Монастырище и Лунза».

Потери Сибирской группы за день 11-го октября были в общем незначительны. За отсутствием документальных данных Генерал Смолин отказывается в своем докладе Воеводе их точно определить, но ограничивается лишь указанием, что «но зато чувствительным оказался, вызванный этим боем расход патронов». Потери красных белыми так же не были установлены.

Всю ночь с 11-го на 12-ое октября красные вели, опять цитируем Генерала Смолина, «энергичное наступление и к рассвету оттеснили наши части к Халкидону». Донесение Полковника Аргунова (из Штаба Зап.-Сиб. отряда Нашта-группы Сибирской) от 7 часов 12-го октября гласит:

«В бою под Черниговкой 11-го октября цепь красных, пехота и конница, всего 300 — 400 человек, нашей заставой — командой пеших разведчиков и полуротой первой роты Томской дружины была подпущена шагов на 200 и внезапно обстреляна пулеметным и ружейным огнем. Красные в панике бежали по полю обратно в деревню, оставив на месте более 30 человек убитыми и ранеными».

В 18 часов 20 минут 11-го октября Воевода Земской Рати, Генерал-лейтенант Дитерихс подписал свою директиву войскам, скрепленную за Начальника Штаба Ген. Штаба Полковником Бафталовским за № 1686/оп.

«Комгруппам Поволжской, Сибирской, Сибказ, Двказ, Копня Комполка Прамурского Пограничного.

Противник ведет наступление в районе Черниговка. Имея в виду дать решительный бой противнику на фронте Ивановка — Вознесенское приказываю:

1. Генералу Смолину продолжать выполнение поставленной задачи частями Сибирской группы и броневиками. Конницу, ввиду утомления, сегодня же вечером вытянуть из боя и направить: а) Волжскую и Прикамскую конные дружины в Ляличи в распоряжение Генерала Молчанова и б) Московскую и Петроградскую конные дружины в Ни-

кольск, погрузив их в вагоны, тоже в распоряжение Генерала Молчанова.

2. Поволжской группе в течение 12-го октября сосредоточиться в районе Ляличей, с целью перехода из этого района в наступление на север.

3. Сибказгруппе сосредоточиться полностью в районе Осиновка — Ивановка, имея в виду оборону Ивановки и наступление на Ображеевку. Штабу быть в Осиновке.

4. Дальне-Восточной казачьей группе, за исключением частей, оставшихся на охране железной дороги к полудню сего октября сосредоточиться в Кремово и быть в моем распоряжении.

5. Генералу Смолину из Пограничной стражи сосредоточить к вечеру 12-го октября в районе Никольска 130 человек, сняв их с охраны желдороги с целью усиления гарнизона Никольска».

В 0 часов 40 минут в Штабе Сибирской группы был получен оперативный приказ Воеводы от 11-го октября за № 1686/оп.

Между тем противник (красные) возобновил наступление вдоль линии железной дороги, постепенно оттесняя части белых.

Обстановка сложилась крайне неблагоприятно: а) В тылу, на единственном пути отхода группы, село Монастырище занято красными, б) каких-либо переправ через реки Скотская и Монастырка вне села Монастырище нет, в) двигаться по полотну железной дороги с артиллерией и обозами — значит рисковать всем, так как на двух больших железнодорожных мостах нет настила, г) подавляющее превосходство сил красных, которое становилось особенно чувствительным после отозвания конницы Генерала Хрущева. Все это понудило Генерала Смолина, после короткого размышления и обсуждения положения со своим Начальником Штаба, к вызову в 1 час 15 минут 12-го октября к телеграфному аппарату из Штаба Земрати Полковника Озолина.

«1 час 15 минут 12-го октября.

Разговор по прямому проводу Генерал-майора Смолина и Полковника Озолина.

Генерал Смолин начинает разговор: "Противник, тесня мои части, находится на перекрестках дорог на линии Халкидона. Переправа через реку в 8 верстах. Двигаться вдоль линии железной дороги невозможно — нет переправ, настилов на мостах. Речки на этом пути непроходимы ни для кавалерии, ни для обоза, ни для артиллерии. В связи с полученной новой директивой и задачей, поставленной мне предыдущей директивой, положение создается слишком тяжелое и рискованное. Рискую потерять многое. Все".

Полковник Озолин: "Добрый вечер, Ваше Превосходительство. Я не понял, что Вы хотите".

Генерал Смолин: "Мне придется, повидимому, отойти на переправу реки Лефы — на Лучки, если успею это сделать, ибо противник уже у северной окраины деревни и выполнить директивы не могу".

Полковник Озолин: "Я все-таки ничего не понимаю".

Генерал Смолин: "Что Вам угодно понять?"

Полковник Озолин: "Разве путь движения на Монастырище невозможен?"

Генерал Смолин: "Монастырище занято, переправы не годятся".

Полковник Озолин: "Значит и противника нельзя ждать с севера. Наверное и он через переправы не пройдет".

Генерал Смолин: "Противник перейдет через Монастырище".

Полковник Озолин: "Я ответить ничего не могу. Постараюсь доложить Начальнику Штаба. Сейчас иду докладывать".

Генерал Смолин: "Ждем пять минут"».

Вернувшись от Начальника Штаба Земрати, Полковник Озолин передает Генералу Смолину: «Передаю решение Начальника Штаба. Отправить через Лучки на Вознесенское все то, что не может пройти по железной дороге с необходимой охраной. Со своей пехотой двигаться на Монастыри-

ще и продолжать выполнение директивы. У Вас по железной дороге пойдут ведь и броневики, так-что артиллерия будет. Монастырище атаковывается частями Генерала Бородина при артиллерии со стороны Манзовки. Ваш подход облегчит его задачу и Вы, при его поддержке, сможете выполнить директиву. Ваш сборный пункт Вознесенское. Прошу все время с нами держать связь».

Разговор был закончен. Приказание Начальника Штаба Земрати было более, чем определено. Однако ввиду того, что от Полковника Мельникова, занимавшего деревню Вадимовку, за 11-ое октября донесений у Генерала Смолина не было и обстановка в районе Вадимовки для Командующего Сибгруппой не была известна, то Ген. Смолин счел отправку артиллерии и обозов из Халкидона через Лучки на Вознесенское без сильного прикрытия делом крайне рискованным. Выделить-же достаточное прикрытие из состава группы, ввиду ее малочисленности, не представлялось возможным. Ведь даже вместо требуемых директивой Воеводы от 10-го октября за № 1680/оп — 150 конных, — едва, едва удалось набрать для занятия селения Лучки только 30 конных разведчиков Иркутской пешей дружины, которые и были высланы туда в 3 часа 12-го октября. Собственно говоря, Генерал Смолин в 14 часов 30 м. 12-го октября, с будки 172 версты, отдал приказание Полковнику Аргунову об отправке конных разведок обеих дружин (Томской и Иркутской пеших), но затем это приказание было видоизменено и на Лучки ушла одна только разведка Иркутской пешей дружины. Оставление разведки другой пешей дружины (Томской) при главных силах Сибгруппы вызывалось крайней необходимостью, так-как в случае ее ухода на Лучки, ввиду отозвания конных дружин Генерала Хрущева, Генерал Смолин оказался-бы без единого конного всадника.

Полный текст первоначального приказа Генерала Смолина Полковнику Аргунову о высылке разведок на Лучки таков:

«Во исполнение директивы Воеводы, приказываю с рас-

светом 12-го октября выслать через Халкидон в Лучки конную разведку Томской и Иркутской дружин с задачей уничтожить переправы через реку Лефу и занять Лучки. Я 13-го или 14-го прибуду в Вознесенское. По прибытии Вас в Лучки, установите тесную связь с Полк. Мельниковым, занимающим Вадимовку. В случае невозможности удержать Лучки, отходите на Вознесенское, поставив об этом в известность Полковника Мельникова».

Мы не будем сейчас вдаваться в подробное рассмотрение предложения Генерала Смолина и окончательного решения Начальника Штаба Земрати и лишь отметим, что это решение оказало весьма существенное влияние на создание обстановки, в которой пришлось действовать частям Генерала Смолина 14-го октября в бою, от которого зависела судьба всего Белого Приморья на ближайшее время (октябрь — ноябрь 1922 года во всяком случае).

В 3 часа ночи того-же 12-го октября Генерал Смолин, находясь на будке у 172 версты, отдал приказание Полковнику Аргунову следующего содержания:

«Приказываю Вам ввиду сложившейся обстановки постепенно отходить на разъезд Манзовка, где я буду находиться со штабом; у будки, занимаемой сейчас штабом, оставляю роту Полковника Ктиторова, которую передаю в Ваше распоряжение».

Таким образом почти все части Сибирской группы, за исключением вышеупомянутых — стрелковые, кавалерийские, артиллерия и обоз вынуждены были начать отход по линии железной дороги на разъезд Манзовка. Команды бронепоездов, под руководством самого Полковника Ростовцева, устроили на железно-дорожных мостах деревянные настилы, благодаря коим удалось к утру 12-го октября благополучно перебросить артиллерию и обозы на разъезд Манзовка, куда Штаб группы прибыл к 5 часам утра.

Между тем, уже в 3 часа ночи красным удалось занять северную и северно-западную окраины Халкидона.

В 5 часов утра пешие части Сибирской группы с одним

броневиком медленно отходили на Халкидон, находясь южнее юго-восточной окраины этого села.

В 5 часов утра того-же 12-го октября Генерал Смолин, находясь на разъезде Манзовка, отдал следующий приказ Полковнику Аргунову:

«Оренбурги, усиленные Уральской дружиной, при одном орудии (если не ошибаюсь, то это была одно-орудийная Оренбургская казачья батарея, наконец-то получившая трехдюймовку и таким образом превратившаяся из конной части в артиллерийскую) и броневике, сейчас переходят в наступление на Монастырище. Приказываю Вам:

1. Выслать сколько можете своих конных разведчиков на Лучки, чтобы испортить переправу и связаться с Полковником Мельниковым, ориентируя его в обстановке.

2. Приданной Вам конницей прикрывайте свой тыл со стороны Халкидона при продвижении на Монастырище.

3. Своей артиллерией и пехотой с пулеметами движением на Монастырище оказать содействие Оренбургам, конный дивизион коих направляется от моста через реку Монастырку для удара с севера по Монастырищу.

4. Мосты застланы».

Вслед за отдаванием этого распоряжения, Генерал Смолин, с того-же разъезда Манзовка, донес Воеводе Земрати № 3881/оп, помеченным теми-же 5 часами 12-го октября, следующее:

«Ввиду Вашего приказанья перебросить приданную мне конницу в распоряжение Ген. Молчанова, я не мог выполнить Вашей директивы в той части, которой требовалась высылка в Лучки не менее 150 конных. Для связи-же с Полковником Мельниковым мною приказано выслать в Лучки две, оставшиеся у меня команды конных разведчиков численностью до 60 сабель, но я не уверен удастся-ли им пробраться на Лучки, так-как противнику удалось около 3 часов занять северную и северно-западную окраины Халкидона и кроме того трудно оттянуть конную разведку, выполняющую впереди ответственную задачу при своих частях. Противник за

сегодняшний день и ночь был особенно активен. Появились отдохнувшие части — Троицкосавский кавполк. Нашей разведкой был слышен продолжительное время грохот колесного обоза по пади Лунза — Монастырище. Полагаю, что у Монастырища прибывают регулярные части. Пехота вверенной мне группы с бронепоездом, задерживая противника и под его давлением, медленно отходит от Халкидона, занимая в данное время юго-восточную окраину Халкидона, будку и высоту к востоку от него. В 4 часа 30 минут Оренбурцы с Уральцами перешли в наступление от Манзовки на Монастырище. Рота Красноярской дружины, броневиком с 2 орудиями и 2 мотоциклами с пулеметами поддерживали это наступление. Эта рота двинута из Халкидона по тракту на Монастырище».

В 7 часов утра того-же 12-го октября Генерал Смолин, продолжая находиться на разъезде Манзовка, отдал приказ Генералу Хрущеву, по сосредоточению в Манзовке его конных дружин (Московская, Петроградская, Прикамская и Волжская), отправиться с ними в распоряжение Генерала Молчанова в Ляличи и Никольск-Уссурийский. В 8 час. 40 минут того-же 12-го октября Генерал Хрущев донес Генералу Смолину о своем выступлении с Манзовки в распоряжение Генерала Молчанова. Таким образом с этой минуты группа Генерала Смолина оказалась лишенной фактически своих глаз — армейской конницы.

Между тем в боевой линии пешие части Сибгруппы под сильным натиском противника в 7 часов 30 минут отошли по линии железной дороги за первый мост, что через речку Сухой Яр.

В 8 часов 20 минут того-же 12-го октября Генерал Смолин доносит Воеводе Земрати, с копиями Генералу Молчанову и Генералу Бородину № 25/оп следующее:

«В 7 часов 40 минут пехота под сильным натиском противника отошла по линии железной дороги за первый мост, что через Сухой-Яр. В настоящий момент Томская дружина в указанном пункте прикрывает бронепоезд, по которому

противник открыл сильный артиллерийский огонь. Бронепоезд подбит, три платформы сошли с рельс и горят. Вперед выкинулся бронепоезд № 2 и Полковник Ростовцев. В 7 часов нами, совместно с Оренбургскими казаками занято Монастырище, которое оказалось свободным от красных. Последние, по сведениям от жителей, ночью ушли в направлении Ляличей. Конницу отправляю по назначению».

Полковник Бахтерев (помошник Командира Томской дружины) и Вахмистр Давыденко (с бронепоезда) красочно и подробно рассказали мне всю эту печальную историю с гибелью белого бронепоезда. К большому своему сожалению я записал их рассказ слишком схематично и ныне, по прошествии многих лет, лишен возможности воскресить все красочные и трагические подробности этого дела. Посему привожу лишь свою схематическую запись этих рассказов:

«Ночь провели около Халкидона. Утром со стороны Спаска появились красные. Они наступают. Заняли сопки. Красная артиллерия ведет интенсивный обстрел белого расположения. У белых имеется в боевой линии один лишь бронепоезд. Пехота белых находилась правее (восточнее) железной дороги, занимая сопки. Полковник Бахтерев с конной сотней Томской дружины выдвигается в боевую линию в районе железной дороги. Красные одним из своих снарядов попали в паровоз белого бронепоезда. С тыла на дрезине ехало несколько человек к бронепоезду. Под огнем красных дрезина перевернулась. У бронепоезда-же американский вагон сошел с рельс, опрокинувшись поперек пути. Красные находятся теперь на расстоянии полутора — двух верст от белого бронепоезда. Они бьют по нему во всю. Думать о поднятии американского вагона на рельсы не приходится. Бронепоезд, подожженный снарядами красных, начинает гореть. Для команды белого бронепоезда остается один выход: взорвать орудия и сжечь до тла бронепоезд. Надо убирать тяжело раненых. Между тем, под давлением красных, белая пехота оставила гребни сопок, спустилась вниз на равнину и, оставляя горящий свой бронепоезд впе-

реди своего фронта, отошла версты на две к югу, где заняла новый рубеж и остановилась. Отступление белой пехоты было довольно поспешным, кое Полковник Бахтерев характеризовал словами: "наша пехота посыпалась". Таким образом, горящий белый бронепоезд остался в "ничьей земле". Его команда поспешно отходила, имея своим прикрытием лишь Полковника Бахтерева с его конными. Далее Полковник Бахтерев рассказывает, что он стоял спешившись на полотне, как вдруг к нему подскочил один из его людей и воскликнул: "красные". Полковник оглянулся. Прямо на него скакали красные всадники с шашками на-голо. Оглянулся в другую сторону — до своих более двух верст. Что делать? У самого полковника под рукой только десять всадников. Бахтерев вскочил на коня. Конница развернулась. Сейчас налетят и порубят. В это время из-за полотна железной дороги раздались частые залпы. Оказывается там собралось до 30 отсталых Добровольцев (переименованных Воеводой в "Томскую дружину"). Видя несущихся на них красных всадников, они не растерялись, но открыли по красной коннице огонь залпами. Этот огонь оказался полной неожиданностью для красных. Их атака захлестнулась, смешалась. Красная конница повернула быстро назад, отскочив на приличную дистанцию. Этот огонь белой пехоты спас жизнь Полковнику Бахтереву и его людям. Совместно с пехотой они стали благополучно отходить к своим, отстреливаясь от красных всадников, державшихся теперь на приличной дистанции от своего противника и не помышлявших более о конной атаке».

Инцидент с бронепоездом был исчерпан. Белые части, под натиском противника, медленно отходили за реку Манзовка.

Возвращаясь к занятию белыми Монастырища, мы считаем нужным отметить незначительные расхождения в установлении часа занятия этого села по трем различным документам: В приведенном выше донесении Генерала Смолина Воеводе, час занятия Монастырища указан «7 часами». В

своим пространном докладе Воеводе, составленном уже по окончании похода, Генерал Смолин называет: «около 8 часов». Разницы особой это, конечно, не составляет, так как в 7 часов белые части могли вступать в это большое село, а к 8 часам они могли уже заканчивать полную его оккупацию. Разница имеется между часами, приведенными Генералом Смолиным и сообщением Штаба Воеводы (Оперативной сводки к 12 часам 12-го октября № 126), коя гласит буквально так: «В 5 часов части Оренбургской каз. дружины и Уральской каз. дружины при поддержке бронепоезда заняли Монастырище, противник отошел на Ображеевку». Возможно, конечно, что сообщение сделано было на основании какого-либо донесения Штаба Сибказгруппы (Генерала Бородина) и в действительности Монастырище было занято белыми (частями Сибказгруппы) не между 7 и 8 часами утра, а уже около 5 часов. В 7 же часов в уже занятое Монастырище вошли части Сибгруппы. Таким образом обе версии оказываются правильными, так как Генерал Смолин во всех своих расчетах и действиях до 8 часов утра исходил из того, что село это все еще не занято белыми.

Около 9 часов утра 12-го октября Штаб Сибирской группы, Сибирская инженерная дружина и 2 орудия Сибирской артиллерийской дружины перешли с разъезда Манзовка и прибыли на будку 154 версты, откуда связались с Генералом Сахаровым, который вел наступление на Ляличи. Артиллерия Сибгруппы оказала своим огнем поддержку частям Приволжского полка.

В 9 часов 40 минут Генерал Смолин уведомил Генерала Сахарова с будки 154 версты о том, что сегодня в 24-ом часу части Сибгруппы перейдут в Вознесенское и охрана железнодорожной переправы через реку Лефу будет лежать исключительно на железнодорожной охране. Иными словами Генерал Смолин предложил Генералу Сахарову озаботиться прикрытием этой переправы своими (Приволжскими) частями.

К 20 часам 12-го октября расположение частей Сибир-

ской группы, согласно данным Оперативной сводки Сиб-группы, было таково:

«Из отряда Полковника Мельникова (Омская дружина и 2 орудия Иркут. артил. дружины), расположенного в Вадимовке 12-го октября донесений не поступало.

От командира конных разведчиков Иркут. дружины (30 сабель), высланных 12-го октября из Халкидона в Лучки донесений не поступало.

Отряд Полковника Аргунова (Иркутская и Томская пешие дружины с 2 орудиями) и рота Красноярской пешей дружины, расположенных к северу от железно-дорожной переправы через реку Лефу, имея сторожевое охранение на скате с высоты 106 и на высоте, прилегающей к высоте 106 с востока. Батарея занимает позицию в полуверсте к югу от железно-дорожной переправы через реку Лефу.

Штаб группы и 2 орудия Добровольческой батареи у железно-дорожной будки на 54 версте.

Противник активности не проявляет. № 3886/оп Наркевич».

Днем 12-го октября была произведена рекогносцировка переправы через реку Чахедза (приток Лефу) и с наступлением ночи части Сибирской группы начали движение на с. Вознесенское. Сторожевое охранение у железно-дорожного моста через реку Лефу было сменено Иманской сотней, входившей в состав войск Поволжской группы Генерала Молчанова. Таким образом на железно-дорожном участке в первой линии оказались вновь части Генерала Молчанова. Части-же Генерала Смолина, согласно замысла Воеводы, должны были сосредоточиться в районе Вознесенское — Вадимовка, представляя собою левое крыло расположения всех сил Земрати, долженствующей на следующий день перейти в общее и решительное наступление на красных. Приказ о сем, с конкретными заданиями каждой из четырех групп Земрати, — директива Воеводы № 1693/оп от 15 часов 40 минут 12-го октября была получена Генералом Смолиным в 18 часов 40 минут 12-го октября. Эта директива

будет полностью приведена нами в начале главы VII, в которой будет рассматриваться бой под Монастырищем.

Переправа частей Сибгруппы через реку Чахезу продолжалась всю ночь с 12-го на 13-ое октября до самого рассвета и была чрезвычайно трудной, а потому и медленна. Имевшийся через реку небольшой мостик обрушился, но был белыми исправлен для движения пехоты. Артиллерия и обозы, несмотря на крутые берега и вязкое дно реки, были переправлены в брод.

В 11 часов 13-го октября отряд Сибирской группы (Томская и Иркутская пешие дружины, рота Красноярской пешей дружины, Сибирская инженерная дружина, 2 орудия Западно-Сибирской артил. дружины, 2 орудия Добровольческой артил. дружины и Штаб группы) всего около 400 штыков 20 сабель и 4 орудия, — прибыли в село Вознесенское, где и расположились на отдых. Людям, измученным непрерывным 4-х-дневным маршем и боем, необходимо было дать хоть коротенький отдых, но Воевода судил иначе.

Отметим, что согласно приказанию Начальника Штаба Земрати, отданного 12-го октября в Никольск-Уссурийском и подписанного Полковником Озолиным, Генерал Смолин должен был оставить для связи при Штабе Поволжской группы офицера с достаточным количеством ординарцев. Самую же связь держать через посты летучей почты от Вознесенского на станцию Ипполитовку.

* * *

Дабы закончить нам эту главу, по описанию действий частей Сибирской группы Генерала Смолина по сдерживанию наступления красных от Спасска на юг к Ляlichem, следует лишь сказать теперь о событиях за 11-ое и 12-ое октября на участке Полковника Мельникова.

Как мы уже знаем из описанного выше, Полковник Мельников направил Генералу Смолину в 4 часа утра 11-го ок-

тября из Вадимовки донесение, кое и было получено Генералом Смолиным в тот-же день.

Прошли целые сутки и в 4 часа утра 12 октября Полковник Мельников направляет Генералу Смолину из Вадимовки следующее свое донесение за № 132. Вот его дословный текст:

«Истекшие сутки, 11-го октября, прошли спокойно. Вечером 11-го октября к сожженному нами мосту через Восточный рукав реки Лефу по дороге из Черниговки подходил разъезд противника (10 — 15 коней). Ввиду имеющихся сведений о нахождении в моем тыловом районе партотрядов, мною в ночь на 12-ое октября высланы в направлении на Новые Девицы и Петровичи разъезды и разведывательные партии. Особо выдвинутое и изолированное мое положение заставляет меня расходовать много сил на ведение дальней разведки, а посему поддержание тесной связи с Лучками для меня будет крайне обременительно, а иногда и не по силам. Прошу категорических указаний Начальнику Конницы, которая будет находиться в Лучках, о поддержании со мною связи. Желательно выдвигание от конницы промежуточного поста и заставы на перекрестке дорог Вадимовка — Лучки и Халкидон — Петровичи».

Прошло еще 17 часов и Полковник Мельников снова доносит Генералу Смолину, но уже не из Вадимовки, а из Благодатного:

«12-ое октября 1922 года 21 час 10 минут
поселок Благодатный

Наштагруппы Сибирской.

Высланный в 4 часа 12-го октября из Вадимовки разъезд с донесением в Халкидон, обнаружил в этом селе красных и вынужден был вернуться обратно. На рассвете 12-го октября на западном берегу Восточного рукава реки Лефу был обнаружен переправившийся противник и замечены усиленные работы по устройству переправ через тот-же рукав. Наша артиллерия с утра начала обстрел места работ и частей противника. Несмотря на это красные продолжали

сосредоточение на западном берегу Восточного рукава с намерением дальнейшего продвижения к Вадимовке. От прибывшего ко мне разъезда Иркутской дружины, следовавшего через Лучки, я получил подтверждение сведений о занятии противником Халкидона и Монастырища и об отходе наших частей в южном направлении и кроме того сообщение о том, что Лучки, вопреки директиве № 3879/оп никакой нашей частью не занято. Вслед за сим моим разъездом было донесено, что из Халкидона на Лучки двигается большая колонна противника, которую наш бронепоезд из района Манзовки обстреливает артиллерийским огнем. Дабы не подвергнуть себя риску полного окружения и отдельного поражения, я решил из Вадимовки отойти на Петровичи, а затем через деревню Новая Бильмановка в поселок Благодатный, откуда искать связи с остальными частями группы. Выступил из Вадимовки в 13 часов и в 19 часов 12-го октября прибыл в поселок Благодатный. Прошу ориентировки и дальнейших указаний. Прилагаю донесение № 132, которое было направлено через Халкидон, но не могло быть доставлено, вследствие занятия противником последнего. № 0136. Полк. Мельников».

Донесение это было получено Ген. Смолиным 13-го октября, когда группа уже была в селе Вознесенском.

6. ПОДГОТОВКА БЕЛЫХ К РЕШИТЕЛЬНОМУ БОЮ

1. Вопрос с пополнением частей Земрати. — 2. Обстановка в Приханкайском и Гродековском районах. — 3. Обстановка в Шкотовском и Тыловом районах. — 4. Поволжская группа в Никольск-Уссурийском. — 5. Положение на участке Сибказ. группы за 9 — 11-ое октября.

В данной главе мы не будем касаться обще-политического положения Приамурского Земского Края, кое достаточно подробно уже обрисовано в книгах ген. Болдырева, Руднева, Ген. Петрова и Парфенова-Алтайского. Мы ограничимся приведением различных документальных данных, кои отсутствуют в работах четырех названных авторов, но кои, на наш взгляд, являются и достаточно характерными для описываемого времени и необходимыми для точного уразумения обстановки.

Нам уже известно, что, в целях успешного проведения борьбы с большевиками, Воевода решил прибегнуть к мобилизации бывших военнослужащих, коими надлежало пополнить малочисленные ряды дружин Земской Рати. Сохранный судьбою приказ по Западно-Сибирскому отряду от 3-го октября 1922 года за № 01011, отданный в селе Черниговке Полковником Аргуновым нельзя как лучше рисует нам тот предел пожеланий Командования Земрати, который оно ставило частям на предстоящую и уже начавшуюся борьбу с красными. Вот текст приказа:

«По получении пополнения в частях отряда иметь:

- 1) офицерские роты,
- 2) конные эскадроны до 50 сабель (в Омской дружине до 100 сабель),
- 3) команды пеших разведчиков до 50 штыков,
- 4) пулеметные команды на 4 пулемета (в Омской дружине — 6 пулеметов) и
- 5) по четыре (4) роты стрелковых (в Омской дружине — 5 рот), рассчитанных на два батальона.

В стрелковой роте иметь 3 взвода, по 2 отделения в каждом. Отделения разбить на 2 звена. В каждом отделении иметь 3 — 5 человек теперешнего состава, а в звене — 2 — 3.

Кадр рот по указанному расчету составить 4-го октября и именные списки на него доставить мне 5-го октября. Особо выдающихся унтер-офицеров теперешнего состава, остающихся без должностей при настоящем развертывании и годных на должности взводных и фельдфебелей в числе не более 18 зачислить в резерв и иметь при офицерских ротах.

Теперь-же приготовиться к быстрому составлению именных списков на прибывающих, при чем должны быть записаны адреса семьи прибывшего и двух его хороших знакомых».

Таковы были задания, а что-же дала действительность?

Ответ на это мы находим в ряде донесений Полковника Попова (Начштаба отряда Восточно-Сибирского) Командующему Сибирской группой.

9-го октября Полковник Попов доносит, что «сего числа от Никольск-Уссурийского воинского начальника прибыло на пополнение отряда 296 ратников, кои от Городской Управы обмундирования не получили. Ранее на образование кадра Красноярской дружины прибыло 24 офицера, 2 чиновника и 25 солдат.

10-го октября Полковник Попов доносит о прибытии от Воинского Начальника 17 ратников. 11-го октября о прибытии только одного ратника.

Надо полагать, что на этом дело формирования и попол-

нения Восточно-Сибирского отряда и закончилось, так как события последующих дней оказались весьма чреватými для белых и вряд-ли кто-либо из призываемых, не явившийся по тем или иным причинам к Военскому начальнику ранее, возымел желание отправиться теперь на пополнение Земрати.

Тут мы можем так-же отметить, что «пополнения» подчас прибывали и туда, где они были совершенно не нужны. Правда, в подавляющем большинстве таких случаев, такие пополнения прикрывались именем «добровольчества».

В уверенности неизбежного получения вызова от воинского начальника, некоторые из подлежащих призыву обращались к знакомым им начальникам воинских частей или учреждений и последние обычно с охотой принимали таких «добровольцев».

В Восточно-Сибирскую артиллерийскую дружину (приданную, как то мы уже знаем из предыдущих глав, Сибказгруппе) добровольцами поступило перед самым походом 3 офицера и 4 или 5 кадет Хабаровского кадет. корпуса. Кадеты были добровольцами без ковычек, так как по своему возрасту они призыву не подлежали. Офицеры-же были, пожалуй, скорее добровольцами в ковычках, чем добровольцами без ковычек. Кадеты и два молодых офицера (один из них — казак, другой из авио-школы и оба к артиллерии никакого причастия не имевших) за время похода все время находились в боевой и действующей части дружины, третий-же офицер (кадровый артиллерист офицер) никакого желания воевать не изъявлял и так-как по чину и стажу он должен был-бы занимать какую-либо должность в дружине, а свободной таковой не имелось, то он к полному своему удовлетворению был оставлен Командиром дружины при базе в Никольск-Уссурийске.

Этой иллюстрацией мы и закончим данный отрывок.

* * *

Оперативная Сводка Генкварземрати к 12 часам 8-го октября за № 1653/оп, подписанная Ген. штаба Полковником Озолиным, дает следующие данные о положении в Приханкайском и Гродековском районах:

«Приханкайский район: Разведывательный эскадрон Омской пешей дружины в 10 часов 4-го октября прибыл из района Дворянка — Барабаш-Левада в Камень-Рыболов. 6-го октября в 14 часов Омская пешая дружина, оставив в Камень-Рыбалове 80 штыков при 10 конных и при 2 пулеметах под командой Полковника Резанова, выступила по маршруту Хорольское — Лички — Халкидон. В 5 часов 7-го октября Омская пешая дружина прибыла в Хорольское и в 10 часов того-же числа выступила на Халкидон.

«Гродековский район: 6-го октября отряд Уссурийской казачьей дружины при подходе к селу Жариково был обстрелян с окраины села партизанами. Вследствие наступившей темноты и невыясненной обстановки, Уссурийцы оттянулись к поселку Богуславскому».

Оперативная Сводка Пограничного полка к 18 часам 8-го октября, подписанная Временно исполняющим должность Начальника Штаба этого полка Подполковником Скрынниковым, дает необходимые дополнения к вышеприведенной Сводке Полк. Озолина. Вместе с тем, она предлагает вниманию и дальнейшие события. Ее текст таков:

«По сведениям жителей в ночь с 6-го на 7-ое октября окопы села Жарикова занимались 35 конными партизанами (красными), на окраине деревни пешие — 40 корейцев и китайцев. К последним крестьяне относятся враждебно. В 9 часов 7-го октября оба отряда отошли: конные русские на деревню Рубиновку, а корейцы на заимки Жарикова. В 4 часа 8-го октября из Бугуславки выступил отряд Есаула Коренева (3 конных, 35 пеших) для занятия Жарикова. На усиление отряда выслано из Бугуславки 13 человек Погранполка, которые возвратятся по выполнении задачи. В Богуславке оставлен отряд самообороны. Высланный разъезд от Уссурийской дружины (2 офицера и 23 солдата) в Софье-

Алексеевском красных не обнаружил. Разъезд вернулся в Гродеково 8-го октября в 14 часов».

Следующая Оперативная Сводка Погранполка, подписанная Начальником Штаба «Приамурского Пограничного полка» Полковником Калаушином, гласит:

«8-го октября в 19 часов из Гродеково был выслан отряд самообороны (разъезд) для освещения района Гродеково-Богуславский: партизан он не обнаружил. По сведениям жителей в Духовском партизан нет. На участке железной дороги спокойно».

Оперативная сводка того-же Погранполка из Гродеково к 9 часам 30 минутам 10-го октября, подписанная Полковником Калаушиным, гласит:

«Железно-дорожный участок: В 00 часов 25 минут 10-го октября на 94 версте товарный поезд потерпел крушение по техническим причинам. Движение прекращено. Подробности выясняются. Ночью из Липовцев был обстрелян эшелон ружейным огнем. Выслана разведка при содействии бронепоезда № 4.

”Приханкайский район: 9-го октября разведка, высланная из Жариково по дороге Рубиновка — Новоселище и Лукашевка возвратилась, не обнаружив противника”.

Оперативная сводка к 18 часам 10-го октября того-же Погранполка сообщает: «Разведка, высланная утром Пограндружиной в Липовцы противника не обнаружила. По сведениям жителей в ночь на 10-ое октября в Липовцах были партизаны. Численность их неизвестна. На 94 версте путь будет исправлен предположительно к 12 часам 11-го октября».

Оперативной сводки штаба Погранполка от 11-го октября судьба не сохранила, сводка-же к 18 часам 12-го октября, из Гродекова, сообщает:

«Разъезд, высланный из Жариково по дорогам Богуславка — Рубиновка, противника не обнаружил. Разъезд по дороге на Лукашевку встретил 3 конных партизан, которые вернулись и скрылись в Лукашевке. По сведениям жителей

на заимках в районе бродит небольшой отряд красных, не более 15 человек. Камень-Рыболов оставлен нашими частями 9-го октября и в ночь с 9-го на 10-ое занят двумя партиотрядами, первый под командой тов. Львова, а второй — неизвестно. По словам крестьян общая численность красных от 80 до 100 человек, большинство конных. Разъезд, высланный на Новоселище, красных не обнаружил. Выслана агентурная разведка на Камень-Рыболов».

Короткая пометка в бумагах Ген. Смолина свидетельствует, что 12-го и 13-го октября в распоряжении Погранполка было спокойно. На этом мы сейчас и закончим, так-как события дальнейших дней являются темой последующих глав.

* * *

Почти за все время «Последнего Приморского похода» Шкотовский район был весьма и весьма пассивен. В большинстве оперативных сводок Генкварземрати о Шкотовском районе писалось: «без перемен» или «спокойно». С середины августа месяца он занимался частями Дальне-Восточной казачьей группы Генерал-лейтенанта Глебова, лежащий-же от него на восток Сучанский район был вовсе оставлен белыми частями и лишь побережье наблюдалось с моря Сибирской флотилией. Решив подтянуть на главный участок фронта группу Генерала Глебова, Генерал Дитерихс отдал 8-го октября в городе Никольск-Уссурийском Приказ Правителя Земского Края и Воеводы Земской Рати № 53/а, скрепленный подписью Начальника Штаба, Генерала Петрова, такого содержания:

«1. Во изменение пункта 7-го Указа моего от 23-го августа за № 22, приказываю Тыловой район распространить на север до линии истока реки Шуфай-Мельдуга (включительно) — Надеждинская (исключительно) — Кневичи — Кролевец — Ново-Хатунчи — Московская — Серебрянная и далее прибрежная полоса до линии Хребта Сихота Алин.

2. Резерв городской милиции (Уральский и Егерский полки) и остающиеся в указанном районе части Дальневосточной казгруппы (Амурская и Иркутская каз. дружины) — подчинить в оперативном отношении Начальнику Тылового района Контр-Адмиралу Старк.

3. Подчинение названных частей Контр-Адмиралу Старк и новые границы тылового района входят в силу с момента смены в Шкотовском районе частями резерва милиции — частей Дальневосточной казачьей группы».

Смена частей состоялась. Уральцы и Егеря заменили Забайкальских казаков.

* * *

Как мы уже знаем из главы IV — Поволжская группа Генерала Молчанова была снята с фронта утром 9-го октября, дабы быть отведенной в тыл для отдыха и пополнения. Выписка из дневника Командира Прикамского полка (отряда) Полковника Ефимова дает следующую картину этого «отдыха и пополнения»:

«10-ое октября. Прибыли в Никольск. Обещают нам отдых 2 — 3 дня, посмотрим».

«11-ое октября. Заставил юнкеров (Корниловского Военного Училища на Русском Острове, кои были приданы Воткинской пешей дружине) пристрелять винтовки. Они учились всему, кроме стрельбы».

«12-ое октября. Ночью погрузились и прибыли в Ипполитовку...»

О пополнении частей нет и полуслова, надо полагать, что таковое и не прибывало в части Генерала Молчанова. Для чего-же Штаб Земрати произвел эту прокатку утомленных людей? Для производства известного впечатления на горожан Никольска, а через них на партизан? Надо полагать только для этого.

Основываясь на данных Сводки Генквар. Штаба Воеводы к 12 часам 12-го октября, мы можем дать следующие сведе-

ния о переброске войск на фронт на ст. Ипполитовку в целях дачи врагу генерального боя:

11-го октября в 18 часов через Никольск на ст. Ипполитовку проследовали 1-ая Забайкальская казачья дружина и Отдельная Пластунская Забайкальская казачья дружина.

В 20 часов того-же дня через тот-же пункт и туда-же проследовала 1-ая Пластунская дружина (Полковника Буйвида).

12-го октября в 0 часов 30 минут проследовала Атаманская конная дружина.

Наконец, в 14 часов того-же дня проследовал Штаб Дальневосточной группы и Артиллерийская дружина.

Между двумя этими последними эшалонами, утром 12-го октября из Никольска на ст. Ипполитовку выбыли: Прикамский полк (Полковник Ефимов), Поволжская артиллерийская дружина (Полковник Бек-Мамедов), Камская и Анненковская дружины и отряд Генерал-лейтенанта Савельева (отряд Ген. Савельева был чрезвычайно мал).

В 13 часов этого-же числа Генерал Молчанов со Штабом Поволжской группы перешел из Никольск-Уссурийского на ст. Ипполитовка.

Еще перед погрузкой своих частей в эшалоны на ст. Никольск-Уссур. Генерал Молчанов отдал приказ № 204/оп в 20 часов 11-го октября такого содержания:

«Генерал-майору Сахарову, Полковнику Ефимову, Полковнику Бек-Мамедову, Полк. Иларьеву, Генерал-лейтенанту Савельеву, Генерал-майору Хрущеву. Копии: Ген. квармземрати, Генерал-майору Смолину и Генерал-майору Бородину.

Воевода решил дать решительный бой на фронте Ивановка — Вознесенское и перейти в наступление. В Вознесенское отойдут части Генерала Смолина, в Ивановке — части Генерала Бородина, в Кремово — резерв Воеводы --- сосредотачиваются части Генерала Глебова. Приказываю:

1. Генералу Сахарову с рассветом 12-го перейти в Ляличи, немедленно приступить к укреплению высоты 129 и вле-

во до реки Лямохэ, имея конницу в Ображеевке. По Подходе Волжской и Прикамской конных дружин, взять их в свое подчинение и расположить в Ляличах на отдых. Собрать подводы для своих частей.

2. Камской дружине, Анненковской дружине и Генералу Савельеву погрузиться к 2 часам в эшалон и отбыть на ст. Ипполитовку, где, разгрузившись, Камской дружине немедленно присоединиться к Генералу Сахарову. Начальником эшалона назначаю Генерала Ястребцева, коему вступить в командование частью Генерала Савельева и Анненковской дружиной. По выгрузке немедленно выступить и приступить к укреплению высот от дороги Ляличи — Лямохэ, имея в виду, что придется упорно оборонять высоты этими частями. В эшалон погрузиться 25 подводам, из них 10 — Камской дружине.

3. Полковнику Ефимову с Прикамским полком и Поволжской артиллерийской дружиной перейти тремя эшалонами на ст. Ипполитовка и немедленно приступить к укреплению высоты 68 и до стыка с Генералом Ястребцевым. Иметь в виду, что на позиции будет только Пермская дружина по железной дороге, остальные с началом наступления красных перейдут в решительную контр-атаку. Погрузка должна быть в 2, 4, и 6 часов 12-го октября. В эшалоны погрузить 75 обывательских подвод.

4. Я выйду на ст. Ипполитовка вслед за последним эшалоном.

5. Полковнику Бек-Мамедову подготовить артиллерийскую летучку с эшалоном Штаба группы.

6. Врачу группы организовать санитарную летучку и выехать вместе со Штабом группы.

7. Благочинному группы быть при санитарной летучке.

8. Интенданту группы организовать питание войск продуктами на Ипполитовке.

9. Генералу Хрущеву с Московской и Петроградской конными дружинами отойти на отдых в Никольск».

В виду переброски частей Генерала Молчанова из Никольск-Уссурийского, последний оставался почти-что совершенно без охраны. Действительно там по словам Начальника Штаба Восточно-Сибирского отряда Ген. Штаба Полковника Попова имелись лишь 1) отряд местной милиции, 2) формируемая Полковником Богословским Красноярская пешая дружина и 3) «отряд» Гиацинтова (контр-разведка). Поэтому уже 12-го октября Генерал Смолин приказал Командиру Пограничного полка Полковнику Яременко спешно собрать 125-150 человек пограничников и перебросить их на ст. Никольск, где и составить гарнизон. В ответ на это приказание, Полковник Калаушин в 13 часов 05 минут 12-го октября из Гродеково донес Генералу Смолину, что «с 6 часов 12-го производится с помощью бронепоезда разрежение охраны железной дороги с целью вывести резерв в Никольск-Уссурийский. Крайне необходимы 50 винтовок и патроны», — добавляет Начальник Штаба Погран. полка в заключение.

Полковник Попов (Начштаба Восточно-Сибирского отряда) рассказывает, что Ген. Молчанов, перед своим отъездом на фронт в Ипполитовку, рекомендовал ему держать наготове подводы и подготавливать переправу через реку Суйфун и ежедневно сноситься с ним по прямому проводу. — «Меньше всего обращайтесь на указания Штаба Земрати», так по словам Полковника Попова, закончил с ним свою беседу Генерал Молчанов. Далее Полковник Попов рассказал, как в ночь, после отъезда частей Генерала Молчанова на фронт, в городе поднялась стрельба. Гиацинтов разбудил Попов. Последний вскочил. «Что такое?» Докладывают, что подошел красный разъезд, спешился и залег. Штаб Попова и отряд Гиацинтова — всего человек 20. Стрелки лежат и ведут огонь. Гиацинтов решил пойти в обход, а Попов остался прикрывать помещение штаба. Прошло немного времени — вдруг смех. В чем дело? Оказывается на деле был только табун лошадей, который шархнулся в сторону при «обходе» его людьми Гиацинтова.

Партизан-же никаких и не было. Затем прибыл Генерал Хрущев и на сердце стало как-то спокойнее... Штаб-же Зем. Рати все утешает, что мол «все хорошо»...

* * *

И так, как то было уже описано в главе III, доблестный гарнизон Ивановки 8-го октября в третий раз с успехом отстоял эту важную для белых точку. Отстояли в третий раз, но отстоят-ли в четвертый? Между тем удержание Ивановки в своих руках должно было сыграть немалую роль в будущем генеральном бою, к которому готовил свою Земрать Воевода. В результате Ивановка привлекла к себе внимание Штаба Земрати и явилась темой разговоров и переговоров Никольска (Штаб Земрати) с Ипполитовкой (Штаб Сибказгруппы) и Черниговкой (Штаб Сибгруппы). В бумагах Генерала Смолина имеется документ: Полковник Рыбаков (Штаб Земрати) запрашивает Полковника Наркевича (Оберквар. Сибгруппы) о том, что «не думает ли Ком. группы усилить гарнизон Ивановки хотя-бы небольшой частью, так как Воевода считает это сейчас необходимым, ввиду понесенных гарнизоном потерь и для придания еще большей уверенности доблестным частям Ивановского гарнизона». Этот запрос последовал 9-го октября в 15 часов 30 минут. Текст этого запроса несколько странен, ибо Ивановский гарнизон состоял в подчинении не Ген. Смолина (Сибгруппа), а Ген. Бородина (Сибказгруппа) от которого и зависело усиление этого гарнизона. Возможно, конечно, что Полк. Рыбаков по ошибке обратился к Черниговке, но в таком случае возникает не совсем приятный для штаба Земрати вопрос о тех порядках, которые существовали в его работе, так-как о чем — о чем, а уж о том, в чьем подчинении состоит гарнизон Ивановки Полковник Рыбаков 8-го октября и после него, казалось-бы, должен был-бы знать. Впрочем возможно и такое положение: В районе расположения и действий Сибгруппы имелись так-же части Сиб-

казгруппы, временно подчиненные Штабу первой. Именно -- Черниговская мукомольня и деревня Лунза занимались 2-ой сотней Оренбургской пешей дружины. Части Полковника Аргунова вели бой у Дмитровки и Штаб Земрати (Полковник Рыбаков) решил осторожно выяснить с Ген. Смолиным вопрос об оттяжке вышеупомянутой сотни Оренказ. пешей дружины. Но в этом случае что-то уж не вяжется такое «деликатничание» по поводу одной сотни Оренб. казаков с безоговорочным приказом того-же Штаба Генералу Смолину об отобрании у последнего разом всей его конницы (4 конных дружины Ген. Хрущева), о чем речь уже была впереди в главе IV. Так или иначе, но между Исполитовкой и Черниговкой возникли переговоры по поводу возвращения к частям Сибказгруппы означенной 2-ой сотни. В 18 часов 50 минут того-же 9-го октября Полковник Кононов (Начальник Штаба Сибказгруппы) запросил Штаб Сибирской группы об отозвании Оренбургских казачьих частей, взятых на охрану дороги Лунза — Меркушевка — Монастырище, для присоединения к своему полку. Взамен, с Исполитовки в распоряжение Комгруппы Сибирской (стрелковой) отправлялась Красноярская дружина (точнее имевшаяся там рота Полковника Ктиторова). На следующий день, т. е. 10-го октября Оберкваргруппы Сибирской — Полковник Наркевич отдал приказание Командиру охраны Черниговской мукомольни (Сотня Оренб. казаков) сдать Коменданту Штаба группы для передачи по принадлежности захваченных казаками лошадей, принадлежащих милиции, а по сдаче, отправиться в распоряжение Комгруппы Сиб. казачьей. (Как было уже выше отмечено от этой-же 2-ой сотни 9-го октября были выставлены посты и заставы у деревни Лунза).

Между прочим, говоря о работе и перебоях в ней Штабов различных частей Зем. Рати, мы можем упомянуть просьбу Начальника Штаба Западно-Сибирского отряда, Полковника Волкова от 10-го октября «ввиду продолжающегося поступления телеграмм, зашифрованных шифром

«Приморье», о высылке ему этого шифра из Штаба группы. В ответ Полковник Наркевич сообщил, что «шифр один, очень сложный и выслать его нет возможности». Невольно возникает вопрос, а что-же должен был делать Полковник Волков с вновь поступающими телеграммами, зашифрованными кодом «Приморье»?

Обстановка на участке Сибказгруппы 10-го октября, на основании дополнения к Оперативной Сводке Сибказгруппы от 17 часов 35 минут того-же дня, рисуется так: «В 1 час 30 минут 10-го октября сотня Оренбургской пешей дружины прибыла эшаломом со ст. Манзовка на ст. Ипполитовку и в 4 часа 20 мин. отправилась в Ивановку.

«Части группы расквартированы:

1. Штаб группы ..... на ст. Ипполитовка.
2. Уральская казачья дружина.. на охране участка ж. д. у ст. Ипполитовка.
3. 1-ая сотня Оренб. пешей дружины ..... на пути к Ивановке.
4. Сибирская артиллер. дружина гарнизон дер. Лефинки.
Оренбургско-Уральская артил. дружина ..... гарнизон дер. Лефинки.
5. Сибирская казачья дружина .. гарнизон села Ивановки.
Енисейская казачья дружина гарнизон села Ивановки.
Восточно - Сибирская артил. дружина ..... гарнизон села Ивановки.
6. 2-ой дивизион Оренб. каз. конного полка ..... гарнизон Ляличей.
7. Штаб Оренб. каз. конного полка ..... гарнизон села Монастырище.
1-ый дивизион Оренб. каз. конного полка ..... гарнизон села Монастырище.
8. 2-ая сотня Оренбург. пешей дружины ..... на охране Черниговской мукомольни и моста на 156 версте».

(Означенное Дополнение к Опер. сводке подписано Оберкваром Сибказгруппы Подполковником Ген. Штаба Смирновым).

Как видно из только-что приведенной схемы расположения частей, они занимали оборонительное положение, представляя противнику почин. Последний (партизаны) этим положением вещей не стал пренебрегать и 11-го октября, как о том мы уже знаем из главы IV, ударил по Монастырищу, занятому Оренбургскими казаками. Правда, последние артиллерии при себе не имели, но тем не менее не выказали доблести, равной Ивановскому гарнизону. Они оставили опорный пункт в Монастырище и отошли от него. Вследствие этого группа Генерала Смолина оказалась в щекотливом положении, из которого она все-же благополучно вышла. Оперативная сводка Генкварма Штаба Воеводы к 12 часам 12-го октября кратко сообщает о занятии Монастырища в 5 часов частями Оренбургской казачьей дружины и Уральской каз. дружины при поддержке бронепоезда и об отходе противника на Ображеевку. (Генерал Смолин дает другой час занятия Монастырища белыми частями). Отметим тут, что злые языки в Ивановском гарнизоне по поводу оставления Оренбургскими казаками Монастырища говорили, что «они труса праздновали не столько из-за партизан, сколько из-за стада коров, принятого ими за противника».

У гарнизона Ивановки в эти дни все было более или менее спокойно, но нервы были страшно напряжены, так-как гарнизон ежечасно поджидал «гостей» из Ширяевки. Особенно напряженным было положение по ночам, когда большая часть гарнизона разгонялась по постам, а свободные от нарядов больше дремали, чем спали. Несколько раз шорох кустов принимался утомленными и напряженными постовыми за шорох людей — противника, тогда немедленно поднимались тревоги, защитники Ивановки бесшумно разбегались по своим местам и лежали до тех пор, пока ошибка не выяснялась. На это уходили часы, а один раз так и про-

лежали в белесоватом тумане до самого рассвета. В такой обстановке для Ивановского гарнизона прошли все дни с 9-го по 14-ое октября. С жадностью прислушивались люди к поступающим новостям. Со вздохом облегчения и удовлетворения были встречены Оренбургцы — пластуны: «Слава Богу, пришло подкрепление, нас не забыли; теперь, — если придут красные, будет все-же легче». 11-го октября в 22 часа застава у села Ивановки была обстрелена красными неизвестной численности. Но на этом активность красных и закончилась, а с рассветом 12-го Енисейцы и Сибирцы с одним орудием Восточно-Сибирской артил. дружины произвели усиленную разведку в районе Ширяевка — Лубянка, обстреляв из орудия корейский партотряд, находившийся в Ширяевке. В этот день Ивановку облетела весть, что Оренбургская конная дружина (Генерал Зуев) при поддержке частей Приволжского стрелкового полка (Генерал Сахаров) ведет наступление и выбивает красных из Ображеевки. Вслед затем пришло сообщение о прибытии на ст. Ипполитовку Прикамского стрелкового полка (Полковник Ефимов) и Дальневосточной казачьей рати (Генерал Глебов), оно еще больше подняло настроение. Почти весь этот день белесоватая мгла густой пеленой обволакивала Ивановку, густые молочные волны бежали по земле, делая невидимыми все предметы на расстоянии каких-нибудь 60 — 100 шагов, исключение составляли лишь макушки высоких деревьев, но все, окружающие Ивановку сопки, исчезли в молочном тумане, сквозь который с высокого неба бросало свои лучи мутное солнце, а весь воздух был наполнен музыкой близкого боя: свистом пуль, стрекотанием пулеметов, треском орудийных выстрелов, взрывов гранат и разрывов шрапнелей. «Что сулит завтрашний день?» — такой вопрос не покидал защитников Ивановки.

Прибытие частей Поволжской и Дальневосточной групп (ратей) на участок Сибказ рати, естественно, привел к перегруппировке частей последней. Оперативная сводка Обер-

квара Сибказачьей к 20 часам 12-го октября за № 02200/оп дает следующую картину:

«В 15 часов 30 минут 12-го октября Штаб группы (Сибказачьей) и Оренбургско-уральская артил. дружина выступили со ст. Исполитовка и в 17 часов 30 минут того же дня прибыли в село *Осиновка*.

Штаб Оренбургской казачьей дружины, сотня Оренбургской пешей дружины, Уральская казачья сотня и Сибирская артил. дружина (1-орудие — Подполк. Яковлев) — к 20 часам того-же дня походным порядком прибыли в село *Осиновка*.

Разъезд Оренбургско-уральской артил. дружины, высланный из Кремово, в район Даниловки, противника в ней не обнаружил. Парт. отряд Демина (до 100 чел.) в 13 часов 12-го октября ушел из Даниловки на Петруши».

К этим данным добавим, что село Ивановка продолжало заниматься гарнизоном старого состава и 1-ой сотней Оренбургской пешей дружины, прибывшей сюда 10-го октября. Лефинка так-же занималась частями Оренб. казачьего полка.

7. БОЛЬШОЙ БОИ ПОД МОНАСТЫРИЩЕМ И ХАЛКИДОНОМ 13-ГО И 14-ГО ОКТЯБРЯ

1. План Воеводы. — 2. Движение частей Генералов Молчанова и Глебова на исходные позиции. — 3. Атака Монастырища частями Поволжской и Дальневосточной групп 13-го октября. — 4. Сибирская группа (Ген. Смолин) в Вознесенском. — 5. Весть от Полк. Мельникова. — 6. Приключения отряда Полковника Севостьянова. — 7. Положение на участке Генерала Молчанова в ночь с 13-го на 14-ое. — 8. Распоряжения Белого Командования на утро 14-го октября. — 9. Занятие с боем села Лучки отрядом Полк. Мельникова и переход в наступление Сибирской группы (Ген. Смолин). — 10. Катастрофа под Монастырищем. — 11. Отход с боем частей Полковника Аргунова. — 12. Разгром отряда Полковника Мельникова. — 13. Положение под Ивановкой. — 14. Приказ Воеводы о выводе войск из боя.

В 15 часов 40 минут 12-го октября Воевода Земской Рати, Ген.-лейт. Дитерихс отдал в Никольск-Уссурийском приказ № 1693/оп, скрепленный подписью Начальника Штаба, Ген. Штаба Генерал-майора Петрова и направленный по назначению вне всякой очереди. Этот приказ был о переходе Земрати в наступление. Его полный текст таков:

«Командующим группам: Поволжской, Сибирской, Сибирской казачьей и Дальневосточно-казачьей.

Противник главными силами сегодня днем занял Халкидон и Монастырище. Небольшая его часть появилась южнее, в районе Ображеевка — Ляличи. Приказываю: 13-го

октября с утра перейти к решительным, активным действиям и разбить наступающего противника, стремясь обойти его со стороны Ображеевки и Вознесенки.

1. Генералу Молчанову с Поволжской группой и броневиками перейти в наступление из района высот, что южнее Ляличей и вдоль железной дороги в общем направлении на Монастырище. Дальневосточная казачья группа в районе Кремово поступит в подчинение Генерала Молчанова, но с непременным условием использовать ее для активных задач.

2. Генералу Бородину, прочно удерживая по прежнему Ивановку, выделить возможно большую часть сил для энергичного наступления в район Ображеевки — Снегуровки, в направлении на Монастырище.

3. Генералу Смолину действовать активно в направлении на Халкидон или южнее по обстоятельствам. Принять все меры для обеспечения прочной связи с Генералом Молчановым. Часть сил, оставленных в районе Вадимовка — Лучки, использовать для активной разведки и действий на тыл противника.

4. Объединение действий по времени в районе железной дороги и к востоку от нее возлагаю на Генерала Молчанова.

5. По получении сего донести.

6. Активность и решительность до предела».

Генерал Смолин эту директиву получил в 18 часов 40 минут 12-го октября. Приблизительно в это-же время директива эта была получена и остальными тремя Комгруппами.

В 24 часа 12 октября Комгруппы Поволжской, Генерал Молчанов отдал из Исполитовки следующий приказ:

«Генерал-лейтенанту Глебову, Генерал-майору Схарову, Генерал-майору Ястребцеву Полковнику Ефимову, Полковнику Ростовцеву, Полковнику Бек-Мамедову, Полковнику Беянушкину, Войсковому старшине Ширяеву. Копии: Генквармземрати, Генерал-майору Смолину, Генерал-майору Бородину.

Воевода приказал 13-го с утра перейти в решительное наступление всем частям Рати. Вверенной мне группе и под-

чиненной Дальневосточной казачьей группе — по железной дороге и по дороге из Ляличей в общем направлении на Монастырище. Сибирская казачья группа, удерживая Ивановку, на Ображеевку, Снегуровку — Монастырище, Генералу Смолину — на Халкидон или по обстановке южнее.

Приказываю: 1. Генерал-майору Сахарову с Приволжским полком, без Волжской пешей дружины, немедленно по получении приказа занять Ляличи и высоту 121, что севернее от Ляличей у переправы и не допускать противника с севера до подхода главных сил. Затем, занимая тоже положение, составить мой резерв. Волжскую пешую дружину отвести на ст. Ипполитовку в мой резерв.

2. Генерал-лейтенанту Глебову с частями группы выступить в 5 часов через Ляличи, пройти в расположение Генерал-майора Сахарова, как можно скорее и к 10 часам занять высоты, что вправо от дороги и к югу от Монастырища, произвести разведку и в 11 часов перейти в решительное наступление на юго-восточную часть Монастырища.

3. Полковнику Ефимову с Прикамским полком и Поволжской артиллерийской дружиной выступить вслед за Генерал-лейтенантом Глебовым и занять высоты влево от дороги на Монастырище и в 11 часов перейти в решительное наступление на юго-западную часть Монастырища.

4. Генерал-майору Ястребцеву с подчиненными частями немедленно занять высоту 106 у железной дороги и к 11 часам быть у буквы «М» надписи «Заимки», откуда при поддержке броневика перейти в решительное наступление и занять разъезд Манзовка.

5. По занятии Монастырища, Генерал-лейтенанту Глебову конницей осветить район Светлояровки — Ильинские хутора и немедленно укрепиться на северной конечности до дороги на Халкидон включительно; Полковнику Ефимову конницей разведывать Халкидон и укрепить позиции по железной дороге у реки Монастырка.

6. Я буду следовать с частями Полковника Ефимова.

7. Наступать энергично, умело используя конницу по отступающему противнику.

8. Летучки будут продвигаться по железной дороге с расчетом к 11 часам быть у будки, что севернее заимки Скрипка.

9. Неудача не допускаю и отхода быть не может.

10. Генерал-майору Сахарову огнем батареи оказать содействие частям Генерал-майора Бородина по овладению Ображеевкой.

11. Бронепоезду № 2 к 6 часам поступить в распоряжение Генерала Сахарова; № 3 к 7 часам утра прибыть на ст. Ипполитовку и поступить в распоряжение Полк. Беянушкина.

12. Обозы брать с собою только боевые.

13. По получении — донести.

Примечание: Дабы ускорить занятие высоты 106, сменив в ней Иркутскую пеш. дружину Сибирской группы, высылается предварительно на броневике Иманская конная дружина, которой по прибытии Генерал-майора Ястребцева на высоту, поступить в его распоряжение. Иманская дружина высылается теперь-же».

Это примечание к приказу подписано Начальником Штаба Поволжской группы Ген. Штаба полковником Савчуком.

* * *

Выдвижение частей Поволжской и Дальневосточной казачьей групп к исходным позициям и атака Монастырища ими рисуется согласно дневника Полковника Ефимова (Командир Прикамского полка) в следующем виде:

«12-го октября. Ночью погрузились и прибыли на ст. Ипполитовку. Осмотрел позиции. Смолин не свернул на Халкидон — Вознесенское и сейчас-у моста через реку Лефу» (Примечание. Из этой записи Полковника Ефимова видно, что в

его представлении Генерал Смолин со своей группой должен был отойти от Халкидона на Лучки и далее на Воскресенку, а вовсе не выходить через Монастырище и Ляличи к Ипполитовке. Как то мы знаем из главы V, Генерал Смолин именно так и хотел отойти (через Лучки), но в этом ему категорически воспрепятствовал Штаб Земской Рати. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, сыграло весьма важную и даже решающую роль в складывании обстановки на левом участке расположения сил Земрати в бою 13-го и 14-го октября).

«13-ое октября. Перешли в наступление на Монастырище. Ему (Генералу Глебову?) задача наступать правее дороги, мне — между дорогой и жел. дорогой. По дороге обогнал колонну Глебова, он сделал для чего-то остановку. Народу у него много, но есть и шваль — дезертиры из других частей. Ижевцы заметили в рядах Поручика Лукьянова, удравшего из полка, чтобы не участвовать в походах. Не постеснялись и подшучивали на тему "не удалось словчить от боя".

Первых разведчиков оттеснили. Прошли сопки, покрытые лесом и очутились на равнине. Мне наступать по голому месту. У Глебова лучше, еще версты на полторы — две тянутся укрытые подступы по кустам. Продвинулись версты на полторы вперед, когда у Глебова закипел бой. Его наступление отбито, части бежали перед незначительными силами красных. Наблюдал сбоку интересные эпизоды, как красные пробирались по окраинам кустов. Я с ординарцами обстрелял их, они скрылись в кустах.

Прибыл связной от Глебова, сообщил о больших потерях. Буйвид убит, много раненых осталось на месте. (Полковник Буйвид, молодой, но доблестный Командир Пластун был не убит, но смертельно ранен). Опасался, что красные, преследуя Глебова, дойдут до нашей артиллерии, которая имеет позиции у выхода дороги из сопки. Правда — около артиллерии находится мой резерв — Добровольцы (Пермская пешая дружина). Хотел ударить красным, наступающим на Глебова во фланг, но местность открытая и нас

еще разделяет болотистый ручей. Послал разведку местности и решил ждать сведений, что делается у Глебова.

Когда у Глебова успокоилось, уже к вечеру, перешли вновь в наступление. Прошли недалеко, впереди никаких укрытий, справа висят красные.

Станцию Манзовку утром занял отряд Ястребцева (Анненковцы и партизаны) с броневиком, красные оттуда бежали, как только появился наш бронепоезд.

Мои цепи на уровне отряда Ястребцева: Ижевцы — левее, Воткинцы — правее. Наступление прекратилось с темнотой».

К этому повествованию, на основании показаний ряда участников боя — младших офицеров различных частей, можно добавить следующее: «Когда наступил день 13-го октября, то густая белесоватая мгла застилала землю и продержалась почти-что весь день, как то часто бывает осенью в Приморье. Саженьях в ста с трудом можно было рассмотреть контуры деревьев и домов. Связь становилась затруднительной: Общая картина исчезала, каждый боец видел только свой маленький участок. Что делается на другом участке — никто не знал. Такая обстановка, вобщем, сыграла в руку красным: красноармейцы не видели широкого охвата их расположения белыми, а потому оказались склонными к большому упорству в обороне вверенных им участков фронта; вместе с тем стремительность белой атаки уменьшилась, так-как каждая белая часть инстинктивно опасалась "слишком зарваться вперед". При разворачивании частей Поволжской рати произошли какие то задержки. Скученные на шоссе — артиллерия и обозы понесли в самом начале боя потери. В дальнейшем положение исправилось...»

* * *

В предпоследнем отрывке главы V мы обрисовали уже в общих чертах картину перехода частей Сибирской группы (Генерал Смолин) от ст. Ипполитовка в село Вознесенское.

Этот переход явился последней фазой планомерного отхода с боями Сибирской (стрелковой) группы из района Прохоры — Дмитровка и вместе с тем первой фазой участия названной группы в наступательном бою белых 13-го и 14-го октября. Поэтому несколькими штрихами мы дополним данную уже нами картину, которая вместе с тем является отправным местом дальнейшего нашего изложения.

В 2 часа 13-го октября с будки 154 версты Начальник Штаба Сиб. группы отправил Наштагруппы Поволжской следующую ориентировку:

«Части Сибгруппы расположены:

1. Омская дружина при 2 орудиях в дер. Вадимовка. Сведений от нее не имеем два дня.

2. Конная разведка Иркутской пешей дружины с 1 пулеметом вчера была выслана для обороны переправы Халкидон — Лучки. Сведений от нее по отбытию не поступало.

3. Томская пешая дружина, Иркутская пешая дружина (без конной разведки), рота Красноярской пешей дружины — всего около 400 человек пехоты при 4 орудиях и при 20 конных должны к утру 13-го октября сосредоточиться в селе Вознесенском, откуда, одновременно с общим наступлением, будут вести наступление на Халкидон. Время наступления согласно с Вами».

В 2 часа 10 минут 13-го числа с будки 154 версты Полковник Бодров отправил Полковнику Ктиторову следующее приказание за № 3888/оп:

«Вам с дружиной следовать в село Вознесенское. Дорога идет от будки, что на 154 версте к западу, через реку Лючихеза, по ней будем двигаться — вся группа. Следы разберете».

В 11 часов 15 минут 13-го октября Полковник Бодров за № 3889/оп отправил из Вознесенского Генквару Земрати, с копией Наштагруппы Поволжской, депешу следующего содержания:

«Отряд Сибирской группы (Томская и Иркутская пешие дружины, Западно-Сиб. артиллерийская дружина, Сибир-

ская артиллер. дружина, рота Красноярской пешей дружины) 13-го октября в 11 часов прибыли в Вознесенское, выступив с ночлега в 3 часа. Задержка в движении была вызвана очень трудной переправой через реку Лефу, которая продолжалась более трех часов.

Противника в Вознесенском не оказалось и не было. По сведениям жителей красные невыясненной численности занимают Халкидон.

На Халкидон и Лучки выслана разведка. По выяснении места нахождения противника, отряд будет двинут на Халкидон.

Большим препятствием на пути движения отряда является река Лефу — болотистая и трудно проходимая в брод, в особенности к западу от Халкидона, где уничтожены мосты.

Прошу сообщить обстановку».

В 13 часов 13-го октября Командующий группой (Генерал Смолин) приказал «не позднее 15 часов выслать разведку на Лучки и Манзовку», как о том свидетельствует записка Полковника Бодрова на имя Полковника Аргунова. В своем докладе Воеводе, Генерал Смолин указывает, что разведка была выслана так-же и на Халкидон.

Для связи со Штабом Поволжской группы на ст. Ипполитовка был оставлен Есаул Худяков с конными, а по прибытии отряда в Вознесенское, — из Штаба Сиб. группы был командирован на Ипполитовку для связи, а так-же и с донесением, Подполковник Патрик. Отметим, что на поддержание связи со Штабом Поволжской группы Генерал Смолин обратил особое внимание. От заимки Барсукова (что в 6 верстах к северу от ст. Ипполитовка) был проведен телефон. До заимки Барсукова связь поддерживалась двумя мотоциклетами и конными. Кроме того из Никольска-Уссурийского на Григорьевское была выслана рота ратников для проведения телеграфной линии из Григорьевского на Вознесенское.

В 17 часов 13-го Подполковник Патрик с разъездом благополучно прибыл на ст. Ипполитовку, но Начальника Шта-

ба Поволжской группы там не застал и потому с пакетом отправился на разъезд Манзовка. В момент своего прибытия на ст. Ипполитовку, Подполк. Патрик не мог разыскать Есаула Худякова, а потому обратное донесение в Штаб Сибгруппы он направил с Прапорщиком Катциным, ездившим с ним. В своей записке Подпол. Патрик кратко добавляет, что «по сведениям Штаба Поволжской группы бой был сегодня у Манзовки и последняя занята нами».

* * *

В 17 часов 13-го октября Генерал Смолин из Вознесенского отправил Полковнику Мельникову (с копиями Полк. Аргунову и Смольянинову) приказ следующего содержания за № 3895/оп:

«Под давлением противника части группы отошли 12-го за реку Лефу к переправе, что северо-западнее Ляличей. Сегодня с рассветом Поволжская и Дальневосточная казачья рати, усиленные частями Генерала Бородина, а также пополненные, перешли по железной дороге и к востоку от нее в решительное наступление на Монастырище. В 12 часов 40 минут сегодня бой шел на линии разъезд Манзовка — южная окраина села Монастырища.

Вверенной мне группе приказано, оставаясь ранее выдвинутыми частями в дер. Вадимовка и Лучки, остальными силами занять с. Вознесенское, откуда содействовать давлением на Халкидон или южнее, наступлению Генерала Молчанова.

Приказываю Вам с получением сего, спешно занять Лучки, выслав разведку на Старую Бильмановку, Петровичи, Вадимовку.

На Халкидон высылается из Вознесенского пешая и конная разведки. Пешая останется против Халкидона, а конная вернется к Вам.

По занятии Лучков пришлите донесение. Для сохранения

сил пехоты и ускорения ее движения, перевезите ее на подводах.

Я со штабом в Вознесенском. Если по прибытии в Лучки Вы выясните, что в районе Халкидона частями Генерала Молчанова ведется бой — Вам надлежит, не ожидая моих особых распоряжений, выдвинуться к переправе через Лефу и оказать энергичное содействие Генералу Молчанову».

Приведя этот приказ Генерала Смолина, мы должны обратить особое внимание читателя на то, что Генералу Смолину все еще не были известны оба донесения Полк. Мельникова от 12-го октября за № 0132 и 0136, приведенные нами в последнем отрывке главы V. Поэтому, отдавая свой приказ № 3895/оп, Генерал Смолин выходил из предположения, что Полковник Мельников продолжает занимать дер. Вадимовку, между тем, как то мы уже знаем, Полковник Мельников вынужден был еще в 13 часов 12-го октября покинуть Вадимовку и с 19 часов пребывал в пос. Благодатном.

Среди бумаг Генерала Смолина имеется еще один документ, адресованный «Наштакору Сибирской». К сожалению на нем отсутствует подпись и нет указания на время отправки и получения. Во всяком случае эта бумага вышла со ст. Ипполитовка и принадлежит, бесспорно, либо Подполковнику Патрику, либо Есаулу Худякову. Надо полагать — скорее последнему, чем первому, так как Подполковник Патрик, согласно другой бумаги, был аккуратен в форме своих донесений. Этот документ интересен нам тем, что в нем имеется указание на движение красной конницы, «около 800 сабель» от Халкидона на Лучки. Возникает вопрос — получил-ли это донесение Генерал Смолин до отправки своего приказа Полковнику Мельникову или после? Во всяком случае полный текст этой бумаги таков:

«Доношу — 13-го октября в 10 часов части Генерала Молчанова и Генерала Глебова перешли в наступление. В 11 часов частями Генерала Сахарова занята Ображеевка. В 3 часа (т. е. в 15 часов) в Ображеевке сменили Генерала Сахарова части Генерала Бородина, а Ген. Сахаров возвра-

тился в Ляличи, где сейчас и стоит. Части Ген. Глобова сейчас стоят в 2 верстах от села Монастырище, где с красными у них идет упорный бой. С нашей стороны около 100 человек раненых и несколько убитых. Генерал Молчанов с Ижевцами и Воткинцами пошел в обход через Манзовку на Монастырище. Из Штаба Земрати спрашивают о Полковнике Мельникове, а также о Вашем дальнейшем движении. Есть сведения, что вчера ночью двинулась на Лучки конница — около 800 сабель».

Прошло совсем немного времени после отсылки Полковнику Мельникову приказа № 3895/оп, как в Штабе Сибгруппы были получены донесения Полк. Мельникова от 12-го за № 0132/оп и 0136/оп. Тогда в 18 часов 25 минут 13-го октября Полков. Бодров отправил сообщение об изменившейся обстановке Генерал-квартирмейстеру Штаба Земской Рати с копиями Начальникам Штабов Поволжской и Дальневосточной казачьей за № 3896/оп такого содержания:

«1. Отряд Полковника Мельникова (Омская пешая дружина и 2 орудия), находившийся 10-го и 11-го октября в Вадимовке, вследствие угрозы противника со стороны Халкидона в направлении на Петровичи и со стороны Алтыновки на Вадимовку, а также занятия патризанами силою до 50-60 человек Старой Бильмановки, 12-го отошел на Ново-Бильмановку, а затем в пос. Благодатный, откуда вошел со штабом группы в связь. Полковник Мельников доносит, что 11-го октября к сожженному нами мосту через Восточный рукав реки Лефу по дороге из Черниговки подходил разъезд противника. На рассвете 12-го октября на западном берегу Лефу был обнаружен переправившийся противник и замечены усиленные работы по устройству переправ через тот-же рукав. Несмотря на обстрел места работ огнем нашей артиллерии, красные продолжали сосредоточение на западном берегу Восточного рукава реки Лефу, с намерением дальнейшего продвижения к Вадимовке. 12-го из Халкидона на Вадимовку наблюдалось движение колонны красных (пехота и кавалерия) длиною около одной версты.

К утру 12-го Старо-Вильмановка занята была партизанами. Все это вынудило Полковника Мельникова оставить Вадимовку и через Ново-Вильмановку отойти на пос. Благодатный.

2. Высланной разведкой от Томской дружины в направлении на Лучки и Халкидон, выяснено, что Лучки заняты повидимому небольшим отрядом красных. Халкидон так-же занимается красными. Силы установить не удалось. По словам некоторых жителей села Вознесенского в последнюю ночь 12-го октября приходила разведка красных и ушла обратно в Халкидон.

3. Командующий группой приказал:

а) Полковнику Мельникову немедленно перейти и занять Лучки, продолжая движение на Халкидон.

б) Полковнику Аргунову выслать усиленную разведку для выяснения сил противника в Халкидоне и ликвидации красного отряда в Лучках.

в) Всем частям быть готовым с рассветом 14-го октября к переходу в наступление на Халкидон из Лучков и Вознесенского.

г) Полковнику Мельникову приказано так-же обследовать район Петровичи — Вадимовка.

д) Разведчикам на сегодняшнюю ночь дана задача выяснить состояние мостов на переправах через реку Лефу в районе Вадимовка — Халкидон. На участке Вадимовка — Халкидон до слияния рек Чахеза — Лефу бродов нет.

4. Для установления связи со Штабом Земрати и Командующим Поволжской группой ведется провод от заимки Барсукова (что в 6 верстах севернее ст. Ипполитовка) на Ипполитовку. От заимки Барсукова до села Вознесенского и далее связь будет поддерживаться мотоциклами и конными. От Григорьевского на Вознесенское Полковнику Богословскому приказано к вечеру 13-го октября проложить провод. В Штаб Поволжской группы мною выслан для связи один офицер и 5 конных. Сведений от него не имею. (Из этого уясняем, что приведенное выше донесение Подполковника Патрика от

17 часов 13-го октября из Ипполитовки к этому времени т. е. к 18 часам 25 минутам еще не достигло Генерала Смолина). С высоты 106, юго-восточнее Вознесенского, около 12 часов наблюдались артиллерийские разрывы в направлении разъезд Манзовка и в районе Монастырища».

Депеша эта, ввиду отсутствия непосредственной связи между Вознесенским и Никольск-Уссурийским, должна была быть переданной из Штаба Поволжской группы Генкварму Земрати по юзу.

Около 20 часов 13-го октября Штабом Сибгруппы было получено сведение, что Лучки заняты отрядом красных значительной численности. Вследствие этого в Вознесенском было усилено сторожевое охранение и отданы распоряжения на случай наступления противника. Именно:

Начальник Западно-Сибирского отряда, Полковник Аргунов отдал приказ № 0087 следующего содержания:

«Командирам дружин Томской, Иркутской, Красноярской пешим, Западно-Сибирской артиллерийской, Полковнику Шестоперову, Копия Начальнику Штаба Сибирской группы.

По разговорам жителей сегодня в Лучки в обед пришли красные. В случае наступления красных со стороны Лучков приказываю:

1. По тревоге, не ожидая распоряжений, Иркутской пешей дружине занять и оборонять северную окраину Вознесенского. Телефонную связь со мною установить немедленно.

2. Томской дружине сосредоточиться в резерве на церковной площади.

3. Красноярской пешей дружине также прибыть на площадь, продолжая охранять тыл отряда с юга.

4. Обозы иметь в готовности для быстрого увода их из села по дороге на Григорьевское.

5. Западно-Сибирскую артиллерийскую дружину придаю в случае боя Иркутской дружине, а батарею Полковника Шестоперова придаю Томской Дружине.

6. Я буду у церкви».

В дополнение к этому приказу, Начальник Штаба Запад-

но-Сибирского отряда, Подп. Волков в 21 час 13-го октября послал Начальникам частей приказание:

«Командирам дружин: Томской, Иркутской пешим, Западно - Сибирской артиллерийской. Копии: Наштагруппы, Комдружин Сибирской артиллерийской и Красноярской пешей.

По сведениям, полученным от жителей, сегодня село Лучки занято отрядом красных значительной численности. Начальник отряда приказал: На ночь лошади должны быть запряжены и заседланы, все имущество должно быть погружено на подводы. Люди все в сборе на своих квартирах, болтающихся по гостям по селу не должно быть ни одного».

Так, в напряженной суете поверхностного оглядывания вокруг себя на новом месте, утомленные части Сибирской (стрелковой) группы провели весь день 13-октября, первый день «решительного и общего» контр-наступления Земской Рати, но в том, что в этот день ни одно орудие батарей Сибгруппы не сделало ни одного выстрела по красным, равно как и пехота этой группы не совершила какой-либо положительной работы, конечно, ни Генерал Смолин, ни кто-либо другой из его подчиненных повинен не был — вся ответственность за подобное бездарное руководство войсками должна быть перенесена на Штаб Земрати.

* * *

В предпоследнем отрывке нами было упомянуто о том, что 13-го октября из Никольск-Уссурийского на село Григорьевское была выслана рота ратников для проведения телеграфной линии от села Григорьевского к селу Вознесенскому. Начальник Штаба Восточно-Сибирского отряда, Ген. Штаба Полковник Попов об этой отправке донес:

13-ое Октября 1922 года город Никольск-Уссурийский.
Наштагруппы Сибирской.
Копии Генкварземрати и Генералу Бордзиловскому.

«13-го октября в 5 часов рота Красноярской пешей дружины в составе 6 офицеров, 23 солдат, 47 ратников, под командой Командира 2-го батальона дружины Полковника Севостьянова выступила по маршруту Никольск-Уссурийский — Григорьевское».

Прошло известное время и с разъезда Дубининского на ст. Ипполитовку Капитану Яковкину для Начальника Штаба Сибирской группы пришла депеша такого содержания:

«С ротой ратников был выслан восстановить связь между Григорьевским и Вознесенским. В Григорьевском встретился с разъездом красных — 20 коней. Боя не принял. Ушел в Михайловку. Связаться со Штабом не мог. Ушел в Никольск. Буду ждать распоряжений.

Полковник Красноярской дружины Севостьянов».

В бумагах Генерала Смолина имеется и третий документ по этому делу. Это рапорт Командующего Восточно-Сибирским отрядом, Полковника Богословского от 2 ч. 14-го октября из Никольска, когда, повидимому, злополучный отряд Полковника Севостьянова только что возвратился ни с чем в Никольск. Вот его текст:

Комгруппы Сибирской, Копия Генквармземрати.

«Рота Полковника Севостьянова, высланная 13-го октября для установления связи в Вознесенское, получив сведения от жителей Григорьевского, что в районе его находится около 40 красных и что Вознесенское занято противником, вернулась через Павловку — Дубининский в Никольск. Полковник Севостьянов докладывает, что выполнить задачу, имея ратников, неумеющих обращаться с оружием, не представлялось возможным. О своем отходе в Никольск Полковник Севостьянов донес Наштагруппы Сибирской с Разъезда Дубининского. Сведения о противнике, добытые Полковником Севостьяновым полного доверия не заслуживают. Подробное расследование мною продолжается».

Эта депеша была получена в Вознесенском в 3 часа 15 минут 14-го октября, как о том свидетельствует пометка на документе. Скоро — скажем мы, — не в пример Оператив-

ным приказам «вне всякой очереди». Чем закончилось расследование Полков. Богословским этой истории «приключения» 77 белых бойцов испугавшихся не то 20, не то 40 красных партизан — мы не знаем, но полагаем, что события 14-го октября понудили власть придерживающих отбросить в сторону это дело перед лицом более крупных событий.

* * *

Возвратившись снова к положению на участке войск, подчиненных Генералу Молчанову, приведем выписку из дневника Полковника Ефимова:

«Ночь на моем участке прошла тихо. По железной дороге красные наступали на Манзовку. Туда приехал Генерал Молчанов, когда подошел сильный отряд красных. Анненковцы залегли и близко подпустили. Потом ошпарили красных хорошим огнем из винтовок и пулеметов. Пока стреляли красные кто-то пригнул голову Молчанова к земле — "не подставляйте зря"».

Относительно положения на участке частей Генерала Глебова можем добавить, что согласно показания чиннов Атаманской дружины, последняя была выдвинута на позицию вечером 13-го октября, где заняла участок левее пластунов (Полковника Буйвида). В это время на фронте Дальневосточной группы происходила перестрелка с красными. По занятии позиции, Атаманцы приступили к рытью окопов. Всю ночь простояли на месте.

* * *

Перечень распоряжений начальствующих лиц на тот или иной бой следует производить в порядке иерархических ступеней, но при описании боя 14-го октября должно сделать отклонение от этого правила и впервые очередь по-

местить донесение Полковника Мельникова от 22 часов 30 минут 13-го октября за № 0135/оп из поселка Благодатного Командующему Сибирской группой, а затем уже приведем распоряжения высших чинов белого командования. Подобный порядок будет тем правильнее, что в течение всего дня боя 14-го октября Полковнику Мельникову и его подчиненным не были известны добавочные (или скажем повторные) распоряжения Высшего Белого Командования на этот день и он действовал на основании директивы предыдущего дня.

И так, своим № 0135/оп Полковник Мельников доносил: «Приказ № 3895 получил. К рассвету 14-го октября приложу все усилия к занятию села Лучки. По достоверным сведениям село Вадимовка сегодня 13-го октября утром занималось конницей противника не менее 800 сабель при 8 тяжелых пулеметах. Около полудня через Старо-Бильмановку на село Король прошло 2 эскадрона (не менее 200 сабель) при пулеметах красных. Моя разведка в Ново-Бильмановке имела столкновение с разъездом, высланным от этих эскадронов противника. Полагаю, что борьба с этим количеством красной конницы для одной только моей дружины будет крайне тяжелой, а может быть и непосильной. По сведениям от жителей, партотряды Приханкайского района сосредоточились в Хорольском.

Прошу взвод конного эскадрона, под командой Хорунжего Зонова, высланный мной для установления связи с Вами, возможно скорее направить на соединение с дружиной».

По получении этого донесения, Генерал Смолин счел необходимым направить роту Красноярской пешей дружины под командой Подполковника Ктиторова на поддержку Полковника Мельникова в Лучках.

Между тем в Никольск-Уссурийском, в Штабе Земрати в 1 час 45 минут 14-го окт. Генерал Петров, от имени Воеводы, дал следующее распоряжение Командующим группами за № 1699/оп:

«Воевода приказал:

1. 14-го октября всем группам продолжать выполнение прежних задач.

2. Генералу Смолину выступить на Халкидон как можно раньше и захватить Халкидон.

3. Московский полк рано утром перебросить в Ипполитовку для занятия Ляличей, где ему поступить в распоряжение Генерала Молчанова».

Это приказание о наступлении на Халкидон было получено Генералом Смолиным на рассвете 14-го октября. Кроме того им были получены от Генерала Молчанова № 138 о том-же и приказ по Волжской группе № 0211/оп о наступлении.

Депеша Генерала Молчанова за № 138 от 2 часов 14-го октября была такого содержания:

«Я лично по проводу передал Начальнику Штаба Вашу ориентировку № 3896 и получил ответ: "Передайте Генералу Смолину, что-бы с раннего утра 14-го октября перешел в наступление всеми силами, а не разведывательными частями"».

Приказ же Поволжской группе Генерала Молчанова от 2 часов 15 минут 14-го окт. со ст. Ипполитовка за № 0211/оп был таков:

«Генерал-лейтенанту Никитину, Генерал-лейтенанту Глебову, Генерал-майору Сахарову, Генерал-майору Ястребцеву, Полковнику Ефимову, Полковнику Ростовцеву, Полковнику Бек-Мамедову, Копии: Генерал-майору Смолину, Генерал-майору Бородину.

Противник оказал сильное сопротивление под Монастырищем и части Генерала Глебова продвинуться вперед из исходного положения не могли.

14-го октября на рассвете Генерал Смолин переходит в наступление на Халкидон. Части Генерала Бородина 13-го вечером двинулись из Ображеевки на Снегуровку, куда ушел противник — 800 штыков. Приказываю:

1. Генералу Сахарову с Приволжским полком без Волж-

ской дружины немедленно по получении приказа двинуться по дороге на Монастырище и поступить в распоряжение Генерала Никитина.

2. Генералу Никитину с Дальневосточной казачьей группой и частями Генерала Сахарова по сосредоточении последнего перейти в решительное наступление и занять Монастырище.

3. Полковнику Ефимову и Генералу Ястребцеву, по завязке боя Генералом Никитиным, продолжать движение на юго-западную окраину Монастырища и по железной дороге к разрушенному мосту.

4. Если противник перейдет в наступление, встречать контр-ударом.

5. Я буду на будке, что к северу от заимки Скрипка.

6. Санитарная, продовольственная и артиллерийская ленточки тоже на будке.

7. Бронепоезду № 3 поступить в распоряжение Генерала Ястребцева с 6 часов.

8. Донесения присылать с двумя конными.

9. Обращаю внимание Генерала Сахарова на быстроту движения.

10. Заместитель — Генерал Никитин».

Еще до получения всех этих бумаг (№ 1699/оп, № 138, № 0211/оп, Генерал Смолин отдал в селе Вознесенском в 2 часа 14-го приказ частям своей группы за № 3897/оп, скрепленный, его Начальником штаба, Ген. Штаба Полковником Бодровым:

«Полковнику Аргунову, Полковнику Мельникову, Подполковнику Ктиторову, Полковнику Смольянинову, Подполковнику Новикову, Копии: Генералу Молчанову и Генкварземрати.

1. Части Генерала Молчанова ведут дальнейшее наступление на север.

2. Для содействия группе Генерала Молчанова приказываю:

а) Полковнику Мельникову (Омская пешая дружина

при 1 орудии) по занятии с. Лучки продолжать наступление на Халкидон в направлении на перекресток двух дорог у второй буквы "М" надписи "Заимки", имея цель подойти к Халкидону с северо-западной стороны. По достижении реки Третья Лефа, выслать разведку по дороге на Вадимовку вдоль реки Лефу.

б) Подполковнику Ктиторову (рота Красноярской пешей дружины, полуэскадрон Омской дружины и 1 орудие), оставаясь в Лучках, обеспечить тыл Полковнику Мельникову со стороны пос. Благодатный, Ново-Бильмановка, Петровичи, ведя разведку в указанных направлениях и в случае наступления конницы, сдерживать ее во что-бы то ни стало, не допуская занятия с. Лучки.

в) Полковнику Аргунову (Томская и Иркутская пешая дружины при 4 орудиях) с получением этого начать наступление на Халкидон, имея целью овладеть ею с западной и южной сторон. По достижении реки Лефу, войти в связь с частями Генерала Молчанова в районе разъезда Манзовка.

3. С началом боя я буду находиться на Высоте с отметкой 61,8 что в 6 верстах к северо-востоку от Вознесенского.

4. Заместители — Полковник Аргунов и Полковник Бодров.

5. О получении донести».

На этом мы закончим перечень предварительных распоряжений начальствующих лиц частей Земской Рати на бой 14-го октября и перейдем к самому его описанию, но при этом, в первую очередь опишем события на левом фланге построенных частей, где именно и произошла завязка боя, а затем перейдем к обычному описанию событий, начиная с правого фланга.

* * *

Во исполнение приказа Генерала Смолина за № 3895/оп и своего решения, согласно своего собственного № 0135/оп, Полковник Мельников, подойдя перед рассветом 14-го октября к селу Лучки, атаковал его и, после короткого боя с 1-ым эскадронам Кубанского кавалерийского полка красных, выбил противника из села в 5 часов утра. Кубанцы бежали, оставив три трупа, 1 пленного и 10 пик. В отряде Полковника Мельникова при этом был ранен только один офицер. Из опроса пленного выяснилось, что 12-го октября в Вадимовку прибыла, переправившись по временным мостам, Дальневосточная кавалерийская бригада красных в составе трех полков с тремя орудиями. На 13-ое октября у них была назначена в Вадимовке дневка. Дальнейшие задания этой бригады пленному не были известны. Сообщая об этом Генералу Смолину своим № 0137, Полковник Мельников в 5 часов 50 минут писал: «... По направлении на Халкидон — Петровичи — Вадимовка мною высланы разъезды. Связи с пешей и конной разведкой Томской пешей дружины пока не установлено».

Отметим, что Генерал Смолин в своем докладе Воеводе силу красной Дальневосточной кав. бригады в Вадимовке определяет в «три полка — 1000 сабель с 3 тяжелыми пулеметами и 4 орудиями».

Как не раз мы уже упоминали в описании боев 4-го, 8-го, 9-го, 12-го октября еще с ночи густые пелены тумана заволакивали землю и даже после восхода солнца, постепенно тая, держались долгие часы — иногда даже до полдня и позднее. 14-ое октября не было исключением и густой туман обволакивал, поглощая в себе и Халкидон и Манзовку и Лучки и Вознесенское и многие другие села Южного Приморья. Прошло два с небольшим часа, по занятии Полковником Мельниковым села Лучки, когда в 9-ом часу ему пришлось вступить в бой с наступающим на Лучки противником, силы которого, благодаря густому туману, выяснить сразу не удалось.

* * *

В 7 часов 14-го октября Обер-квартирмейстер Сибгруппы, Ген. Штаба Полковник Наркевич отправил из Вознесенского Генерал-квартирмейстеру Земской Рати, с копией Начальнику Штаба Поволжской группы, за № 3899 оперативную сводку такого содержания:

«Приханкайский район: Разведка Омской дружины, высланная 13-го из поселка Благодатного на пос. Ново-Бильмановка, имела столкновение с разъездом красных и возвратилась в Благодатный. Рота Красноярской пешей дружины, выступившая в 5 часов 13-го октября из Никольска в Григорьевское для установления связи со штабом группы, столкнулась у Григорьевского с группой красных, после чего эта рота возвратилась в Никольск. Полковник Мельников приступил к выполнению приказа № 3897 в 2 часа 14-го, так-как ему были даны соответствующие указания еще вечером 13-го октября. Остальные части группы приступили к выполнению приказа № 3897 сегодня в 6 часов».

В 9 часов 20 минут 14-го, в 8 верстах от Вознесенского, отряд Полковника Аргунова, выступивший с рассветом из Вознесенского на Халкидон, обнаружил движение колонны противника, двигавшейся от Халкидона на Вознесенское. Туман мешал определить силы красных. Быстро развернувшись, отряд Полковника Аргунова повел наступление на противника. Последний открыл сильный артиллерийский огонь. Завязался встречный бой...

В 9 часов 45 минут 14-го Генерал Смолин получил телефонограмму Генерала Молчанова, переданную Есаулом Худяковым:

«Весьма спешно. Сейчас только что по телефону Генерал Молчанов передал: В 7 часов красные повели наступление на Ефимова и Ястребцева. Остановить наступление не представляется возможным. Наши части отходят. Молчанов».

Полковник Ефимов в своем дневнике под 14-ым октября занес следующее:

«Утром красные опрокинулись сначала на Ястребцева. Потом появились большие силы передо мной и за моим

правым флангом и против Глебова. Покатился назад весь фронт. У Ижевцев потекли сначала ратнички. Остановить было невозможно. Шли в беспорядке, перемешавшись...

Дошли до сопки, где я думал задержаться. Стал собирать к себе ближайших. Когда диктовал Полунину донесение для Комгруппы, ранило пулей в ногу. Красные наступали без задержки. Отъехал, чтобы перевязаться. Фельдшер перевязывал уже под выстрелами — красные успели занять сопки. Приказал Полунину разыскать Ваха, которому принять командование.

Отправился к железной дороге на санитарную летучку. Там встретил Генерала Молчанова. Доложил об отходе. В летучке отправился в Никольск-Уссурийский».

Чины Атаманского полка рассказывают:

«На рассвете 14-го октября узнали где цепи красных. В нашей сотне винтовки без штыков, только у троих они имеются. Пластуны на горе, красные под горой. Красные ударяют по пластунам, пластуны отступают. Атаманцы сначала держатся. Потери большие: Сотник Волгин убит, Прапорщик Загибалов убит и еще 4 офицера ранены. Всего из строя выбыло 7 офицеров и 20 казаков. Тогда начали отходить. Еще накануне вечером был убит Войсковой старшина Ярославцев и ранен Войсковой старшина Галкин».

В заключение этого отрывка приведем выдержку из заметки «Полковой праздник» (о пластунах), помещенную в шанхайской газете «Слово» № 263 от 1929 года и Донесение Старшего адъютанта отряда Генерала Ястребцева № 10 от 14-го октября 1922 года.

В заметке о Пластунах читаем:

«В двухдневном бою за обладание пос. Монастырище, полк потерял 37 убитых, 16 без вести пропавших и 57 человек раненых, с трудом выбравшись из страшной опасности, грозившей гибелью всему полку. В этом бою Пластуны потеряли доблестного и горячо любимого своего Командира — Полковника Буйвида, который был смертельно ранен».

Донесение Поручика Титова (Старший адъютант отряда

Генерала Ястребцева) Начальнику Штаба Поволжской группы с железно-дорожной будки, что у буквы «Б» от 10 часов 15 минут 14-го октября за № 10 гласит:

«По приказанию Начотряда сообщаю потери, понесенные отрядом за бои 13-го и 14-го октября под разъездом Манзовка:

Партотряд Генерала Савельева — раненых офицеров 2 и казаков 6. Анненковской дружины — ранено 9 казаков, 1 убит, контуженых 2 казака и Иманской сотни — ранено: казаков 1 и 1 лошадь».

К сожалению сведения о потерях частей Прикамского полка затеряны и ныне не представляется возможным восстановить их в полноте.

* * *

В 9 часов 20 минут (утра) 14-го октября Генерал Смолин с дороги Вознесенское — Халкидон, находясь в 6 верстах от первого селения, еще не имея сведений от Генерала Молчанова о трагическом повороте дел под Монастырищем, доносил Воеводе своим № 3900/оп с копией Генералу Молчанову, следующее:

«На рассвете сего числа Полковник Мельников, подойдя из Благодатного, атаковал Лучки и выбил из последней 1-ый эскадрон Кубанского кав. полка. В 9 час. части Полковника Мельникова, двигаясь на Халкидон, вступили в бой с противником, силы которого пока не выяснены.

Одновременно с этим, я с остальными частями группы, наступая на Халкидон, столкнулся к северу от высоты с отметкой 61,8 с колонной противника, наступающего на Вознесенское. В данный момент по всему фронту идет ружейная, пулеметная и артиллерийская стрельба. Силы противника трудно учесть благодаря туману».

Донося так, Генерал Смолин базировался на донесении Подполковника Волкова (Нач. штаба Западно-Сибирского отряда), в котором последний писал:

«По приказанию Начальника отряда доношу, что красные силою до 600 человек пехоты и 200 конных наступают со стороны Халкидона. Артиллерии у противника пока не заметно. Сейчас завязалась ружейная и пулеметная перестрелка».

Новое донесение, подписанное самим Полковником Аргуновым, гласило:

«Передо мною не менее 1000 человек пехоты и 600 сабель при 1 орудии, в их глубине видны в колонне резервы. У Добровольцев в двух ротах убыл командный состав, пешая разведка потеряла половину, в остальных — потери порядочные».

Полковник Бахтерев, помощник Командира Томской (Добровольцы) дружины, рассказывает:

«Поднялись на рассвете, часа в 4 — 5 утра, пошли, отошли походным порядком версты 2 — 3. Я шел вместе с Полковником Аргуновым и Полковником Урняж. Туман. Наша передовая застава столкнулась с противником. По всей линии завязалась стрельба. Когда туман рассеялся маленько, то мы увидели как от леса появились цепи красных, им не было ни конца ни края. У нас-же — горсть. Между нашей цепью и красными — шагов двести. Ротмистр Соколов с сотней Добровольцев (Конная разведка Томской дружины) бросился вправо, в лес. Наша цепь поднялась — в атаку. Встали и красные, встали и пошли на наших. У красных три цепи, а сзади колонна вплоть до самого Халкидона, в ее хвосте видны обозы. — "Белые бандиты, сдавайтесь" — раздались крики красных. Наши бойцы открыли стрельбу и этим временем стали отходить. Выиграли шагов двести, потом еще шагов сто. Красные наступают не отрываясь. Под уклоном стоит пулемет Иркутской дружины. Он открыл огонь, благодаря чему красные отстали шагов на 400. Так, сохраняя, примерно, эту дистанцию мы и отходили с боем к Вознесенке».

Этим временем Генерал Смолин уже получил телефонограмму Генерала Молчанова о начавшемся откате белых под

Монастырищем. В 10 часов Командующий Сибирской группой писал Полковнику Мельникову (с копиями Полковнику Аргунову и Генералу Молчанову):

«Противник перешел в наступление против Генерала Молчанова. Части Полковника Аргунова ведут бой с противником к северо-востоку от Вознесенского, примерно верстах в 6, если не удастся сдержать противника, то части Полковника Аргунова будут отходить через Вознесенку на Павловку. И Вам под натиском противника, отходить на Григорьевское. Части Полковника Аргунова отходят».

Так в 10 часов (утра) 14-го октября, когда туман рассеялся и силы красных он более уже не мог скрыть, финал боя для Генерала Смолина и Полковника Аргунова сделался ясен. Приходилось думать лишь об одном — как отойти с возможно меньшими потерями. Тяжесть положения Сибгруппы усугублялась еще тем, что в распоряжении Генерала Смолина совсем не имелось конницы, если не считать двух десятков всадников конной разведки Томской пешей дружины, а между тем местность была открытая, а на многих участках и совсем равнинного характера.

Неся большие потери, отряд Полковника Аргунова, теснимый с флангов конницей противника, медленно отходил на Вознесенское. Положение частей его отряда достаточно ясно рисуется следующим его донесением Генералу Смолину (без указания часа):

«Ранен командир Иркутской дружины. Значительные потери. Стараюсь задержать противника. По западной Лучковской дороге есть движение. Боюсь — не Мельников — ли? Противник — против деревни (село Вознесенское) четырьмя колоннами, его разведка вошла».

В своем докладе Воеводе Генерал Смолин указывает, что «проходя село, противник развернул цепи на 5 верст по фронту». Действительно — положение Сибгруппы в эти часы было трагично и приходится только удивляться героизму этой кучки в 400 человек, нашедшей в себе мужество мед-

ленно с боем отходить по открытой местности под натиском красной лавины.

В 12 часов 14-го октября с дороги Вознесенское — Павловка, находясь у ручья Насырова, Генерал Смолин своим № 3902 (№ 16/пох) доносил Воеводе (с копией Ген. Молчанову):

«Иркутская и Томская пешие дружины, понеся значительные потери во встречном бою сегодня с противником, наступавшим из Халкидона на Вознесенское (до 1000 пехоты и 600 конных) в 10 часов стали отходить на Вознесенское. В 11 часов, сдерживая натиск противника преимущественно артиллерией, части вели бой на юго-западной окраине Вознесенского. В данное время эти части Полковника Аргунова постепенно отходят на Павловку.

Омская пешая дружина Полковника Мельникова, усиленная ротой Красноярской пешей дружины, вела сегодня с утра бой по дороге Лучки — Халкидон, но результаты боя не выяснены. Но, ввиду отхода частей Полковника Аргунова и полученного мною сообщения от Генерала Молчанова о положении на его участке, я приказал отходить и Полковнику Мельникову на Григорьевское. По сведениям Григорьевское занято партизанским отрядом.

Ранен Командир Иркутской дружины и вообще велики потери в комсоставе (командном составе). Деревни Павловка и Григорьевское мне не удержать незначительными наличными у меня силами, особенно при отсутствии у меня конницы. Прошу дальнейших указаний».

В своем докладе Воеводе Генерал Смолин дает иное время на начало отхода частей Полковника Аргунова от Вознесенского. Именно, Генерал Смолин пишет:

«До 15 часов Полковник Аргунов сдерживал противника преимущественно артиллерийским огнем на юго-западной окраине Вознесенского. В 15 часов 30 минут отряд Полковника Аргунова, не теряя боевого соприкосновения с противником, начал отходить на Павловку и к 17 — 18 часам занял позицию в 3 — 4 верстах от нее к северу».

Относительно этого «расхождения по времени», мы однако полагаем, что оно более кажущееся, чем действительное. Надо полагать, что по занятии Вознесенского, состоявшегося перед 11 часами, красные — участвовавшие в бою или просто двигавшиеся в походной колонне с 5 — 6 часов утра — нуждались в кратковременном отдыхе, а потому и задержались на часик — другой в Вознесенском. Таким образом, Полковник Аргунов, ведший в 11 часов бой с красными на юго-западной окраине Вознесенского и получивший приказ от Генерала Смолина «сдерживая наступление противника на всех рубежах, к вечеру отойти на дер. Павловка», — получил возможность задержаться в виду Вознесенского до 15 часов 30 минут.

В течение всего дня судьба отряда Полковника Мельникова и результаты боя его с красными Генералу Смолину и Полковнику Аргунову не были известны.

В 18 часов 14-го, когда отряд Полковника Аргунова подходил к Павловке, Штаб Сибирской группы во главе с Генералом Смолиным прибыл в дер. Абрамовка, дабы иметь связь по телеграфу со Штабом Земской Рати и Полковником Мельниковым, который к этому времени должен был отойти на Григорьевское. Так по крайней мере рассчитывал Генерал Смолин.

В заключение отметим, что потери отряда Полковника Аргунова за истекший день 14-го были «весьма велики, по меньшей мере до 150 человек», как указывает Ген. Смолин в своем докладе Воеводе.

* * *

Что-же произошло у Полковника Мельникова, этом крайне лево-фланговом отряде всего построения Земской Рати на бой 13-го и 14-го октября?

Мы оставили отряд Полковника Мельникова в Лучках, в 6 часов (утра) 14-го, после того, как он выбил из этого селения отряд красной конницы. Затем мы имели короткое

уведомление о том, что в 9 часов части Полковника Мельникова, двигаясь на Халкидон, вступили в бой с противником, силы которого из-за тумана сразу выяснить не представлялось возможным.

В 18 часов 14-го Генерал Смолин нашел в Абрамовке Полковника Мельникова, прибывшего туда с остатками своего отряда. Полковников Мельников доложил Ком. группы о действиях и судьбе своего отряда. Эта судьба оказалась наиболее печальной и трагичной по сравнению со всеми остальными частями Земской Рати. Именно (цитируем выписку из доклада Генерала Смолина Воеводе):

«После занятия Полковником Мельниковым с. Лучки, конница красных силою до двух полков (около 800 сабель), пользуясь туманом почти окружила деревню. После короткого боя, красным удалось ворваться в деревню и выбить из нее наш (надо полагать отряд Подполк. Ктиторова, так как Полк. Мельников с главной частью находился уже восточнее Лучков) отряд. Во время боя и главным образом во время отхода, отрядом были понесены тяжелые потери: от пешей роты (надо полагать роты Красноярской пешей дружины. Прим. автора) уцелели лишь одиночные люди (около 15 — 17 человек), оставлены 3 пулемета и обоз. Батарея потеряла 2 орудия и половину наличного состава. (Иркутская батарея Полковника Сартыкова, Сибирской артиллерийской дружины). Меньшие потери понес конный эскадрон Омской пешей дружины. Всего из отряда Полковника Мельникова вышло из боя около 240 человек (из общего числа, примерно, 600 чинов. Прим. автора). Люди отряда были окружены конницей противника и расстреляв все патроны, не желая сдаваться в плен, кончали жизнь самоубийством».

В дополнение к этой официальной справке, можно привести еще показание Полк. Бахтерева, который однако, как то уже известно, под Лучками сам не был, но находясь в отряде Полковника Аргунова, слышал от участников дела под Лучками рассказы в самом свежем виде. Полковник Бахтерев вспоминает, как ему рассказывали, что:

«На рассвете на Омичей налегли две конные массы красных. Потом наши заметили, что еще двигаются эскадроны противника и охватывают все расположение нашего отряда. Главные силы Полковника Мельникова находились в это время на дороге. Красная конница сомкнула кольцо и завязался бой. Конница Омичей прорвалась, Омская-же пехота была настигнута красными. Люди не успевали соскочить с повозок. Красные порубили очень многих. Другие кончали сами с собой. Особенно досталось роте Ктиторова. Оба орудия, конечно, были брошены. Из батареи спаслись лишь те, что были на конях».

* * *

Гарнизону села Ивановки действительного участия в бою 13-го и 14-го не пришлось принять, так-как частям Генерала Блохина на эти дни было приказано, не выдвигаясь из Ивановки, оборонять село. 14-го октября, правда, разъезд от Ивановского гарнизона под Николаевкой наткнулся на красных партизан и обстрелял их. Красные поспешили «смотреться». На этом дело и кончилось. Что касается морального состояния частей Ивановского гарнизона, то оно оставалось таким-же как и в предыдущие дни. Проход Генерала Бородина с Оренбургскими казаками на Ображеевку, шум близкого боя — сначала у Ляличей и Ображеевки, потом отодвигающийся все дальше — действовали как-то подбодряюще на чинов гарнизона. С напряженным вниманием следили бойцы за ходом боя, стараясь разгадать, по доносящимся грохоту, шуму и огневым вспышкам, о его развитии. 13-го к вечеру артиллерийский бой, по определению сидящих в Ивановке, под Монастырищем смолк, но к западу от Халкидона непрерывно сверкали вспышки и ветер доносил до Ивановки крики «ура». То в определении чинов Ивановского гарнизона, красные атаковали Сибирскую группу Генерала Смолина. К полудню 14-го в Ивановке уже говорили, что ночью Поволжская и Дальневосточная казачья рати

отошли от Монастырища на Ляличи. Бой-же к западу от Халкидона все еще продолжался — о том свидетельствовали артиллерийский огонь и шум пулеметной и ружейной трескотни. К вечеру «Ивановцы» нахмурились: откат частей Генералов Молчанова и Глебова к Ипполитовке и отход Генерала Смолина стали совершившимся фактом и каждую минуту теперь можно было поджидать появления «гостей» под Ивановкой. «Если нас обложат, а все наши уйдут, то кто будет тогда выручать нас?» В такой обстановке выдерживать в Ивановке четвертый бой совсем не хотелось...

Что-же касается остальных частей Сибказрати, то они, под командой Комгруппы, Генерала Бородина, имели 13-го октября довольно упорный бой с партизанами под Ображеевкой, в результате которого красные были принуждены отойти в сторону дер. Снегуровки. 14-го Генерал Бородин продолжал свое наступление в направлении только что указанной деревни. Оренбургские казаки в Приморье, как то нам уже известно из предидущих повествований, не проявляли особого порыва в боях, здесь-же, между Ображеевкой и Снегуровкой, сильно пересеченная местность, к тому же покрытая сплошным лесом, отдавала все выгоды обороне, т. е. красным партизанам. По этим двум причинам продвижение частей Генерала Бородина 14-го от Ображеевки в сторону Снегуровки протекало, в общем, медленным темпом. По получении-же сведений о начавшемся отходе частей Генерала Молчанова, Генерал Бородин остановил, а потом повернул свои части и к позднему вечеру 14-го октября отвел благополучно их в район Лефинки.

* * *

Откат частей Генералов Молчанова и Глебова к Ляличам и Ипполитовке, отход частей Генерала Смолина, под давлением превосходящего противника, за Вознесенское и далее — определили безусловную победу красных. Генеральное сражение, которое планировал Воевода и от результатов

которого зависела судьба Белого Приморья, было проиграно. Никаких существенных резервов, никаких свежих частей в распоряжении Воеводы для восстановления положения не имелось. Не только восстановить положение, но даже попытаться произвести это было нечем. После короткой, но тягостной внутренней борьбы, Воевода признал свое дело в данный момент битым. Признав это, он нашел в себе смелость признать дальнейшее пролитие крови на полях битв бесцельным и, признав это, 14-го октября отдал приказ № 1605/оп, к сожалению час отдания этого приказа установить нам не удалось. Надо полагать, он был отдан часов в 15:

«Весьма Срочно. Приморье.

Комгруппам: Поволжской, Дальневосточной, Сибказачьей и Сибирской.

Всем частям Поволжской и Дальневосточной групп под общим командованием Ген. Молчанова отойти сегодня 14-го октября ночью в район село Михайловское, откуда Генералу Молчанову направить отряд в Никольск для обеспечения своего тыла.

Генералу Бородину отойти в район дер. Раковки, где соединиться с Генералом Хрущевым. В этом положении необходимо выиграть 15-ое октября.

В дальнейшем Генералу Глебову отходить в направлении Полтавка — Гродеково на соединение с Генералом Смолиным, под общим начальством Генерала Толстого, а до его прибытия Генерала Глебова.

Генералу Молчанову отходить правым берегом Суйфуна на Пеняжино, а Генералу Бородину на Раздольное — Пеняжино.

Я в Раздольном присоединюсь к Поволжской группе».

Приказом этим мы и закончим главу о самом большом бое Последнего похода, решившим судьбу этого последнего уголка Белой России.

8. ОТХОД ЧЕТЫРЕХ РАТЕЙ ИЗ ПРИМОРЬЯ

1. Отход Сибказачьей и Поволжской групп за реку Суй-фун. —
2. Переход Никольск-Уссурийского в руки красных. —
3. Отход Сибирской группы в Гродековский округ. —
4. Два приказа Воеводы от 17-го октября. —
5. Самовольный отход Генерала Глебова на Владивосток и обстановка в последнем. —
6. Переговоры Генерала Смолина с Генералом Чжан-Зун-Чаном. —
7. Приказ Генерала Толстого о контр-наступлении Сибирской группы и его результаты. —
8. Дальнейший отход Поволжской и Сибказачьей групп в Ново-Киевский округ. —
9. Оставление Владивостока и переход частей Земской Рати русско-китайской границы у Хунчуна. —
10. Прибытие Дальневосточной казачьей группы в Гензан. —
11. Поход Войскового старшины Бологова. —
12. Еще несколько слов об Амурской Военной Организации.

Предыдущую главу мы закончили приказом Воеводы № 1605/оп, предписывавшем Командующим группами отвести войска в район села Михайловского (для Поволжской и Дальневосточной) и деревни Раковки (для Сибказачьей), как предварительный шаг общего отхода на Пеняжино (для Поволжской и Сибказачьей) и Гродеково (Сибирской и Дальневосточной). Отметим, что размер «предварительного шага» для Сибирской группы Генерала Смолина в этом приказе не давался, из чего напрашивается заключение об отсутствии данных в Штабе Земрати о положении на участке Сибирской группы ко времени отдачи этого приказа.

Во исполнение только что указанного приказа, гарнизон Ивановки в 19 часов 14-го покинул свое насиженное место, двинувшись на Лефинку, куда должны были подойти остальные части группы с Генералом Бородиным во главе. Отходу Ивановского гарнизона красные не препятствовали. Их не было видно перед селом целый день 14-го, но возможность их появления и новой атаки или обложения села была, конечно, вполне допустима. Кругом шел бой и нервы пока бездействующего гарнизона были напряжены весь этот день. До самых сумерок никто не знал о том, что наступающую ночь уже не придется проводить за проволокой Ивановки, но в походном движении к Никольску. Луна должна была взойти поздно и было совершенно темно, когда части гарнизона, вытянувшись в колонну, покидали село. На их пути на одной из улиц села Ивановки, горела изба. Она была уже вся в пламени. Никто ее не тушил, но отчего она загорелась? Не был-ли это знак красным в Ширяевке о том, что «белобандиты» уходят из Ивановки?

И так, Генерал Блохин с частями покинул Ивановку, но Войсковой старшина Бологов с несколькими отважными казаками-енисейцами остался пока в ней, получив разрешение начальства на ведение партизанской работы в тылу красных.

Генерал Блохин с частями своего отряда благополучно достиг Лефинки, где ему пришлось немного подождать подхода Оренбургских казаков. Наконец те подошли и вся группа, соблюдая возможно большую тишину, двинулась по хорошей шоссейной дороге на Даниловку. Когда части Сибирской казачьей группы находились у Лефинки, то из-за горного кряжа, отделяющего Лефинку от Ипполитовки, виделось кровавое зарево пожаров и небо вспыхивалось отблесками орудийных выстрелов: кто-то в кого-то палил.

Быстро промелькнули по хорошей, гладкой и ровной дороге восемь верст, отделяющих Даниловку от Лефинки. Луна поднялась уже высоко, на бездонном небе на видно было тучь. Живописный, чисто картинный вид далекой Малороссии, предстал перед глазами чинов Сибказрати, — до

того приукрасил лунный свет белые мазанки Даниловки и стройные, высокие деревья ее садов. Пройдя часть Даниловки, колонна свернула к югу по дороге на Раковку.

Дорога за Даниловской к Раковке оказалась в несколько худшем состоянии, чем на участке Лефинка — Даниловка. Все-же движение колонны продолжалось беспрепятственно до одной неширокой, но глубокой канавы (это была речушка Осиновка) верстах в пяти перед Раковкой. Моста через нее не имелось и Сибказачья просидела на ней около трех часов, перетаскивая каждую повозку на руках. За это время откуда-то напоззли тучи, луна скрылась и дальнейший путь до Раковки утомленные чины группы Генерала Бородина совершали в несколько худшем порядке, чем до этой злополучной канавы. Перед самой Раковкой был большой и крутой подъем, на нем колонна растянулась еще больше. Это было уже утром, вероятно часов в 6-7 — 15-го Октября.

В Раковке жизнь была ключем, и это наличие в домах и на улицах мужчин и женщин казалось таким странным чинам Ивановского гарнизона, привыкшим к пустоте улиц и дворов Ивановки. Кажется в этот день был какой-то праздник, возможно воскресенье. Во всяком случае крестьяне приветствовали праздничным угощением пришельцев. После короткого привала в Раковке, части Сибирской казачьей группы двинулись дальше и в 13 часов прибыли в деревню Глуховку, занятую дружинами Генерала Хрущева, прибывшими сюда 14-го октября из Никольска. Анненковская дружина в составе отряда Генерала Ястребцева отходила в составе частей Поволжской группы. Конные дружины Генерала Хрущева были выдвинуты в Глуховку в целях прикрытия железной дороги от возможного удара партизан, а так-же оказания необходимой поддержки Сибказгруппе, если красные попытаются задержать движение последней.

Глуховка вполне соответствовала своему имени — это была глухая деревня с великорусским населением мрачного и неприятного вида. Надо полагать все они симпатизировали большевикам и ждали их, а не белых.

www.elan-kazak.ru

16-го октября колонна Генерала Бородина, составившаяся из частей Сибказгруппы и двух конных дружин Генерала Хрущева, продолжала свой путь к Раздольному. Часть пути пришлось совершить по полотну железной дороги Никольск — Раздольное. В этот день довольно сильно припекало осеннее солнце, а редкий туман плыл по холмам и долинам, значительно сокращая горизонт.

По прибытии к Раздольному, Генерал Бородин, как и все остальные чины группы, были удивлены, найдя Генерала Глебова и его части в этом месте, где им, согласно приказа, никак не полагалось находиться.

Об отходе частей Поволжской группы от Ипполитовки к Михайловскому и далее к Красному Яру, сведений собрать не удалось, но по всей видимости он протекал в таком-же порядке, как и отход Сибказачьей. Запись в дневнике Полковника Ефимова под 15-м октября весьма кратка. Она гласит:

«Утром выехал со Штабом корпуса (употреблен старый термин, имеется в виду Штаб Поволжской группы) в Красный Яр».

16-го Полковник Ефимов заносит:

«По отвратительной дороге добрались до лесничества против Раздольного. Туман и Раздольного не видно».

Согласно сообщения Штаба Земрати (а может быть очередной директивы Воеводы) у Красного Яра для Поволжской группы и у Раздольного для Сибказгруппы средствами и заботами Штаба Рати должны были быть наведены мосты. Однако таковых у обоих пунктов не оказалось. У Красного Яра имелся, правда, паром и на нем-то были переправлены через реку Суйфун части Поволжской группы. У Раздольного никакого парома не имелось, поэтому пришлось разыскивать брод, сведения о котором были получены. Найти этот брод удалось не сразу и Генерал Бородин сам проявил много энергии в розысках брода. Наконец брод найден, он был глубок. Переправа могла начаться только вечером 16-го

октября и закончилась уже в полной темноте при свете факелов. Переправившиеся люди собирались у нескольких китайских шалашей на правом берегу Суйфуна, тут же они и обогревались у костров.

* * *

Слухи об отходе белых распространились по Никольск-Уссурийскому в пятницу — 13-го октября. Полковник Попов, Начальник Штаба Восточно-Сибирского отряда, вспоминая эти дни, говорит: — «В один прекрасный день Штаба Земрати в городе нет. На руках у нас четыре военных госпиталя. Начали спешную эвакуацию желающих. Из Владивостока и Раздольного прислали до 150 коммунистов из тюрьмы, они все были прикончены в Никольске».

В ночь на 14-ое октября началось поголовное бегство из города и под вечер нельзя было найти в городе ни одной свободной подводой. Легковые извозчики, опасаясь реквизиции партизанами лошадей, так-же уехали из Никольска. Большинство беженцев бежало на разъезд 89 версты, откуда в сборном поезде они были переброшены во Владивосток.

Последние белые части оставили Никольск-Уссурийский в ночь на 15-ое, около полуночи. Еще до прохода последних белых частей начался грабеж некоторых квартир местных состоятельных людей, бежавших из города в самый последний момент. Грабили местные босяки. Одновременно с грабежом этих квартир начали грабить китайские лавки, причем во многих местах грабеж сопровождался убийством, так как хозяева лавок оказывали сопротивление грабителям.

Еще не успели белые части уйти из города, как в Народном доме состоялось собрание местных коммунистов, созванное по инициативе коммуниста Ф. Скачкова. На этом собрании был выбран временный совет из десяти лиц для организации временного управления городом. В совет вошли исключительно коммунисты.

Под утро из близлежащего села Борисовки в город вошли партизаны. Вместе с ними приехало много деревенской молодежи на подводах. Партизаны присоединились к грабителям, зачастую отбирая от последних награбленное лично для себя. Отряд был силою до 200 человек.

В 5 часов над городом пролетел красный самолет, сбросивший две бомбы в здание городской управы, где раньше находилась канцелярия Правителя Земского Края. Одной из бомб была разрушена каланча.

К этому-же времени были выпущены на свободу все обитатели местной тюрьмы, как политические, так и уголовные. Последние, конечно, не замедлили присоединиться к грабителям. Особенно пострадали от грабежа улицы — Пушкинская, Гродековская, Духовская, а так-же магазины на Мичуринской и Корсаковской. Частные дома из которых обитатели не бежали не пострадали. Как слух передавали о том, что партизаны ворвались в Никольскую Женскую Семинарию и совершили ряд насилий над воспитанницами.

Регулярные красные части вошли в город только к 15 — часам 15-го октября в воскресенье, при чем немедленно по вступлении принялись за ликвидацию грабежей. В некоторых местах, как например на складах Кунст и Альберса, регулярке пришлось применить оружие, чтобы разогнать грабителей. Часов с 17 того-же дня патрули стали вылавливать выпущенных из тюрьмы уголовных преступников.

Красное командование выпустило обращение к гражданам, в котором население призывалось не волноваться и заявлялось о недопустимости в дальнейшем каких-бы то ни было эксцессов. Выезд из города тем не менее был запрещен. (Отрывок этот написан на основании газетной статьи «Работа красных в Никольске», помещенной в газете «Земский Край» от 18-го октября 1922 года за № 37 — 431, издававшейся во Владивостоке).

* * *

Прямая связь между Штабом Сибирской группы и Штабом Земрати, несуществовавшая в течение боя 13-го и 14-го октября, была восстановлена в 17 часов 14-го, когда Генералом Смолиным из Абрамовки к аппарату был вызван Генерал-Квартирмейстер Штаба Земской Рати, Полковник Озолин, который и был ориентирован в создавшейся обстановке на участке группы. Полковник Озолин сообщил Генералу Смолину тыловой путь Сибирской группы (приказ Воеводы № 1605/оп).

В виду значительных потерь, а так-же утомления людей в тяжелом и упорном бою в течение всего дня 14-го, Генерал Смолин решил на некоторое время оторваться от противника. В 17 часов 30 минут из Абрамовки он направляет Полковнику Аргунову полевую записку за № 3903 такого содержания:

«Из Штаба Рати мне сообщили тыловую дорогу нашей группы и Генерала Глебова — Пограничная — Полтавка. Директиву подробнее не могли мне передать вследствие порчи телеграфа. Выгружаю из обозов муку и овес и посылаю Вам навстречу подводы, чтобы Вы могли скорее сосредоточиться в Абрамовке и следовать дальше не задерживаясь на Галенки».

Добавим от себя, что в этой записке определенно проглядывает опасение Генерала Смолина за судьбу пехоты Полковника Аргунова: как-бы не повторилось и с ней история окружения и гибели пехотинцев Полковника Мельникова.

В 18 часов 14-го Генерал Смолин направляет распоряжение свое за № 3904 Пор. Шилоносову с копией Полковнику Аргунову:

«Приказываю с получением сего со всем обозом отправиться на деревню Дубки и, пройдя ее, вытянуться по дороге на станцию Галенки, где остановиться и ждать дальнейших указаний».

На жел. дор. станцию Галенки Генерал Смолин со Штабом своей группы прибыл, повидимому, около 22 часов 14-го октября, так-как именно этим часом помечено им в

www.elan-kazak.ru

своем докладе Воеводе время получения директивы Воеводы № 1605/оп с указанием пути отхода вверенной ему группы.

В 23 часа 50 минут со станции Галенок, за подписью Полковника Бодрова, направляется в Штаб Земрати донесение следующего содержания:

«Прибыли в 23 часа на Галенки. Двигаемся Стружевка — Покровка — Фадеевка — Гродеково. Противник следует по пятам и в 20 часов занял Павловку. Полковник Аргунов целый день ведет бой на каждом рубеже. № 3905/оп».

Отметим, что в своем докладе Воеводе, Генерал Смолин отмечает, что «Павловка была нами фактически оставлена около полуночи с 14-го на 15-ое». Таким образом тут на лицо разница в 4 часа, объяснить которую мы не в состоянии.

В 2 часа 15-го со станции Галенок по телеграфу в Никольск-Уссурийский Ген. Смолин направил ориентировку Генералу Борзидовскому с копиями Полковнику Богословскому и Полковнику Мохову:

«Я с частями группы вынужден сегодня под давлением противника отойти на Галенки. Отсюда, согласно директивы Воеводы, в 4 часа 15-го выступаю по маршруту Галенки — Стружевка — Покровка — Фадеевка — Гродеково, стремясь прибыть в Гродеково не позднее утра 16-го. Меня очень беспокоит и интересует: получены-ли Вами надлежащие указания от Штаба Земрати. Во всяком случае предлагаю руководствоваться в своих действиях вышеизложенным. № 3907».

Движение группы на Струговку — Фадеевку было предпринято Генералом Смолиным, как то он объясняет в своем докладе Воеводе, «вследствие того, что по сведениям путь на Гродеково вдоль полотна железной дороги представлялся не удобным для обозов и артиллерии и кроме того резался конницей противника, направляющейся через Благодатный — Прилуки — Сергиевский».

Движение частей Сибирской группы от ст. Галенки до

поселка Фадеевский прошло, по всей видимости, вполне благополучно. Во всяком случае на какие либо задержки и столкновения с противником нет указаний ни в сохранившихся документах, ни в докладе Генерала Смолина Воеводе.

В Фадеевском к частям группы присоединился Полковник Богословский, выступивший из Никольск-Уссурийского с частью ратников и хозяйственным чинами частей и имевший по дороге два столкновения с красными партизанами.

В 13 часов 20 минут 15-го Полковник Аргунов в пос. Фадеевском отдал приказ по частям своего отряда такого содержания:

«Командирам дружин: Омской, Томской, Иркутской пешим, Западно-Сибирской арт. Полковнику Шестоперову, копия Наштагруппы Сибирской.

Выступление отряда сего числа в 18 часов. Порядок следования: Омская, Томская дружины, батарея Полковника Шестоперова, Штаб группы и Штаб отряда, обозы, Западно-Сибирская артил. дружина, Иркутская пешая дружина. Прикрытием тыла командует командир Иркутской дружины. В его подчинение поступает разведка Томской дружины. За всей колонной должна быть конная застава из Иркутской и Томской разведок с пулеметами. При выступлении от каждой части выслать по одному конному квартирьеру к Командиру эскадрона Омской дружины Подполковнику Торопову...»

Хотя выступление частей группы и назначено было на 18 часов, но с ним задержались, так как в 19 часов 30 минут Временно исполняющий должность Начальника Штаба Западно-Сибирского отряда, Подполковник Волков, доносил Начальнику Штаба группы из Фадеевки:

«На каждой заставе по дороге на Константиновский — Синеловка была слышна ружейная стрельба, вскоре прекратившаяся. До выяснения обстановки на заставу выслана часть Томской дружины, донесений от которой не поступало». Разъяснения этой перестрелки в охранении мы не находим в бумагах Генерала Смолина.

По совершении ночного перехода, утром 16-го части Генерала Смолина прибыли в поселок Софье-Алексеевский. Высланный на ст. Гродеково мотоциклет с пулеметом донес, что ст. Гродеково и поселок при ней свободны от противника. Никаких воинских частей там нет. На станции находится лишь один брошенный эшалон, частью разграбленный.

В 10 часов 30 минут Генерал Смолин, находясь все еще в пос. Софье-Алексеевском отдал приказ № 3909:

«Полковникам Аргунову, Богословскому, Смольянинову, Сартыкову.

Гродеково свободно от противника. Все составы со станции эвакуированы. Нет там и наших частей. Приказываю:

Всем частям группы выступить сегодня в 11 часов 15 минут из пос. Софье-Алексеевского по тракту на Гродеково.

Обозы отправить на Сосновую падь. В прикрытие к обозу назначаю всех чинов Иркутской батареи под начальством Полковника Сартыкова, которому выступить с обозами одновременно с выступлением колонны на Гродеково. Проводником обоза взять казака Никифора Зырянова. Дополнительные указания получить лично от меня».

Порядок движения частей на Гродеково, согласно приказа Полковника Аргунова, был таков: Томская, Иркутская пешие дружины, Западно-Сибирская артиллерийская дружина, батарея Полковника Шестоперова, Омская дружина и обоз. (Приказание по отряду от 10 часов 30 минут 16-го, помеченное пос. Софье-Алексеевским и подписанное Поручиком (фамилия не разборчива) за начальника штаба отряда).

Так как о частях Генерала Глебова в Гродековском районе ничего не было слышно, то Генерал Смолин, при отсутствии у него конницы, решил, что наиболее разумным является сосредоточение частей его группы в районе Сосновая — Рассыпная пади, где уже сосредоточились ранее охранявшие Гродековский район части: части Пограничного полка и Уссурийская казачья дружина. Поэтому, после небольшого привала в Гродеково, части Сибирской группы

должны были выступить на разъезд Рассыпная падь. Сохранившийся приказ Полковника Аргунова по этому поводу гласит:

«Командирам дружин: Омской, Томской, Иркутской, Западно-Сибирской артиллер. Полковнику Шестоперову, копия Наштагруппы.

Отряду в 17 часов выступить на разъезд Рассыпная падь. Порядок следования: в 17 часов Иркутская дружина и батарея Полковника Шестоперова, за ними Томская и Западно-Сибирская артиллерийская, потом Красноярская и Омская дружины».

Приказом Воеводы № 1605/оп Генералу Смолину указано было со всеми частями Сибирской группы поступить в подчинение Генерала Глебова, в случае соединения с ним в районе Полтавка — Пограничная. Если же при этом окажется Генерал-лейт. Толстов, то именно ему надлежало объединить управление частями обеих групп (Дальневосточной и Сибирской). Как мы уже знаем, Генерала Глебова в указанном районе не оказалось, поэтому Генерал Смолин, по прибытии в район Гродеково — Пограничная поступил в подчинение Генерала Толстова. Где произошла встреча обоих генералов, указаний в докладе Генерала Смолина Воеводе не имеется, но, повидимому, эта встреча имела место на ст. Пограничная, куда по делам службы Генерал Смолин прибыл рано утром 17-го октября. При встрече с Генералом Смолиным, Ген. Толстов заявил, (цитируем по докладу) «что если по обстановке в ближайшие дни выяснится необходимость нашего перехода на территорию Китая и невозможность получения дополнительных директив от Воеводы, он — Генерал Толстов — выедет в Харбин и дальше, что-бы тем или иным способом непосредственно связаться с Воеводой, мне же (Генералу Смолину) приказал, руководя по-прежнему действиями частей, поступать по обстановке».

Расположение частей Сибирской группы к утру 17-го было таково:

Разъезд Сосновая падь... Полковник Богословский с Ир-

кутской пешей дружиной, Полтавской пешей дружиной, Манджурской конной дружиной (Полтавская и Манджурская дружины составляли Пограничный полк Земской Рати), Уссурийской казачьей дружиной, и Зап.-Сибирской артил. дружиной.

Разъезд Рассыпная падь	Полковник Мельников с Томской пешей дружиной. Омской пешей дружиной. Красноярской пешей дружиной. Сибирской артил. дружиной. Сибирской инженерной дружиной.
Разъезд Рассыпная падь	Штаб группы.

Кроме этих частей на ст. Пограничная до прибытия частей Генерала Смолина в Гродековский район, сосредоточились тыловые учреждения и хозяйственные эшалоны Дальневосточной группы, а так-же эшалон железнодорожного батальона с подвижными мастерскими.

В 7 часов 20 минут 17-го Генерал Смолин отдал приказ за № 3010:

«Полковнику Богословскому, копия Полковнику Аргунову, Полковнику Красноперову и Полковнику Ловицкому. (с Рассыпной пади).

Отъезжая по делам службы в Пограничную — оставляю за себя при частях группы Полковника Аргунова. Полковника Богословского назначаю Начальником боевого участка Сосновая падь с временным подчинением ему в оперативном отношении Пограничного полка и отдельной Уссурийской казачьей дружины. Все дальнейшие указания получить от Полковника Аргунова».

О поездке Генерала Смолина на ст. Пограничная и ее цели мы будем говорить особо ниже в отдельном отрывке, сейчас-же приведем лишь распоряжения Полковника Аргунова и Полковника Богословского по вверенным им частям.

По отъезде Генерала Смолина на ст. Пограничную, Полковник Аргунов в 9 часов 17-го октября с Рассыпной пади отдал приказ по частям группы № 3916, скрепленный подписью «Врид. Начштаба Полковник Наркевич», такого содержания:

«Полковнику Мельникову, Полковнику Богословскому, Полковнику Смольянинову, Подполковнику Новикову, Подполковнику Ктиторову, Полковнику Кострову, Полковнику Ловицкому.

1. Сведений о противнике пока не имеется.

2. Задача вверенной мне группы: занимая район разъезда Сосновая падь — Рассыпная падь, прочно удерживать его за собой, ведя разведку на Софье-Алексеевский, Гродеково и Гродековский карантин.

3. Приказываю:

а) Полковнику Богословскому (Иркутская и Полтавская пешие, Манджурская конная, Уссурийская казачья и Западно-Сибирская артиллерийская дружины) занять район Сосновая падь и прочно удерживать его за собой, ведя разведку на Гродеково, поселок Софье-Алексеевский и Гродековский карантин.

б) Полковнику Мельникову (Томская, Омская, Красноярская пешие, Сибирская артиллерийская и Сибирская инженерная дружины) расположиться на разъезде Рассыпная падь, где составить мой резерв. Выставить сторожевое охранение.

4. Полковнику Богословскому и Полковнику Мельникову немедленно установить со мною телефонную связь. К 12 часам 17-го октября представить мне подробную схему своего расположения.

5. Я со штабом буду находиться на разъезде Рассыпная падь.

6. Заместители: Полковник Богословский и Полковник Мельников.

7. О получении донести».

В нашем распоряжении имеется так-же и распоряжение

Полковника Наркевича данное Полковнику Кострову от 9 часов 17-го за № 3911:

«Комгруппы приказал Вам ускорить Ваше выступление в распоряжение Полковника Богословского на разъезд Сосновая падь. Об исполнении срочно донести».

№№ 3912, 3913, 3914 и 3915 до нас не дошли. Надо полагать, что они покрывают ряд иных дополнительных распоряжений по организации обороны района Сосновая падь — Рассыпная падь.

В 11 часов 17-го Полковник Богословский с полуказармы, что в 2-½ верстах от разъезда Сосновая падь отдал приказ по своему отряду, скрепленный Начальником Штаба Полковником Поповым, такого содержания:

«Полковнику Золотореву, Полковнику Кострову, Полковнику Ловицкому и Полковнику Шестоперову.

1. Сведений о противнике нет.

2. Вверенному мне отряду в составе Иркутской и Полтавской пеших дружин, Манджурской конной, Уссурийской казачьей и Западно-Сибирской артиллерийской дружинам приказано занять район разъезда Сосновая падь и прочно удерживать его за собой, ведя разведку на Гродеково, поселок Софье-Алексеевский и Гродековский карантин.

а) Разъезду в Гродеково оставаться до соприкосновения с противником, отходя на разъезд Сосновая падь лишь под давлением его.

б) Полковнику Золотореву с отрядом (Иркутская дружина и 1 орудие) быть при мне в резерве у казармы, что в 2 ½ верстах западнее Сосновой пади.

в) Полковнику Кострову и Полковнику Золотореву установить непосредственную связь со штабом группы и мною.

г) Всем обозам за исключением боевой части с получением сего перейти за реку Рассыпную, где и стать за ней непосредственно бивуаком.

д) Я со штабом буду находиться при резерве.

е) Заместители: Полковники Золоторев и Костров».

В заключение этого отрывка приведем цифровые данные

численности Сибирской группы на 17-ое октября согласно полевой записки № 3914/пох., адресованной Полковнику Липинскому (Интендант Сибирской группы) на ст. Пограничная и подписанной Полковником Наркевичем.

«В отряде Генерала Смолина: Сибгруппы 1244 человека и приданных к группе пограничников 233 и Уссурийских казаков 164. Сведения о лошадях сообщу, когда получу от частей».

* * *

Сам Воевода из Никольск-Уссурийского проехал в поезде по железной дороге во Владивосток и тут 17-го октября издал Указ № 68 такого содержания:

«Силы Земской Приамурской Рати сломлены. Двенадцать тяжелых дней борьбы одними кадрами бессмертных героев Сибири и Ледяного Похода, без пополнения, без патронов решили участь Земского Приамурского Края. Скоро его уже не станет.

Он — как тело — умрет. Но только как тело.

В духовном отношении, в значении ярко вспыхнувшей в пределах его русской, исторической, нравственно-религиозной идеологии, — он никогда не умрет в будущей истории возрождения Великой Святой Руси.

Семя брошено. Оно сейчас упало на еще неподготовленную почву. Но грядущая буря ужасов советской власти, разнесет это семя по широкой ниве Великой Матушки Отчизне и приткнется оно в будущем через предел нашего раскаяния и по бесконечной милости Господней, к плодородному и подготовленному клочку земли Русской и тогда даст желанный плод.

Я верю в эту благодать Господню; верю, что духовное значение кратковременного существования Приамурского Земского края, оставит даже в народе края глубокие неизгладимые следы. Я верю, что Россия вернется к России

Христа, России — Помазанника Божия, но что мы были недостойны еще этой милости Всевышнего Творца».

В тот-же день Воевода отдал приказ № 55 такого содержания:

«В состав Земской Рати, остающейся со мною могут входить только те воинские чины, которые входили в ее полевой состав в период минувшей борьбы в районе Никольск — Спасск и которые согласны разделить с ней неизвестную участь, сопряженную с разоружением в пределах иностранного государства.

Все прочие воинские чины, кои не могут оставаться в пределах советской России, будут вывезены моим распоряжением в один из портов Китая, при чем дальнейшую заботу я совершенно с себя снимаю.

К этой-же категории военных относятся и все Правительственные и общественные лица, кои не могут в смысле безопасности оставаться во Владивостоке.

Распоряжения по эвакуации военных и гражданских лиц и их семей из Владивостока возлагаю на Адмирала Старка, которому мною даны соответствующие указания».

(Недостаток в денежных средствах продиктовал, видимо, положения этого приказа).

Генерал Петров в своей книге пишет:

«16-го октября мы (т. е. Воевода и походный штаб Зем-рати) вернулись во Владивосток и застали там страшную растерянность. Порядок в городе охранялся офицерским батальоном, милиция уже развалилась. Все тыловые учреждения прекратили работу, начался саботаж, а затем и забастовки. Люди начали заботиться только о том, как-бы выбраться или приготовиться к встрече красных войск.

А нам нужно во что-бы то ни стало вывезти все семьи военнослужащих, вывезти беженцев, соединивших судьбу с армией издавна, вывезти часть грузов, усилить свою тощую казну, перебросить в Посыет части войск, отходящие на Владивосток и расположенные в городе, вывезти военно-учебные заведения, больных, раненых.

Вопрос о семьях всегда был самым тревожным. Отцы, мужья были брошены на фронт, а семьи были сосредоточены во Владивостоке, даже и тех, которые по ходу событий должны были отходить на Пограничную.

Перед началом боевых действий в Спасском районе, все семьи военнослужащих были переведены во Владивосток и организованы там по группам. Каждая войсковая группа имела свою группу семейств со своим Заведующим, а во главе всех семейных групп поставлен был Генерал-майор Зощенко (Начальник 13-ой Сибирской стр. дивизии в Армии Адмирала Колчака, сделавшийся инвалидом во время Сибирского Ледяного похода), который и был ходатаем по всем их нуждам.

Пока семьи были во Владивостоке, мы, несмотря на скудость средств могли кормить их и кое-что делать для улучшения положения. Гораздо сложнее и труднее было перевезти их в другие районы и там поддерживать.

Мы считали, что из 6000 ртов пойдет из Владивостока не более половины, а изъявили желание выехать почти все. Предполагали начать переброску семейств в Посьет, а затем в Ново-Киевск раньше, но все это затруднялось до последнего момента.

Семьи группы Генерала Смолина должны были отправиться на Пограничную, но как раз около 10-го октября, после перевозки войск, был сожжен большой мост на 26-ой версте (под самым Владивостоком на Амурском полуострове). Когда мост починили, было уже поздно, так-как сообщения с Пограничной были прерваны уже 15-го октября.

Генерал Дитерихс приказал нанять для перевозки семей и прочих японские транспорты, но получались неопределенные ответы: то они будут 22-го, то 24-го, а то и позже.

Свои плавучие средства были все распределены и заняты. Японское Военное Командование для своих перевозок имело транспорты, но остерегалось их давать без разрешения из Токио. В конце концов оно сдалось на просьбы и, кажется, с 20-го октября началась переброска семей в Пось-

ет на японских транспортах. Это было громадной помощью — иначе-бы пришлось плохо».

Генерал Петров в своей книге ни единым словом не упоминает о неподчинении Генералом Глебовым приказу Воеводы № 1605/оп. Генерал Петров даже пишет, что «после 14-го наши войсковые группы отходили по тем указаниям, которые были даны. Группа Генерала Смолина в район Пограничной, Молчанов и Бородин на Посъет по западному берегу Амурского залива, ГЛЕБОВ на ВЛАДИВОСТОК. Красные следовали по пятам, но особенно не наседали». Что касается Генерала Глебова, то заявление Генерала Петрова в его книге совершенно не соответствует действительности.

В первом отрывке данной главы мы уже упоминали об удивлении Генерала Бородина и чинов его группы, когда они нашли Генерала Глебова и части Дальневосточной группы в Раздольном в то время, как им должно было находиться в это время где-либо на запад от Никольск-Уссурийского в направлении на Полтавку или Гродеково.

И так Генерал Глебов не исполнил приказа Воеводы. Обстоятельств, извиняющих этот поступок, у Генерала Глебова абсолютно не было, так-как дороги на запад от Никольска были свободны. Очутясь в Раздольном, Генерал Глебов не имел определенного плана и не знал, что ему делать в дальнейшем. На Генерала Бородина и старших чинов Сибказачьей группы «глебовские порядки» и его штаб произвели самое безотрадное впечатление, если не сказать большего. Дело в том, что сам Ген. Глебов и большинство чинов его штаба были пьяны. Этот случай приходится подчеркнуть и особо отметить, как разительная противоположность всем остальным штабам трех групп. Находясь в Раздольном 16-го октября Генерал Глебов одно время склонялся к движению на Барабаш вслед за Генералом Бородиным, но до ночи ничего определенного не решил, что ему делать и как поступить. В дальнейшем он двинулся на Владивосток, чем причинил излишние хлопоты Штабу Земрати и занял под свои части те транспорты, которые могли и должны

были быть употреблены в иных целях. Имеются некоторые сведения, что все-же не все желающие были вывезены из Владивостока и определенно можно утверждать, что многим семьям военнослужащих с малолетними детишками пришлось испить горькую чашу зимних мытарств по глухой дороге от Хунчуна до Гирина — исключительно из-за этого «эгоизма» Генерала Глебова, пожелавшего, вопреки распоряжениям своего начальства, отойти на Владивосток под крылышко японцев, на которых Генерал Глебов продолжал делать свою ставку.

Относительно этой «ставки» на японцев приходится сказать еще несколько слов: Многим владивостокским общественным и политическим деятелям казалось невероятным возможность перехода города Владивостока в руки красных. До последней минуты не терялась надежда на вмешательство третьей стороны или сторон. В закрытом заседании городская дума г. Владивостока обсуждала вопрос об объявлении города «свободным портом». Была послана телеграмма в адрес дипломатического корпуса в Токио. Надеялись, что Великие Державы объявив Владивосток «свободным городом» не допустят входа в него красных.

В эти дни во Владивосток прибыл японский советник Атамана Семенова — майор Куроки в целях розыска 30 пудов русского золота, спрятанного в свое время Атаманом Калмыковым. Говорили потом, что золото это оказалось найденным в самом неожиданном месте, при чем в этом деле были замешаны некоторые чины японского командования.

В городе в эти дни циркулировали слухи, что маршал Уехара считает нужным отсрочить эвакуацию Владивостока до 15-го ноября. Вместе с этим стало известным, что посадка частей 8-ой японской дивизии на транспорты прекращена с 15-го октября. Эвакуируются только технические и нестроевые части. На этой почве возникают всякие вздорные слухи.

Монархическая газета «Слово» перестала выходить. «Ве-

черная Газета» продана В. Н. Ивановым. Жители более или менее причастные к белому движению готовятся к отъезду.

«Ожидается прибытие во Владивосток китайского крейсера "Хайюань". Это судно получило уже приказ своего правительства. Вместе с этим слухи о прибытии французских и итальянских судов категорически опровергаются. Мир остается безучастным к разыгрывающемуся эпилогу русской драмы», — так заносит в свой дневник бывший Верховный Главнокомандующий Белой России, Генерал Болдырев, решившийся остаться во Владивостоке на милость победителей.

* * *

Мы остановили свое повествование о частях Сибирской группы на отъезде Ген. Смолина с Рассыпной пади на ст. Пограничную, находящуюся в пределах Китая.

О своей поездке на ст. Пограничную, Генерал Смолин в докладе Воеводе говорит следующее:

«Учитывая обстановку, я пришел к заключению, что совершенно неизбежны переход частей через границу и конфискация китайскими частями нашего оружия и имущества и чтобы по мере возможности избежать этого и других тяжелых последствий интернирования — я наметил следующий план своих действий.

Оставляя части в районе сосредоточенными (Рассыпная — Сосновая падь) я лично прибыл на ст. Пограничная. При встрече с начальником китайского гарнизона ст. Пограничная Генералом Чжан-Зун-Чан (впоследствии "тюпан", одна из самых главных фигур Китайской междуусобной войны 1924-28 годов), — на его вопрос о моих дальнейших намерениях, я ему заявил, что часть людей будет мною распущена.

С остальными же, оставаясь в пределах Приморья, перейду к партизанским действиям против красных. Что же касается излишка оружия, огнеприпасов и имущества, то

частью спрячу, частью уничтожу, если не представится возможность продать его. На это Генерал Чжан-Зун-Чан ответил мне, что весь излишек, имеющегося у меня оружия, он готов приобрести за наличный расчет и, в случае моего согласия на это, предложил срочно доставить ему подробный перечень оружия и огнеприпасов с указанием расценки.

Крайний недостаток в моем распоряжении денег (в денежном ящике интенданта имелось всего около 7000 иен) и продовольствия при наличии около 2700 человек и 800 лошадей, а так-же неизбежность, как мне казалось, конфискации у меня китайскими властями оружия и части имущества в случае перехода через границу, делало для меня предложение Чжана вполне приемлемым и соответствующим моим планам.

Через сутки были готовы списки с общей оценкой имущества, преимущественно оружия и огнеприпасов, примерно на 50,000 — 60,000 долларов.

Эти данные я, вместе с Генералом Толстовым, представил Генералу Чжану. Последний признал их приемлемыми. Было заключено письменное условие, получен задаток около 5,000 долларов и была назначена смешанная комиссия от китайского гарнизона и моих частей, которая должна была в тот-же день приступить к приемке на Рассыпной пади оружия и огнеприпасов. Оплата должна была производиться отдельно за каждую партию оружия, прибывшую на ст. Пограничная, при чем размер партии не должен был превышать суммы задатка. Вместе с тем, Генералом Чжаном было поставлено дополнительное условие, сводившееся к тому, что если мои части будут вынуждены под давлением противника перейти границу ранее выполнения сделки, то договор теряет свою силу и оружие в таком случае конфискуется китайскими властями согласно международного правила.

В этот-же день на ст. Пограничная прибыл Генерал Лохвицкий, уполномоченный Воеводой. Согласно директив Воеводы мне надлежало руководствоваться в своих действиях так-же указаниями Генерала Лохвицкого. Генерал Лохвиц-

кий, ознакомившись с обстановкой и моими действиями, вполне их одобрил.

Комиссия выехала на Рассыпную падь. К сдаче ей было намечено почти три-четверти имевшегося у меня оружия, остальное-же Генерал Чжан разрешил по приятельски, в случае неудачи наших партизанских действий, в скрытом виде провести к западу от Пограничной, в определенный район, где должны незаметно для представителей красных на Пограничной, пройти мои партизаны».

К вышеизложенному добавим, что все это имело место, согласно доклада, 17-го октября. (Дело идет о китайских, а не американских долларах, но в означенное время разница в размене была между ними весьма невелика).

* * *

Под 18-м октября Генерал Смолин в своем докладе Воеводе повествует следующее:

«Утром ко мне прибыл Генерал Толстов и заявил, что впредь до установления связи с Воеводой и получения от него дополнительных директив, считает необходимым всем частям группы оставаться в районе Сосновая Падь — Рассыпная падь, не продавать ни в коем случае китайскому командованию оружия и имущества и быть всем в полной боевой готовности, а всю конницу немедленно-же двинуть для освещения полосы: — с севера: Ново-Алексеевский — Жариково — Нестеровский — Прилуки — Новожатково — Григорьевское — Абрамовка, с юга: Софье-Алексеевский — Покровка.

Основанием к этому Генерал Толстов приводил полученные им сведения о том, что красные потерпев огромное поражение в районе Раздольное — Ново-Киевское, отходят под натиском белых наших частей и японцев на север к Спасску и что, якобы, красными даже очищен город Никольск-Уссурийский, подтверждением чего является потеря

у меня соприкосновения с противником и отсутствие определенных сведений о нем.

Изложенное Генерал Толстов подтвердил своим письменным приказом от 18-го октября за № 2».

Текст этого приказа был таков:

«Генерал-майору Смолину.

Приказываю Вам немедленно выбросить вперед все конные части для освещения полосы с севера: Ново-Алексеевский — Жариково — Нестерово — Прилуки — Новожатково — Григорьевское — Абрамовка, с юга: Софье-Алексеевское — Покровка. Все остальные части оставить в районе Рассыпная и Сосновая пади.

№ 2 ст. Пограничная. Генерал-лейтенант Толстов».

Продолжаем цитировать доклад Генерала Смолина Воеводе:

«Я приступил к исполнению этого приказа. Приемочная комиссия вернулась на Пограничную и, таким образом, моя сделка с Генералом Чжан Зун-Чаном утратила свое значение».

В 11 часов 18-го Полковник Аргунов отдал на Рассыпной пади приказ по отряду № 01208 следующего содержания:

«Командирам дружин Омской, Томской, Иркутской, Красноярской, Западно-Сибирской артиллерийской, Добровольческой батарее, Пограничной страже, Уссурийской сотне, копия Наштагруппы.

Порядок движения: Красноярская дружина, Томская дружина, Западно-Сибир. артиллерийская, Омская дружина, Штаб отряда, Добровольческая батарея, Иркутская дружина, Пограничная стража, Уссурийская сотня.

Выступление предполагается в 12 часов».

Приказ Генерала Смолина по частям группы № 3917, скрепленный Начальником Штаба группы — Полковником Боровым, помечен 14 часами 30 минутами 18-го октября. Разъезд Рассыпная падь. Его текст:

— «Полковнику Аргунову, Полковнику Богословскому,

Полковнику Мельникову, Полковнику Ловицкому и Полковнику Кострову.

Противник третий день остается пассивным и сведений о нем до сего времени нет. По показаниям жителей с. Жариково — Богуславский — Гродеково и далее на восток вдоль линии железной дороги противника нет. Считаю необходимым войти в соприкосновение с противником и определить его численность, для чего осветить полосу, ограниченную с севера пос. Ново-Алексеевским — Жариково — Нестеровским — Прилуки — Новожатково — Григорьевским и Абрамовкой, для чего приказываю:

а) Полковнику Мельникову (Омской дружины конный эскадрон) главным ядром идти вдоль линии железной дороги, освещая разъездами полосу, ограниченную на северо-восток Гродековским карантинном — корейскими фанзами (что в 6 верстах сев. вост. Андреевки) — заимки Барано-Оренбургского и с юга: Софье-Алексеевским — корейскими фанзами и дойти до линии реки Кочевная падь. Головной разъезд выслать вдоль линии железной дороги до казармы, что восточнее Барано-Оренбургского, освещая местность до связи с боковыми разъездами. Главному ядру следовать по полотну железной дороги и дойти до Гродеково.

б) Полковнику Ловицкому (Уссурийская казачья дружина 60 — 80 коней) выдвинуться в Богуславский, откуда осветить полосу Богуславский — Духовской, Богуславский — Жариково; вести наблюдение за дорогой Нестеровка — Богуславский. Полковника Ловицкого подчиняю Полковнику Мельникову.

в) Иркутской и Томской конным разведкам (60 коней) выслать один разъезд в 15 — 20 коней на Ново-Алексеевку, всеми остальными конными освещать дороги Софье-Алексеевский — Фаддеевский.

г) Всем остальным частям быть готовым к выступлению в 7 часов 30 минут 19-го.

д) Донесения присылать: Полковнику Мельникову по

железно-дорожной телефонной линии, остальным с нарочным или на ст. Гродеково или разъезд Сосновая падь.

е) О получении сего донести».

Как мы указали, приказ этот помечен 14 часами 30 минутами 18-го октября, в своем докладе Генерал Смолин указывает, что столкновение выдвинутой им конницы и части пехоты с противником произошло в полдень. Таким образом тут опять неувязка по крайней мере часа в четыре, каковую разницу объяснить мы не в состоянии.

Возвращаясь к докладу Генерала Смолина Воеводе, мы читаем:

«Выдвинутые мною конница и часть пехоты, столкнувшись в полдень в районе Гродеково с пехотой и значительными конными частями противника, стали под натиском последних отходить, а к вечеру пришлось мне с остальными частями группы принять бой у Сосновой пади. Бой длился около 3 часов и стоил нам 10 — 15 чел. ранеными и убитыми, а затем, когда коннице красных удалось горными тропами выйти нам в тыл к Рассыпной пади и там она была встречена и задержана моим резервом, наши передовые части стали отходить и к 12 часам ночи я был вынужден отвести все части за границу.

Генерала Толстова на ст. Пограничная не оказалось, так как с вечерним поездом он отбыл в Харбин и с этого момента я не имел от него никаких указаний и сведений.

Китайское командование следило за нашими действиями и как только части подошли к границе, приступило к разоружению их. Тем не менее, пользуясь ночной темнотой и плохой постановкой китайцами этого дела, нам удалось скрыть, как на самой границе, так и в эшалонах на ст. Пограничная значительное количество оружия и припасов и, если китайскому командованию не удалось отобрать все оружие, то зато основательно пограбили китайские войска наши обозы, лишив наших офицеров и солдат даже самых необходимых вещей.

На недоуменный вопрос Генерала Чжан-Зун Чана — по-

чему при моих частях оказалось так мало оружия, я заявил ему, что оно спрятано и если не придется нам его использовать, то уничтожу.

Через день-два у меня установились с Генералом Чжаном довольно сносные взаимоотношения, чему способствовало то обстоятельство, что не было вмешательства Мугденского и особенно Харбинского китайского командования.

Генерал Чжан предложил мне продать хотя-бы часть спрятанного оружия и вообще заявил, что если оно будет сдаваться ему добровольно, то он оплатит его по той расценке, какая была нами ранее обусловлена. Преследуя именно эту цель, я нашел предложение Генерала Чжана вполне приемлемым для себя и на этом основании отдал приказ, что-бы все части через специально назначенную комиссию приступили к сдаче китайскому командованию оружия и огнеприпасов, при чем мною указывалось так-же, что скрыть даже часть оружия нам не удастся, так как об этом будут осведомлены китайцы через наших-же подкупленных людей.

К сожалению не все подчиненные мне начальники уяснили сущность всего положения и обстановки и не исполнили мой приказ. Некоторые из них нашли все-же необходимым оставить значительное количество оружия и огнеприпасов скрытыми.

Комиссия, сдававшая оружие Генералу Чжану, получила от него около 10,000 долларов, поступивших на довольствие частей группы. В дальнейшем оправдались мои предположения и китайцы обнаружив с помощью подкупленных наших людей место нахождения спрятанного оружия, стали конфисковать его».

В заключение этого отрывка постараемся, хотя-бы приблизительно, подвести итог потерям частей Сибирской группы за 10 дней боевых действий (с 8-го по 18-ое октября). В главе IV нами приведен был приблизительный расчет сил частей Сиб. группы, согласно данных доклада Генерала Смолина Воеводе, каковой определялся в 375 офицеров и 1,118 солдат, иными словами в Сибирской группе на 8-ое ок-

www.elan-kazak.ru

тября состояло, примерно, 1,493 человека. № 3914/пох от 17-го октября, приведенный нами в этой главе, определяет общее число чинов группы в 1,244 человека. Итого разница, т. е. потери группы за 10 дней равняются 249 человекам. Однако, это число должно считать неполным, ибо по всей вероятности в числе 1,244 человек имеется некоторое количество, не включенных в число 1,493, так-как прибыли в состав группы между 8-м и 18-м октября. Во всяком случае в боях с противником Сибирская группа потеряла за 10 дней от 17 до 20 % своей первоначальной численности.

* * *

Поволжскую и Сибирскую казачьи группы мы оставили при переправах через реку Суйфун, первую у Красного Яра, а вторую против Раздольного. Обе группы под общей командой Генерала Молчанова должны были отходить на Нежино и дальше к Барабашу. Вперед направлялась Сибирская казачья, а за ней следовала Поволжская. Тут, от Нежина и до самого Ново-Киевска имелась всего лишь одна дорога — когда то превосходное шоссе, но многие годы оно не поправлялось, а потому некоторые участки его сильно испортились, что-же касается мостов, то большинство из них пришло в полную негодность и они были непроходимы для артиллерии и обозов.

Вверенные ему войска Генерал Молчанов отводил перекатами. Части в арьергарде этой белой группы, таким образом, все время менялись. Так у Красного Яра отход белых прикрывал Генерал Ястребцов со своим отрядом (Анненковцы, партизаны Генерала Савельева и Иманская сотня). Перед Нежиным его сменил Генерал Сахаров с частями своего Приволжского полка. Далее у Пеняжина самым задним оказался Полковник фон-Вах с частями Прикамского полка, которым он временно командовал за ранением Полковника Ефимова. У Барабаша прикрытие принял на себя Генерал

Блохин со своими казаками. (Енисейская каз. дружина под командой Ген.-майора Потанина, Сибирская каз. дружина под командой Войск. старш. Афанасьева и Сибирско-Енисейская артил. дружина — одно французское орудие под командой Подполковника Яковлева. Двух-орудийная Восточно-Сибирская артил. дружина Полковника Романовского не вошла в состав отряда Генерала Блохина и отходила с главными силами Сибказгруппы. Что касается Войск. старш. Бологова, то, как мы уже знаем, он остался с небольшим числом охотников партизанить под Ивановкой и к частям Сибказгруппы больше не присоединялся). В дальнейшем Генерала Блохина сменил Генерал Наумов со своими Оренбургскими казаками и, наконец, перед Ново-Киевском прикрытие частей Земрати принял на себя Генерал Хрущев с двумя конными дружинами.

Подробности заданий частям на первую часть этого отхода мы можем проследить по сохранившемуся приказу Генерала Молчанова № 183/пох:

«Красный Яр. 16-го октября 8 часов 30 минут.

Генералу Сахарову, Генералу Ястребцеву, Полковнику фон-Вах, Полковнику Бек-Мамедову, Полковнику Волкову.

Воевода Земской Рати для планомерного отхода приказал вверенной мне группе 18-го октября иметь арьергард в дер. Тереховка.

Ввиду отсутствия достаточного количества жилых помещений в тылу Красного Яра, приказываю:

16-го октября

1. Штабу группы, кроме оперативного, с Иманской дружиной перейти на заимку Москаленко.

2. Полковнику Бек-Мамедову со всеми батареями и Пермской дружиной выступить в 9 часов и перейти на заимку Худякова.

3. Генералу Сахарову, без Волжской конной дружины,

выступить в 12 часов и перейти на заимки и фанзы от заимки Горнок исключительно до заимки, что между Худяково и Фатьяново, включительно.

4. Полковнику фон-Вах без Пермской дружины и конной дружины выступить в 14 часов и перейти в район заимок Калугино, Андреево, Горлак.

5. Генералу Ястребцеву с Анненковской, Генерала Савельева, Волжской конной и Прикамской конной оставаться в Красном Яре и не допустить продвижения красных на юг.

6. Все громоздкие и ненужные в ближайшие дни обозы отослать сегодня же на заимку Степаненко, откуда получить продукты в Раздольном. Время выступления 10 часов. Обозы должны идти в полном порядке, имея собственное охранение. Старшим колонны назначаю Ижевской дружины Капитана Смолина. В прикрытии назначаю Инженерный дивизион с Подполковником Салковым. По пути дивизиону исправлять мосты и топкие места.

7. Я в 12 часов выеду на заимку Москаленко.

8. Донесения присылать от Штаба до Штаба, Генералу Ястребцеву до заимки Горлан, Полковнику Вах до заимки Фатьяново, Ген. Сахарову все донесения доставлять мне.

17-го октября

1. Перейти в Нежино.
2. То же.
3. Остаться на месте, заняв заимку Москаленко.
4. Перейти на заимки Липского, Ишенки, Пустовойтенко.
5. Перейти на заимки Калугина, Андреева, Горлак.
6. Перейти в Нежино.
7. Остаться на месте.
8. По старому, как и 16-го октября.

18-го октября

- 1 и 2. Пеняжино.
  3. Перейти в район заимок Мамотина, Исаева.
  4. Перейти в Нежино.
  5. Перейти в район заимок Яшенки, Нежмо (?), передав конные части по полкам.
  6. Перейти — Пеняжино.
  7. Будет сообщено дополнительно.
  8. По старому.
- № 183/пох.

П. п. Комгруппы Поволжской
Генерал-майор Молчанов
Верно: Старший адъютант Штаба
Капитан Станков».

Записная книжка автора данной книги — Поручика Филимонова, офицера Восточно - Сибирской артиллерийской дружины, — дает нам следующие данные о движении этой дружины, входившей в состав Сибказгруппы.

«17-го октября

По переправе в брод через реку Суйфун и короткого отдыха в корейской фанзе, где сбились в кучу и начальствующие лица (до Ген. Бородина включительно) и просто рядовые, ночью двинулись по меже, без дороги в поисках проселка, ведущего к Нежину. Проселок, совсем заброшенный, нашли, вышли на него и по нему двинулись к Нежину. На этом пути через Вторую речку имелся, если можно так выразиться, мост. Мне самому пришлось побывать у этого моста в ночь на 1-ое февраля 1920 года при отходе 1-го Артиллерийского Училища из Раздольного к Владивостоку. С тех пор прошло два с половиной года, но, как и тогда, так и теперь, мост был дряхл и еле-еле жив. Доски помоста с него на половину были сняты. Так за эти годы никто не потрудился его починить. Впрочем, так-же его и не разва-

www.elar-fazal.ru

лили. Черным, худым остовом стоял этот мост. Отмечу, что берега Второй речки настолько круты, а дно ее так глубоко, что думать о спуске и подъеме по ее берегам повозок и орудий не приходилось. Оставалось одно: положиться на милость Господню. Из-за наличия дыр не могло так-же быть и речи о том, чтобы кони тянули орудия. Поэтому коней выпрягли и осторожно через этот остов моста по отдельности перетаскивали на руках передки и лафеты орудий. Повозки подверглись той-же участи. Переправа через этот мост прошла для частей Сибирской каз. группы благополучно, но потребовалось много времени и лишь в 6 часов утра части группы Ген. Бородина прибыли в Нежино. Отмечу здесь, что на следующий день (или через день?) Волжская батарея вела огневой бой целую ночь у этого моста, обеспечивая переход частей Поволжской группы по этой развалине моста. Лица, читавшие книгу "На страже Родины", припомнят, возможно, что кроме этого моста большим препятствием для движения орудий 1-го Артиллерийского Училища являлся крутой подъем перед самым Нежином. Замечу тут, что этот подъем особых препятствий движению орудий, повозок и частей Сибказгруппы не оказал. После небольшого привала в Нежине части группы двинулись дальше по дороге на Пеняжино. Значительный участок дороги пролегал по низине, среди березового леса. Этот участок дороги, из-за недавно шедших дождей, основательно развезло, так как почва местами была болотиста, а местами сплошная глина. При своем движении колонна Сибказгруппы обогнала несколько автомобилей Штаба Земрати и Поволжской группы, застрявших в этой грязи. К вечеру вышли на сухой участок шоссе. Дорога поднималась все выше и выше. По сведениям в этом районе (деревня Занадворовки) имелись сильные партизанские отряды. Поэтому частям было приказано все время быть на чеку, так-как встреча с врагом была возможна каждую минуту. Местность благоприветствовала нанесению неожиданного удара. Нападения на белые части красные партизаны, однако, не произвели. Говорили,

что главный начальник партизан, — кореец по национальности, вошел в соглашение со Штабом Поволжской группы о "нейтралитете". Собственно говоря эти партизаны занимались не столько политикой, сколько захватом у местного населения опиума и затем контрабандным проносом его в пределы Китая. Большинство этих партизан были корейцами. Наступили сумерки, а затем полная темень, когда колонна Генерала Бородина еще не достигла Занадворовки. Поэтому в колонне были зажжены фонари и факелы и при их свете, по вьющейся дороге, части продолжали и закончили переход в Занадворовку. Допускали, что последняя будет все-же занята партизанами, которые дадут бой, но все обошлось мирно и в 20 часов части Генерала Бородина спокойно заняли эту деревню.

18-го октября

При прекрасной солнечной и ясной погоде, по хорошей и живописной дороге части Генерала Бородина без каких либо задержек и неприятных приключений довольно быстро совершили переход из Занадворовки в Барабаш. В последнем имелся полуразрушенный военный городок. Когда-то тут стоял русский гарнизон, ключем была жизнь, теперь — красные остовы казарм без окон и дверей. И все-же, несмотря на свой нежилой и поверженный вид, развалины этого городка в лучах осеннего солнца были милы и живы.

19-го октября

Переход в Мостовую. Дорога менее живописна, чем накануне. Погода все-же не плоха. Устали порядочно. Сама Мостовая — это только название почтовой станции и хутора. Части людей пришлось разместиться в корейских фанзах.

20-ое октября

Переход в Славянку. В последней к вечеру сосредоточилось большинство частей обеих групп (Поволжской и Сибкавказьей). В прикрытии находится Генерал Блохин. В районе Барабаш — Славянка имелось некоторое количество осевших на землю "каппелевцев". Встревоженные уходом белых войск, опасаясь репрессий со стороны красных, многие из них приходили в проходившие части за советом. Единицы присоединялись к частям, бросая свое небольшое едва начинавшее налаживаться хозяйство. Другие печально провожали родные части, но сами не решались менять Родину на Заграницу. Когда такие "каппелевцы" обращались в части за советом, то в большинстве случаев им ничего не рекомендовали: уходя с последнего клочка Русской Земли белые начальники, офицеры и солдаты жалели тех, кто бросал свой кров, уходя на полную неизвестность в чужую землю. "Если считаете, что сможете прожить, то лучше оставайтесь" — таковы были ответы вопрошавшим. Полная неопределенность будущего на чужой земле в чужой стране, конечно, волновала умы чинов Земрати. Это, однако, не вызывало какого-либо развала воинских частей. Ни грабежей, ни насилий, ни падения дисциплины в частях Генералов Молчанова и Бородина не было. Приходится отметить лишь что в "кадетской" батарее — Подполковника Гайковича группа молодых офицеров (между прочим все бывшие кадеты Омского кадетского корпуса) изъявила желание расстаться со своей частью и Армией. Отказа или препятствий в исполнении их пожелания начальством оказано не было и, распрощавшись со своими бывшими соратниками, они из Славянки на катере отбыли во Владивосток, чтобы там дожидаться прихода красных.

21-го октября

Вчера, в Славянке, погода была серая и накрапывал мелкий дождик. Сегодня погода опять была прекрасная и наша

дружина без труда совершила переход до разбросанных групп корейских фанз, носящих название Сухановки. По названию мы никак не ожидали очутиться на постое у ино-родцев. Впрочем фанзы оказались все очень чистыми и распо-ложенными в сухой и живописной гористой местности. Нашими соседями являются теперь батареи Бек-Мамедова, так-как от Славянки артиллерия выделена в отдельную ко-лонну.

22-го октября

Сегодня дневка в Сухановке. Отдыхаем, подкармливаем коней и знакомимся с бытом корейцев.

23-го октября

Переход в Зайсановку — корейскую деревушку близ Зайсановского военного городка, совершенно разграбленно-го за годы безвременья. Переход был тяжелый и неприят-ный: месили грязь. Местность в Зайсановском округе тоже неприятная — совершенно голые сопки.

24-го октября

Сделали переход в Ново-Киевск — месту нашего назна-чения. Расположились на самом краю, при входе военного городка, заняв две казармы. Некоторые наши части прибы-ли сюда еще накануне».

Во всем этом отрывке мы почти ничего не сказали о красных, но о них говорить много не приходится. Красные не нажимали и серьезно не беспокоили уходящих с родной земли своих многолетних противников. Красные следовали за белыми и их головные части порой имели столкновения с аръергардом белых. Завязывалась ружейная перестрелка, начинали стрекотать пулеметы — на этом дело обычно и

ограничивалось. Однако, раза два или три в деле принимало участие и арьбергартное орудие белых: так на Второй речке, перед Нежиным постреляла Волжская батарея, под Барабашем в дело была введена «французенка» Подполковника Яковлева и, наконец, под Славянкой пришлось еще кому-то поработать совместно с конными дружинами Генерала Хрущева.

* * *

Страшные дни, полные тревоги и боязливой суматохи, хаоса и неразберихи переживал Владивосток накануне эвакуации белых. Интеллигенция, причастная к белому движению, больше всего боялась, что в город внезапно ворвутся красные партизаны и начнется резня и грабеж.

26-го октября, согласно плана эвакуации, японцы должны были покинуть Владивосток, между тем, как мы уже знаем, транспорты для вывоза русских беженцев обещаны были Воеводе не то 22-го, не то 24-го, а «возможно и позднее». Иными словами судьба многих тысяч русских людей висела в эти дни на волоске. Возможность повторения Новороссийской или Крымской истории была весьма возможна. Но Японское Императорское Командование 20-го октября пошло навстречу просьбам Воеводы и уже 21-го октября первые партии семей белых воинов выгружались с японских транспортов в бухте Посъета. День и ночь шел перевоз беженцев из Владивостока в Посъет и, можно считать, что все или почти все желающие выехать из Владивостока были вывезены.

24-го в Посъет прибыл на кораблях Генерал Глебов со своею Дальневосточной казачьей группой, усиленной Урало-Егерским отрядом. В Посъете казаки Дальневосточной группы, имевшие коней, были высажены и, образовав отдельный отряд, присоединились к частям Земской Рати в Ново-Киевске. Остальные чины, в том числе и семьи Забайкаль-

ских казаков, с Генералом отбыли из Посъета морем на Гензан (порт в Корее). В Посъете сошел на сушу и присоединился к Штабу Земрати бывший начальник Штаба Генерала Глебова — Генер. Штаба Полковник Дубинин.

25-го октября в Посъет прибыл из Владивостока Адмирал Старк со своей флотилией. Он имел на своих судах до 7,000 человек. Не задерживаясь долго в Посъете, Адмирал Старк проследовал так-же на Гензан.

26-го октября 1922 года город Владивосток был оставлен японцами и в тот-же день занят частями Народно-Революционной Армии под командой тов. Уборевича. Красные сделали торжественный вход, спустившись к бухте Золотой Рог по Китайской улице. Прибытие их приветствовали низшие слои города.

Этим временем в Ново-Киевске скопилось все то, что осталось еще от Белого Приморья на Русской Земле — тут было до 9,000 человек и до 3,000 лошадей. Восвода находился тут-же.

Переговоры с китайскими властями города Хунчуна все еще не были закончены, так-как китайцы не знали, что им делать с этими тысячами русских. Положение этих людей было-бы несравненно тяжелее, если-бы красные части нажимали бы на белых, но этого, к счастью, не было: красные, видимо, слишком были заняты Владивостоком.

Погода между тем ухудшилась. Пошли дожди — предвестники перемены погоды. Со дня на день нужно было ждать прихода холодов.

В Ново-Киевске последовала частичная реорганизация Земрати: Железно-дорожная бригада была переформирована в полк, вся артиллерия была сведена так-же в один «Артиллерийский» полк. Командиром Железно-дорожного полка оказался бывший Командир жел.-дор. бригады — Полковник Ростовцев. Командиром Артиллерийского полка был назначен Полковник Бек-Мамедов. Что касается батарей этого последнего полка, то их оказалось семь:

		Орудия
1-ая батарея —	1-ая батарея Поволжской артил. дружины	2
2-ая »	2-ая батарея Поволжской артил. дружины	2
3-ья »	Волжская артил. дружина	2
4-ая »	Прикамская артил. дружина	2
5-ая »	Восточно-Сибирская артил. дружина	2
6-ая »	Сиб.-Енис. казачья артил. дружина.	1
7-ая »	Урало-Оренбург. казачья артил. дружина	1

На руках у Воеводы в Ново-Киевске оказалось до 700 женщин, 500 детей и до 4,000 больных и раненых. Подвижных средств для перевозки их из Ново-Киевска в Хунчун не имелось. Пришлось отдать строгий, вразумляющий приказ по частям Земрати и затем собирать среди частей подводы для перевозки этих беспомощных людей. За несколько дней до оставления Ново-Киевска женщины и дети были отправлены на Хунчун, но переезд или переход их туда оказался весьма тяжелым. Дождливая погода превратила скверные дороги в непроходимые топи. Путь был короток — всего два перехода, но колонна семей и больных потратила на переход более трех суток. Людям приходилось при этом ночевать под дождем, под открытым небом, так-как жилья, кроме редких китайских и корейских фанз, не имелось. Было много несчастных случаев с детьми, оказалось много простуженных и заболевших.

В последних числах октября китайские власти г. Хунчуна, наконец, дали свое согласие на прием русских беженцев и войск. 31-го октября артиллерия и обозы тронулись из Ново-Киевска по тракту на Хунчун. Размытая дождями и разбитая ранее шедшими по ней обозами дорога была отвратительна, к тому-же накрапывал мелкий дождик. На

ночлег остановились в малочисленных фанзах Русского Хунчуна. Ночью стал падать мокрый снег. Наступала зима.

1-го ноября артиллерия и обозы простояли на месте, так-как опять между китайскими властями и Штабом Земрати возникли переговоры по каким-то пунктам. К вечеру все было улажено и на утро следующего дня назначен переход границы со сдачей оружия.

Рано утром 2-го ноября, в холодную и сухую погоду (дожди прекратились и за ночь все лужи покрылись ледяным покровом) русские белые части подошли к границе. Первым перешел Штаб Земской Рати и положил оружие у китайских казарм, что в 4 верстах от границы. За штабом Земрати шла артиллерия. Свои шашки и винтовки офицеры и солдаты сдавали китайцам там-же у казарм, орудия-же русские батареи, теперь под конвоем китайских солдат, доставили в самый город Хунчун. За артиллерией следовали стрелковые, казачьи и кавалерийские полки. Разоруженные части проходили в Хунчунскую долину и располагались в назначенных им китайских и корейских поселках, прилежащих к Хунчуну (китайскому).

Последние белые части, если не ошибаюсь, перешли границу 3-го ноября 1922 г., ведя редкую перестрелку с головными частями красной конницы, которая, однако, особого давления не оказывала и русско-китайской границы не нарушила.

Так закончилась последняя страница вооруженной борьбы с красными главных сил Земской Рати. Отныне, в пределах России, продолжали еще находиться и вести борьбу со своим противником лишь отряд Генерал-лейтенанта Пепелева в Охотско-Якутском крае и отряд Войскового старшины Бологова в районе Никольск-Уссурийского.

Неохотно сдали белые бойцы китайцам свое оружие и весьма критически отнеслись к своему новому наименованию «беженцев» и «беженских групп», во что были переименованы воинские части приказом Генерал-лейтенанта Дитерихса. Сделано это было, видимо, под давлением китайцев.

В своей книге Генерал Петров дает следующие цифровые данные относительно состава «Хунчунской группы беженцев» на середину ноября 1922 г. (для облегчения читателя в скобках помечены прежние войсковые наименования частей):

		Женщин	Детей
Приволжская беженская группа (полк)	1,424 воен.	78	37
Прикамская беженская группа (полк)	1,612 »	130	111
Железнодорожная беженская группа (полк)	938 »	75	25
Артиллерийская беженская группа (полк)	576 »	27	14
Московская беженская группа (конный полк)	744 »	26	10
Оренбурго-Уральская беженская группа (каз. полк)	808 »	37	39
Сибирско-Енисейская беженская группа (каз. полк)	459 »	18	14
Забайкальская беженская группа (конница), высаженная в Посьете	281 »	—	—
Семьи Сибирской группы Ген. Смолина	425 инвал.	235	194
Санитарная часть	64 мужч.	6	7
Управление и Комендатура (Штаб Земрати)	203 »	20	11
Итого	7,535 »	653	461

Отметив, что в Хунчуне китайские власти и население отнеслись к неожиданным гостям весьма тепло и радушно, а так-же то, что впереди белые бойцы никакого просвета не видели, мы закончим этот отрывок.

* * *

Из Посьета флотилия Адмирала Старка в полтора десятка легких судов, сопровождаемая двумя японскими миноносцами, отправилась в воды, омывающие Корею. Флотилия проследовала в корейский порт Гензан. Тут к ней в первые-же дни стоянки присоединились три парохода, получившие еще до начала эвакуации Владивостока приказание идти на север. Предупрежденные в пути японским крейсером о занятии Владивостока красными, эти корабли повернули на юг и вышли к Гензану. Между прочим, суда «Манжур» и «Охотск», из-за неисправности и плохих машин, были приведены в Гензан на буксире.

В порт Гензан флотилия Армирала Старка вошла 2-го ноября 1922 года т. е. в тот-же день, когда главные силы Земрати переходили русско-китайскую границу у Хунчуна.

Всего в Гензане, за исключением тех, кто добрался сюда отдельно и затем выехал по своему усмотрению, собралось около 5,500 человек, из них 2,500 бывших воинских чинов (части Дальневосточной каз. группы и Урало-Егерского отряда), 1,000 человек гражданских лиц и около 2,000 человек семейств преимущественно Дальневосточной группы.

Благодаря заботам японских властей и иностранных благотворительных организаций, эта группа оказалась, по сравнению с прочими, в лучшем положении.

За переход от Посьета в Гензан на «Манжуре» двое детей умерло. На обоих кораблях («Манжур» и «Охотск»), везших главную массу женщин и детей и, за недостатком места, спавших при холодном проливном дожде на открытых палубах, был такой недостаток пресной воды, что все полторы тысячи пассажиров получали лишь по полкружки воды в день.

* * *

Войсковой старшина Бологов, испросив по начальству соответствующее разрешение, остался под Ивановкой с 5 офицерами и 36 казаками при двух пулеметах, в то время

как гарнизон этого села покинул свое насиженное место. Отметим, что из общего числа 42 человек — 25 были на конях, а остальные 17 — пешими.

Итак, с наступлением сумерок 14-го октября, Войсковой старшина Бологов со своими людьми, снявши предварительно погоны, вышел из Ивановки и направился в сторону Николаевки. Есть сведения, что своим движением Войск. старшина Бологов привлек на себя внимание красных наблюдателей, чем, возможно, способствовал отвлечению их внимания от села Ивановки, а следовательно содействовал беспрепятственному отходу из села отряда Генерала Блохина.

Под Николаевкой на глухих заимках и просто в лесу отряд выждал проход главных сил красных, после чего двинулся в их хвосте, выдавая себя за красных партизан товарища Ярошенко. Время пребывания отряда в районе Николаевки различными участниками определяется по памяти различно — от одного-двух дней до двух недель. Надо полагать все-же, что сведения последних страдают некоторым преувеличением. Так или иначе, но Войсковой старшина Бологов, не рассчитывая на успешность партизанской работы в окрестностях Ивановки, решил обосноваться в иных местах. Его выбор пал на приграничный Гродековский район, где у казаков-енисейцев имелись связи с местным казачьим населением еще по зиме 1920-21 годов и лету 1921 года. Нужно было протянуть надвигающуюся зиму, а с наступлением весны 1923 года можно было-бы снова податься на восток, в тот-же Ивановский район или еще дальше.

Выдавая себя за красных партизан, обходя стороной деревни и села, выполняя движение преимущественно ночью, а дни проводя в глухих тайниках рощ, кустов и лесов — отряд, следуя в общем потоке красных частей и выписывая различные зигзаги, прошел из под Ивановки в окрестности поселка Духовского, где одно время стоял дивизион Войскового старшины Бологова и где теперь он предполагал обосновать свою базу. Однако, прибыв сюда, мнимые красные партизаны установили, что по ряду причин создать базу

здесь не придется. Причины эти крылись равно как в перемене, если не образа мышления, то во всяком случае образа поведения местного казачьего населения, так и того печального для партизан факта, что вся приграничная полоса оказалась наводненной красной конницей, занявшей не только все поселки и деревни, но даже сколько-нибудь значительные группы китайских и корейских фанз и отдельные заимки русских. При таких условиях делать тут было нечего. Войсковой старш. Бологов решил перебраться на юг от железно-дорожной линии Никольск-Пограничная. Тут, между казачьими поселками Софье-Алексеевским и Фадеевским лежала довольно пустынная долина реки Патахезы. Белым партизанам хотелось верить, что тут им удастся обосноваться на зиму. Таким образом отряд из под Духовского двинулся опять в сторону Никольска. Дойдя до поселка Сергиевского что близ станции Хорватово, отряд в виду красных постов, пересек железно-дорож. линию и углубился в сопки, по которым и прошел за Софье-Алексеевку. Тут, почти на самой русско-китайской границе, отряд обосновался на почти недоступной сопке, кем-то названной «Партизанской».

На «Партизанской» сопке отряд продержался недели две. Выпал уже снег и начались заморозки. Денежных средств в отряде не было и доставать пропитание людям и фураж коням становилось с каждым днем труднее. Вначале дерзкие налеты казаков енисейцев на одиночные красные повозки и красноармейцев-контрабандистов легко сходили с рук, но потом, красные, видимо, пронюхали, что в горах имеется партия партизан, но не красных, а белых. Части Троицко-савского конного полка стали выслеживать людей Войскового старшины Бологова. Все это вместе взятое рисовало столь безрадостную картину, что, примерно, после 20-го ноября с общего согласия своих братьев-партизан, Войск. старшина Бологов направил двух разведчиков на ст. Пограничная. Дня через четыре те вернулись и доложили все, что узнали. Тогда отряд сделал последний налет на железно-

дорожную станцию Гродеково, а затем, быстро отскочив в сопки, зарыл все свое оружие (винтовки и пулеметы) в горах на русской территории и отошел на китайскую землю. Так, в двадцатых числах ноября месяца 1922 года отряд Войскового старшины Бологова закончил свою походно-боевую страду. Отметим, что за все это время отряд потерял лишь одного убитого и одного раненым. Обе эти потери относятся ко времени нахождения отряда на «Партизанской» сопке.

Дав этот общий очерк движения, существования и работы партизанского отряда Войскового старшины Бологова, мы считаем небезинтересным привести еще подробности, которые более выукло представят читателю ту обстановку, в которой ежедневно пребывали отрядники и которая оказала решающее действие в вопросе партизанской работы и самого существования отряда.

Начнем с того, что при начале своего существования отряд насчитывал 25 конных и 17 пеших. Этим 17 пешим пришлось добывать и коней и седла от красных отдельных всадников и их разъездов. В таком деле нужна была и большая ловкость и сметка и просто, наконец, счастье. Удача сопутствовала мнимым красным партизанам и в самые первые дни все отрядники были на конях.

Движение мнимого красного партизанского отряда в общем потоке красных колонн было сопряжено и с незаурядной выдержкой, большим риском и, если можно так выразиться, то и наглостью. Не один раз отрядники Бологова подъезжали к повозкам красного обоза и нахально забирали с них хлеб и другие продукты по «приказу товарища такого-то». Необыкновенное везенье было белым и тут — все их «номера» благополучно сошли с рук. Наиболее интересным и опасным эпизодом явилась встреча отряда с красными под Дубками. Вот как описывают эту встречу ее участники:

— «К Дубкам наш отряд подошел уже в глубоких сумерках, если не в темноте. По дороге, не доходя Дубков, наша застава нарвалась на красный разъезд. Красные окликнули

наших, наши отозвались, что "свои". На вопрос о пропуске, дали уклончивый ответ. Как-бы там ни было, но особого подозрения у красных наш отряд не возбудил. Мы узнали, что в Дубках находится порядочно красных. Есть и конница и артиллерия и пехота. Войсковой старшина Бологов решил не идти в Дубки, но отойти куда-либо в сторону. Однако, поворачивать назад было нельзя. Некоторое время мы продолжали идти в сторону Дубков. Они оказались совсем близко, когда мы свернули в сторону и прошли в кусты. Впереди была деревня, залитая огнем костров и наполненная шумом отдыхающих войск. Нашего присутствия они не обнаружили. Но для нас хуже всего было то, что дорогу преграждала обширная болотистая полоса, перебраться через которую благополучно не было возможности. Единственный путь — это дорога, проходящая вдоль плетня околицы Дубков. Высылать в потемках разведчиков не представлялось возможным, ибо они легко могли-бы наткнуться на красные посты и тогда нам пришлось бы худо. Поэтому Войск. ст. Бологов решил провести ночь и следующий день под самыми Дубками в укромном уголке, надеясь на то, что утром красные покинут деревню.

Под самыми Дубками, в яру в небольшой рощице расположились наши отрядники. Прямо перед нами был обрывчик, под ним какая-то речка, а там и сама деревня. Ночь прошла спокойно. Когда стало рассветать мы увидели, что наша рощица одиноко торчит на голом поле, да к тому-же и рощица навелика и невысока. Правда, коней она укрывала, но стоит только сесть на коня, или лучше того встать на седло — вся деревня как на ладони. Сидим мы в рощице, а красноармейцы один за другим так и валят к речке — моются, поят коней. По всем данным — тут у них дневка. Вот, смотрим, потянулась из деревни колонна в сторону Галенок, но все равно в деревне тьма войск. Красноармейцы между тем и за речку стали лазить, в нашу рощицу по своим делам бегают. Дело скверно. Правда нас пока они не заметили, но не ровен час. Что за люди под деревней в кустах сидят?

У них и конница и пехота и артиллерия, у нас сорок человек, да вокруг голое поле. Войск. старшина Бологов собрал военный совет. Каждый выражал свое мнение, что делать — уходить из кустов при белом свете или на авось надеяться. Большинство, пожалуй, склонялось к тому, чтобы сидеть в кустах и "у моря ждать погоды". Выслушал Бологов все мнения, а потом и говорит: "Ну, Вы высказали свои мнения, а теперь разрешите мне приказать. По коням". Дисциплина у казаков-енисейцев была тогда хорошая: никто не стал перечить. Сели на коней и прямо из кустов на дорогу и к Дубкам. Красноармейцы, некоторые, глаза выпучили — откуда вдруг колонна в кустах выросла. Едем мы в порядке, спокойно, да к тому же к деревне набитой "защитниками революции и пролетариев". Проехали вдоль илетня к большой дороге, а тут, как раз, большая колонна красных вытягивается. Поехали мы параллельно дороге, рядом с красными, а они марш "Стеньки Разина" дуют. Едем молча, степенно. Конечно, нервы напряжены. Ну, а потом стали постепенно в сторону брать, как ни в чем не бывало. Так постепенно и отошли от них. Бог нас хранил».

Много эпизодов такого-же рода, но не таких уж ярких, можно привести из партизанских «приключений» отряда, но мы не будем загромождать книгу и ограничимся тем, что дадим некоторые детали нападения партизан на жел. дор. станцию Гродеково. Дело было так: Станция Гродеково лежит под сопкой, поросшей лесом. Никаких построек на сопке нет, лишь ее пересекает дорога на поселок Софье-Алексеевский. Сам-же поселок Гродековский лежит на равнине по другую сторону железно-дорожного полотна. В опысываемое время в этом поселке располагалась красная батарея и еще какая-то пехотная часть. Отрядники Бологова пробрались на сопку и с нее открыли огонь по станции и поселку. Было это сделано среди белого дня. Какой поднялся там переполох... Забегали артиллеристы, пехота стала разворачиваться в цепи, а наши партизаны постреляли и кустами ушли

прочь. Напрасно рвались шрапнели красных над опустелой сопкой.

Что касается времени нахождения отряда на «Партизанской» сопке, то тут белым приходилось иметь дело не только с контрабандистами-красноармейцами, но так-же и с китайскими хунхузами, чинившими не мало хлопот отряду Войскового старшины Бологова.

* * *

Когда успех в Южном Приморье явно склонился в сторону большевиков, то Штабу Земской Рати стало не до Амурской Военной Организации. В адрес этой организации так и не поступили те 30,000, которые были обещаны Воеводой и о которых он телеграфировал Генералу Сычеву: «В Ваш адрес будет переведено 30,000». Вместо этих 30,000 в самые последние дни существования Белой Власти во Владивостоке, представителю Амурской Военной Организации, Генералу Вертопрахову, было предложено получить 5,000, но Генерал их так и не получил.

Таким образом, в связи с агонией Приамурской Власти, Амурская Военная Организация должна была прекратить свои действия, почему Есаулу Рязанцеву было послано соответствующее распоряжение. Отряды А. В. О. скрытно перешли вновь вполне благополучно границу Китая и были распущены. Оставшихся денег еле хватило на покрытие самых насущных нужд чинов отрядов.

В отчете Архива А. В. О. дословно пишется о конце работы организации так:

«Газета "Амурская Правда", признавая факт "сильнейшего развития белобандитизма в Амурской области", писала, что "только благодаря падению Приморской власти и высаженным несколькими эшалонам удалось справиться с разрастающейся Белой угрозой". Этим красная газета сознается, что организационная "тройка", во главе с начальником

www.elar-kazak.ru

гарнизона, для борьбы с Амурской Военной Организацией, справиться с организацией не смогла-бы, а мы со своей стороны скажем, что только отсутствие достаточных средств, хотя бы тех, которые были выданы единовременно Брагину, не дали возможности А. В. О. развернуть свою работу в полном масштабе и принести ту громадную пользу всему делу борьбы на Востоке, которую она могла и способна была произвести.

Остатки Амурской Военной Организации сыграли еще большую роль в последовавшем в 1924 году "Зазейском" восстании, но об этом скажем в другой раз.

Как Амурская Военная Организация Генерала Сычева, так и Забайкальская — Генерала Шильникова создались и поддерживались исключительно энергией и волей этих двух генералов. Как Временное Правительство братьев Меркуловых, так и Воевода Земской Рати не оценили всего значения этих организаций и не оказали им своевременно поддержки. Особенно это надо сказать об Амурской В. О., подорванной к тому же и провокационной работой Брагина.

Приамурское Правительство свою ставку сделало исключительно на Армию. Тыловой работе придавалось очень мало значения, в то время, когда лишь эта работа, хорошо организованная и снабженная всеми средствами борьбы, только и могла дать перевес над красными полчищами, выдвигаемыми на фронт и вырвать победу из красных рук, хотя бы в краевом масштабе, так как против Белой Армии в те времена большевики имели полную возможность выдвинуть превосходные силы. Только тыловая работа и могла помешать успеху этих сил, дезорганизуя тыл, к чему, как показывает работа А. В. О., была в то время полная возможность. Конечно, прежде всего надо было изменить политику Правительства, как в отношении к Китаю, так и особенно к Японии. Без помощи последней вообще никакая победа не была-бы прочной, но можно теперь наверняка сказать, что даже малая победа, хотя-бы в масштабе Приморской и Амурской областей, помогла-бы скорее наладить отношения

с той-же Японией и поставить эти отношения в надлежащее, желательное России и Японии дружественное русло. Но этого высшие белые руководители Приморья или не желали или не сумели сделать».

Приведя этот отрывок из документов Амурской Военной Организации, мы вовсе не хотим сказать, что разделяем выраженные в нем взгляды, но привели его, как показатель настроений в одной из содействовавших Земской Рати организаций. К сожалению на документе нет указаний о времени его составления, равно как нет указания на его автора. Возможно, что этот документ был составлен в 1926 — 30 годах, тогда его ценность как показателя настроений 1922 года, значительно падает. К сожалению никаких иных документов Амурской Военной Организации, проливающих ясный свет на деятельность ее отрядов в описываемое время я не получил.

* * *

Описав отход четырех групп (ратей) из Приморья, осветив приключения партизанского отряда Войск. старш. Бологова и коснувшись работы Амурской Военной Организации Генерала Сычева, для полноты всей картины борьбы Белых с Красными в этот год на Дальнем Востоке, еще следовало бы дать описание боевых действий Сибирской добровольческой дружины Генерал-лейтенанта Пепеляева в Охотском и Якутском краях за время с сентября 1922 года по осень 1923 года, но делать этого мы не будем, а отошлем читателя к прекрасной и полной книге Генерал-майора Е. К. Вишневого — «Аргонавты белой мечты», изданной в Харбине в 1933 г.

Памятник 12-ти чинам Первой Стрелковой бригады (Глудкинской), которые пытались заняться торговлей в рознос внутри Китая и были зверски убиты китайцами во время смуты 1927 г. (Печальный конец боевой службы)

Похороны Ген. Лебедева в Шанхае. В центре автор книги Б. Б. Филимонов (держит венок из цветов)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Автор книги Борис Борисович Поручик Филимонов не имел в своем распоряжении советских изданий, в которых описываются как бои за овладение Ивановкой, так и предыдущие бои и события во время Хабаровского Похода.

В настоящее время на рынке появилась серия книг, описывающих эти бои. Исключительно с целью восстановить историческую правду о событиях 50-летней давности, мы приводим выдержки из этих книг и сравниваем их с показаниями Б. Б. Филимонова.

Б. Л. Беляев. «Дальневосточный Перекоп». Военное Издательство Министерства Обороны Союза ССР. Москва 1961 г. Стр. 78 — В. К. Блюхер так характеризовал побежденного врага: «Состояние частей противника, несмотря на понесенное поражение и быстрый отход, нельзя сказать, чтобы было очень плохое. Дерутся отлично, спяны прекрасно... Снабжены хорошо, кормятся отлично, подготовка их прекрасная. Управление войсками доведено до высшей степени совершенства, маневрирование можно назвать прекрасным».

С. Н. Шишкин. «Гражданская война на Дальнем Востоке». Военное Издательство Министерства Обороны Союза ССР. Москва 1957 г. На стр. 244 дается следующий состав Сибирской казачьей группы Генерала Бородина: — 505 штыков, 410 сабель, 9 пулеметов, 2 орудия.

Б. Б. Филимонов — Часть Вторая, Глава 1-ая дает следующий состав этой группы: — 588 штыков, 545 сабель и

4 орудия. Всего 1230 воинских чинов. Из них постоянный гарнизон села Ивановки составляли:

Енисейская дружина — 70 штыков и 40 сабель.

Сибирская дружина — 80 штыков и 55 сабель.

Восточно-Сибирская дружина — 64 чина и 2 орудия. Всего 309 чинов. Этот состав не увеличивался во время боев за Ивановку 17-го сентября, 4-го и 8-го октября 1922 года.

В. П. Голионко. «В огне борьбы». (Из истории гражданской войны 1918-1922 г. г. на Дальнем Востоке) Государственное Издательство Политической Литературы. Москва 1958 г. Стр. 270 — «На Анучино в конце сентября 1922 года была брошена сибирская казачья группа генерала Бородина. Вместе с ней наступали пехотные части насчитывающие до 1000 штыков и располагавшие двумя орудиями. Партизаны медленно отходили. Но в 7 километрах от Анучина они дали белогвардейцам бой и разбили их на голову».

Б. Б. Филимонов по этому поводу пишет: «Не испытывая ни малейшего давления со стороны красных и даже не преследуемая ими, Сибказрать быстро двигалась от Орловки назад по долине реки Сандучана к Мещанке и далее к Ивановке». Пехота, о которой упоминается в книге Голионко — Отряд Полковника Аргунова 600-800 штыков и 2 орудия с Сибирской казачьей группой не шел и участия в бою под Анучино не принимал.

Голионко. Стр. 274 — «8-го октября партизаны трижды атаковывали белых в Ивановке. В этих боях они потеряли много убитыми и ранеными. Партизаны сковывали силы противника в Никольск-Уссурийске, Осиповке, Ивановке и Монастырище. Только в одной Ивановке белые держали более тысячи штыков и сабель при двух трехдюймовых орудиях, минометах, гранатометах и станковых и ручных пулеметах». Как читатель знает в Ивановке было менее 300 человек (принимая во внимание потери в предыдущих боях). Минометов и гранатометов не было.

И. Я. Мелехин. «Таежными тропами». Воспоминания участника гражданской войны на Дальнем Востоке. Издатель-

ство «Прапор» Харьков 1968 год. Стр. 271 — «Упорные бои вторично развернулись у деревни Ивановка, в которой располагался усиленный гарнизон противника 1000-1200 солдат и офицеров. Ивановка была сильно укреплена. Вокруг нее возвели земляные валы с блиндажами и пулеметными гнездами, подступы к деревне белые опустали проволочными заграждениями». На стр. 272 — «Преодолев препятствия, бойцы ударили в штыки. Белые не выдержали натиска, стали отступать. Ивановка была нами занята окончательно. До этого боя деревня несколько раз переходила из рук в руки». Тут трудно удержаться от старой русской поговорки: «врет как очевидец». Ивановка за все бои ни разу не переходила в руки красных. Гарнизон ее ни разу не был свыше 300 человек и занята Ивановка была после того как вечером 13-го октября, без боя, спокойно, гарнизон белых оставил село, о чем и повествует Б. Б. Филимонов. А на стр. 262 книги Мелехина занесено: «В Ивановке окопался гарнизон белых общей численностью свыше 1600 солдат и офицеров, с артиллерией из 4 орудий».

К сожалению подобных неточностей в перечисленных книгах много.

* * *

Из чинов Восточно-Сибирской артиллерийской дружины, участников боев под Ивановкой остаются в живых:

Капитан В. А. Покровский, Поручик А. А. Прокофьев, Поручик Е. А. Леонтьев и младший фейерверкер-наводчик второго т. наз. «солдатского орудия» — В. П. Камкин.

VICTOR KAMKIN, Inc.

Publishers • Booksellers

12224 Parklawn Drive — Rockville, MD. 20852

ИЗДАНИЯ НАШЕГО КНИЖНОГО МАГАЗИНА

1. АВЕРЧЕНКО Аркадий — Избранное. Рассказы. Издание РАСПРОДАНО.
2. АДАМОВИЧ Георгий — Комментарии. Наследство Блока. Поэзия и эмиграция. Невозможность поэзии. 208 стр. 3.00
3. АЛЬТШУЛЛЕР Г. — Дело Тверитинова, истор. роман. Книга 1. 294 стр. 3.25
4. — То же. Книга 2. 316 стр. 3.25
5. БУТКОВ В. — Творчество М.Ю.Лермонтова (Расширенный доклад, прочитанный в нашем магазине). 80 стр. 1.50
6. ВРАНГЕЛЬ Л. баронесса — Воспоминания и стародавние времена. Издание РАСПРОДАНО.
7. ВЕРТИНСКИЙ Александр — Песни и стихи. Издание РАСПРОДАНО.
8. ГЕРШЕНЗОН, М. — Социально-политические взгляды А.И.Герцена. 32 стр. 1.00
9. ГРИГОРЬЕВ АПОЛЛОН — Собрание сочинений, под ред. В.Ф.Саводника. Вып. 11. О национальном значении творчества А.Н.Островского. (Две статьи). Переиздано нашим магазином с издания Братьев Башмаковых, М. 1915. 61 стр. 1.00
10. ГУМИЛЕВ Н.С. — Собрание сочинений, в 4 тт. под ред. проф. Г.П.Струве и Б.А.Филиппова. Том 1 — РАСПРОДАНО.
11. — То же. Том 2 — Стихи 1916-1921 гг. и стихи разных лет. (Костер. Огненный столп. Шатер. Фарфоровый павильон. Поэмы.) 7.50
12. — То же. Том 3 — Драматические произведения (Дон-Жуан в Египте. Актеон. Игра. Гондла. Дитя Алаха. Отравленная туника и стихи разных лет). Вступит. статья проф. М.Сечкарева. 7.50
13. — То же. Том 4 — Рассказы, очерки, литературно-критические и другие статьи. «Записки кавалериста». Вступительная статья В.В.Вейдле. 8.00

14.	ЕФРЕМОВ В.Н. — Очерки по истории русской литературы XIX в. 351 стр.	4.00
15.	ИВАНОВ В. и ГЕРШЕНЗОН М. — Переписка из двух углов. Издание РАСПРОДАНО.	
16.	ИВАСК Ю. — Хвала. Стихи. 61 стр.	1.50
17.	КАНЕВСКИЙ Д. — На Запад, повесть. 178 стр.	2.00
18.	КЛИМОВ Е. — Русские женщины по изображениям русских художни- ков. (Доклад, прочитанный в Джорджтаунском университете, по при- глашению нашего магазина). 35 стр. с иллюстр.	1.00
19.	КОРВИН-ЛЮТОВСКИЙ В. — Поздний гость. Стихи. Том I. 234 стр.	3.50
20.	— Том 2 — Поэмы, драматич. поэмы. 271 стр.	3.50
21.	КТОРОВА Алла — Лицо Жар-Птицы (Очерки неоконченного антиро- мана). 213 стр.	3.00
22.	КОРН Давид — Русский глагол. С предисловием проф. Д.Д.Григорьева. (С русско-англ. и англо-русским словарем). Более 3.000 глаголов. 277 стр.	4.50
23.	КУЗНЕЦОВА Галина — Грасский дневник (О И.А.Бунине). 315 стр.	4.50
24.	ЛАХМАН Гизелла — Зеркала. 2-ая книга стихов. 74 стр.	1.50
25.	ЛЕГКАЯ Иранда — Попутный ветер. Стихи. 61 стр.	2.00
26.	ЛУКАШ Иван — Бедная любовь Мусоргского, роман. 193 стр.	3.00
27.	МОРТ Виктор — Хэппи энд (невыведанные рассказы). 185 стр.	3.00
28.	МОРШЕН Николай — Двуеточие. Стихи. 70 стр.	1.75
29.	ОДОЕВЦЕВА Ирина — На берегах Невы. Воспоминания. (Н.Гумилев, В.Иванов, Ф.Сологуб, А.Ф.Кони и др.)	7.50
30.	ПЕТРОВ В.П. — Албазицы в Китае. Историческая справка. 45 стр.	0.50
31.	— Китайские рассказы. 58 стр.	1.00
32.	— Российская Духовная Миссия в Китае (Расширенный доклад, про- читанный в нашем магазине). 96 стр.	2.00
33.	— Сага форта Росс. Историч. роман, кн. 1. 190 стр.	1.85
34.	— То же. Книга 2. 182 стр.	1.85
35.	РОБСМАН Виктор — Рассказы и очерки. С предисловием др. В.В.Гзов- ского. 148 стр.	1.50
36.	СЕВЕРЯНИН Игорь — Собрание поэм в 4 томах Переиздание. Том 1 — Громокипящий кубок. 202 стр.	2.50
37.	— » 2 — Златолира. 215 стр.	2.50
38.	— » 3 — Апанасы в шампанском. 147 стр.	1.75
39.	— » 4 — 147 стр.	1.75
40.	СЕЛЕГЕНЬ Галина — Прехитрая вязь. (Символизм в русской прозе: «Мелкий бес» Федора Сологуба). 222 стр.	3.00
41.	СОДРУЖЕСТВО. Из современной поэзии Русского Зарубежья. Сборник, в который вошли стихотворения 75 эмигрантских поэтов. С отделом «Поэты о себе». 559 стр. (в твердом перепл.).	5.00 6.00
42.	СОЛОВЬЕВ Всеволод — Хроника четырех поколений. Историч. романы. — Сергей Горбатов, кн. 1. 329 стр.	2.25
43.	— То же, » 2. 258 »	2.25

44.	— Вольтерьянец,	» 1. 251 »	2.50
45.	— То же,	» 2. 244 »	2.50
46.	— Старый Дом,	» 1. 254 »	3.00
47.	— То же,	» 2. 268 »	3.00
48.	— Изгнанник,	» 1. 251 »	3.00
49.	— То же,	» 2. 244 »	3.00
50.	— Последние Горбатовы,	» 1. 174 »	2.50
51.	— То же,	» 2. 276 »	3.00
52.	СОЛОГУВ Федор — Одна любовь. Стихи. 54 стр.		1.00
53.	СТОЛЕТНЯЯ ГОДОВЩИНА ПРИХОДА РУССКИХ ЭСКАДР В США. Статьи: В.П.Петрова, А.Г.Тарсандзе, А. Долгополова. 84 стр. с иллюстр.		1.50
54.	ТЕРАШАНО Юрий — Избранные стихи. 110 стр.		1.50
55.	УЛЬЯНОВ Николай — Северный Тальма. К 150-летию взятия русскими войсками Париза в 1814 г. (Доклад, прочитанный в нашем магазине). 32 стр.		1.00
56.	ФЕДОРОВА Нина — Жизнь, роман в 3 книгах. Кн. 1. 204 стр.		2.50
57.	— То же,	» 2. 217 »	2.50
58.	— То же,	» 3. 243 »	2.50
59.	ФЕСЕНКО Т. — Глазами туриста. Европейские впечатления. 142 стр.		2.00
60.	ФИЛИПОВ Б.А. — Кресты и перекрестки. Очерки и рассказы. 160 стр.		1.50
61.	ПИПОВНИКОВ М. — Из чаши промелькнувших лет. Стихи. 66 стр.		2.00
62.	— Почти автобиография. Стихи. 70 стр.		2.00

ИЗДАНИЯ, ПЕРЕШЕДШИЕ В СОБСТВЕННОСТЬ НАШЕГО МАГАЗИНА

63.	БЕРТЕНСОН С. — Вокруг искусства. Холливуд. 1957. 413 стр.		3.00
64.	ТИМИРЕВ С.Н. — Воспоминания морского офицера. Балтийский флот во время войны и революции 1914-1918. Нью-Йорк. 172 стр.		3.00
65.	ЧЕРНОВ А. (составитель) — Народные русские песни и романсы, собранные и изданные А.Черновым, в 2 томах. С нотами начальных мотивов песен. Красивый переплет с тиснением. 2 тома.		7.00

НОВИНКИ НАШЕГО ИЗДАНИЯ

66.	ЗЛОБИН В. — Тяжелая душа (О З.Гиппиус). 140 стр.		2.50
67.	МИЦЛОВ С.Р. — Святые озера. 100 стр.		1.50

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

Полковник А.ЕФРЕМОВ — Ижевцы и Воткинцы. (Описание боевых действий Ижевцев и Воткинцев от начала восстания в 1918 году до ухода в Китай в октябре 1922 года).

В книге Конец Белого Приморья много неточностей, которые не меняют хотя бы даже небольшую историческую эту книги, как , скажем справочника.

Наша уфимская батарея была прикомандирована в селе Ивановка к енисейцам и сибирякам. Наступали мы на Анучино с Оренбургским "корпусом".

Мое орудие попало в мертвое пространство, нам трудно было стрелять т.к. неизвестно, где были орудия красных. Им же наше орудие было хорошо видно. При закате солнца , даже при выбитых стеклах у избы, перед которой стояло наше орудие, при наших выстрелах было трудно различить выстрел это или ответ/ кровавый/. Я был тогда учеником 7-го класса реального училища и для меня было лестно, когда под вечер генерал Бородин подъехал к моему орудю, поблагодарил номеров, а мне , не слезая с коня, крепко подал руку.

Наш командир полк. Рома овский, выпускника Михайловского артил. училища в год моего рождения-сидел на одно из сопок и корректировал стрельбу.

Третий бой под Ивановкой начался просто-прискакал разъезд енисейцев, сообщил мне/ я был дежурным фейерверкером по батарее/ что идет видимо не видимо пехота просто по дороге. Наступал Амурский отряд особого назначения пехота-1200 штук/ по советским источникам/. Они хотели через нас перешагнуть-но не удалось. Увезли 200 подвод с ранеными и вытащенными из боя убитыми. Много было пленных. Мое орудие стояло на открытой позиции -без прикрытия и пехота шла прямо на пушку. Стреляли вдвоем я и татарин Шагмундинов- был такой огонь- меня спасал только щит. Второй номер был убит.
Извините за многословие!

Ваш

Это письмо 3/11/71.

Кашкин.

Машин